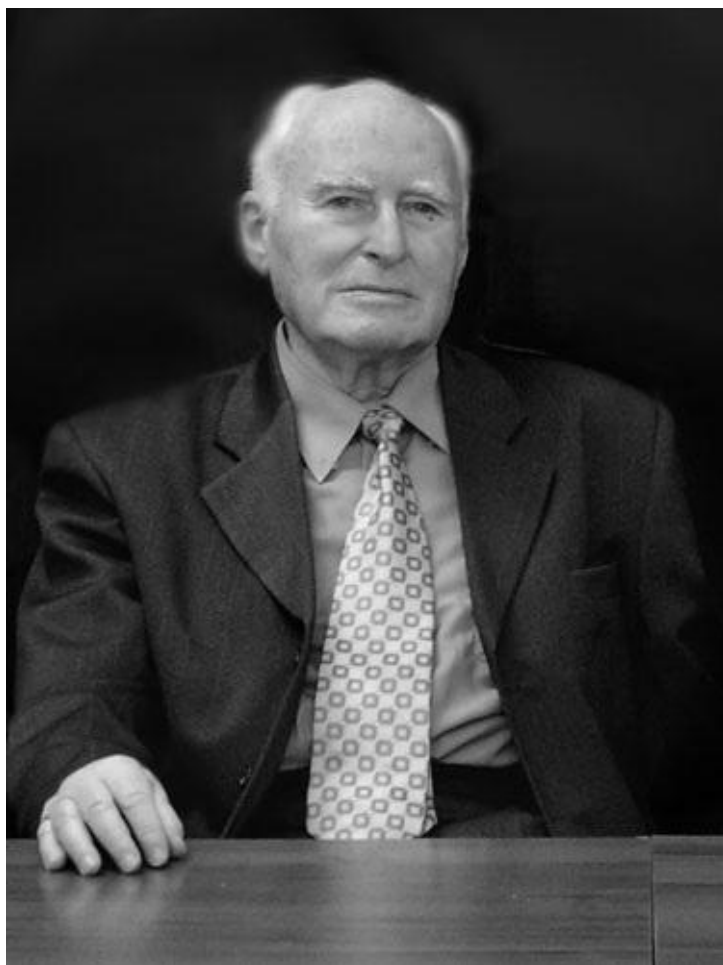

**ВЫДАЮЩЕМУСЯ УЧЕНОМУ, ПРОФЕССОРУ
АНДРЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДУЛОВУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...**

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра криминалистики**

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 95-летию со дня рождения
заслуженного деятеля науки Республики Беларусь
доктора юридических наук, профессора
Андрея Васильевича Дулова**

Минск, 25 октября 2019 г.

**Минск
БГУ
2019**

УДК 343.98(06)
ББК 67.52я431
К65

Редакционная коллегия:

В. Б. Шабанов (отв. ред.),
А. А. Абдурахманов, И. Р. Веренчиков,
В. С. Красиков, Е. П. Орехова, Г. А. Шумак

К65 **Концептуальные** основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 335 с.

ISBN 978-985-566-806-1.

Включены труды белорусских и зарубежных ученых, представленные на международной научно-практической конференции «Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика», посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь доктора юридических наук, профессора А. В. Дулова. Показан вклад А. В. Дулова в развитие белорусской криминалистической науки, а также анализируются современные проблемы криминалистической науки во взаимосвязи с практической деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений.

УДК 343.98(06)
ББК 67.52я431

ISBN 978-985-566-806-1

© БГУ, 2019

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДУЛОВ: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Андрей Васильевич Дулов – основатель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, советский и белорусский ученый-криминалист и судебный психолог, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, Заслуженный работник БГУ, лауреат премии имени В. И. Пичеты, лауреат высшей юридической премии «Фемида», участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми и трудовыми орденами и медалями СССР и Республики Беларусь, наградами Правительства Республики Беларусь, государственных органов и общественных объединений, медалью Российского отделения ЮНЕСКО «За заслуги в развитии криминалистики». И это еще не весь перечень заслуг и наград Андрея Васильевича, который внес значительный вклад в развитие криминалистической науки.

Андрей Васильевич Дулов родился 21 октября 1924 г. в Ленинграде. Являясь старшим сыном в семье, был вынужден по окончании семилетки пойти работать электромонтером на завод «Красная заря» – надо было помогать родителям поднимать младших ребятшек. Чтобы не забрасывать учебу, поступил в вечернюю школу.

22 июня 1941 г. Андрея Васильевича, бригадира комсомольско-молодежной бригады, направили за город, где возводился заводской дом отдыха, в котором нужно было провести электричество. Вернувшись вечером домой, едва переступив порог квартиры, он услышал от родных страшное известие о войне. Великая Отечественная война прервала его едва начавшийся трудовой путь.

Несмотря на то, что Андрею было 17 лет, он сумел найти веские аргументы, которые убедили военкома в необходимости отправить его на фронт. Одним из таких аргументов было то, что он окончил курсы ДОСААФ и свободно управлялся с пулеметом «Максим». В июле 1941 г. Андрей ушел воевать.

Андрей Васильевич участвовал в обороне Ленинграда, был командиром пулеметного отделения. В конце 1941 г. в одном из боев он получил тяжелейшее ранение в руку. Его направили в госпиталь, где после ему были вынуждены ампутировать руку. Андрей Васильевич был демобилизован из Красной армии. За участие в боях был награжден Орденами Отечественной войны I и II степени, многочисленными медалями.

Для восстановления здоровья А. В. Дулов направился в Ярославль, где в эвакуации находился его отец. Там, вопреки родительским пожеланиям связать дальнейшую жизнь с историей, он поступил в среднюю юридическую школу.

В 1944 г. Андрей Васильевич, благодаря чудом уцелевшей в блокадном Ленинграде тете, которая сделала вызов племяннику (в то время без официального приглашения близких родственников желание жить в Ленинграде становилось несбыточным), вернулся в родной город на Неве.

В Ленинграде А. В. Дулов начал работать народным следователем прокуратуры Ленинского района, а через два года стал старшим следователем городской прокуратуры. Он представлял Ленинград на совещаниях лучших следователей Советского Союза. За профессиональные успехи был награжден Почетной грамотой Генерального прокурора СССР.

В 1949–1950 гг. Андрей Васильевич работал в Генеральной прокуратуре Советского Союза, параллельно обучался во Всесоюзном юридическом заочном институте, который блестяще окончил в 1950 г. Уже в то время тяга к научным исследованиям начинает проявляться в первых статьях А. В. Дулова, опубликованных в сборнике «Следственная практика». Обобщение личного опыта расследования дел различных категорий выливается в публикации и выступлениях на конференциях о роли и значимости применения судебных экспертиз в уголовном процессе.

Вскоре Андрея Васильевича пригласили преподавать в следственную школу Прокуратуры СССР, созданную в Ленинграде. Он успевал все – и в прокуратуре трудиться, и преподавать, и учиться в аспирантуре на кафедре уголовного процесса и криминалистики Ленинградского юридического института, и участвовать в конференциях, и писать научные работы.

В 1955 г. Андрей Васильевич успешно защищает диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук по теме «Экспертиза на предварительном следствии». Спустя три года ему предложили занять должность доцента кафедры уголовного права и процесса Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Немного поразмыслив, Андрей Васильевич уехал в Минск, окончательно решив посвятить себя юридической науке. С этого времени, т. е. с 1958 г., вся его личная, трудовая, творческая жизнь неразрывно связана с Беларусью и Белорусским государственным университетом, ставшим для него вторым домом.

Многогранная деятельность А. В. Дулова проникнута заботой о развитии криминалистической науки и подготовкой в первую очередь мыслящих и всесторонне развитых специалистов в области права. Смело и настойчиво опровергая рутину в научных исследованиях, А. В. Дулов создает новые направления в криминалистике, развивает передовые теории и концепции, чем заслуженно приобретает научный авторитет и всеобщее признание как новатор, реформатор криминалистической науки. В возрасте 41 года, через 10 лет после защиты кандидатской диссертации, он защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Проблемы теории судебной экспертизы», в основе которой четыре крупные монографические исследования, более 70 авторских статей, явившихся предпосылками к формированию общей теории криминалистики, созданию того, что сейчас можно по праву назвать научной школой профессора А. В. Дулова. В 1966 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Широта научных взглядов, во многом опередивших свое время, глубина изучения проблем, взвешенность и аргументированность – вот основные характеристики его научной деятельности. Уже тогда он становится генератором идей, вдохновителем для многих своих университетских коллег, подлинным наставником для студентов и учеников. А. В. Дулов не только успешный ученый, но и талантливый организатор. Именно его стараниями в 1972 г. создана кафедра криминалистики Белорусского государственного университета – коллектив единомышленников и слаженная команда, интенсивной методической, преподавательской и научной работой которой на протяжении 18 лет умело управлял профессор А. В. Дулов. С самого начала работы кафедры учебные занятия (в особенности лабораторные) обеспечивались лабораторией криминалистики. Первый профессорско-преподавательский состав кафедры: доктор юридических наук, профессор А. В. Дулов (заведующий кафедрой), кандидаты юридических наук, доценты кафедры Н. Н. Гапанович и В. П. Томилина. Работая на кафедре и проводя диссертационные исследования под руководством Андрея Васильевича, успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук А. И. Костров, И. А. Матусевич, Ю. И. Ревтов, Г. Г. Шиханцов, Г. А. Шумак. На юридическом факультете впервые в СССР, благодаря А. В. Дулову, был введен учебный курс «Судебная психология», который читал непосредственно Андрей Васильевич. Изданное дважды в 1970 и 1975 гг. учебное пособие «Судебная психология» получило массу восторженных отзывов, и только в зарубежных странах на него было опубликовано 16 рецензий.

Под руководством Андрея Васильевича защищали диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук большая часть преподавателей кафедры криминалистики, что еще раз указывает на то, что на кафедре криминалистики усилиями А. В. Дулова была создана целая научная школа криминалистики.

Использование системно-структурного подхода позволило сформировать несколько новых направлений в теории и практике криминалистики, что проявилось при разработке и формировании теории криминалистического изучения преступления. Андрей Васильевич сосредоточился на том, что до него никто не делал. Он отметил, что из большого числа закономерностей, которые должна изучать криминалистика, выпадает важнейшее звено – само преступление. Так родилась идея о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления. Криминалистическая структура преступления – разработка школы профессора А. В. Дулова, поставившая под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер понятия криминалистической характеристики преступлений, значительное время доминировавшего в отечественной науке.

Еще одним направлением в криминалистике, созданным на основе применения системного подхода, является вывод о том, что следственные действия недостаточно изучать каждое в отдельности. Будучи средствами тактических задач расследования, они применяются в определенных комплексах. Наличие самостоятельного тактического средства расследования преступлений – тактических операций, разработка которых способна внести существенный вклад в процесс совершенствования предварительного расследования, есть еще одно достижение научной школы под руководством А. В. Дулова. В деятельности многих государственных структур и институтов, не занимающихся непосредственно расследованием преступлений, имеется криминалистическая составляющая. Ряд государственных органов в той или иной мере выявляют нарушения законов, в том числе и преступления. Должностные лица должны обладать знаниями о системе признаков преступлений, совершаемых в сфере их деятельности, уметь отличать случайные признаки от закономерных, оценивать их значение, обеспечивать сохранность будущих доказательств, знать и применять положения криминалистической тактики. Все это относится к сфере криминалистики. Никакая другая наука не дает теоретического обоснования и практических рекомендаций по осуществлению этих функций. Такое расширение границ при изучении криминалистической деятельности позволило на более прочной научной основе подойти к решению многих проблем криминали-

стики. Стало возможным шире рассмотреть проблему криминалистической профилактики. Этот тезис был последовательно развит А. В. Дуловым и его учениками в своих работах.

Предметом самостоятельных диссертационных исследований, осуществленных под руководством профессора А. В. Дулова, были методы психологического анализа, системный анализ в криминалистической деятельности, метод экономического анализа, метод бухгалтерского анализа, метод матрицирования, метод ретроспекции, метод рефлексии, метод анализа генезисного развития преступления и др. Все они в совокупности привели к формированию одного из общих методов криминалистики – метода криминалистического анализа. Изучение общих тенденций развития науки позволило выявить еще один новый элемент в структуре научного знания и использовать его для развития криминалистики – «стратегия развития науки». Следует отметить, что долгое время в криминалистике доминировала четырехзвенная система науки: теоретические основы криминалистики; криминалистическая техника; тактика; методика расследования отдельных видов преступлений. Профессор А. В. Дулов обогатил ее новым разделом – криминалистическая стратегия.

Трудно переоценить вклад профессора в развитие науки в Беларуси. На его счету более 600 опубликованных трудов: монографий, пособий, методических материалов, статей. Непросто найти на всем постсоветском пространстве научную работу по криминалистике, в которой в той или иной степени не были бы заимствованы идеи профессора А. В. Дулова. Основные труды: «Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе» (1959), «Из истории криминалистической экспертизы в России» (1960, в соавт.), «Права и обязанности участников судебной экспертизы» (1962), «Введение в судебную психологию» (1970), «Судебная психология» (1970, 1975), «Тактика следственных действий» (1971, в соавт.), «Основы психологического анализа на предварительном следствии» (1973), Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР (1973, в соавт.), «Тактические операции на предварительном следствии» (1979), «Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами» (1985), «Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти» (1995, в соавт.), «Криминалистика» (1996, в соавт.), «Основы формирования криминалистической теории доказывания» (2004, в соавт.) [1–13].

Под руководством Андрея Васильевича защищены более 60 кандидатских диссертаций, не менее десятка его учеников стали известными докторами юридических наук. Он являлся оппонентом более чем по 100 диссертационным исследованиям. Можно с уверенностью

сказать, что уже становятся на ноги многие и многие «научные внуки» профессора.

Андрей Васильевич был и хорошим семьянином. Вместе с женой Кирой Георгиевной он вырастил двоих сыновей: один из них – кадровый офицер, прошедший Афганистан, другой – музыкант.

«Моя жизнь – это борьба за правое дело. По-другому я не могу – такой уж у меня характер. И жить надо активно» [14] – вот основное правило жизни Андрея Васильевича.

Многогранная деятельность профессора А. В. Дулова была проникнута заботой о развитии криминалистической науки и подготовкой мыслящих и всесторонне развитых специалистов в области права. Он создал новые направления в криминалистике, развил передовые теории и концепции, чем заслуженно приобрел научный авторитет и всеобщее признание как новатор, реформатор криминалистической науки. Андрей Васильевич всегда был авторитетом для коллег, вдохновителем для молодых ученых, педагогом для нескольких поколений практических работников, мэтром белорусской криминалистической науки, прекрасным и мудрым человеком, который щедро делился накопленными знаниями.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Введение в судебную психологию. М. : Юрид. лит., 1970. 159 с.
2. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Минск : Изд-во БГУ, 1959. 188 с.
3. Дулов А. В. Из истории криминалистической экспертизы в России / А. В. Дулов, И. Ф. Крылов. М. : Госюриздат, 1960. 166 с.
4. Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1973. 168 с.
5. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск : Университетское, 1985. 168 с.
6. Дулов А. В., Рубис А. С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск : БГУ, 2004. 264 с.
7. Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / под ред. Д. С. Карева. Минск : ИМВССиПО БССР, 1962. 408 с.
8. Дулов А. В. Судебная психология : учеб. пособие. Минск : Выш. школа, 1975. 464 с.
9. Дулов А. В, Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск : Высшая школа, 1971. 272 с.
10. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 128 с.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР / С. П. Бекешко, Н. Н. Гапанович, А. В. Дулов [и др.]. 3-е изд., испр. и доп. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1973. 504 с.

12. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 415 с.

13. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти : пособие для следователя / М-во юстиции Респ. Беларусь, Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы ; И. С. Андреев [и др.] ; под ред. А. В. Дулова, Н. И. Порубова. Минск : НИИ ПКК и СЭ, 1995. 363 с.

14. «Покой мне только снится» [Электронный ресурс] // Белорусская военная газета «Во славу Родины». № 228. 6 дек. 2014 г. URL: <https://vsr.mil.by/2014/12/06/pokoj-mne-tolko-snitsya> (дата обращения: 08.06.2019).

*Декан юридического факультета БГУ С. А. Балащенко,
заведующий кафедрой криминалистики В. Б. Шабанов,
профессор кафедры криминалистики Г. А. Шумак,
профессор кафедры криминалистики И. Р. Веренчиков*

Раздел I. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА

И. М. Комаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские Горы, 1, стр. 13 (4-й уч. к.), 119234, Москва, Россия, *ngu.ikomarov@mail.ru*

Рассмотрены основные вехи биографии доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова. Отмечен основной вклад профессора в развитие науки криминалистики. Подчеркнуто, что Андрей Васильевич создал школу криминалистики, у которой есть свои ученики и последователи.

Ключевые слова: криминалистическая наука; тактические операции; частная криминалистическая теория; судебная психология.

Ушла эпоха советской криминалистики в том смысле, в котором мы все ее понимали, уходят великие советские криминалисты. Не стало Андрея Васильевича Дулова.

Этот выдающийся правовед, ученый-криминалист и судебный психолог прожил долгую и непростую жизнь.

Он родился 21 октября 1924 г. в Ленинграде и в пятнадцатилетнем возрасте поступил работать электромонтером на Ленинградский завод «Красная заря», где трудился с 1939 г. до начала Великой Отечественной войны. В июле 1941 г. А. В. Дулов ушел добровольцем на фронт и сражался под Ленинградом в качестве командира пулеметного отделения. В конце 1941 г. после тяжелого ранения он был комиссован и продолжил работу на тыловых предприятиях, а в период с 1944 по 1951 г. трудился в должностях народного следователя прокуратуры Ленинского района г. Ленинграда и старшего следователя прокуратуры Ленинграда.

Тяжелую следственную деятельность Андрей Васильевич до 1951 г. совмещал с обучением на юридических факультетах Всесоюзного юридического института (г. Ленинград) и Ленинградского государственного университета.

С 1952 г. А. В. Дулов перешел на научно-педагогическую деятельность, был аспирантом, ассистентом кафедры уголовного процесса и криминалистики Ленинградского государственного университета, с 1958 г. исполнял должности доцента и профессора юридического факультета Белорусского государственного университета, а впоследствии

заведовал кафедрой криминалистики (1972–1990 гг.). С 1990 г. на этой же кафедре занимал должность профессора.

Свою первую научно-квалификационную работу на соискание ученой степени кандидата юридических наук А. В. Дулов посвятил проблеме производства экспертизы на предварительном следствии. Спустя десять лет (1965 г.) им была защищена докторская диссертация по теме «Проблемы теории судебной экспертизы».

Основными направлениями научных интересов профессора А. В. Дулова являлись вопросы криминалистической методологии, судебной экспертизы, юридической этики и психологии. В своем активе он имеет более 600 работ, посвященных этой тематике. Кроме того, им подготовлено семь докторов наук и более шестидесяти кандидатов наук.

Вместе с тем хотелось бы остановиться на отдельных трудах этого выдающегося советского и белорусского криминалиста, значение которых не утрачено и поныне, хотя с их публикации прошло много десятилетий.

Во-первых, следует вспомнить его учебник по судебной психологии. На мой взгляд, замечательное учебное пособие для высшей школы. В нем в общей части раскрыт ряд важных общетеоретических вопросов, связанных с предметом, задачами и системой судебной психологии. Раскрыта психологическая система деятельности по осуществлению правосудия и соответствующие ей судебно-психологические методы. В особенной части автор последовательно исследовал психологические основы предварительного расследования, психологические основы судебной деятельности, деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Профессор А. В. Дулов – родоначальник, «отец» целого направления в криминалистике. Имеются в виду обоснованные им положения о тактических операциях – насущной потребности криминалистической теории и следственной практики, как он сам писал. Опубликованная им в 1979 г. монография «Тактические операции при расследовании преступлений» была по меркам того времени революционной. В ней рассмотрены процессуальные, логические, психологические и этические проблемы нового средства решения криминалистических задач, которыми, собственно, и явились тактические операции. Автор определил принципы построения их моделей.

В содержании этого исследования были раскрыты и обоснованы такие важные для теории криминалистики и практики правоприменительной деятельности вопросы, как понятие тактических операций, их место в системе криминалистики. Тактические операции рассматривались как новое средство решения ряда проблем криминалистики, как форма взаимодействия следователя с другими государственными органами при расследовании преступлений, средство реализации методов

расследования. Андрей Васильевич Дулов разработал тактические основы тактических операций, их содержание, методологические и организационные основы, обосновал структуру тактических операций, принципы и этапы проведения, раскрыл уголовно-процессуальные проблемы теории и практики тактических операций.

Появление этой монографии породило плодотворную дискуссию среди ученых-криминалистов относительно проблемы развития и обоснования частной криминалистической теории тактических операций, которая жива и до настоящего времени.

Безусловный научно-практический интерес представляет и монография «Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами» (1985). В этом исследовании были подробно рассмотрены проблемы основ и содержания соответствующей методики, а также методы расследования. Профессор А. В. Дулов в контексте основной проблемы рассмотрел особенности элементов структуры преступлений, совершаемых должностными лицами, и профилактическую деятельность следователя с этим связанную. Не остались без его внимания и положения о тактических операциях при расследовании указанной категории преступлений. Данное исследование с теоретических позиций не утратило актуальности по настоящее время.

Можно с уверенностью сказать, что созданная профессором Андреем Васильевичем Дуловым научная школа продолжает жить его работами, работами его многочисленных учеников и последователей, которые так же, как и их учитель, пополняют криминалистику новыми интересными и полезными знаниями. Авторы, которые пишут о криминалистике, еще долго будут ссылаться на труды этого замечательного ученого в своих исследованиях и рекомендовать их своим учениками в качестве классических криминалистических работ.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ В МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

А. Э. Набатова

ГУО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
ул. Советская, 102, 246003, г. Гомель, Беларусь, anabatova@tut.by

Определена роль доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова в развитии криминалистической науки, а именно в разработке системного подхода в методологии криминалистики. Дано понятие системного подхода в двух аспектах – познавательном и конструктивном.

Ключевые слова: криминалистическая наука; системный подход; теория систем; методология криминалистики.

Роль Андрея Васильевича Дулова для криминалистической науки трудно переоценить. Нынешнему поколению ученых и практиков оставлено богатое научное наследие, которое еще предстоит осмыслить в контексте современных проблем криминалистики.

Широко известна позиция А. В. Дулова относительно теории систем и системного подхода. В своих выступлениях ученый неоднократно обращал внимание на необходимость его использования как наиболее эффективного инструмента при формировании теорий, учений, концепций и изучении закономерностей, входящих в предмет криминалистики. В своих трудах он неоднократно писал, что «одной из исключительных особенностей методологических основ криминалистики является специфическая роль системного подхода при формировании этих основ. Достаточно отметить, что системный подход должен применяться при разработке всех <...> элементов методологии [1, с. 46–50].

Итак, система – «определенный порядок в расположении и связи действий; форма организации чего-нибудь; нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей» [2, с. 719]. Понятие «система» возникло в Древней Греции около 2000 лет назад. Например, Аристотель рассматривал сложные тела, используя категории «целое», «часть», «большое», «малое» и т. д. [3]. Далее становление *системного подхода* происходило под влиянием различных философских воззрений и теорий о структуре познания, в результате чего он стал рассматриваться и применяться с позиции методологической науки.

Заметный вклад в разработку общей теории систем внесли А. Н. Аверьянов, П. К. Анохин, Л. Бергаланфи, И. А. Блауберг, Н. Винер, В. Н. Садовский, А. И. Уемов, Ю. А. Урманцев, А. Д. Урсул, Э. Г. Юдин и др. Сущность системного подхода заключается в разложении объектов на составляющие и изучении каждой из них в отдельности [4, с. 15]. По мнению О. Ф. Шаброва, системный подход – это использование в рамках определенной научной парадигмы методов декомпозиции исследуемого объекта, выявления взаимоотношений между полученными в результате декомпозиции частями и определения системного качества, мерой которого выступает степень целостности системы [5].

Ключевую роль в понимании системного подхода играет системообразующий фактор. В связи с этим интересна позиция П. К. Анохина. В отличие от иных исследователей автор обратил внимание на основную проблему системологии – раскрытие системообразующего фактора. По его мнению, в качестве такового выступает конкретный результат деятельности системы. Он считал, что системой можно назвать только комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимо-

действие и взаимоотношения принимают характер особого взаимодействия всех компонентов, направленного на получение фокусированного результата [6].

Помимо результата, например, А. Н. Аверьянов в качестве системообразующего фактора выделил цель, так как элементы системы объединяются и функционируют ради некой определенной цели (исключение составляют системы в неживой природе). По его мнению, структура системы – это тоже системообразующее и системосохраняющее условие. В качестве существенного фактора автор определил время, рассматривая его с позиций прошлого, настоящего и будущего. Прошлое создает материальную и духовную базу для системообразования и развития настоящего и заключается в использовании накопленного опыта и направлении его в будущее. Время как будущее всегда связано с материальным состоянием системы, причем это будущее материальное состояние есть результат развития данной системы в прошлом и настоящем.

А. Н. Аверьянов, исходя из типологии системообразующих факторов, выделяет внешние и внутренние. Внешние – это факторы среды, которые создают условия для возникновения и развития систем. Они, способствуя образованию системы, являются чуждыми для ее элементов, не обуславливаются и не вызываются внутренней необходимостью к объединению, в связи с чем не могут играть главную роль в системообразовании и относятся к случаю. Но, являясь случайными и внешними по отношению к единичной системе, эти системообразующие факторы могут быть внутренними и необходимыми в масштабе той системы, в которую рассматриваемая входит как часть либо элемент [7]. Автор акцентирует внимание на том, что перечень названных им факторов не является исчерпывающим. Они обуславливаются той системой, которая изучается или конструируется.

Таким образом, системный подход можно рассматривать в двух аспектах – познавательном (описательном) и конструктивном (используемом при создании систем). При познавательном подходе внешние проявления системы (целесообразные свойства, функции как способы достижения цели) объясняются ее внутренним устройством – составом и структурой. При конструктивном подходе происходит следующее поэтапное проектирование системы: проблемная ситуация – цель – функция – состав и структура – внешние условия.

О познавательном и конструктивном аспектах системного подхода в криминалистике неоднократно говорил А. В. Дулов. Ученый отмечал, что применительно к преступной деятельности все методы системного подхода обеспечивают ее структурный, функциональный, генезисный и коммуникативный анализ [1, с. 46–50].

Как представляется, приведенные положения являются основополагающими при проведении научных исследований в области криминалистики. Причем основополагающую роль играет как познавательный, так и конструктивный аспекты системного подхода и такие его категории, как система, подсистема, элемент, состав, структура, функции, цель, задача, окружающая среда, информация. Мы солидарны с А. В. Дуловым о необходимости установления системы связей между криминалистической деятельностью и элементами преступной структуры [1, с. 46–50], что позволяет говорить об интегративном характере системных построений в криминалистике.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Место системного подхода в методологических основах криминалистики // Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе : сб. тезисов, Москва, 4–5 дек. 2006 г. / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : МАКС Пресс, 2006. С. 46–50.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
3. Аристотель. Категории // Библиотека Гумер – философия [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/arist/kateg.php (дата обращения: 06.05.2019).
4. Блауберг И. А., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 269 с.
5. Шабров О. Ф. Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере. 2007. № 1. URL: http://shabrov.info/Statji/sysmod.htm#_fthref29 (дата обращения: 06.05.2019).
6. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Лаборатория пространства [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.galactic.org.ua> (дата обращения: 16.05.2019).
7. Аверьянов А. Н. Системное познание мира // Политическая литература [Электронный ресурс]. 1985. URL: <http://www.odinvopros.ru/index.php> (дата обращения: 16.05.2019).

О КРИМИНАЛИСТИКЕ 4.0 (ЦИФРОВОЙ)

А. В. Нестеров

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6117198, Москва, Россия, nesterav@yandex.ru

Рассматривается новый этап развития криминалистики – криминалистики 4.0 (цифровой), который характеризуется более широким и глубоким применением правоохранительными и судебными органами инструмента специальных знаний специалистов или экспертов.

Ключевые слова: криминалистическая наука; цифровая криминалистика; виртуальный след; криптовалюта; блокчейн.

Е. В. Смахтин [1] выступил с критикой понятия, обозначенного «цифровой криминалистикой», и фактически предложил начать дискуссию по поводу названия очередного этапа развития криминалистики. Известно высказывание главы Интерпола Юргена Штока в 2015 г. о возникновении четвертого поколения криминалистики, когда криминалисты будут обладать цифровыми знаниями и опираться на новую правовую базу [2]. Он не расшифровал, что имеется в виду, но можно предположить, что стадии развития криминалистики состоят из четырех, три из которых имеют вид: докомпьютерной, компьютеризированной (автоматизированной) стадии (появление автоматизированных рабочих мест, баз данных) и компьютерной стадии развития криминалистики эпохи интернета, в которую нужно включить появление социальных сетей и интернета вещей.

Современная стадия развития криминалистики подразумевает цифровой этап криминалистики, в рамках которого криминалистам придется раскрывать и расследовать преступления в цифровых системах и мирах так называемого цифрового общества. Условно эта стадия является трансформацией того, что называется обществом с «электронным правительством».

В СССР и РФ периодизация развития криминалистики базируется на основании выделения ядра криминалистических знаний, и обычно делилась на три этапа [3].

С точки зрения Р. С. Белкина, существуют три этапа формирования и развития криминалистики: 1) консолидация криминалистических знаний и начало разработки научных методов расследования и розыска; 2) конституирование криминалистики как самостоятельной области научного знания; 3) формирование развитых частных криминалистических теорий [4].

Видимо, наступает момент становления четвертого этапа развития криминалистики. Он связан с активной технологизацией общества в целом и гуманитарного знания в частности [5].

А. М. Кустов несколько по-другому делит развитие криминалистики на этапы, но в основном принцип деления остается тем же [6].

Таким образом, отечественные и зарубежные криминалисты при классифицировании этапов развития криминалистики используют одно и то же основание: научно-технический прогресс в криминалистических инструментах, который следует за общим развитием научно-технического прогресса.

Криминалистические инструменты (средства, способы) позволяют исследовать криминалистически значимые следы преступников, которые используют достижения этого прогресса. При этом они не только используют эти достижения в качестве орудий высокотехнологичных преступлений против субъектов и/или объектов, но и против самой технологической среды.

Публикация [7, с. 357] специально посвящена цифровой криминалистике, однако нам не известны публикации, в которых новый период развития цифрового общества был связан с цифровой криминалистикой.

Считается, что цифровая трансформация должна осуществить переход от электронного общества к цифровому обществу за счет применения современных высокотехнологичных систем. Поэтому современные преступления совершаются в таких системах и с помощью их использования. Наиболее современной информационно-коммуникационной технологией считается технология, функционирующая в рамках системы распределенного реестра, частным случаем которой является блокчейн. В связи с этим такие системы стали называться цифровыми, а криптоактивы – относить к цифровым активам. Отметим, что электронные деньги, хотя иногда и называются виртуальными или цифровыми, таковыми не являются. Особенностью цифровых имущественных прав является то, что они хотя и имеют электронные носители, но несут идею «цифрового шифра» и обладают цифровым содержанием. Цифровой шифр подразумевает, что цифровые активы (деньги) эмитируются программным средством. Цифровое содержание цифровых документов подразумевает, что они обладают интерактивностью и автономностью, позволяющей им выступать в качестве смарт-контрактов (самоисполняемых сделок).

Естественно, цифровые документы в виде мультимедиа могут отображать и игровые миры с их виртуальными денежными знаками, а также электронные и/или виртуальные деньги могут конвертироваться в цифровые деньги.

Особенностью цифровых денег является их анонимность, которая позволяет пользователям блокчейна совершать незаконные деяния с его помощью. В частности, оборачивать запрещенные товары, распространять запрещенные сведения, обмениваться сообщениями террористам, экстремистам и криминалитету.

Однако и криминалисты получили новый криминалистический инструмент. Цифровая среда систем распределенного реестра позволяет беспрепятственно прослеживать связи между адресами цифровых кошельков и аккаунтов, анализировать их активность и объемы криминальных цифровых денег.

Основным объектом, который исследуют следователи-криминалисты, являются следы, поэтому и следы, которые остаются от незаконных деяний в цифровой среде, необходимо называть криминалистически значимыми цифровыми следами.

В. А. Мещеряков еще в 2002 г. предложил понятие «виртуального следа», которое он затем в 2008 г. уточнил в виде «цифровые (виртуальные) следы» [8] и определил их как: «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации. Данные следы занимают условно промежуточную позицию между материальными и идеальными следами».

В связи с этим целесообразно различать электронные следы, оставленные на электронных носителях субъектами, виртуальные следы, оставленные виртуальными сущностями, и цифровые следы, оставленные цифровыми документами как активными элементами цифровой среды.

Выводы. Наступил четвертый этап развития криминалистики, который можно назвать цифровым, и который будет характеризоваться дальнейшим более широким и глубоким применением правоохранительными и судебными органами инструмента специальных знаний специалистов или экспертов.

Библиографические ссылки

1. Смахтин Е. В. Цифровые технологии и криминалистика: некоторые проблемные аспекты [Электронный ресурс]. URL: <https://urfac.ru/?p=942> (дата обращения: 05.03.2019).

2. Шмитт Й., Ульрих А., Широков В. Криминалистика 4.0 [Электронный ресурс]. URL: <https://bankir.ru/publikacii/20150629/kriminalistika-4-0-10006548/> (дата обращения: 05.03.2019).

3. Приводнова Е. В. Криминалистика [Электронный ресурс]. М., 2010. URL: <http://be5.biz/pravo/k034/02.html> (дата обращения: 03.03.2019).

4. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.

5. Исютин-Федотков Д. В. Смертельны ли грехи современной криминалистики? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net/node/511> (дата обращения: 05.03.2019).

6. Кустов А. М. Этапы развития предмета и объектов криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2–3. С. 71–77.

7. Яковлев А. Н. Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений в современном информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации. Минск, 2018. 368 с.

8. Мещеряков В. А. Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. Вып. 9. С. 221–232.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ)

Б. Б. Сулейманов

Северо-Кавказский институт Всероссийского государственного университета юстиции Минюста России, ул. Агасиева, 87, 367008, г. Махачкала, Республика Дагестан, *doktorb@yandex.ru*

Исследуется с учетом законодательных актов правовое положение судебного следователя как основного органа предварительного расследования уголовного судопроизводства России во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: криминалистическая наука; судебный следователь; история криминалистики; предварительное расследование.

Во второй XIX в. в России были проведены различные реформы, из которых судебная реформа обоснованно считается самой последовательной и буржуазной. Многие аспекты судебных преобразований привлекают внимание современных ученых, о чем свидетельствует хотя бы количество научных публикаций, а также конференций, которые прошли к столетию со дня принятия Судебных уставов 1864 г. Однако остаются и такие стороны указанных преобразований, которые нуждаются в исследовании. На наш взгляд, именно к ним можно отнести раскрытие правового статуса, основных функций судебного следователя. Исследование различных аспектов института следователя предопределяется не только сугубо научными потребностями, но и современным состоянием уголовно-процессуального законодательства и правоохранительной системы. В частности, в некоторых странах СНГ приняты новые уголовно-процессуальные кодексы (например, в Казахстане – в 2014 г., в Киргизстане – в 2016 г. и др.), что является лишним доказательством совершенствования уголовно-процессуального законодательства; в правовой литературе предлагается внести различные новеллы и изменения в уголовную юстицию: введение института следственных судей, «возвращение» некоторых полномочий прокуратуре и даже превращение ее в основной орган досудебного производства, наделенный основными полномочиями. Таким образом, обращение к прошлому опыту органов дознания и следствия представляется более чем актуальным и необходимым. Одним из таких органов можно признать институт судебных следователей.

Как указывается в научной литературе, следственный аппарат в первой половине XIX в. не был монолитным, а представлял собой довольно разнородную совокупность различного рода чиновников и кол-

легиальных органов [1, с. 44]. В связи с этим необходимость проведения реформы предварительного следствия была очевидной. Одним из шагов в этом направлении стало учреждение института судебных следователей, который достаточно быстро завоевал доверие как со стороны юридического сообщества, так и населения. Однако настоящее признание приходит позже, во время реализации известных судебных уставов. В самом выражении «судебный следователь» соединяются два разных момента: с одной стороны «следователь», которого можно отнести к исполнительной власти и «судебный», относящийся к другой, особой ветви власти. Наверное, в этом был и определенный смысл: должностное лицо, осуществляющее предварительное следствие, находилось при судах. При этом отнести его к судебной власти возможно с некоторыми оговорками. Так, в ст. 1 Учреждения судебных установлений (далее – УСУ) в число осуществляющих судебную власть судебные следователи не отнесены. Отмечалось, что для производства предварительного следствия по делам и проступкам состоят судебные следователи (ст. 6 УСУ). При судах состояли и должностные лица прокуратуры (ст. 6 УСУ). Согласно действовавшему в то время положению законодательства судебными следователями могли быть присяжные поверенные, имеющие аттестаты советов присяжных поверенных и являющиеся в таком качестве не менее десяти лет; лица, служившие по судебной части не менее трех лет в званиях не ниже секретаря окружного суда (ст. 203 УСУ), а также «достигшие двадцатипятилетнего возраста, если они занимались судебной практикой не менее четырех лет и, по удостоверению председателей судебных мест и состоящих при оных прокуроров, приобрели достаточные познания по следственной части» (ст. 205 УСУ). В целом, как правильно указывается в научной литературе, появились три последовательные стадии следствия; первая носила название дознания, вторая – предварительного следствия и третья – судебного следствия [2, с. 371].

Как отмечалось ранее, с введением в юридическую силу судебных уставов, раскрылись подлинные преимущества института судебных следователей. Судебные уставы изменили форму уголовного процесса: на смену инквизиционному розыскному процессу пришел состязательный процесс, характеризующийся свободной оценкой судебных доказательств, рассмотренных в ходе судебного разбирательства [3, с. 118–119]. Следует заметить, что на судебных следователей возлагалось проведение предварительного следствия о преступлениях и проступках, подсудных окружным судам (ст. 249 Устав уголовного судопроизводства, далее – УУС). Одновременно в законе определялись органы, содействующие и надзирающие. Содействующим органом являлась полиция;

органом надзирающим – прокуратура. Правда, в последнем случае говорилось о «наблюдении» со стороны прокуроров и их товарищей» (ст. 249 УУС). Конечно, дело не в конкретном слове, а в сути деятельности. В статусе судебного следователя были права и обязанности, которыми впоследствии должностные лица, осуществляющие предварительное следствие, не наделялись. Обращается внимание на такие обстоятельства, которые и в советский, и в современный период относились и относятся к следователям, в частности, прекращение уголовного преследования. Статья 277 УУС однозначно указывает, что производство следствия может быть прекращено только лишь судом. Если же судебный следователь не считает возможным продолжить следствие, то он, «приостановив производство, испрашивает на прекращение дела разрешение суда через прокурора» (ст. 277 УУС).

Интересными представляются отношения с должностными лицами прокуратуры. Прежде всего судебный следователь должен был довести до прокурора о начале производства предварительного следствия, за некоторыми исключениями (ст. 263 УУС). Судебный следователь был обязан исполнять «законные» требования прокурора или его товарища по всем предметам, относящимся к исследованию преступления и к собиранию доказательств. При этом в статье указывалось, что судебный следователь обязан отметить в протоколах, какие именно меры приняты по поручениям прокурора (ст. 281 УУС). Прокурор мог требовать дополнения предварительного следствия, если даже судебный следователь признавал следствие законченным (ст. 286 УУС). Некоторые разногласия, в частности, о задержании обвиняемого или освобождении из-под стражи подозреваемого между прокурором и судебным следователем разрешались судом (ст. 286 УУС).

Можно заключить, что институт судебного следователя стал основным органом предварительного расследования пореформенного уголовного судопроизводства. Статус, качественное процессуальное законодательство, профессиональные качества судебных следователей коренным образом изменили характер предварительного следствия.

Библиографические ссылки

1. Мамонтов А. Г. Реформа предварительного следствия во второй половине XIX века в России (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1996. 200 л.

2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2 / общ. ред., послесл., прим.: А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. 606 с.

3. Виленский В. Б. Введение // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8 : Судебная реформа / отв. ред.: Б. В. Виленский. М. : Юрид. лит., 1991. С. 118–120.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА КРИМИНАЛИСТИКИ

В. П. Шиенок

ЧУО «БИП-Институт правоведения»

ул. Короля, 3, 220004, г. Минск, Беларусь, *bip.kafupip@mail.ru*

Исследуются понятия «предмет криминалистики» и «объект криминалистики». Обосновывается вывод о необходимости использования деятельностного подхода при формулировке объекта и предмета криминалистики.

Ключевые слова: криминалистическая наука; деятельностный подход; предмет криминалистики; объект криминалистики.

Не вызывает сомнений тот факт, что криминалистика является прикладной юридической наукой. Ее основное назначение, социальная функция – разработка комплексных практических рекомендаций по совершенствованию деятельности, направленной на предупреждение, раскрытие (расследование) общественно-опасных, а также некоторых иных категорий деяний. Криминалистика как в теоретическом, так и в практическом плане порождена наличием такого социального явления, как преступность, – это реакция общества и государства на нее.

Немаловажен тот факт, что теоретическая составляющая криминалистики, собственно наука, играет вспомогательную роль по отношению к ее прикладной части, т. е. соответствующей деятельности, которая непосредственно направлена на реализацию социально-государственной функции противодействия преступности (предупреждение и раскрытие преступлений).

Становление и развитие всей криминалистической науки и ее отдельных частей и разделов (тактики, методики, техники и др.) зиждется на реальной практике, накоплении и обобщении соответствующего эмпирического материала. Ее теоретические основы возникли значительно позже. Конечно, уже на протяжении многих лет роль криминалистической теории качественно иная, чем на заре ее становления. Сейчас она способна реализовывать свою прогнозную функцию, т. е. в определенной мере опережать соответствующую практику, работать на будущее, но и в этом случае потребности практики являются определяющим фактором.

Определение и формулировка объекта и предмета любой науки имеет крайне важное методологическое и теоретико-прикладное значение. Это принципиальная сфера деятельности, область познания, фокус внимания отрасли научного знания и ее исследователей. Традиционно с советского времени в качестве предмета криминалистики принято называть определенные группы закономерностей. Например: 1) законо-

мерности механизма совершения преступления; 2) закономерности возникновения информации, связанной с подготовкой или совершением уголовно-наказуемого деяния и имеющей значение для его расследования; 3) закономерности собирания, изучения, оценки и использования доказательств и иной криминалистически значимой информации и др. В качестве объекта (объектов) патриарх советской криминалистики Р. С. Белкин называл преступность, с одной стороны, и предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактику преступлений – с другой. Таким образом, к ее объекту относят два вида деятельности: преступную и деятельность правоохранительных органов [1; 2; 3; 4].

В настоящее время перед отечественной криминалистикой, как и всей юридической наукой, стоит непростая задача разработки своей новой методологии, соответствующей современному этапу цивилизационного развития человечества. В связи с этим нуждаются в переосмыслении такие ее категории, как объект и предмет.

Известно, что объект науки – это те или иные явления, процессы объективной действительности, которые она исследует. Это сфера, границы ее интересов. Предмет науки – конкретизация ее объекта применительно к целям и задачам отрасли научного знания. Общепринято, что первая категория по своему содержанию шире, чем вторая. Именно эта логика положена в основу существующего подхода к этим понятиям в криминалистике, – деятельность масштабнее, чем те или иные ее закономерности.

Как уже говорилось в предыдущих работах автора [5], наиболее перспективным в плане переосмысления объекта и предмета криминалистики представляется деятельностный подход, позволяющий соединить внутреннюю и внешнюю составляющие человека как универсального системообразующего элемента всех социальных и государственно-правовых процессов и явлений, включая преступность и сферу противодействия ей. Под деятельностью в самом общем виде мы понимаем процесс активного взаимодействия человека с иными объектами внешнего мира.

В связи этим в качестве объекта криминалистики как отрасли научного знания следует рассматривать человеческую деятельность в целом, ее самые разные направления и виды, при условии их полезности для решения соответствующих практических и теоретических задач. Ее предметом в этом случае является деятельность двух видов: 1) нарушающая уголовный закон (подготовка, совершение, сокрытие общественно опасных деяний); 2) направленная на предупреждение и раскрытие общественно опасных деяний, осуществляемая, как правило, в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Иными словами,

предлагается расширить границы данных категорий, что полностью соответствует реалиям современной действительности.

Предложенный подход к определению объекта и предмета криминалистики позволяет решить серьезное методологическое противоречие, существующее уже долгое время в теории криминалистики. Так, известно, что в своей основе очень многие криминалистические учения, рекомендации, средства, методы заимствованы в других естественных, технических, гуманитарных науках и адаптированы для нужд криминалистической деятельности. Криминалисты изучают и используют закономерности, методики, средства, методы, приемы, принятые в медицине, биологии, химии, физике, информатике и других науках. Содержание такого раздела, как криминалистическая техника, в подавляющем большинстве своем базируется именно на этом. Например, весьма затруднительно аргументировать то, что оптическое и электронно-оптическое увеличительное стекло относится к криминалистическим средствам выявления следов преступления. Это универсальные приборы, используемые в самых различных видах деятельности. Или, допустим, генетическая экспертиза, которая является продуктом генетики как науки, ее фундаментальных и прикладных исследований. Такие примеры можно долго продолжать.

Криминалистика, как прикладная синтетическая наука, просто обязана использовать передовые средства, методы, методики, разработанные в иных отраслях научных знаний, социальной практики при условии их полезности в решении своей стратегической задачи – разработки научно-практических рекомендаций по противодействию преступности. Криминалистическая деятельность базируется на них, должна базироваться на них хотя бы потому, что преступники как часть общества используют в своей деятельности самые различные достижения науки и техники. Определение объекта криминалистики как человеческой деятельности полностью соответствует, во-первых, ее текущему состоянию, во-вторых, перспективным потребностям теории и практики противодействия преступности.

Таким образом, принятие деятельностного подхода при формулировке объекта и предмета криминалистики – это давно назревшая методологическая потребность, обусловленная ее естественным развитием и требованиями времени.

Автор рассматривает настоящую работу и высказанные в ней суждения и доводы в качестве основания для проведения широкой научной дискуссии по указанным и иным вопросам.

Библиографические ссылки

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ–ДАНА, 2001. 837 с.
2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под общ. ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1998. 415 с.
3. Криминалистика : учебник / Е. М. Ашмарина [и др.] ; под ред. В. А. Образцова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 1999. 733 с.
4. Приводнова Е. В. Криминалистика в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : Проспект, 2005. 236, [1] с.
5. Шиенок В. П. Предмет криминалистики и разработка ее новой методологии // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность : криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Н. И. Порубова : материалы Международ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Минск : Академия МВД, 2015. Ч. 2. С. 282–286.

Раздел II. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ И ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А. А. Абдурахманов, Н. Г. Колесень

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

Определяется роль криминалистики в гражданском процессе, которая обусловлена синергией методических и научно-практических основ, позволяющих эффективно разрешать гражданские дела в соответствии с требованиями законодательства.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; гражданский процесс; тактические приемы; процессуальные действия.

Реализация возможностей криминалистики в гражданском процессе обусловлена в первую очередь синергией методических и научно-практических основ, позволяющих эффективно разрешать гражданские дела в соответствии с требованиями законодательства о полноте, всесторонности и объективности судебного разбирательства.

Материалы судебной практики в Республике Беларусь свидетельствуют, что в судах превалирует разрешение дел, возникающих из гражданско-правового конфликта. Это детерминирует необходимость совершенствования исследования материалов гражданского дела для вынесения законного и обоснованного решения. В ряде случаев для этого необходим комплекс специальных приемов, методов и средств, имеющих криминалистическую природу. Оптимально подобранный криминалистический инструментарий позволяет быстро и качественно достигнуть оптимального результата при разрешении дела. Это обусловлено возможностью получения необходимой информации, имеющей доказательственное значение, что достигается путем производства отдельных процессуальных действий с использованием криминалистических познаний.

Необходимо отметить, что криминалистика как научная дисциплина эволюционировала в первую очередь в интересах уголовного процесса. Несомненно, криминалистические данные обеспечивают процесс расследования преступления, а также судебное разбирательство уголовных

дел. Между тем на современном этапе развития общества и государства криминалистические познания актуальны и для других видов судопроизводств, в процессе которых по факту они активно используются.

Вместе с тем на сегодняшний день одной из проблем внедрения возможностей криминалистики в гражданский процесс представляется отсутствие в общей теории криминалистики начал, предусматривающих их использование вне пределов уголовного процесса. Именно поэтому целесообразно расширить предмет науки криминалистики, включив в него закономерности деятельности по использованию методов и средств криминалистики в процессе доказывания в различных видах судопроизводства.

Одним из важных аспектов использования криминалистических познаний при рассмотрении гражданских дел является применение возможностей криминалистической тактики, а именно реализация определенных тактических приемов.

Тактический прием при рассмотрении и разрешении гражданских дел – это наиболее эффективный и рациональный способ производства действий или наиболее оправданная в сложившейся ситуации линия поведения лица, осуществляющего процессуальные действия.

Тактические приемы, применяемые в гражданском процессе, обладают определенными свойствами. Они соответствуют требованиям гражданского процессуального законодательства, а также морально-этическим нормам; являются научно-обоснованными и эффективными; предусматривают возможность выбора одного из нескольких тактических приемов; применение конкретного тактического приема обуславливается связью с оценкой сложившейся процессуальной ситуации.

Значение применения тактических приемов в гражданском процессе определяется тем, что их использование при рассмотрении гражданских дел обеспечивает наиболее полное и эффективное применение установленных гражданским процессуальным законодательством норм, которые регламентируют как судебное разбирательство в целом (включая подготовительные стадии), так и производство отдельных процессуальных действий в частности.

Тактические приемы, применяемые при производстве по гражданским делам, можно классифицировать на виды по различным основаниям: степени общности, уровню сложности, назначению, источникам, стадиям применения, множественности применения.

Организация рассмотрения дела по существу также предполагает применение возможностей криминалистической тактики, под которой в судебном разбирательстве понимается система взаимосвязанных и взаимодействующих между собой тактико-криминалистических прие-

мов, используемых в судопроизводстве с целью организации качественного и эффективного судебного разбирательства. Сюда же необходимо отнести производство отдельных процессуальных действий в рамках данного разбирательства, что позволяет обеспечить полноту реализации прав участников гражданского процесса.

Тактика судебного разбирательства гражданских дел включает общие тактические положения по рассмотрению судом гражданского дела, а также тактику производства отдельных процессуальных действий.

Тактика производства отдельных процессуальных действий в гражданском судопроизводстве имеет специфику, отличающую ее от аналогичной тактики в уголовном судопроизводстве. Соответственно, при адаптации данных криминалистической тактики в гражданском процессе необходимо учитывать особенности указанного выше вида судопроизводства. В связи с вышеизложенным представляется целесообразным предложить следующую структуру производства процессуальных действий: подготовительный этап; планирование процессуального действия; его проведение; фиксация хода и результатов производства процессуального действия; оценка полученных доказательств.

Обращаясь к тактике отдельных процессуальных действий в гражданском судопроизводстве, считаем необходимым обратить внимание на следующее:

- правильная тактика осуществления допроса в рамках судебного разбирательства по гражданскому делу способствует эффективности осуществления данного процессуального действия и, соответственно, результативности судебного разбирательства в целом. При этом, по нашему мнению, перспективным моментом является нормативная правовая разработка перечня вопросов, постановка которых допустима в ходе производства допроса;

- судебный осмотр вещественных доказательств – это процессуальное действие, заключающееся в непосредственном восприятии и изучении судом с участием лиц, участвующих в деле, состояния, свойств и признаков определенного предмета в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для рассматриваемого дела;

- судебный эксперимент в гражданском судопроизводстве – это самостоятельное процессуальное действие суда, заключающееся в проведении специальных опытов (испытаний) с целью всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, имеющих значение для дела.

В заключение необходимо отметить, что полноценная интеграция криминалистических знаний в гражданский процесс невозможна без изменения действующего гражданского процессуального законодатель-

ства Республики Беларусь. В частности, целесообразно включить в него следующие изменения:

– в целях повышения качества исследования доказательств в суде, а также обеспечения всестороннего и качественного рассмотрения судами гражданских дел, предлагаем дополнить ст. 262 ГПК («Действия судьи при подготовке к судебному разбирательству») подпунктом 18¹, изложив его в следующей редакции: «18¹) осуществляет деятельность по планированию судебного разбирательства»;

– для оптимизации процесса исследования вещественных доказательств считаем целесообразным дополнить ст. 202 ГПК («Истребование и представление вещественных доказательств») частью второй, изложив ее в следующей редакции: «Лицо, заявляющее ходатайство об истребовании предмета в качестве вещественного доказательства, обязано указывать, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, могут быть установлены данным предметом».

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ ***М. Б. Аймаганбетова***

Карагандинский государственный университет имени Е. А. Букетова,
ул. Университетская, 28, 100028, г. Караганда, Казахстан, alihanova.mb@mail.ru

Исследуется правовая регламентация криминалистической регистрации в Республике Казахстан. Рассматриваются виды учетов, которые включаются в систему криминалистической регистрации Казахстана.

Ключевые слова: криминалистическая наука; криминалистическая регистрация; криминалистические учеты; системный подход.

В настоящее время система криминалистической регистрации включает в себя следующие элементы:

- учеты Министерства внутренних дел Республики Казахстан;
- учеты Министерства юстиции;
- учеты Комитета таможенного контроля;
- учеты Управления комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры;
- учеты Комитета по борьбе с наркобизнесом и контролю за оборотом наркотиков;
- учеты Комитета национальной безопасности;
- учеты Интерпола;
- учеты Межгосударственного информационного банка.

Подобная организационная система криминалистических учетов Казахстана сложилась исторически. Несмотря на то, что элементы сис-

темы находятся в разных правоохранительных ведомствах Казахстана и даже в системе международных организаций, все они реализуют функцию по информационному обеспечению процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Е. И. Девиков, Е. И. Зуев и Е. П. Ищенко определили конкретные цели криминалистической регистрации: накопление сведений, полезных для раскрытия и предупреждения преступных посягательств; обеспечение условий идентификации объектов с помощью учетных материалов; содействие розыску объектов, сведения о которых содержатся в регистрационных массивах; предоставление в распоряжение следственных, оперативно-розыскных и судебных органов справочной и ориентирующей информации [1, с. 143].

Самое большое число криминалистических учетов находится в системе МВД Казахстана. Они регламентируются приказами МВД Казахстана. Доминирование учетов МВД Казахстана как в теории, так и в практике в определенной степени обусловило классификацию криминалистических учетов на оперативно-справочные, криминалистические розыскные и справочно-вспомогательные.

Под криминалистическим оперативно-справочным учетом понимаются банк данных об известных (установленных) лицах и объектах, которые поставлены на учет в связи с их причастностью к событию преступления, либо о самих преступлениях [2, с. 318].

Под криминалистическим розыскным учетом понимаются учеты разыскиваемых (подлежащих установлению) лиц или иных объектов, причинно связанных с событием преступления [3, с. 189].

Под криминалистическим справочно-вспомогательным учетом понимается экспертно-криминалистические коллекции специально создаваемых (подбираемых) объектов или их копий (следов), не имеющие причинно-следственных связей с расследуемым событием преступления, но представляющие интерес как источники сведений о возможных качествах и свойствах разыскиваемых (подлежащих установлению) по данному уголовному делу объектов [4, с. 45].

Данную позицию разделяют Р. А. Белкин, В. А. Жбанков, А. А. Закатов, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, В. Г. Коломацкий, А. Г. Филиппов и др. [5, с. 151].

Несколько иную позицию занимают Н. П. Яблоков и А. Ф. Волинский. Так, Н. П. Яблоков учеты органов внутренних дел подразделяет на: криминалистические оперативно-справочные системы, криминалистические оперативно-розыскные учеты, автоматизированные информационно-поисковые системы специального назначения, криминалистические учеты экспертно-криминалистических подразделе-

лений и справочно-вспомогательные банки данных [6, с. 216]. А. Ф. Волюнский – на оперативно-справочные, экспертно-криминалистические и справочно-вспомогательные, подчеркивая, что экспертно-криминалистические учеты формируются при непосредственном участии экспертов-криминалистов, выступающих в роли специалистов [7, с. 85].

Нам представляется, что критериями отнесения того или иного вида учета к криминалистическим являются положения науки криминалистики, на основании которых формируется соответствующий элемент криминалистической регистрации. В связи с этим считаем, что соответствующая классификация в приказах МВД Казахстана исходит из задач, решаемых органами внутренних дел, поэтому мы еще раз подчеркиваем, что криминалистические учеты целесообразно классифицировать по месту их ведения в соответствующем правоохранительном органе.

При анализе правового аспекта уголовной регистрации следует иметь в виду, что информация, содержащаяся в криминалистических учетах, носит конфиденциальный характер, возможно, поэтому в законодательных актах ничего не говорится о криминалистической регистрации. Ссылка на «предусмотренные законодательством учеты» повисает в воздухе. Ни в других, помимо названного, законах, ни в уголовно-процессуальном законодательстве не содержится упоминания о криминалистической регистрации в целом, ни об отдельных криминалистических учетах.

Анализ криминалистической литературы показывает, что те или иные авторы, исследующие правовые основания криминалистической регистрации, исходят более из духа, чем из буквы закона.

Таким образом, регистрационная криминалистическая деятельность непосредственно регламентируется ведомственными нормативными актами.

Криминалистические учеты МВД Казахстана регламентируются приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 6 июля 2001 г. № 543 «О мерах по совершенствованию деятельности следствия, дознания, оперативно-криминалистической службы органов внутренних дел Республики Казахстан», Инструкцией об оперативно-криминалистической практике в органах внутренних дел, утвержденной приказом МВД РК № 544 от 7 июня 2001 г., а также Приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 29 апреля 2004 г. № 23 «Об утверждении Правил ведения и использования отдельных видов специальных учетов».

Рассматривая данную проблему, Е. И. Девиков, Е. И. Зуев, Е. П. Ищенко отмечают, что правовая регламентация криминалистической регистрации, основанная на подзаконных актах, не должна ущемлять законные интересы граждан и исходить из соблюдения конститу-

ционных гарантий уважения личности, охраны прав и свобод граждан [8, с. 267].

По мнению В. А. Волинского и М. А. Удовиченко [9, с. 85], множественность межведомственных нормативных актов приводит к ряду недостатков, которые характерны и для криминалистической регистрации. К основным из них относятся:

– межведомственные нормативные акты, касающиеся информационного обмена, зачастую остаются декларативными по причине разобщенности в формировании подходов и технологий взаимного доступа к нужной (используемой) информации;

– в ведомственных приказах и инструкциях по организации и ведению учетов недостаточно разработана система ведения и использования криминалистических учетов.

– крайне слабо используются информационные возможности криминалистических учетов иных правоохранительных органов и международных организаций.

– в ведомственных нормативных актах отсутствуют положения, относящиеся к движению регистрируемой информации, и система контроля за нарушениями в этой области.

Полагаем, что существует необходимость принятия закона «О криминалистической регистрации в Республике Казахстан», в котором должны быть определены понятие криминалистической регистрации, ее цели и задачи, органы, осуществляющие регистрационную деятельность, принципы и ряд других положений.

Библиографические ссылки

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2 : Частные криминалистические теории. М., 1997. 780 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистика. М. : Юрид. лит., 1969. 216 с.
3. Беляков А. А. Криминалистическая регистрация. Ростов н/Д, 2006. 1232 с.
4. Ваденин Ю. М. Методические рекомендации по информатике и вычислительной технике. Свердловск, 1986. 520 с.
5. Возгрин И. А. Некоторые вопросы теории и практики криминалистического учета. Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1972. 954 с.
6. Волинский А. Ф. Криминалистическая техника. М. : Норма, 2009. 859 с.
7. Волинский А. Ф., Россинская Е. Р. Криминалистическая регистрация. М. : ВЮЗШ МВД РФ, 1992. 530 с.
8. Волинский А. Ф., Лавров В. П. Криминалистика. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 863 с.
9. Волинский В. А., Удовиченко М. А. Организация и тактика использования результатов ОРД в расследовании преступлений. М., 1999. 85 с.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВОТНЫХ

О. П. Александрова, Л. Ю. Буданова

Псковский юридический институт, ул. Красноармейская, 1 корп. 2, 180007,
г. Псков, Россия, *milabudanovapskov@mail.ru*

Рассматривается порядок предъявления для опознания животных по законодательству Российской Федерации, а также с учетом правоприменительной практики. Делается вывод о необходимости внесения определенных корректировок в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; опознание животных; предъявление для опознания; следственные действия.

Предъявление для опознания – одно из наиболее распространенных следственных действий, позволяющих установить тождество между предметом, лицом или трупом и образом, сохраненным в памяти опознающего – свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого. Однако результаты данного следственного действия часто оспариваются участниками уголовного судопроизводства [5, с. 169], в том числе и по причине недостаточно четкой регламентации в ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6] вопросов предъявления для опознания отдельных объектов, например таких, как животные.

В соответствии со ст. 193 УПК РФ следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. Однако уголовно-процессуальный закон не определяет само понятие «предмет». В толковых словарях русского языка предмет трактуется как «всякое материальное явление, вещь» [3, с. 514], «отдельное материальное неодушевленное тело, объект, вещь» [2, с. 105], а животное определяется как «живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и чувствовать» [3, с. 172]. Согласно ст. 137 Гражданского кодекса РФ к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законодательством не установлено иное, и не допускается жестокое обращение с ними, противоречащее принципам гуманности. Таким образом, законодатель не относит животных к предметам, а признает их одушевленным имуществом с определенными ограничениями относительно обращения с ними.

Относительно зарубежного опыта в разрешении вопроса о возможности предъявления для опознания животных отметим, что ст. 229 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (УПК Республики Казахстан) по аналогии с российским законодательством устанавли-

вает, что для опознания свидетелю, потерпевшему или подозреваемому может быть предъявлено лицо или предмет. По данному поводу Т. А. Ханов отмечает, что подобная формулировка нормы не регламентирует возможность предъявления для опознания животных, однако при этом автор допускает проведение такого следственного действия, руководствуясь общими положениями ст. 229 УПК Республики Казахстан с учетом специфики предъявления для опознания такого рода объектов [7].

В Республике Беларусь ст. 223 Уголовно-процессуального кодекса [6] устанавливает возможность предъявления для опознания лица или объекта, а также трупов и животных. При этом белорусский законодатель не распространяет на опознание животных требование о предъявлении их в группе по возможности схожих животных с общим количеством не менее трех (ч. 5 ст. 224).

В России некоторые авторы отмечают, что вопрос предъявления для опознания животных в соответствии со ст. 193 УПК РФ является дискуссионным, однако допускают возможность проведения такого следственного действия, отмечая при этом проблемы предъявления для опознания экзотических или редких видов животных (например, росомахи) и организации его производства (например, доставки других животных, помимо опознаваемого, так как оно, по мнению авторов, основанному на толковании указанной выше нормы, должно предъявляться для опознания в группе схожих животных) [5, с. 171]. Кроме того, следует отметить, что животные за время их поиска могут в значительной степени измениться (например, вырасти), в результате чего опознающему затруднительно будет его опознать.

Другие авторы положительно отвечают на вопрос о возможности опознания животных в соответствии с российском законодательством и отмечают, что в следственной практике чаще всего возникает необходимость предъявить для опознания похищенных домашних животных (коров, овец, коз, лошадей и т. п.), породистых собак и кошек, а также трупов животных, разрубленных необработанных частей животного (голова, рога, шкура и т. д.) [1, с. 165; 4, с. 221].

Кроме того, при предъявлении для опознания животных авторами [1, с. 165; 5, с. 171] предлагается привлекать специалиста для трактовки поведения животного по отношению к опознающему его человеку и реакции на него, особенно в тех случаях, когда, например, хозяин спустя продолжительное время затрудняется опознать животное, так как его признаки могут существенно измениться, однако поиск такого специалиста представляется весьма затруднительным, а его заключение при опознании фактически будет являться заключением специалиста, а само

следственное действие «опознание» заключается в отождествлении предмета опознающим.

В практической деятельности опознание животных проводится в первую очередь по делам, связанным с их похищением или причинением вреда животным или же самими животными. Кроме того, возникают случаи подмены понятий «предъявление для опознания» и узнавание животных в ходе другого следственного действия, например, согласно приговору суда № 1-39/2018 от 19 июля 2018 г. по делу № 1-39/2018 в Курганской области в ходе осмотра места происшествия – стада лошадей от 22 августа 2017 г. с участием потерпевшего в с. Звериноголовское, он *опознал 10 голов* из своего стада. Однако в данном случае речь идет о том, что потерпевший указал на животных из своего стада.

В словарях русского языка термин «узнать» трактуется как «обнаружить в ком-нибудь или чем-нибудь знакомого, знакомое» [3, с. 736]. Схожее определение дается и термину «опознать» – «узнать по каким-либо признакам или приметам» [3, с. 400]. Тем самым суды используют понятие «опознание» в указанных выше случаях не как результат следственного действия – предъявления для опознания, а как констатацию факта того, что определенное лицо в ходе производства иного, не предъявления для опознания, процессуального действия указало на конкретное животное в результате его узнавания по определенным признакам или приметам.

Таким образом, предъявление для опознания животных встречается в практической деятельности правоохранительных органов России, однако буквальное толкование положений ст. 193 УПК РФ приводит к выводу о невозможности производства указанного следственного действия, в том числе и с учетом закрепленных в законе правил его производства. В связи с этим на сегодняшний день отождествление животного может быть произведено в ходе, например, таких следственных действий, как осмотр или допрос, при условии внесения определенных корректировок в уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее правила их производства.

Библиографические ссылки

1. Матвейчев Ю. А. Объекты и цель предъявления для опознания: дискуссионные вопросы в уголовном процессе и криминалистике // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. 2017. № 14. С. 164–166.
2. Мартемьянов Ю. С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М. : Языки славянской культуры, 2004. 1054 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1981. 816 с.

4. Руководство для следователей / под ред. В. В. Мозякова. М. : Экзамен, 2015. 912 с.

5. Татьяна Л. Г. Дискуссионные вопросы предъявления для опознания // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 169–172.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=2268;-52 (дата обращения: 10.05.2019).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1;-307 (дата обращения: 10.05.2019).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

9. Ханов Т. А. Особенности подготовительных действий при предъявлении для опознания животного по делам о кражах скота // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2017. С. 180–181.

К РАСШИРЕННОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЕ ТРУПА»

В. И. Балко¹⁾, С. А. Сергеев²⁾

¹⁾Высший колледж «Кайнар», ул. Интернациональная, 51,
071400, г. Семей, Казахстан, *kainar_it@mail.ru*

²⁾Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет
ул. Ленина, 11, 071400, г. Семей, Казахстан, *semey@kazguu.kz*

Рассматривается понятие «дактилоскопирование трупа», а также техника проведения дактилоскопирования трупа. Сформулировано авторское определение термина «дактилоскопирование трупа».

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая техника; дактилоскопирование трупа; отпечатки пальцев; папиллярные узоры.

Получение сравнительных образцов кожных папиллярных отпечатков человека производят путем дактилоскопирования.

До 2000 г. проблеме качества техники дактилоскопирования в криминалистической литературе СНГ было уделено недостаточно внимания, но потом начался несколько повышенный интерес к нему, что предопределено прежде всего практической направленностью и связано с исследованием доказательств и развитием нормативной законодательной базы дактилоскопической регистрации в СНГ. Например, принят Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 40 «О государст-

венной дактилоскопической и геномной регистрации», который начнет действовать с 01.01.2021 г.

Рассмотрение понятия получения сравнительных образцов кожных отпечатков, образованных папиллярными линиями человека в процессуальном и криминалистическом аспектах необходимо начать с выяснения происхождения понятий дактилоскопии и его производной – дактилоскопирования.

Слово «дактилоскопия» происходит от двух греческих слов «daktylos» – палец и «skopeo» – смотрю, рассматриваю, наблюдаю, буквально «пальцерассмотрение». Этот термин был предложен в 1893 г. аргентинским публицистом Ф. Лациной. В России в 1909 г. вышла работа В. И. Лебедева «Искусство раскрытия преступлений», где в первой части рассматривались вопросы дактилоскопии (пальцепечатания), антропометрии и т. д.

В самом общем значении слово «дактилоскопирование» подразумевает действие, направленное на получение отображений папиллярных узоров человека или получение пальцевых отпечатков живых лиц и трупов.

В настоящее время дактилоскопия широко используется в криминалистике в целях идентификации личности и доказательства индивидуальной принадлежности папиллярных следов, обнаруживаемых на орудиях преступления и на месте происшествия.

В некоторых случаях возникает необходимость получения дактилоскопических отпечатков папиллярных узоров и с пальцев трупов, уже подвергшихся определенным посмертным изменениям.

Процедура дактилоскопирования трупа отличается от дактилоскопирования живых лиц. В мягких тканях пальцев, ладонях рук и подошвах ног трупа происходят изменения после наступления смерти, которые усложняют традиционный подход дактилоскопирования.

Получение отпечатков пальцев рук у трупа следует производить с участием специалиста и придерживаться определенных правил и рекомендаций.

С учетом научно-технического прогресса и повышения качества отпечатков необходимо различать криминалистическое понятие «дактилоскопирование трупа» в широком и узком значении. Ранее в специальной литературе понятие «дактилоскопирование трупа» рассматривалось в узком смысле как: идентификация личности по отпечаткам пальцев; получение пальцевых отпечатков живых лиц и трупов; получение отпечатков пальцев трупа или исследование рисунка папиллярных линий и т. д. Н. П. Майлис под дактилоскопированием понимает «получение

отпечатков пальцев и ладоней определенного лица для последующего их сравнения» [1, с. 86].

Сейчас имеется тенденция рассматривать данное понятие «дактилоскопирование» в более широком значении: «это деятельность, осуществляемая в рамках закона с использованием специальных технических средств по четко определенной методике специально уполномоченными лицами с целью получения образцов-отображений участков рук живых лиц, трупов и их частей, содержащих папиллярный узор. Она проводится для получения или проверки фактических данных, имеющих значение для успешного проведения мероприятия» [2].

Современная практическая криминалистика определяет дактилоскопирование трупа не только как механический или химический процесс, но и как электронно-цифровой процесс по получению образцов. Поскольку дактилоскопирование умерших или убитых, погибших лиц, является одной из форм общего дактилоскопирования, то рассмотрим следующие ее основы:

- деятельность, которая должна осуществляться в рамках действующего закона;

- использование специальных технических средств и различных способов;

- дактилоскопирование по четко апробированной и рекомендованной методике;

- объектом дактилоскопирования являются участки пальцев и ладоней рук и подошв ног трупов и их частей, содержащих папиллярный узор;

- объектом дактилоскопирования являются участки ладонной поверхности рук и подошв ног трупов, на границе содержащих папиллярную и непапиллярную поверхности кожи;

- процедура дактилоскопирования проводится специальным субъектом (специалистом-криминалистом и (или) судебно-медицинским экспертом или судебным медиком, или другим уполномоченным лицом);

- дактилоскопирование проводится с целью получения сравнительных образцов-отображений для проверки фактических данных, имеющих значение для дела;

- дактилоскопирование трупа проводят после его осмотра судебным медиком, когда уже проведен отбор подногтевого и ногтевого содержимого и наслоений различных веществ, рядом лежащих на поверхности кожи;

- с соблюдением личной (лица с ослабленным иммунитетом исключаются), технической и санитарно-эпидемической безопасности.

Итак, на основании перечисленных основ дактилоскопирования и определенной различными авторами можно сформулировать расширенное определение, которое учитывает различные аспекты (организационный, технический, теоретический, практический, нормативный и др.) этого процесса.

Дактилоскопирование трупа – это комплексная деятельность, осуществляемая в рамках закона с использованием специальных технических средств и приемов по четко определенной методике специально уполномоченными лицами с соответствующими навыками с целью получения образцов-отображений участков папиллярной и граничащей с папиллярной непиллярной поверхности рук (ног) трупов и их частей, содержащих папиллярные потоки и узоры, но после того, когда уже проведен отбор подногтевого и ногтевого содержимого и наслоений различных веществ на коже, с соблюдением технической, личной и санитарно-эпидемической безопасности, с целью диагностики и идентификации личности, и (или) проверки фактических данных, имеющих значение для эффективного проведения оперативно-розыскного мероприятия и (или) раскрытия и расследования преступления.

Расширенное определение понятия «дактилоскопирование трупа» позволяет глубже понять обучающимся деятельность сотрудников по дактилоскопированию трупа, что дает возможность в дальнейшем публично осознать необходимость этапа всеобщего дактилоскопирования.

В образовательном процессе необходимо давать определение понятия «дактилоскопирование трупа» не только в узком, но и в широком понимании, так как в настоящее время надо рассматривать дактилоскопирование трупа не только как технический процесс, но и как технологический, в том числе по «тесному» взаимодействию различных специалистов различных ведомств, например, криминалиста и судебно-медицинского эксперта, с учетом динамики научно-технического прогресса.

Библиографические ссылки

1. Майлис Н. П. Дактилоскопия : учебник. М. : МосУ МВД России, Изд-во «Шитг-М», 2008. 124 с.

2. Кожакарь, И. Ю. Теоретические основы дактилоскопирования трупов с неповрежденным кожным покровом рук [Электронный ресурс] // Наукова бібліотека України. URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/5807-teoretichni-zasadi-daktiloskopijuvannja-trupiv-z-neushkodzhenimi-shkirimimi-pokrivami-ruk.html>. (дата обращения: 02.05.2019).

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В. Р. Гайнельзянова

ФГКОУВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», ул. Муксинова, 2, 450091, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, *venera777 baiburina@mail.ru*

Анализируются особенности проведения осмотра места происшествия по делам о дорожно-транспортных преступлениях с учетом законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и даются рекомендации по его проведению.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; осмотр места происшествия; дорожно-транспортное происшествие.

Процесс расследования, в частности проведение следственных действий по преступлениям, связанным с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, достаточно своеобразный, так как производство следственных действий требует тщательного рассмотрения практических и теоретических положений.

Важно отметить, что в случае отсутствия погибших, осмотр места происшествия проводят сотрудники государственной инспекции безопасности дорожного движения. Данное суждение является специфической особенностью при расследовании указанной категории преступлений. Вместе с тем только после установления видов тяжести вреда здоровью или смерти потерпевшего в результате его совершения данное деяние является дорожно-транспортным преступлением. Обозначим, что степень тяжести совершенного преступления устанавливается только после производства судебно-медицинской экспертизы. Поэтому до установления тяжести вреда здоровью путем исследования возбуждается административное производство по ст. 12.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Как справедливо замечает Е. В. Китаев, при осмотре места указанной категории преступлений особое внимание уделяется обнаружению и фиксации информации, характеризующей обзорность (видимость) на дороге [1, с. 43]. Событие совершения преступления частично зависит от марки автомобиля, так как у габаритных автомобилей (грузовых) видимость территории больше, чем у малогабаритных. Большое влияние имеет также время суток и погодные условия. Вместе с тем данные условия влияют на восприятие данной обстановки водителем на дороге, где есть возможность предотвратить негативные последствия (затормозить, снизить скорость и т. п.).

Важность выяснения и фиксации обзорности подтверждается следующим примером. Так, например, водитель Б. во время управления транспортным средством не выбрала скорость, которая подходила к таким дорожным условиям, как гололед и несоответствующая видимость объектов на дороге, в связи с чем не справилась с автомобильным транспортом, выехала на полосу встречного движения, где столкнулась с автомобилем Тойота Камри [2]. В результате расследования этого ДТП было установлено, что оно стало результатом грубейшего нарушения ПДД, в том числе пренебрежения водителем Б. сложными дорожными условиями.

Определению места столкновения технических средств (далее – ТС), как отмечает М. И. Замиховский, способствуют:

- следы разброса их обломков;
- осыпь грязи с ТС, располагающаяся вблизи места столкновения (крылья ТС препятствуют их перемещению на значительное расстояние);

- следы масла, воды, тосола, антифриза, вытекающие из поврежденных агрегатов и узлов ТС (жидкость вытекает вниз, прямо на поверхность дороги на некотором удалении от места столкновения);

- следы бокового перемещения (скольжения) шин (в момент столкновения происходит отклонение от первоначального движения с образованием следов скольжения шин колес в боковом направлении).

- следы повреждений придорожных объектов, таких как насыпи, ограждения, деревья, опоры освещения и т. д. Они могут находиться на некотором расстоянии от места столкновения и места нахождения ТС после ДТП, и порой их трудно обнаружить [3, с. 135]. Вот почему по прибытии на место происшествия следователь совместно со специалистом в первую очередь должны определить границы осмотра и поиска вещественных доказательств.

Следы повреждений, оставленные на придорожных объектах, как отмечает С. Н. Путивка, помогают следователю:

- установить путь движения ТС до столкновения, в том числе изменение направления движения;

- найти точки, в которых ТС выехало за пределы дороги или своей полосы движения;

- обнаружить следы шин и других деталей ТС [4, с. 65].

Считаем объективным обозначить, что следы, оставленные в результате дорожно-транспортного преступления, нужно отличать от прежних следов. Указанные следы обладают спецификой, так как они имеют наслоения пыли, грязи и т. д.; более тусклые, тертые; имеют следы наслоения, оставленные другими ТС.

Ю. Н. Багдасарян акцентирует внимание на том, что оценка обстановки места происшествия осуществляется после установления фактических обстоятельств, относящихся к дорожной обстановке: интенсивность, равномерность и скорость движения транспорта на дороге или улице, где произошло происшествие, состояние дороги (напряженность пешеходного движения в определенное время суток), а также общее состояние дороги, ее ширины, рядности (полос) движения, наличие уклонов, подъемов, спусков, поворотов, вида покрытия [5, с. 103]. Кроме того, видимость с места водителя исследуется очень тщательно. В связи с этим изучается расположение на проезжей части автомобилей, наличие неподвижных объектов, состояние дорожного покрытия, освещенность и т. п.

Отметим, что кроме протокола осмотра дорожно-транспортного происшествия, где отражается обстановка совершения события, дорожно-транспортное преступление фиксируется и в схеме, к которой прилагается фототаблица в виде иллюстраций места. С целью письменного закрепления главных объектов, материалов, веществ, оставшихся на месте ДТП, а также их взаимного расположения относительно друг друга, в том числе с указанием измерений, составляется черновой вариант схемы ДТП. Далее составляется чистовой вариант схемы события, где должны быть подписи всех лиц, в том числе понятых.

Важно отметить, что при составлении схемы дорожно-транспортного преступления необходимо обратить внимания на то, чтобы были зафиксированы общая обстановка ДТП, а также координаты объектов, находящихся на месте. Далее от правого края проезжей части или обочины по ходу движения транспорта по возможности необходимо произвести измерения. Кроме того, зафиксировать положение колес, точки начала и окончания следов торможения. Вместе с тем нужно отметить место обнаружения объектов.

В случае нахождения места преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения в населенном пункте, важно конкретизировать информацию о номере дома, улицы и т. д. Вместе с тем на трассе необходимо указать ориентир, километр шоссе.

Обозначим, что помимо протокола, схемы и фототаблицы, немаловажным методом фиксации места осмотра ДТП является видеозапись. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нам предписывает, что в случае привлечения понятых к участию в следственном действии видеозапись не обязательна.

Однако следует отметить, что дорожно-транспортное преступление является специфической категорией преступления, которая нуждается

в фиксации на видеокамеру. Возможности видеозаписи по указанной категории велики, поскольку съемка выступает средством фиксации обстановки, а также регистрации произошедшего события, в том числе используется в ходе расследования и судебного разбирательства ДТП и др.

Исходя из вышесказанного, обозначим, что место, а точнее точку видеосъемки, необходимо подобрать таким образом, чтобы она демонстрировала специфические особенности обстановки события ДТП, в частности условия видимости. В связи с этим, прежде чем приступать непосредственно к производству фото- и видеосъемки, специалисту нужно удостовериться, что участники следственного действия находятся вне кадра.

При фотографировании транспортного средства необходимо также учитывать, что оно должно быть зафиксировано с двух противоположных точек для подробной демонстрации всех сторон ТС. Вместе с тем следует помнить, что фиксации подлежит направление, т. е. путь транспортного средства до его остановки.

Обозначим, что результаты фото-, видеосъемки места произошедшего события давали возможность определить разновидность частей автомобиля их взаимное расположение, следы, вещества, к примеру, пролившихся на дорожное покрытие горюче-смазочных материалов. В случае, если в кадр не уместается вся обстановка в целом, то необходимо использовать известный в криминалистике метод панорамной съемки.

Специфической особенностью осмотра места ДТП является такой объект, как внешний вид тормозного пути, который отражается в виде следов скольжения колес на покрытии, отпечаток протекторов шин, рисунок протектора шин.

Нужно акцентировать внимание на то, что следы правого и левого колес неодинаковы по длине. Как правило, след протектора бывает прерывистым, поэтому необходимо измерять не только длину данного следа, но и расстояние между ними, и в конечном итоге произвести фотографирование по методу детальной съемки.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что осмотр места происшествия по преступлениям, связанным с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств довольно специфичен и своеобразен, так как в случае поверхностного его проведения могут быть уничтожены либо утрачены следы и объекты, имеющие доказательственное значение по расследуемому событию. В связи с этим при производстве осмотра места происшествия по ука-

занной категории преступлений необходимо использовать ситуационный подход, т. е. проводить данное следственное действие с особой внимательностью и практической направленностью.

Библиографические ссылки

1. Китаев Е. В. Методика реконструкции параметров движения транспортного средства по характеру деформации его деталей при дорожно-транспортном происшествии : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 189 л.

2. Архив Советского районного суда г. Уфа. Уголовное дело № 7090177.

3. Замиховский М. И. Экспертная реконструкция механизма дорожно-транспортного происшествия по его следам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 242 л.

4. Путивка С. Н. Криминалистическое моделирование для реконструкции неочевидных обстоятельств при расследовании дорожно-транспортных происшествий : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 192 л.

5. Багдасарян Ю. Н. Криминалистический анализ механизма дорожно-транспортного преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 231 л.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

С. Р. Низаева

ФГКОУВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», ул. Муксинова, 2, 450091, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, *nizaeva1@mail.ru*

Рассматриваются организационно-тактические особенности допроса подозреваемого при расследовании взяточничества с учетом законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; допрос подозреваемого; расследование взяточничества; коррупция.

В перечне преступлений коррупционной направленности взяточничество занимает особое место, что обусловлено не только его распространенностью, но и сложным механизмом доказывания, что в свою очередь определяет высокий уровень латентности данных преступлений. Трудности в расследовании вызваны, в частности, отсутствием очевидцев преступления, которые могли бы подтвердить вину взяткополучателя в его совершении. Кроме того, лицо, подозреваемое в совершении взяточничества, оказывает активное противодействие расследованию, пытаясь скрыть следы преступления, оказать давление на возможных свидетелей, посредников в получении взятки путем угроз, подкупа, шантажа, заставляя давать показания в пользу взяткополучателя.

Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе допроса взяточдателя:

- время, место, обстоятельства, при которых происходило знакомство с взяточполучателем;

- источники, от которых взяточдатель узнал о правомочиях взяточполучателя на совершение каких-либо действий (бездействия) в его пользу;

- условия договоренности о передаче предмета взятки: обговаривались лично между заинтересованными сторонами либо был посредник; если да, то какова роль посредника в расследуемом событии; время, место и способ передачи взятки (передавалась лично либо через посредника);

- условия выполнения обязательств взяточполучателя перед взяточдателем (немедленно после получения взятки, через определенный промежуток времени);

- имеются ли свидетели достигнутой договоренности (сотрудники организации, где работает взяточполучатель, лица, входящие в круг общения взяточдателя и т. д.);

- имеется ли охрана в организации, где работает взяточполучатель, система видеослежения, как осуществляется пропускной режим;

- поступало ли к взяточдателю требование о передаче взятки;

- как был упакован предмет взятки;

- каков источник получения средств для дачи взятки (собственные средства взяточдателя, полученные в долг, взятые в кредит);

- мотивы обращения в правоохранительные органы с заявлением о даче взятки.

В случае допроса заявителя, не являющегося взяточдателем, следует выяснить:

- из какого источника была получена информация о передаче взятки;

- участников события (взяточдателя, взяточполучателя, посредника), роль каждого из них;

- отношения допрашиваемого с указанными лицами;

- в чем состоит предмет взятки;

- время, место, обстоятельства передачи взятки;

- за совершение каких действий (бездействия), в чьих интересах передавалась взятка;

- иная информация, имеющая значение для расследования.

В случае возбуждения уголовного дела по заявлению лица, которому поступило предложение о получении взятки, либо она была передана незаметно от него (оставлена с документами, направлена по почте, переведена на счет и т. д.), необходимо выяснить:

– за совершение каких действий (бездействия) предлагалась взятка, входили ли эти действия в полномочия заявителя;

– лицо, предлагавшее взятку, знакомо ли оно заявителю; если да, в каких отношениях они состоят; если нет, то видел ли он его ранее в данной организации, приметы данного лица;

– каков установленный законом порядок разрешения вопроса, интересующего взяткодателя;

– обстоятельства передачи взятки;

– предмет взятки;

– имелась ли договоренность о дальнейших действиях (встрече, телефонном разговоре и т. д.)

Важным тактическим приемом, используемым при допросе, является детализация показаний. Вся информация, которую излагает допрашиваемое лицо, должна быть записана до мельчайших подробностей, так как в силу специфики состава преступления любая мелочь может иметь решающее значение при расследовании. Вопросно-ответная стадия должна содержать вопросы, конкретизирующие показания допрашиваемого, для того чтобы при последующем отказе или изменении показаний доказательственная информация, полученная в ходе первоначального допроса, обеспечила дальнейший вектор расследования уголовного дела.

В криминалистической науке выделяют три группы подозреваемых по делам о взяточничестве:

– взяткодатели;

– взяткополучатели;

– посредники в передаче взятки.

Очередность допроса указанных лиц должна определяться с учетом складывающейся следственной ситуации. Во внимание принимаются первоначальные объяснения, информация, содержащаяся в изъятых документах. Наиболее типичным является алгоритм действий, при котором первым допрашивается взяткодатель. При его допросе следует учитывать, в чьих интересах он действовал, имело ли место вымогательство взятки. При допросе посредника важно учитывать, по чьему указанию он действовал; имел ли какую-либо выгоду от своего посредничества или на него оказывалось давление со стороны взяткополучателя (например, в случаях, когда посредник является подчиненным взяткополучателя).

При определении очередности допроса взяточников должны приниматься во внимание такие обстоятельства: имело ли место вымогательство взятки, выполнило ли должностное лицо действия в интересах

взяточдателя; входили ли действия в круг полномочий взяточполучателя, имело ли взяточничество неоднократный характер и т. д.

Во всех случаях необходимо планирование допроса с определением примерного перечня вопросов, которые необходимо выяснить. Не следует пренебрегать подготовительным этапом допроса, цели и задачи которого определены наукой криминалистикой. Перед допросом необходимо выяснить данные о личности допрашиваемого, для того чтобы быть готовым к противодействию расследованию и его преодолению. Кроме того, следует наметить тактические приемы, которые могут быть использованы при допросе. О некоторых из них упоминалось ранее. В некоторых случаях весьма продуктивным является тактический прием предъявления доказательств, в том числе в целях преодоления противодействия расследованию.

В случае задержания взяточполучателя с поличным, целесообразно незамедлительно после возбуждения уголовного дела (при наличии достаточных поводов и оснований) провести его допрос. Это обусловлено тем, что подозреваемое лицо, находясь в некоторой растерянности от внезапности задержания, не успевает подготовиться к допросу и составить свои показания детально. В том случае, когда преступление совершено в соучастии, фактор внезапности имеет значение, так как соучастники не осведомлены о том, какая информация уже есть у сотрудников полиции (кто и что уже успел рассказать).

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ НАИЛУЧШЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО / ОБВИНЯЕМОГО

О. В. Петрова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *machkova@bsu.by*

Рассматриваются особенности реализации международного принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка при допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; допрос несовершеннолетнего обвиняемого; обеспечение интересов ребенка.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция), является основополагающим принципом в определении правового положения несовершеннолетнего в любой сфере жизни общества.

Такой принцип должен быть реализован и при расследовании преступлений в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе Республики Беларусь. Его обеспечение осуществляется в нескольких аспектах.

В первую очередь следует указать на уязвимое положение несовершеннолетнего подозреваемого / обвиняемого в уголовном процессе в силу возраста и развития несовершеннолетнего.

Научные исследования показывают в целом различия в когнитивных способностях и волевых действиях несовершеннолетних в сравнении со взрослыми правонарушителями, отмечают социальную незрелость, а также меньшую компетентность в принятии решений [1, с. 270]. Обращается внимание на чувствительность несовершеннолетних в части возможности понимания юридического процесса, который ведется в отношении их, оценке значимости той или иной юридической ситуации для его судьбы и эффективной коммуникации с защитником [1, с. 274].

В частности, возникают вопросы: насколько несовершеннолетние понимают свое право не давать показания против себя, чем руководствуются несовершеннолетние при признании вины, как влияют уголовно-процессуальные действия на психику несовершеннолетнего и на возможность его последующей реабилитации и т. п.?

При этом с точки зрения психологии развития возраст несовершеннолетнего прямо пропорционален наличию такой уязвимости, т. е. чем младше несовершеннолетний, тем больше будут проявляться негативные факторы.

Уголовно-процессуальный закон предоставляет ряд правовых гарантий для компенсации данного уязвимого положения. В частности, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) участие защитника является обязательным, если подозреваемый или обвиняемый являются несовершеннолетними. Предусмотрено обязательное участие законного представителя (ч. 1 ст. 436 УПК), ограничено время допроса (ч. 1 ст. 434 УПК), предусмотрены и иные гарантии.

Представляется возможным дальнейшее развитие процессуальных гарантий. В частности, считаем разумным закрепление прямого обязательного запрета в законе на допрос несовершеннолетних обвиняемого и подозреваемого в ночное время.

В то же время процессуальные гарантии не могут быть единственным механизмом обеспечения гарантий интересов ребенка. Сама по себе тактика допроса несовершеннолетнего должна учитывать психологические особенности в позитивном аспекте и задавать этические требования к тактическим приемам.

Одновременно указанные выше особенности требуют и более тщательного подхода к оценке признательных показаний несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

К сожалению, протокол следственного действия как обязательное средство фиксации результатов следственного действия не может дать представления о примененных тактических приемах, а также насколько признание несовершеннолетним своей вины было вынужденным. Укреплению законности и соблюдению прав несовершеннолетних, с нашей точки зрения, способствовала бы обязательность видеозаписи всех допросов несовершеннолетних.

Представляется, что в целом, ввиду уязвимости несовершеннолетнего, для правильного установления обстоятельств, имеющих значение по делу, в расследовании преступлений в отношении несовершеннолетних не следует преувеличивать значимость признания подозреваемым или обвиняемым своей вины, а концентрироваться на получении иных доказательств.

Следует обратить внимание, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу приговора только при подтверждении всей совокупностью собранных по делу доказательств.

Кроме указанного выше процедурного аспекта, не оспаривая важность реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, иных задач уголовного процесса, доказывание по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должно быть в первую очередь подчинено цели обеспечения ресоциализации несовершеннолетнего как подхода, обеспечивающего наилучшим образом интересы ребенка.

Доказывание уже на досудебных стадиях уголовного процесса должно быть направлено на установление таких обстоятельств, которые могут подтвердить или опровергнуть возможность и эффективность применения альтернативных мер уголовной ответственности (ст. 77–79, 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК) или освобождения от уголовной ответственности (ст. 86, 88, 89, 118 УК).

В белорусском уголовно-процессуальном законодательстве закреплено положение, которое требует установления дополнительных обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 89 УПК по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, должны быть установлены:

- 1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);
- 2) условия жизни и воспитания;
- 3) степень интеллектуального, волевого и психического развития;
- 4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников.

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 “О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних”» судам следует иметь в виду, что в силу ст. 89 УПК условия жизни и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого отнесены к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по делу.

Для их установления в ходе судебного следствия могут быть допрошены родители, иные родственники, усыновители, опекуны, попечители такого обвиняемого, в том числе являющиеся его законными представителями, педагоги (психологи), иные лица, участвующие в обучении и воспитании несовершеннолетнего, а также исследованы материалы, полученные из комиссий по делам несовершеннолетних, иных государственных органов.

Представляется, что отправным моментом в доказывании указанных выше обстоятельств должен быть допрос самого несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого с начальных этапов расследования. Именно из допроса несовершеннолетнего можно узнать о его/ее проблемах в учебе, во взаимоотношениях со сверстниками, в семье, определить жизненные установки и приоритеты, что одновременно позволит установить психологический контакт.

Данные, полученные в ходе допроса несовершеннолетнего обвиняемого/подозреваемого, будут подтверждаться или опровергаться в ходе допросов иных лиц из окружения несовершеннолетнего, в том числе членов семьи, педагогов и иных лиц, устанавливаться иными источниками доказательств.

Допрос несовершеннолетнего для установления условий жизни и воспитания позволит реализовать и его право быть услышанным (ст. 12 Конвенции), будет способствовать принципу всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела, и в конечном итоге приведет к ответственному отношению несовершеннолетнего к исполнению назначенных судом мер ответственности.

Библиографические ссылки

1. Woolard J. L. Capacity, Competence and the Juvenile Defendant: Implication for Research and Policy // Children, Social Science and the Law / edited by B. L. Bottoms, M. Bull Kovera, B. F. McAuliff. New York : Cambridge University Press, 2002. P. 270–295.

КЛАССИФИКАЦИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Р. В. Скачек

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, *ska4ek@bk.ru*

Предлагается классификация беспилотных летательных аппаратов, используемых при раскрытии и расследовании преступлений. Определяется значение предложенного авторского подхода к классификации беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая техника; криминалистическая тактика; беспилотные летательные аппараты.

В современном обществе, в том числе и белорусском, все большую популярность и актуальность приобретает использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БЛА) для нужд конкретной сферы жизнедеятельности (сельское хозяйство, строительство, авиация, оборона и др.).

Изучение публикаций, посвященных классификации БЛА, показало, что вопрос достаточно глубоко исследован. При этом в основу классификаций были положены признаки, зависящие от сферы применения БЛА: военная авиация [1]; гражданская авиация [2] и др.

Весьма интересным представляется подход к обобщенной классификации БЛА, в основу которого положены тактико-технические характеристики БЛА. Согласно его содержанию БЛА предлагается классифицировать по 16 базовым признакам (основаниям): использование; тип системы управления; правила полета; класс воздушного пространства; тип летательного аппарата; тип крыла; направление взлета/посадки; тип двигателя; топливная система; тип топливного бака; количество использований; категория с учетом массы и максимальной дальности действия; радиус действия; высота; функциональное назначение [3, с. 28].

Публикации, посвященные классификации БЛА, используемых для достижения целей криминалистики, в настоящий момент отсутствуют, что предопределяет актуальность и необходимость исследования обозначенного вопроса.

До детального исследования обозначенной проблематики определим признаки обобщенной классификации [3], которые имеют относительное значение для решения задач криминалистики:

– тип системы управления (для целей криминалистики может использоваться только дистанционно управляемый БЛА);

– правила полета (в настоящий момент имеются только общие правила, касающиеся запретов на полеты БЛА, правила по использованию БЛА в криминалистике не разработаны);

– класс воздушного пространства (для решения задач криминалистики достаточно 100-метровой высоты, на которой разрешаются полеты вне зависимости от целей применения БЛА);

– тип летательного аппарата (для достижения целей криминалистики оптимальным будет использование вертолетного БЛА);

– тип крыла БЛА (для решения задач противодействия преступности достаточным будет использование БПЛ с фиксированным крылом);

– направление взлета/посадки (актуальным для использования в криминалистике будет БЛА с вертикальным подъемом);

– тип взлета/посадки (ручной);

– тип двигателя (электрический, что обусловлено условиями работы и минимальным количеством затрат);

– тип топливной системы, топливного бака, количество использований не имеют значения для решения задач криминалистики;

– масса взлетной и полезной нагрузки (целесообразно использование микро (до 5 кг) и мини (20–150 кг) БЛА);

– максимальная дальность действия (для решения задач криминалистики достаточным будет использование микро (менее 10 км) и мини (менее 30 км) БЛА);

– радиус действия БЛА – ближний (до 40 км);

– высота подъема БЛА – в современных условиях должна быть не более 100 м (нано).

Как видно из анализа обобщенной классификации БЛА, для достижения целей криминалистики должен быть подобран дрон с оптимальными тактико-техническими характеристиками, позволяющими решать задачи по противодействию преступности. Помимо этого, стоимость БЛА должна позволить обеспечить его закупку и последующую возможность применения в большинстве территориальных подразделений основных правоохранительных органов.

Анализ содержания обобщенной классификации БЛА, потребностей практики в их использовании, личный опыт применения БЛА позволяют предложить авторскую классификацию БЛА, используемых для целей криминалистики.

В зависимости от сферы предполагаемого применения БЛА следует подразделить на: следственные; экспертные; оперативно-розыскные; служебные.

В свою очередь следственные БЛА в зависимости от задач, решаемых для достижения целей указанного вида деятельности, необходимо подразделить на:

фиксирующие ход и результаты следственного и иного процессуального действия;

используемые для обнаружения, фиксации следов на месте происшествия.

Второй вид следственных БЛА, в отличие от первого, должен быть обеспечен хорошим объективом, позволяющим обеспечить достаточно качественную аэросъемку, мощным аккумулятором для длительных полетов, иметь небольшие габариты для удобства транспортировки и т. д.

Экспертные БЛА в зависимости от возлагаемых на них задач следует подразделить на:

используемые для обнаружения, фиксации следов на месте происшествия со сложной обстановкой;

используемые для производства экспертных исследований.

Первый вид экспертных БЛА, помимо качественного объектива, должен быть оборудован инфракрасным освещением, иметь относительно большую грузоподъемность.

Оперативно-розыскные БЛА в зависимости от характера и задач указанной сферы деятельности необходимо подразделить на: оперативно-поисковые; сопровождающие проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий.

Служебные БЛА в зависимости от содержания решаемых задач целесообразно подразделить на:

сопровождающие наблюдение за проведением специальных и массовых мероприятий;

фиксирующие допускаемые правонарушения в различной сфере жизнедеятельности.

Предложенный подход к классификации БЛА, используемых для целей криминалистики, позволит:

1) выбрать оптимальную марку и модель БЛА, предназначенную для решения конкретных задач;

2) разработать единые правила применения БЛА в зависимости от сферы применения;

3) адаптировать использование БЛА посредством разработки дополнительных технических приспособлений для решения конкретных задач противодействия преступности,

4) повысить уровень и качество фиксации хода и результатов следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, экспертных исследований.

5) разработать программное обеспечение, позволяющее проводить измерения по результатам аэросъемки, трансформировать аэрофото- снимки в графические планы схемы, которые целесообразно использо- вать в процессе доказывания.

Библиографические ссылки

1. Харченко О. В., Кулешин В. В., Коцуренко Ю. В. Класифікація та тенденції створення безпілотних літальних апаратів військового призначення // Наука и оборона. 2005. № 1. С. 47–54.

2. Трубников Г. В. Применение беспилотных летательных аппаратов в гражданских целях // Беспилотная авиация. 2008. С. 1–4.

3. Корченко А. Г., Ильяш О. С. Обобщённая классификация беспилотных летательных аппаратов // Збірник наукових праць Харківського університету Повітряних Сил. 2012. № 4 (33). С. 27–36.

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

В. А. Талалаев

УО «Военная академия Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 220, 220030, г. Минск, Беларусь, *varb@mod.mil.by*

Исследуется тактико-криминалистическое обеспечение проведения допро- са свидетелей, подозреваемых (обвиняемых) при расследовании хищений пред- метов вооружения военнослужащими. Отражена специфика подготовки к до- просу по указанной категории преступлений.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая тактика; тактика допроса; военнослужащие; хищение предметов вооружения.

Вопросы, относящиеся к тактико-криминалистическому обеспечению проведения следственных действий, продолжают в своей сфере реализовывать целевое предназначение криминалистики как науки, призванной обслуживать потребности практики раскрытия и расследования преступлений отдельных видов и групп.

Предметы вооружения боевого вида, похищенные и находящиеся в незаконном обороте, в силу своей специфики становятся фактором и питательной средой для проявлений других преступлений, в том числе особо тяжких. Расследование хищений оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ имеет свою специфику, отражающуюся в целом в организации расследования и в тактике проведения отдельных следственных действий.

Специфика допроса по указанной категории преступлений заключается в особенностях подготовки к его проведению и формулировании вопросов при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Кроме того, специфика допроса по делам о хищениях предметов вооружения военнослужащими определяется рядом других обстоятельств: повышенной общественной опасностью похищенных предметов и в связи с этим необходимостью организации розыска субъекта преступления и возвращения предметов вооружения в законный оборот; существенным влиянием происшедшего события на состояние допрашиваемых и определенной долей опасения некоторых из них за последствия дачи показаний; необходимостью предметного ориентирования следователя в вопросах оборота предметов вооружения (в особенности боевого вида), другими обстоятельствами.

Основные положения тактики допроса изложены в криминалистической литературе [1–3 и др.]. В целом субъекты расследования относительно свободны в выборе тактики допроса. Вместе с тем содержание вопросов по уголовным делам, связанным с хищениями предметов вооружения, имеют определенные особенности в зависимости от режима владения и вида предметов преступления, которые предопределяют организацию их охраны и оборот. Особенности допросов по рассматриваемой категории дел заключаются в содержании вопросов, подлежащих выяснению у отдельных категорий допрашиваемых.

В то же время специфика совершения хищений боевого или служебного оружия позволяет выделить отдельные особенности, характерные для этого следственного действия. Так, при расследовании хищений указанных видов оружия могут быть допрошены: лица из состава караула или суточного наряда, осуществлявшие охрану предметов вооружения; материально ответственные и другие лица, которым оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства были вверены для хранения; работники службы ракетно-артиллерийского вооружения, ответственные за организацию ведения учета и контроля за состоянием и сохранностью предметов вооружения; лица, осуществлявшие ремонт или списание пришедшего в негодность оружия, израсходованных боеприпасов; лица, проводившие инвентаризацию и проверки наличия и состояния учета вооружения; лица, производившие получение (сдачу) предметов вооружения, руководившие стрельбой или подрывными работами.

В следственной ситуации, характеризующейся незначительным количеством исходной информации о совершенном хищении, в ходе проведения допроса основные усилия следователя должны быть сосредото-

чены на установлении причастности того или иного военнослужащего к совершению преступления.

Выяснению подлежат следующие вопросы: пытался ли кто-нибудь попасть в состав караула или суточного наряда вне графика; готовил ли кто-либо наборы ключей или подобные предметы; не демонстрировал ли кто-либо оружие, боеприпасы; имел ли кто-либо ранее доступ к предметам вооружения; не находился ли кто-либо в неприязненных отношениях с командованием; случаи приезда к кому-либо из сослуживцев гражданских лиц, из числа уволившихся в запас военнослужащих части (особенно в рабочие дни); проявлял ли кто-либо из них интерес к оружию и боеприпасам; факты несанкционированной стрельбы; лица, проявляющие повышенный интерес к графику нарядов на службу, режиму работы и условиям охраны оружия; не собирал ли кто-либо из сослуживцев (подчиненных) патроны в качестве сувениров, не рассказывал ли кто-либо о желании собрать коллекцию оружия и т. п.; не пытался ли кто-либо из посторонних лиц завязать знакомства с военнослужащими, имеющими доступ к предметам вооружения в связи с исполняемыми обязанностями; образ жизни ответственных за хранение оружия лиц, имеют ли долги и т. п.; кто из военнослужащих обращался в санитарную часть или имеет травмы, которые могли быть причинены в результате преодоления преград при совершении хищения; кто из военнослужащих осуществлял вне срока носки замену обмундирования (порванного, испачканного оружейным маслом, краской и т. п.).

Совокупность перечисленных вопросов может быть сужена или расширена в зависимости от вида похищенного оружия, способа завладения им и других обстоятельств совершения преступления. Выяснение всех обстоятельств необходимо для обеспечения полноты расследования, оперативности действий по выявлению и задержанию преступников, а также розыску похищенных предметов вооружения.

Наибольшую сложность представляет допрос материально-ответственных лиц, который фактически всегда проходит в конфликтной ситуации. При подготовке их допроса необходимо предварительно изучить особенности оборота вооружения на тех этапах, к которым военнослужащие указанной категории имеют непосредственное отношение, их функциональные обязанности на каждом из них, характеризующие личность материалы. Приступать к допросу материально-ответственных лиц целесообразно после того, как будет изучена изъятая служебная документация (данные о приходе и использовании вооружения, времени вскрытия хранилища, сдачи их под охрану и т. п.) и от других лиц (обеспечивающих охрану объекта, сослуживцев и др.). Необходимая

информация при подготовке к допросу может быть получена также и у других специалистов в области организации оборота вооружения.

Материально-ответственные лица, совершившие преступление путем присвоения, рассчитывают, что избранная форма хищения позволит им избежать наказания. Допрашиваемые настороженно воспринимает попытки следователя установить психологический контакт. Подозреваемые в хищении офицеры и прапорщики изменяют первоначальные показания в свою пользу, полностью или частично опровергают ранее сообщенную информацию, а иногда и отказываются от дачи показаний, что существенно затрудняет расследование. Основными предпосылками этого являются: уверенность допрашиваемого в том, что доказательства его причастности к хищению у следователя отсутствуют; убежденность подозреваемого в том, что военнослужащие младше по званию или должности не будут свидетельствовать против офицера (прапорщика); создание алиби путем сговора с другими должностными или материально-ответственными лицами; опасение ответственности за хищение; уверенность в том, что будут учтены безупречная служба в прошлом, отсутствие дисциплинарных взысканий и другие. Выбор тактических приемов должен быть направлен на нейтрализацию таких предпосылок.

Таким образом, изложенные особенности тактики допроса характеризуются спецификой решения их отдельных задач расследования, не характерных для расследования хищений иных видов.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск : Вышэйшая школа, 1971. 272 с.
2. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике / под ред. А. Р. Рагинова. Минск : Вышэйшая школа, 1968. 274 с.
3. Порубов Н. И. Психологические основы допроса. Минск : Полымя, 1966. 78 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДГОТОВКИ К ДОПРОСУ

М. П. Шруб

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, shrub_max@tut.by

Исследуется тактико-криминалистическое обеспечение проведения подготовки следователя к допросу. Автором выделяются и детально характеризуются структурные элементы указанного процесса.

Ключевые слова: криминалистическая наука; криминалистическая тактика; тактика допроса; подготовка к допросу.

Очевидным является обстоятельство, что самым распространенным следственным действием, проводимым в ходе предварительного расследования вне зависимости от вида преступления, является допрос. Без его проведения не обходится ни одно расследование. Вместе с тем насколько распространенным, настолько же порой и сложным является данное следственное действие. От качества проведения допроса того или иного участника уголовного процесса нередко зависит исход всего дела. В научной и учебной криминалистической литературе многочисленными авторами неоднократно уделялось внимание тактике проведения рассматриваемого следственного действия. По этой причине претендовать на особую научную новизну, касаясь рассуждений об общих положениях тактики допроса, затруднительно. Таким образом, не ставя перед собой такой цели, однако, учитывая особую научную и практическую значимость проблемы, полагаем целесообразным еще раз остановиться на тактическом обеспечении подготовки к допросу с расстановкой отдельных акцентов на структурных элементах данного процесса с позиции автора.

Итак, бесспорным является тезис о том, что залогом успешного допроса является его тщательная подготовка, которая включает следующие структурные элементы: а) определение цели и предмета допроса; б) изучение личности допрашиваемого; в) определение круга участников допроса; г) тактическое обеспечение допроса; д) выбор места и времени, определение способа вызова на допрос; е) техническое обеспечение допроса; ж) составление плана допроса. Остановимся подробнее на каждой из данных позиций.

Определение цели и предмета допроса

Залог успешного проведения допроса – четкое представление следователем цели, которую он должен достичь его проведением. Как отмечалось ранее, целью допроса вообще является получение показаний, всесторонне, полно и объективно отражающих действительность. Соответственно, исходя из конкретных обстоятельств дела, конкретизируется и данная цель, т. е. следователю необходимо четко понимать, о каком событии и в каком объеме ему предстоит получить показания. Исходя из конкретных обстоятельств дела, конкретизируется и совокупность обстоятельств, которые необходимо выяснить в ходе допроса с учетом требований ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). При отсутствии у следователя четкого представления об этих обстоятельствах допрос будет лишен целеустремленности, что в свою очередь влечет пробелы в показаниях и получение ненужной для дела информации.

Сведения, входящие в предмет допроса, могут носить специальный характер, требовать изучения специальной литературы, документации и др. В таких случаях следователь вправе использовать консультации специалистов, данные, содержащиеся в заключениях экспертов по делу, справочные материалы и т. п. Информация, относящаяся к предмету допроса, также может быть получена в ходе взаимодействия с сотрудниками органов дознания.

Определение цели и предмета допроса предполагает также предвосхищение следователем места, которое займут полученные показания в системе доказательств по конкретному уголовному делу. В связи с этим изучение материалов уголовного дела в данном контексте является неотъемлемым элементом подготовки к допросу.

Изучение личности допрашиваемого

Сведения о личности допрашиваемого – это данные о его психологических свойствах и состоянии, профессиональной деятельности, семейном положении, круге общения, моральном облике, отношении к другим лицам, проходящим по делу и т. д. Основными способами изучения личности до начала допроса являются: детальный анализ материалов дела; сбор сведений о личности в ходе проведения других следственных действий; сбор сведений по месту жительства, работы или учебы; получение сведений от сотрудников органов дознания – оперативных работников и др.; изучение материалов архивных уголовных дел, если допрашиваемый был судим или проходил по делу в качестве свидетеля; изучение данных криминалистических и иных учетов.

Определение круга участников

Минимальное число участников допроса – двое, допрашивающий и допрашиваемый. Вместе с тем, в зависимости от процессуального статуса, возраста допрашиваемого, владения им языком судопроизводства, его психологического состояния и иных обстоятельств, круг участников может расширяться. При этом в определенных случаях наличие тех или иных участников уголовного процесса при допросе является обязательным (например, согласно ст. 45, 434–436 УПК, участие защитника, педагога или психолога, а также законного представителя при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого). В иных случаях присутствие некоторых участников уголовного процесса при допросе не является обязательным и определяется следователем – например, участие специалиста-криминалиста для осуществления видеозаписи хода и результатов допроса либо проведения допроса с использованием видеоконференцсвязи, специалиста в области бухгалтерии для содействия следователю при расследовании экономического преступления и т. п. В настоящее время, согласно ст. 60-1 УПК, также предусмотрена

возможность участия при допросе адвоката свидетеля. Таким образом, круг участников допроса определяется следователем исходя из требований закона и с учетом тактической целесообразности в условиях конкретной следственной ситуации.

Тактическое обеспечение допроса

Выбор тактических приемов, которые будут применяться на рабочем этапе допроса должен быть тщательно продуман заранее (они будут рассмотрены позже). Только скрупулезное планирование конкретных приемов, последовательности их применения (порядка предъявления доказательств, времени постановки лобовых вопросов и т. п.) с целью должного воздействия на следственную ситуацию с учетом участвующих в допросе лиц, а также комплекса иных факторов, является залогом результативности следственного действия. Тактическое обеспечение допроса предполагает не только определение приемов и последовательности их применения, но и обеспечение своевременности и оперативности их применения. Так, например, при участии в деле значительного числа обвиняемых и (или) потерпевших во избежание путаницы при предъявлении их показаний в ходе допроса третьему лицу рекомендуется заранее сделать пометки со ссылками на конкретный том и листы уголовного дела; обеспечить наличие в прямом доступе вещественных доказательств, если планируется их предъявление при допросе и т. п.

К тактическому обеспечению допроса, с учетом определенной следственной ситуации, могут быть отнесены: избрание определенного стиля одежды и поведения следователем (например, при допросе малолетнего целесообразно избегать официоза); создание определенной обстановки в кабинете следователя, в том числе путем перестановки мебели (создание «безбарьерной среды»); исключение возможности случайного доступа в кабинет третьих лиц (размещение таблички на входной двери «Не входить, идет допрос!») и т. д.

Выбор места и времени, определение способа вызова на допрос

Выбор места и времени проведения допроса осуществляются с учетом требований ст. 215 УПК. Так, допрос проводится по месту производства предварительного расследования. Следователь также вправе провести допрос по месту нахождения допрашиваемого. Такое решение может быть принято из тактических соображений в случаях, когда необходимо активизировать память допрашиваемого (допрос на месте происшествия); существует угроза жизни участнику уголовного процесса (допрос в медицинском учреждении); допрашиваемый является малолетним (допрос по месту жительства) и т. п.

При выборе времени допроса следователь руководствуется общим правилом производства следственных действий, закрепленным ч. 2

ст. 192 УПК, согласно которому допрос в ночное время, т. е. с 22 до 6 часов по местному времени, не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. С учетом данного правила конкретный момент проведения допроса определяется следователем с учетом складывающейся следственной ситуации.

Порядок вызова на допрос регламентирует ст. 216 УПК. Так, потерпевший, свидетель, а также находящиеся на свободе подозреваемый, обвиняемый вызываются на допрос повесткой. Допрашиваемый может быть вызван и с использованием и других средств связи. В целом способ вызова определяется следователем не только исходя из процессуального статуса допрашиваемого, но и с учетом конкретных обстоятельств дела (возможная нецелесообразность осведомления родных и близких об участии лица в уголовном процессе и т. п.).

Техническое обеспечение допроса

Допрос – следственное действие, которое характеризуется динамикой. С тактической точки зрения для следователя важно видеть реакцию допрашиваемого на поставленные вопросы, его мимику, жесты, поведение в целом. В ряде случаев важно передать эти функциональные признаки, поведенческие реакции иным органам, ведущим уголовный процесс (прокурору, суду), другим участникам уголовного процесса (потерпевшим, обвиняемым и т. д.). Это может потребоваться и при применении мер безопасности к участникам уголовного процесса. Порой возникает необходимость запечатлеть допрос лица в медицинском учреждении, когда существует угроза его жизни, либо есть опасения, что допрашиваемый в перспективе может отказаться от своих показаний либо изменить их, сослаться на то, что при допросе на него оказывалось давление. В перечисленных и иных подобных случаях в соответствии со ст. 219 УПК целесообразно предусмотреть видеозапись допроса. Для этих целей необходимо заблаговременно позаботиться о готовности технических средств, дополнительном освещении, наличии штатива и т. д. В случаях, когда для производства видеозаписи приглашается специалист, подготовка технических средств, как правило, входит в его обязанности. В случае самостоятельного осуществления видеозаписи подготовка технических средств осуществляется следователем. Изложенные рекомендации касаются и средств аудиозаписи.

В соответствии со ст. 224-1 УПК проведение допроса потерпевшего, свидетеля возможно дистанционно с использованием систем видеоконференцсвязи. Это может иметь место в случаях, когда их прибытие невозможно по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам, необходимо обеспечить их безопасность или безопасность других лиц либо они являются несовершеннолетними. При принятии ука-

занного решения наряду с изложенными позициями следует позаботиться о бесперебойной работе соответствующих компьютерных средств и программного обеспечения.

Составление плана допроса

Подготовка к проведению допроса завершается составлением его плана. В его вводной части находят отражение все перечисленные выше позиции относительно времени, места, круга участников, технических средства и т. д. Основой же плана допроса является его предмет, т. е. совокупность обстоятельств, которые необходимо выяснить. Для этих целей в плане формулируется круг вопросов, которые необходимо поставить, приемы, которые планируется применить, доказательства, которые необходимо предъявить, и т. д.

Если следователь обладает богатым опытом, а предстоящий допрос не представляет сложности (например, круг выясняемых вопросов невелик, а ситуация бесконфликтна), письменный план может не составляться – планирование осуществляется мысленно. Вместе с тем молодому следователю всегда рекомендуется составлять письменный план. Письменное планирование всегда практикуется по многоэпизодным делам, с большим числом потерпевших, обвиняемых, свидетелей. Реализация намеченного плана осуществляется на рабочем этапе допроса.

Раздел III. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. В. Акчурина

Академия ФСИН России,
ул. Сенная, 1, 390000, г. Рязань, Россия, 79206310258@yandex.ru

Проведен анализ статистических данных и правоприменительной практики ФСИН России по возбужденным уголовным делам в отношении осужденных, совершивших преступления в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; расследование преступлений; преступность в пенитенциарных учреждениях.

Несмотря на то, что одной из целей функционирования пенитенциарных учреждений является не только изоляция осужденных к лишению свободы, но и предупреждение совершения ими новых преступлений, тем не менее такие преступления совершаются. Раз есть преступления, значит, есть потребность и в их расследовании, а также в привлечении к уголовной ответственности лиц их совершивших.

Проведенный нами анализ статистических данных ФСИН России по возбужденным уголовным делам в отношении осужденных, совершивших преступления в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы в 2018 г., а также анализ уголовных дел данной категории, показал, что около 65 % уголовных дел расследуются следователями (дознавателями) МВД России, 31 % – следователями Следственного комитета Российской Федерации, 4 % – следователями Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентируя подследственность уголовных дел, не содержит каких-либо упоминаний о подследственности учреждения и органов ФСИН России. Вместе с тем УПК РФ имеет ряд норм, которые могли бы быть основанием для обладания ими процессуальным статусом органа дознания и расследования пенитенциарных преступлений в форме дознания. Однако, данные правовые нормы весьма противоречивы, а правоприменительная практика последних лет также не имеет примеров расследования каких-либо уголовных дел сотрудниками учреждений и органов ФСИН России.

Исходя из указанного, следует отметить, что одной из проблем является отсутствие специализации при расследовании подобных преступлений. Следователи и дознаватели органов внутренних дел (ОВД), в чью подследственность подпадает доминирующая часть преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, не специализируются на расследовании подобных преступлений, поскольку они ведут такие дела только от случая к случаю. Тем не менее, если раньше система исправительных учреждений являлась структурной составляющей ОВД и в связи с этим проблемы расследования пенитенциарных преступлений представляли для ОВД определенный организационный и научный интерес, то с передачей уголовно-исполнительной системы из МВД во ФСИН «непрофильный» интерес угас.

В Следственном комитете РФ также не предусмотрена подобная специализация, которая, надо отметить, была среди следователей прокуратуры. До момента выделения Следственного комитета РФ из прокуратуры РФ в штатных расписаниях специализированных прокуратур, осуществлявших надзор за исполнением законов администрациями исправительных учреждений, существовали должности следователей, которые как раз и расследовали преступления, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях. Таким образом, следует констатировать, что уже почти 10 лет российская следственная практика не имеет специализации в вопросах расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. При этом необходимо упомянуть, что исправительные учреждения функционируют в абсолютном большинстве регионов Российской Федерации. Уголовные дела пенитенциарной направленности ежегодно возбуждаются в доминирующем количестве регионов.

Отсутствие специализации в расследовании пенитенциарных преступлений взаимосвязано с другой проблемой – спадом научной активности в разработке вопросов расследования таких преступлений.

Надо сказать, что исследование вопросов криминалистического обеспечения расследования пенитенциарных преступлений не является новым в российской науке. Эти проблемы являются предметом научного осмысления уже более 50 лет.

В советский период наиболее активно данные вопросы были подвignуты научному исследованию и обобщению в 1970–1990 гг. Так, М. А. Петуховским и А. М. Лантухом были исследованы тактико-криминалистические особенности отдельных следственных действий, проводимых с участием осужденных (допрос и другие первоначальные следственные действия). Формирование основ частных методик расследования преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ, связано

с именами таких ученых, как: А. Г. Бронников, Л. Г. Горшенин, В. Е. Жарский, Е. П. Коновалов, А. М. Лантух, А. Я. Марков, В. А. Машнин, С. И. Медведев, М. А. Петуховский, М. К. Самаддыков, В. И. Соколовский, М. П. Хилобок, Н. Г. Шурухнов и др. Был обобщен практический опыт и разработаны методические рекомендации, учитывающие особенности расследования преступлений, совершаемых осужденными: убийств и причинения вреда здоровью, мужеложства, хулиганства, незаконного оборота наркотиков, побегов из мест лишения свободы, действий, дезорганизирующих работу ИТУ и др.

Организационным и процессуальным особенностям расследования преступлений в ИТУ были посвящены работы Ю. Г. Карпухина, В. К. Коломейца, Н. И. Кулагина, Э. В. Рейтенбаха, З. Д. Смитиенко и др.

Сформировавшиеся на протяжении довольно длительного периода частные рекомендации по расследованию преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, закономерно привели к необходимости их обобщения и разработке целостных общих подходов к расследованию такой специфической категории преступлений, как пенитенциарные. Такое обобщение имеющихся научных разработок в исследуемой теме было связано с именами В. С. Ишигеева, В. В. Николайченко, В. Б. Шабанова, Н. Г. Шурухнова и др.

С началом реформирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства связан новый этап в разноаспектной научной разработке проблем расследования пенитенциарных преступлений (конец 90-х гг. XX в. – настоящее время).

Разработкой новых и совершенствованием ранее предложенных частных криминалистических методик занимались А. В. Беляков, Н. В. Грязева, С. Б. Ларин, Р. М. Морозов, А. А. Нуждин, Б. Л. Прокопенко, Е. В. Чернышенко, А. С. Ямашкин и др. С учетом изменившейся практики и с новых научных позиций сформулированы рекомендации по расследованию убийств, незаконного оборота наркотиков, побегов из мест лишения свободы, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, совершаемых осужденными в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Заложены основы частных криминалистических методик по расследованию мошенничества с использованием средств мобильной связи, а также преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы.

Тактические, процессуальные и психологические особенности производства отдельных следственных действий (допроса, обыска, выемки и ряда иных неотложных следственных действий) рассмотрели в своих

работах С. Д. Аверкин, О. П. Александрова, А. Т. Валеев, Л. В. Казаринова, Р. П. Кузьмин, А. М. Лютынский и др.

Отдельные вопросы криминалистического характера были рассмотрены в диссертационных исследованиях Ф. Г. Абдуллаева, С. А. Бирмамитовой, В. А. Гнатенко, В. А. Ищенко, А. А. Крымова, Е. Р. Пудакова, К. А. Синкина, Е. В. Сопневой, А. В. Страхова и др.

Вместе с тем следует заметить, что в последние 5 лет наметился спад научной активности в разработке научных основ расследования пенитенциарных преступлений.

Однако, даже разработка новых частных криминалистических методик, а также совершенствование уже имеющихся, к сожалению, не решают всех проблем в области расследования пенитенциарных преступлений.

Опрос сотрудников ОВД и Следственного комитета РФ, расследующих пенитенциарные преступления, а также оперативных сотрудников исправительных учреждений, чаще всего осуществляющих предварительную проверку по пенитенциарным преступлениям, показал, что 87 % указанных категорий лиц в своей работе по проведению предварительной проверки и расследованию пенитенциарных преступлений не пользуются научными разработками в области частных криминалистических методик, которые уже имеются в криминалистической науке. Однако все чаще высказывается мнение практических работников о создании соответствующих алгоритмов расследования, которые в сжатом и наглядном виде могли бы быть полезными при расследовании конкретного пенитенциарного преступления.

В заключение укажем еще одну проблему. В настоящее время не по всем пенитенциарным преступлениям имеются разработанные частные криминалистические методики. Так, особое затруднение у практических работников возникает при расследовании преступлений, связанных с причинением насилия осужденными в отношении сотрудников исправительных учреждений, а также их публичного оскорбления.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА

А. Д. Бохонко, И. Р. Веренчиков

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Анализируются с точки зрения криминалистического подхода понятия «причины преступлений» и «условия преступлений». Сформулированы авторские определения рассматриваемых терминов.

Ключевые слова: криминалистическая наука; причины преступлений; условия преступлений; криминалистический подход.

Одним из основных направлений в сфере борьбы с преступностью является разработка и применение мер по ее предупреждению. Научное обеспечение этой сферы государственной политики, практической деятельности правоохранительных органов осуществляется в том числе криминологией, криминалистикой, уголовным процессом, уголовным правом, оперативно-розыскной деятельностью. В этом отношении криминалистика, исходя из исследования новых способов совершения преступлений, может давать рекомендации об их криминализации, чем, несомненно, влияет на уголовную политику. Изучение этих же способов криминальной активности позволяет обнаруживать не только субъектов преступления, но и условия, в которых они совершаются. Устранение (нейтрализация) этих условий – актуальная задача расследования преступлений, установленная уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным законодательством.

Перед криминалистами давно стоит проблема выработки чисто криминалистического понятия причин и условий. Еще Г. Г. Зуйков, занимавшийся исследованием данного вопроса, отмечал: «Необходимость выработки понятия причин и условий, способствующих совершению преступлений, неоднократно подчеркивалась в юридической литературе в последние годы. Было предпринято несколько попыток решения вопросов, связанных с определением этих понятий, однако нельзя сказать, что понятия причин и условий, способствующих совершению преступлений, сложилось окончательно. В частности, не решен вопрос о разграничении причин преступлений, от условий, способствующих совершению преступлений, вопрос о непосредственной причине преступлений, вопрос о том, что входит в совокупность явлений, подлежащих установлению в качестве причин и явлений по каждому конкретному делу, какова роль и сравнительное значение для наступления события преступления отдельных явлений, входящих в совокупность» [1, с. 34].

В криминалистической литературе можно встретить мнения авторов, которые смешивают понятия причин и условий, а также предупреждение и профилактику.

Так, например, ряд ученых считает, что: «Различие причин и условий относительно, оно имеет смысл лишь с учетом особенностей данного дела» [2, с. 19]. Более подробно по этому поводу высказалась Н. А. Якубович, отметив, что «одно и то же обстоятельство в одном уголовном деле выступает как причина формирования антиобщественных взглядов субъекта преступления, а в другом – как условие, способ-

ствующее этому формированию» [3, с. 125]. По мнению И. М. Лузгина, «нередко причины и условия настолько переплетаются между собой, что бывает трудно провести между ними грань. Причина в определенной ситуации может стать условием, а условие – причиной» [4, с. 43].

Г. Г. Зуйков, вложивший в разработку данной проблемы много усилий, несмотря на совершенно справедливое замечание о необходимости разграничения причин и условий, здесь же, в своем диссертационном исследовании тоже придерживается аналогичного мнения: «Различие между причинами и условиями относительно. Это значит, что нет явлений всегда и повсюду играющих роль только условий или только причин» [1, с. 38].

Такое противоречие в его работе, на наш взгляд, объясняется тем, что не только он, но и остальные исследователи, которые касались этой проблемы, во главу угла ставили именно криминологические понятия. Считалось тогда, да и в современной литературе и диссертационных исследованиях, что в изучении категорий причин и условий необходимо учитывать именно мнение криминологов, так как они наиболее тесно связаны с этой проблемой.

Если с точки зрения криминологии причины и условия могут меняться местами, то в криминалистическом (прикладном) их понимании – никогда. Совершенно прав Г. Г. Зуйков, отмечающий по этому поводу: «Причину нельзя не отличать от условий, так как причина выражает сущность явления и направление его развития, условия же способствуют или наоборот, препятствуют действию причины, но сущность процесса не определяют» [1, с. 38].

В криминалистическом понимании условия никогда не могут породить следствие, т. е. произвести какие-либо изменения в окружающей среде. Они могут лишь детерминировать тот или иной способ незаконных действий из числа возможных при данных обстоятельствах и в связи с этим влиять на механизм образования определенных следов.

В. Я. Колдин, отмечает по этому поводу следующее: «Всякое последствие всегда имеет свою непосредственную причину, делающую развитие причинной связи необратимой и приводящую к наступлению последствия. Никакое условие такими свойствами не обладает» [5, с. 63].

Поскольку между причиной и следствием существует самая непосредственная причинная связь, то их изучение для криминалистики имеет важное значение в целях выработки приемов, средств, рекомендаций по применению технических и тактических средств для обнаружения или выявления различных видов следов и иных объектов, определению направления расследования с целью выявления всех обстоя-

тельств, необходимых для правильного, быстрого и качественного расследования конкретного преступления.

Ученые Беларуси, исследовав проблемы профилактики и предупреждения преступлений, их причины и условия, высказали свою точку зрения, исходя из определения сущности явлений. Они в своем исследовании обратились к философскому словарю, в котором содержатся сведения, что причинность в философии обозначает необходимые генетические связи явлений: «... из которых одно (наз. причиной) обуславливает др. (наз. следствием или действием)» [6, с. 383–384]. В свою очередь причины в философии разделяют на полные и специфические. Полная причина – это совокупность всех обстоятельств, при наличии которых необходимо наступает следствие. Таковой является, по их мнению, современное общество и условия его функционирования, а также человек с его интересами и установками на криминальное поведение.

«Специфическая причина – это совокупность ряда обстоятельств, появление которых (при наличии многих других обстоятельств, уже имевшихся в данной ситуации и до наступления следствия и образующих собой условия действия причины) ведет к появлению следствия <...> В специфическую причину объединены наиболее существенные в данной ситуации компоненты полной причины, а остающиеся компоненты выступают лишь как условия действия этой специфической причины» [6, с. 384].

Условия преступности, по мнению данных ученых, «это те явления, которые “запускают” механизм преступления, делают его возможным и приемлемым для субъекта, то есть дают возможность (иногда, заставляют) основной причине (человеку) совершить правонарушение» [7, с. 23]. Следовательно, отмечают они: «... если существуют условия для преступления – оно не замедлит проявиться, так как для этого необходима всего лишь причина. В свою очередь причина преступления обуславливается отношением субъекта к окружающей неблагоприятной для него обстановке в конкретной ситуации» [7, с. 24].

Таким образом, несмотря на то, что причины и условия между собой тесно связаны, в криминалистическом их понимании они являются самостоятельными категориями, а поэтому смешивать их ни в коем случае нельзя.

Непосредственной причиной в криминалистике следует считать действия как преступника, так и потерпевшего, свидетелей и иных лиц, оказавшихся связанными с совершением преступления, которые, производя определенные изменения в окружающей действительности, оставляют соответствующие следы, исследование которых помогает установить истину по уголовному делу.

Под условиями преступности следует понимать обстановку, которую преступник использовал для подготовки, совершения и сокрытия общественно опасного деяния.

Полагаем, что это направление научного исследования (анализ повторяющихся явлений, обуславливающих возможность действия причины) в рамках криминалистики имеет практическую значимость в решении задач уголовного процесса.

Библиографические ссылки

1. Зуйков Г. Г. Выявление органами милиции причин и условий, способствующих совершению преступлений и принятие мер к их устранению (в процессе оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963. 292 л.

2. Выявление причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу / В. К. Звирбуль [и др.] ; отв. ред.: В. Н. Кудрявцев. М. : Юрид. лит., 1967. 152 с.

3. Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия : учеб. пособие. М. : НИИРИО ВШ МВД СССР, 1971. 142 с.

4. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973. 216 с.

5. Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания / под общ. ред. В. Я. Колдина. М. : НОРМА, 2002. 768 с.

6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1986. 588 с.

7. Шабанов В. Б., Красиков В. С. Теоретико-правовые аспекты в сфере предупреждения преступлений // Вестник института : науч.-практ. журн. Вологодского института права и экономики ФСИН России. 2015. № 28. С. 22–25.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ УСТАНОВЛЕННОГО ПРЕСТУПНИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ГРУППОВОМ ХУЛИГАНСТВЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ

Н. С. Бушкевич

Следственный комитет Республики Беларусь,
ул. Фрунзе, 19, 220034, г. Минск, Беларусь, *n.bushkevich@sledcom.by*

Рассматривается с точки зрения криминалистического подхода необходимость изучения следователем личности установленного преступника по уголовным делам о групповом хулиганстве как средства решения ряда частных криминалистических задач.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; изучение личности обвиняемого; судебная психология.

Изучение свойств личности установленного преступника по уголовным делам о групповом хулиганстве и их отражении в материалах уголовного дела по-прежнему является определяющим как для успешного расследования и установления всех деталей совершения криминального хулиганства, степени участия и роли каждого из соучастников, так и для назначения судом наказания, достаточного для исправления и перевоспитания личности хулигана. Нами уже уделялось внимание изучению личностей преступников, совершивших хулиганские действия, и определению их типичных характеристик [1; 2], а также специфики деятельности следователя по их изучению и процессуальному оформлению получаемых результатов [3; 4].

Анализ следственной практики и опыт расследования обозначенной категории дел позволяют говорить о работе следователя по исследованию личности подозреваемого (обвиняемого) как о средстве решения ряда частных криминалистических задач. К их числу следует отнести:

– определение наиболее оптимальных тактических приемов проведения следственных действий, в том числе прогнозирование линии поведения подозреваемого (обвиняемого), определение линии поведения следователя при проведении следственных действий, преодоление противодействия расследованию, установление психологического контакта;

– сбор доказательств, включающий получение достоверной информации от подозреваемого (обвиняемого) о его причастности к расследуемому событию, степени участия соучастников, построение и проверка версий по уголовному делу, возможность объективной оценки показаний подозреваемого (обвиняемого) и сопоставление их с другими доказательствами по делу;

– оказание воспитательного воздействия в первую очередь путем объяснения последствий отдельных действий, поступков, высказываний подозреваемого (обвиняемого), а также его поведения в целом как в момент совершения хулиганства в составе группы, так и в процессе проведения отдельных следственных действий, возможности выбора наиболее целесообразных методов профилактического воздействия.

В контексте деятельности следователя, которому поручено расследование группового хулиганства, наиболее эффективным является диалектический метод исследования. Поведение подозреваемого (обвиняемого) в момент совершения преступления рассматривается через призму психического акта, находящегося в неразрывной связи и зависимости как с внешними факторами, так и его внутренними переживаниями. Подозреваемые, принимавшие участие в хулиганстве, в момент его совершения проявляют такие характерологические черты, как дерзость, импульсивность, раздражительность. Однако, будучи привлеченными

к уголовной ответственности, при проведении следственных действий они нередко выглядят достаточно спокойными и уравновешенными, а порой и раскаявшимися. Поэтому нецелесообразно только лишь по одному из таких эпизодов формировать мнение о совокупности свойств личности подозреваемого (обвиняемого).

Наибольший криминалистический интерес по делам о хулиганстве, в том числе групповом, представляет своевременное получение сведений о свойствах личности социального, биологического и психологического характера. В меньшей степени на начальном этапе расследования актуальна информация о профессиональных способностях подозреваемого, так как механизм совершения этого преступления, как правило, не предполагает применение специальных знаний, умений и навыков.

Деятельности современного следователя по изучению личности преступника во многом способствует установившаяся в последние пять лет тенденция информатизации и автоматизации всех направлений работы Следственного комитета Республики Беларусь. Применение последних технологических решений по модернизации криминалистических средств получения и анализа информации позволяет не только облегчать деятельность следователя по собиранию сведений, характеризующих личность хулигана, но и в разы ее ускорять, обретая при этом преимущество не только в тактике проведения отдельных следственных действий, но и в выработке стратегии расследования.

Создаваемая Следственным комитетом Республики Беларусь единая информационно-аналитическая система (далее – ЕАИС) уже сейчас позволяет в режиме онлайн получать информацию из восьми государственных информационных ресурсов о таких свойствах социального характера, как установочные данные, национальная принадлежность, образовательный уровень, место работы, семейное положение, информация о судимости, отбытии наказания и привлечении к административной ответственности. Такие технические возможности позволяют уже с первых часов расследования использовать сведения о личности для достижения психологического контакта и получения правдивых показаний.

Немаловажным аспектом для организации расследования группового хулиганства, которое достаточно часто совершается в состоянии опьянения, будет являться возможность получения следователями в рамках ЕАИС доступа к автоматизированной информационной системе Министерства здравоохранения Беларуси. В данной системе аккумулируются сведения, касающиеся свойств биологического характера личности, в частности, наличия физиологических зависимостей (алкоголь, наркотики и др.).

Полагаем, что обеспечение автоматизированного доступа сотрудников Следственного комитета к государственным информационным ресурсам, банкам данных государственных и иных организаций позволит упростить и ускорить получение криминалистически значимой информации не только для проведения версионной работы по делам о групповом хулиганстве, но и формирования криминального досье, всесторонне характеризующего личность обвиняемого.

Библиографические ссылки

1. Бушкевич Н. С. Изучение личности преступника при расследовании группового хулиганства // Правовая система Республики Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития : материалы 7 межвуз. науч. конф., Гродно, 29 марта 2007 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Шупицкая (отв. ред.) [и др.]. Гродно, 2007. С. 25–27.

2. Бушкевич Н. С. Сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) как элемент криминалистической характеристики группового хулиганства // Вопросы криминалистики, криминологии и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Науч.-исслед. ин-т крим-ки и судеб. экспертизы М-ва юстиции Респ. Беларусь. Минск, 2007. Вып. 2 (22). С. 71–80.

3. Бушкевич Н. С. Личность подозреваемого (обвиняемого): криминалистические проблемы // Вестн. МГУ им. А. А. Кулешова. 2008. № 1. С. 86–91.

4. Бушкевич Н. С. Отражение сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) в материалах уголовного дела: теоретические взгляды и современное состояние // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2007. № 2 (14). С. 157–160.

УЧЕНИЕ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Ю. В. Варавко

Следственный комитет Республики Беларусь,
ул. Фрунзе, 19, 220034, г. Минск, Беларусь, omopr@sledcom.by

На основе научных трудов доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова исследуется учение о криминалистическом анализе как теоретической основе формирования концепции информационно-аналитической деятельности следователя.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистический анализ; информационно-аналитическая деятельность следователя; цифровизация.

Цифровизация различных сфер жизни человека и общества, возрастающая возможность фиксации и хранения огромных массивов информации, а также максимальное упрощение доступа к ней вызвали суще-

ственные изменения разнообразных видов деятельности, в том числе и деятельности по расследованию преступлений.

Анализ следственной практики убедительно демонстрирует, что на фоне роста значимости информационной составляющей в процессе расследования возросла потребность в разработке новых подходов к работе следователя с поступающими к нему данными, в первую очередь в цифровом виде. В связи с этим В. Б. Исаков верно обратил внимание на то, что «можно накопить гигантские массивы информации, буквально купаться в море фактов, сведений и данных – и не суметь их использовать, принять на их основе своевременные, точные и эффективные решения» [1, с. 9].

Теоретические исследования и практика в области обработки информации и получения на ее основе новых знаний выработали эффективные инструменты и технологии информационно-аналитической деятельности. Для нужд предварительного следствия могут быть адаптированы и использованы: специализированные компьютерные программные продукты; методики аналитической деятельности, применяемые при принятии управленческих решений; разработки по аналитической деятельности в сфере проведения военных операций, международных отношений и т. п. Для раскрытия и расследования преступлений также созданы эффективные аналитические техники. В качестве примера можно привести методы получения нового знания в рамках психологического и географического профилирования на основе анализа следовой информации и определенных корреляционных зависимостей между разрозненными уголовно-релевантными фактами, а также сходные с ними аналитические техники, разработанные Л. Г. Видоным и Е. А. Селивановым, типовые версии по делам об убийствах [2]. При этом указанные, а также иные техники и технологии не нашли широкого и системного применения в практике правоохранительных органов при расследовании преступлений. По нашему мнению, такая ситуация обусловлена в том числе отсутствием теоретической основы, которая позволила бы обеспечить следователя понятными, четкими алгоритмами и приемлемыми подходами по анализу криминалистически значимой информации.

Одной из теоретических разработок, применимых для формирования концепции информационно-аналитической деятельности следователя, может выступать учение о методе криминалистического анализа. Значительный вклад в формирование данного учения внес профессор А. В. Дулов, который изначально, исследуя основы психологического анализа на стадии досудебного уголовного производства, отметил важность для совершенствования различных видов деятельности такого инструмента познания, как анализ [3, с. 3].

В дальнейшем белорусский ученый-криминалист предложил еще одно направление по реализации аналитической составляющей при расследовании уголовных дел – метод криминалистического анализа функций деятельности должностного лица. По мнению А. В. Дулова, данный метод, являясь единственным способом выявления наличия или отсутствия дефектов в работе должностного лица, обеспечивает полноту расследования и позволяет следователю избежать ошибок в ходе предварительного следствия [4, с. 95].

Составными элементами описываемого метода являются приемы других видов анализа: бухгалтерского, экономического, технологического и психологического. Кроме того, А. В. Дулов выделил два вида криминалистического анализа функции должностного лица: качественный и количественный. К последнему автор относит и математические методы, такие, например, как корреляционный [4, с. 99].

Следует отметить, что крайне современной и актуальной является мысль, высказанная А. В. Дуловым в 1983 г., о том, что установление корреляционных зависимостей может использоваться для «выявления закономерностей в связях (встречах) лица, в повторях его нахождения в определенных пространственных параметрах, в повторях совершения действий и т. д.» [5, с. 46]. Подтверждением справедливости данного тезиса ученого является широко используемый сегодня в ходе раскрытия и расследования преступлений анализ телефонных соединений.

Итогом работы в течение более двух десятилетий ученого над различными аспектами использования анализа на предварительном следствии явилось формирование, по нашему мнению, наиболее полного учения о методе криминалистического анализа.

Криминалистический анализ, в основе которого, по мнению А. В. Дулова, лежит реализация системного подхода при изучении преступлений, является одним из методов науки криминалистики, а также выступает в качестве важнейшего инструмента при осуществлении предварительного расследования. При этом его использование должно предшествовать иным методам в исследовании каких-либо объектов криминалистики. Сущность метода состоит «в максимальном использовании знаний криминалистики для анализа и синтеза информации, которую приходится обрабатывать в процессе расследования уголовного дела» [6].

Структура метода криминалистического анализа, его содержание находятся в зависимости от вида объектов криминалистики, подвергаемых исследованию. К ним, согласно позиции А. В. Дулова, относятся: материальные процессы совершения преступления, процессы отражения преступления в окружающей среде и особенности деятельности по расследованию преступлений [7, с. 16–17].

В структуре общего метода криминалистического анализа ученый выделяет системно-структурный, системно-генезисный, системно-коммуникационный и субъектно-функциональный анализы.

Особенности криминалистического анализа процессов отражения преступления определяются в зависимости от отнесения их к материальным, психологическим либо социальным. Например, «исследование результатов психологических отражений (сообщений очевидцев о событии) требует широкого использования психологических, физиологических методов, особого инструментария, разработанного в этих науках для повышения объективности хода и результатов изучения отражений» [7, с. 59–60]. Криминалистический анализ деятельности по расследованию преступлений «предполагает самостоятельное исследование целей, функций, средств, результатов, условий деятельности». При этом предметом анализа являются функции следователя и проводимые им процессуальные действия [7, с. 61].

Важным представляется также тезис о необходимости использования при осуществлении криминалистического анализа познаний в области криминологии, уголовного права, теоретических основ криминалистики. Кроме того, существует потребность в применении контент-анализа, лингвистического, логико-системного видов анализа, а также иных методов из неюридических областей знаний (психологии, социологии, технических наук и т. д.) [7, с. 52].

Таким образом, предложенная А. В. Дуловым теоретическая модель осуществления криминалистического анализа достаточно полно раскрывает сущность данного метода, его предмет и средства. Полагая, положения данного учения могут быть наполнены практическим содержанием, более конкретным, действенным инструментарием. При этом они способны помочь систематизации, а, соответственно, и облегчению восприятия практическими сотрудниками всех возможностей информационно-аналитической деятельности следователя, в том числе существующих уже техник и технологий.

Библиографические ссылки

1. Исаков В. Б. Правовая аналитика : учеб. пособие. М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. 384 с.
2. Видонов Л. Г., Селиванов Е. А. Типовые версии по делам об убийствах : справ. пособие. Горький : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности прокуратуры СССР, 1981. 57 с.
3. Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1973. 168 с.
4. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск : Университетское, 1985. 168 с.

5. Дулов А. В. Использование корреляционных зависимостей для выявления хищений социалистической собственности : учеб. пособие. Минск : МВШ МВД СССР, 1983. 84 с.

6. Дулов А. В. Метод криминалистического анализа // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. ст. / НИИ ПККисЭ М-ва юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Дулов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 1996. Вып. 11. С. 107–117.

7. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Эксперспектива, 1998. 415 с.

**ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ИСПОЛНЕНИЕМ МЕДИЦИНСКИМИ
РАБОТНИКАМИ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ**
А. В. Васильченко

ФГКОУВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», ул. Муксинова, 2, 450091, г. Уфа, Башкортостан, Россия, vav1412@mail.ru

Рассматриваются некоторые аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, а также показано несовершенство критериев оценки их действий.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; специальные знания; неисполнение профессиональных обязанностей; медицинские работники.

За последние годы отмечается неуклонный рост уголовных дел и гражданских дел, связанных с ненадлежащим выполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. В качестве основных причин данного явления называют повышение юридической грамотности населения, увеличение числа юристов и независимых экспертов, специализирующихся на делах подобного рода, тренд судебных решений, направленный на удовлетворение исков, включающих в себя значительные денежные суммы по возмещению морального вреда и материального ущерба пациенту вследствие ненадлежащего оказания ему медицинской помощи [1, с. 52]. Все это происходит на фоне стремления страховых организаций и учреждений здравоохранения переложить ответственность на конкретного медицинского работника.

Сложившаяся ситуация способствует увеличению числа комплексных судебно-медицинских экспертиз в рамках предварительного или

судебного следствия по делам данной категории [2, с. 7], а также повышение требований к заключению эксперта как допустимому доказательству по делу [3, с. 28].

В то же время имеет место несовершенство критериев оценки действий медицинских работников при расследовании совершенных ими профессиональных правонарушений. В частности, при оказании медицинской помощи в учреждении здравоохранения, как правило, причинение вреда носит системный, а не простой характер, т. е. медицинские услуги в учреждении здравоохранения носят комплексный характер и оказываются несколькими работниками из разных служб (отделений) данного учреждения. При этом зачастую наблюдаются дефекты в организации взаимодействия данных служб, этапности оказания услуг, превышении временного лимита ожидания медицинской услуги и т. п., которые могут явиться ведущим фактором причинения вреда (смерти) пациента. На практике в качестве основной причинно-следственной связи неблагоприятного исхода болезни рассматриваются конкретные действия того или иного медицинского специалиста, без учета нарушений в организации оказания медицинской помощи.

В настоящее время отмечается изменение баланса в сторону персонализации ответственности перед пациентом медицинского работника, а не учреждения здравоохранения. Однако, низкая правовая грамотность медицинских работников, отсутствие в ряде случаев четкой регламентации в организации деятельности и взаимодействия различных служб в лечебных учреждениях, отсутствие утвержденных протоколов по диагностике и лечению ряда патологий не способствуют выполнению медицинским работником своих профессиональных обязанностей надлежащим образом. Стремление администрации лечебного учреждения переложить всю ответственность на медицинского работника, отсутствие системы страхования медицинских работников при случаях судебных исков зачастую ведут к тому, что при возникновении судебно-следственной ситуации специалист остается с ней один на один. Это ведет к росту напряженности при выполнении медицинскими работниками своих обязанностей, боязни совершения ошибок, минимизации проведения лечебно-диагностических мероприятий, текучести кадров.

Низкая правовая осведомленность медицинских работников указывает на необходимость повышения уровня знаний данной профессиональной категории в области медицинского права, в частности, в вопросах информированности об административной, гражданской, уголовной ответственности за ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей, алгоритмизации деятельности медицинских работников как при клинических, так и при правовых ситуациях.

Проблемы в качественном оказании медицинской помощи усугубляют отсутствие национальных протоколов по диагностике и лечению по целому ряду нозологий, рост коморбидной патологии и демографическое старение населения.

Отсутствие утвержденных Министерством здравоохранения Российской Федерации протоколов диагностики и лечения ряда заболеваний, нескольких сопутствующих заболеваний, протоколов по уходу за пожилыми пациентами затрудняет судебно-медицинскую оценку качества оказания медицинской помощи пациенту, дает возможность неоднозначной и субъективной трактовки действий медицинского работника.

Вышеуказанные факты свидетельствуют о необходимости пересмотра критериев оценки оказания медицинской помощи пациентам, изменения подхода к установлению причинно-следственных связей ятрогенных повреждений и дефектов оказания медицинской помощи.

При экспертном исследовании ситуации причинения вреда (или смерти) пациенту необходимо учитывать как общие, так и частные характеристики заболевания (травмы) наступления лечения. Особое внимание следует уделять уровню организации лечебно-диагностического процесса в учреждении здравоохранения, технической оснащенности отделения (специалиста), выполнение требований нормативных правовых актов Министерства здравоохранения России. Выводы эксперта должны включать не только установление причинно-следственной связи между неблагоприятным исходом и действиями конкретного специалиста, но и иные обстоятельства, повлиявшие на исход лечения.

Таким образом, заключение по результатам судебно-медицинской экспертизы имеет решающее значение при оценке качества оказания медицинской помощи, установления причинно-следственных связей между дефектами в оказании медицинской помощи и вредом здоровью или смертью пациента обстоятельствами случившегося факта ненадлежащего выполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей. Это обуславливает, с одной стороны, необходимость совершенствования методологической и правовой базы судебно-медицинской экспертизы по материалам уголовных и гражданских делам.

С другой стороны, нельзя не отметить необходимость проведения мероприятий по повышению качества медицинской помощи, правовой грамотности медицинских работников, совершенствования системы страхования медицинских работников в случаях судебных исков от пациентов по возмещению морального вреда и материального ущерба.

Библиографические ссылки

1. Флоря В. Н., Пилат С. П., Пилат А. Ю. Судебно-медицинская экспертиза по делам о «врачебных преступлениях» // Медицинское право. 2018. № 4. С. 50–54.

2. Сергеев Ю. Д., Козлов С. В. Концепция совершенствования судебно-медицинской экспертизы неблагоприятных последствий оказания медицинской помощи // Медицинское право. 2018. № 4. С. 3–8.

3. Альшевский В. В. Методика судебно-медицинского исследования при производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве по делам о причинении врачом вреда здоровью пациента (сообщение 1) // Медицинское право. 2018. № 4. С. 28–32.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В ЧАСТНОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В. Л. Григорович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

Предлагается авторский подход к содержанию и структурным элементам криминалистической характеристики преступлений с учетом изучения уголовных дел и анализа существующих теоретических концепций.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая характеристика преступлений; частная методика расследования преступлений.

Криминалистическая характеристика общественно опасного деяния является научно обобщенным и необходимым элементом в структуре противодействия уголовно наказуемому поведению граждан и основывается на общетеоретических подходах формирования криминалистической методики в целом. Поэтому структура криминалистической характеристики преступлений, по нашему мнению, должна соответствовать реальным потребностям практики и современным научно-теоретическим воззрениям. Учение о криминалистической характеристике преступлений разрабатывали Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, И. Ф. Герасимов, А. Н. Колесниченко, В. А. Образцов, И. Ф. Пантелеев, А. Н. Селиванов, Л. А. Сергеев, В. Г. Танасевич и др.

Термин «криминалистическая характеристика преступлений» впервые встречается в работах А. Н. Колесниченко. Он, в частности, писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений. Преступления имеют общие черты криминалистического характера [1, с. 10, 14].

По мере накопления знаний об общих криминалистических чертах различных видов преступлений появилась возможность глубже разобраться в сути возникающих проблем. Важный вклад в исследование криминалистической характеристики внесла научно-практическая конференция, посвященная общим понятиям методики расследования пре-

ступлений, которая состоялась в ноябре 1976 г. в г. Одессе. В ходе ее работы большинство ученых-криминалистов признали, что криминалистическую характеристику преступлений необходимо рассматривать как структурный элемент каждой конкретной методики расследования. Однако, несмотря на единство взглядов по вопросу о месте криминалистической характеристики преступлений в структуре частной методики, следует признать, что многие ее положения остаются дискуссионными.

«Отсутствует не только общее определение криминалистической характеристики преступлений, – пишет В. Я. Колдин, – но и целостная концепция этого понятия» [2, с. 65].

Неоднозначное отношение к криминалистической характеристике преступлений существовало и у корифея и патриарха криминалистики Р. С. Белкина, который ранее утверждал: «Представляется, что криминалистическая характеристика как целое, как единый комплекс имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях» [3, с. 57]. Позже он писал: «Я убежден, что криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [4, с. 223]. В другой своей книге Р. С. Белкин отмечал следующее: «Мы начинаем склоняться к этому радикальному решению, но поскольку окончательно не убеждены в его правильности, оставляем выбор за читателем, полностью повторяя все то, что было нами сказано ранее о криминалистической характеристике преступлений» [5, с. 739].

Однако «анализ теории и практики борьбы с преступностью показывает, что правильное и умелое использование одной из основных категорий криминалистики – криминалистической характеристики – является важным условием для эффективного (быстрого, всестороннего, полного, объективного) расследования преступлений того или иного вида и одним из главных элементов в частной методике расследования» [6, с. 8].

Исследование теоретических взглядов позволяет нам прийти к выводу о том, что большинство ученых понятие криминалистической характеристики преступлений относят только к отдельным видам деяний. Так, о видовой криминалистической характеристике пишут в своих работах А. Н. Басалаев, С. И. Винокуров, И. Ф. Герасимов, В. А. Гуняев, С. П. Митричев и др. А. Н. Колесниченко и Е. В. Коновалова считали, что отнесение криминалистической характеристики к виду (группе) преступлений является одним из необходимых условий теоретической четкости и практической полезности соответствующих рекомендаций [7, с. 5].

Наряду с этим, анализ научных источников свидетельствует также о существовании позиции, согласно которой необходимо в зависимости от уровня сведений, содержащихся в криминалистической характеристике, различать три ее уровня:

общую криминалистическую характеристику преступлений (характеристику всех видов преступлений);

видовую криминалистическую характеристику преступлений;

индивидуальную криминалистическую характеристику конкретного преступления [8, с. 34–44].

По нашему мнению, общую криминалистическую характеристику преступлений следует рассматривать как научную абстракцию, дающую возможность наиболее полно представлять и углубленно понимать механизм взаимодействия элементов общественно опасного деяния в целом и преступной деятельности субъекта в частности. Кроме того, следует выделить сформировавшуюся в теории криминалистики родовую, видовую и межвидовую (групповую) криминалистическую характеристику преступлений, например против личности, собственности, порядка управления либо экологии, а также убийств, изнасилований, краж, грабежей, разбоев и, наконец, деяний, совершенных несовершеннолетними, рецидивистами, лицами, страдающими психическими расстройствами, и др.

Анализ криминалистической литературы о содержании криминалистической характеристики преступлений позволил выделить две наиболее распространенных точки зрения ученых и их комбинированный вариант. Одна группа ученых считает, что основанием для создания криминалистической характеристики является состав преступления, другая – предмет доказывания по уголовному делу. Ряд ученых придерживаются взглядов, что оба основания имеют права на сосуществование [9, с. 116].

Мы убеждены в том, что основанием для создания криминалистической характеристики преступлений является функционально-деятельная структура общественно опасного деяния, состоящая из субъекта, его способа действий, предмета посягательства, преступного результата, времени, места и обстановки совершения преступления. Причем мотивированное волеизъявление субъекта является определяющим для остальных элементов структуры, поэтому закономерные связи между ними исходят от субъекта и как бы пронизывают их насквозь. Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой информационную модель об этих элементах, чем обеспечивает анализ исходной информации для оценки складывающейся следственной ситуации, выдвижения версий и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

На сегодняшний день развития учения о криминалистической характеристике преступлений ее структура окончательно не определена. Так, Е. П. Ищенко и А. А. Топорков, отождествляя понятия «обстоятельства, подлежащие доказыванию» и «криминалистическая характеристика преступлений», считают, что она «обязательно должна включать: типичные исходные сведения; данные о типичных способах совершения и сокрытия этого вида преступления и типичных последствиях их применения; сведения о личности вероятного преступника, вероятных мотивах и целях содеянного; данные о личности вероятной жертвы и о типичном предмете посягательства; сведения о типичных обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка)» [10, с. 491]. И. Ф. Герасимов утверждает, что основными структурными элементами криминалистической характеристики преступлений, которые определяют ее содержание, можно считать: распространенность преступного деяния; особенности выявления и обнаружения преступлений, имеющих сравнительно общий характер; механизм слеодообразования, характерный для данного вида или группы преступных посягательств; способ совершения преступления; особенности личности поведения обвиняемого; обобщенные данные о личности потерпевших; другие сведения [11, с. 344].

По мнению большинства авторов, криминалистическая характеристика включает следующие элементы:

- объект или предмет преступного посягательства;
- способы совершения и сокрытия преступления;
- типичные следственные ситуации. Позже в своих работах и А. Н. Колесниченко и И. Ф. Герасимов несколько иначе определили структуру криминалистической характеристики, рассмотрев типичные следственные ситуации как самостоятельный элемент частной методики расследования преступлений [11, с. 345–348; 12];
- характеристику исходной информации;
- данные о личности преступника, мотивах и целях преступления;
- данные о личности потерпевшего;
- особенности обстановки и условий, в которых совершается преступление;
- данные о типичных для определенного вида преступлений причинах и условиях, способствовавших их совершению.

Изучение уголовных дел и существующие теоретические концепции криминалистической характеристики преступлений позволяют определить ее содержание, в которое, по нашему мнению, необходимо включить следующие структурные элементы:

- предмет преступного посягательства;
- типичные способы совершения и сокрытия преступления;

- следовую картину;
- типичные сведения о личности преступника, мотивах и целях общественно опасного поведения;
- данные о личности потерпевшего;
- закономерные связи между ними. «В отношениях между элементами криминалистической характеристики можно наблюдать оба вида закономерных связей – однозначную (динамическую) и вероятностную (статическую). При однозначной связи присутствие одного элемента позволяет заключить о существовании другого» [13, с. 24].

Библиографические ссылки

1. Колесниченко А. М. Научные и правовые основы расследования отдельных видов и групп преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
2. Колдин В. Я. Криминологическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. М. : Наука, 1987. № 2. С. 63–69.
3. Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Социалистическая законность. М. : Известия, 1987. № 9. С. 56–58.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Инфра-М-НОРМА, 2001. 240 с.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 837 с.
6. Розанов С. А. Синтетические наркотики: вопросы расследования преступлений. СПб. : Питер, 2001. 224 с.
7. Колесниченко А. М., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений : учеб. пособие. Харьков : Юрид. ин-т, 1985. 93 с.
8. Густов Г. А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика : сб. науч. тр. М., 1984. 418 с.
9. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 144 с.
10. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Общие положения криминалистической методики расследования // Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М. : ИНФРА-М, 2003. 748 с.
11. Герасимов И. Ф. Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика : учеб. для вузов / И. Ф. Герасимов [и др.] ; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М. : Высш. шк., 2000. 672 с.
12. Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / В. П. Бахин [и др.] ; под ред. В. К. Лисиченко. Киев : Вища школа, 1988. 404 с.
13. Баев О. Я. Криминалистическая характеристика преступлений : Руководство для следователей / под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. М. : ИНФРА-М, 1997. 732 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. Г. Жук

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, *mzhuk59@mail.ru*

Рассматривается теоретический подход к организации выявления противодействия расследованию преступлений. Дается авторское определение термина «противодействие расследованию преступления».

Ключевые слова: криминалистическая наука; противодействие расследованию преступлений; деятельность следователя.

Проблема противодействия предварительному расследованию, в том числе и криминального воздействия со стороны преступников, организованных преступных формирований на свидетелей, потерпевших, иных участников уголовного процесса, в настоящее время стала серьезным препятствием для осуществления правосудия.

В бытовом восприятии противодействие – это борьба противоположных интересов, когда в ответ на действия одной стороны противоположной стороной предпринимаются контрдействия. Но такое упрощенное понимание противодействия не отвечает его научному толкованию. Этимологическое толкование термина «противодействие» в словарях русского языка приводится в качестве производного от корневого термина «действие», включающего такое социальное содержание, как общественно полезная и легитимная деятельность, подвергающаяся научному анализу и совершенствованию. Так, словарь русского языка С. И. Ожегова дает значение слова «противодействие», как «действия, препятствующего другому действию». При этом действие означает результат проявления деятельности чего-нибудь, влияние, воздействие, а деятельность – это какое-либо занятие, труд или работа каких-нибудь органов.

В криминалистической литературе предпринято немало попыток сконструировать понятие противодействия расследованию.

По мнению В. О. Москвина, противодействие расследованию может выступать в качестве способа деятельности, направленной не только на воспрепятствование вовлечению следов преступления в сферу расследования, но и на создание следов ложного преступления, инсценировки преступного события. «В таких случаях лицо, противодействуя расследованию, стремится “вовлечь” следы ложного преступления, инсценированного события в сферу уголовного процесса и желает, чтобы они в последующем были оценены как доказательства» [1, с. 36]. Несколько

иначе понимает противодействие расследованию А. М. Кустов. По его мнению, противодействие предварительному расследованию – это «система противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами, направленными на дезорганизацию работы по раскрытию преступления, воспрепятствование достижению объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия различными лицами, заинтересованными в уклонении от ответственности виновного» [2, с. 15]. Как представляется, это определение является не бесспорным. Во-первых, противодействие – это не всегда противоправные действия, многие способы противодействия не наказуемы законом. Во-вторых, противодействие не всегда осуществляется только заинтересованными лицами, связанными с преступником; это могут быть и совершенно посторонние лица, не осознающие негативных последствий своих действий. В-третьих, противодействие – это не всегда система действий, оно может проявляться и в самостоятельных поведенческих актах, не связанных общим замыслом. В-четвертых, противодействие не всегда имеет цель дезорганизовать всю работу по делу, нередко цели его более локального характера: например, вывести из дела одного из подозреваемых (обвиняемых), скрыть какие-то отдельные обстоятельства преступления и тем самым облегчить участь преступника и т. п.

С точки зрения В. Н. Карагодина, противодействие расследованию – это «умышленные действия (или система действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу» [3, с. 31]. Р. С. Белкин определяет противодействие расследованию так: «умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по делу» [4, с. 464].

Одно из определений рассматриваемого феномена дает А. Ю. Федоренко, который определяет противодействие как «детерминированную объективными и субъективными факторами противоправную систему действий (бездействий), направленную на воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений, а в конечном итоге решению задач путем воздействия на источники и носители криминалистически значимой информации» [5, с. 133]. Вместе с тем этимологически «противодействие» возможно только как действие, препятствующее другому действию, т. е. когда имеется действие, в котором лицо, совершившее преступление, либо другие участники уголовного процесса, видят угрозу для себя или своих близких и предпринимают меры по его устранению [6, с. 169].

Любой вид человеческой деятельности проходит в условиях противодействия сил природы, государственного регулирования (чрезмерно-

го, оптимального, недостаточного, слабого), т. е. ограничения. Применительно к преступной и постпреступной деятельности, государство и общество целенаправленно принимают меры против развития и самого существования преступности, что в свою очередь, вынуждает преступников совершенствовать свое «ремесло» – приемы, средства, методы, организацию преступной деятельности.

Считается, что изначально противодействие включалось в структуру способа совершения преступления, в связи с чем вплоть до настоящего времени в криминалистической литературе понятия «сокрытие преступления» и «противодействие расследованию» используются как синонимы [7, с. 107].

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что противодействие расследованию преступления – это выбор заинтересованными лицами соответствующей линии поведения, принятие мер, направленных на создание препятствий в собирании и использовании доказательств с целью уклонения от ответственности, которые совершаются ими после выявления преступления и начала его расследования. Противодействие есть разновидность ненормативного поведения участников уголовного процесса. Оно выражается в умышленной деятельности по воспрепятствованию деятельности органов правоохранительной системы, в чью компетенцию входит осуществление уголовного преследования по выявлению, закреплению, проверке, оценке и использованию доказательств в целях изобличения лица в совершении преступления на всем протяжении уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Сапожников А. И., Шевченко В. М. Ухищренное поведение подозреваемых (обвиняемых) как разновидность противодействия расследованию // Российский следователь. 2008. № 2. С. 36–40.
2. Кустов А. М. Механизм деятельности по противодействию расследованию // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений. М.: Труды Академии МВД РФ, 1996. С. 15.
3. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 175 с.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М. : НОРМА, 2001. 623 с.
5. Леоненко Р. М., Федоренко А. Ю. К вопросу о выявлении и преодолении противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Противодействие незаконному обороту наркотиков и злоупотреблению ими в странах СНГ : материалы междунар. семинара; 19 апр. 2002 г., Брянск. М., Брянск : МУ МВД России, 2002. С. 133–137.
6. Лобанов С. В. Противодействие расследованию преступлений, совершенных организованными преступными группами: сущность, проблемы и спо-

собы его преодоления // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4. С. 169–172.

7. Галанова Л. В. Ситуации противодействия расследованию преступлений, совершенных организованными группами преступников, и средства их преодоления // Проблемы права. 2009. № 3. С. 107–110.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК

Г. А. Зорин, В. Б. Шабанов

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуются криминалистические приемы и методы предотвращения следственных ошибок. Выделяется комплекс профилактических мероприятий, которые следователь должен выполнить при подготовке к каждому следственному действию.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистические приемы; криминалистические методы; предотвращение следственных ошибок.

Несомненно, что следственная ошибка негативно влияет на весь ход расследования по уголовному делу. Чтобы снизить вероятность совершения ошибок, следователь должен при подготовке к каждому следственному действию выполнить комплекс профилактических мероприятий:

– выявить ошибки, которые могут быть совершены при выполнении предстоящего следственного действия, с учетом индивидуальных особенностей участников будущего действия. Здесь целесообразно исходить из правила, что каждый элемент исходной следственной ситуации может содержать условия для следственной ошибки, т. е. следователь на любом этапе расследования может совершить ошибку, тем более что любой элемент следственной ситуации может стать платформой для ошибочного действия;

– определить этапы развития предстоящей следственной ситуации, на которых могут быть допущены ошибки, т. е. время и место в динамике следственной ситуации, когда совершение следственной ошибки наиболее вероятно. Таким образом, подготавливаемые следственные действия могут рассматриваться (оцениваться) с точки зрения прогнозирования: а) возможности факта совершения ошибки; б) места возможной ошибки в пространственной структуре следственного действия; в) времени, когда совершение ошибки наиболее вероятно; г) длительности процесса совершения возможной ошибки (в течение часа, мину-

ты, недели, долей секунды); д) последовательности стадий процесса совершения ошибки;

– определить пути, средства и методы предотвращения ошибок и их возможных последствий.

Каждая возможная или совершенная ошибка следователя может быть рассмотрена с позиций критериев, сформулированных Г. М. Зарковским и В. И. Медведевым [1, с. 5–6]:

- 1) место ошибки в системе следственного действия;
- 2) внешнее проявление следственной ошибки;
- 3) последствия ошибки;
- 4) характер отображения ошибки в сознании следователя;
- 5) причины следственной ошибки.

Например, при оценке места ошибки в системе функционирования следственного действия устанавливается, в какой стадии, при выполнении какого приема, при постановке какого вопроса допущена тактическая ошибка.

Используя классификацию А. Р. Ратинова, объективные условия можно разделить на провоцирующие, способствующие, нейтральные, затрудняющие и препятствующие [2, с. 25].

При оценке внешнего проявления ошибки целесообразно рассмотреть действия следователя со следующих позиций:

- невыполнение требуемого действия, части поставленной задачи;
- неправильное выполнение поставленной задачи в целом или какого-либо тактического приема;
- выполнение требуемых действий, но не в правильной последовательности;
- выполнение не требуемых, лишних действий, вызывающих негативную реакцию допрашиваемого.

Следственная ошибка может анализироваться с позиций установления причин, которые можно разделить на непосредственные и главные.

Непосредственные причины могут быть проанализированы в двух аспектах:

– по месту в структуре функциональной деятельности следователя: ошибка восприятия; ошибка памяти; ошибка в принятии решений; ошибки в ответных реакциях следователя;

– по нарушенным закономерностям можно выделить следующие виды ошибок: неправильная оценка поступающей информации и отсутствие предвидения появления важной доказательственной информации; недостатки внимания следователя.

Главные причины ошибок следователя могут быть связаны со следующими факторами: профессиональная непригодность; физическое и психологическое состояние следователя в конкретной следственной ситуации; недостаточная подготовка следователя к выполнению данной тактической задачи; неправильная организация труда следователя.

Предложенная классификация следственных ошибок и их критериев не является исчерпывающей, но ее использование в следственной практике может дать положительный эффект при подготовке, производстве и анализе результатов следственного действия.

Меры профилактики следственных ошибок могут быть следующими:

1) повышение качества выполняемых стандартных следственных действий, что исключает условия для возникновения следственных ситуаций с высоким уровнем неопределенности;

2) повышение эффективности и результативности отдельных следственных действий, чтобы иметь избыточный доказательственный потенциал, доказательственный «запас прочности»;

3) системный инициативный поиск ситуаций, которые потенциально могут содержать информационную неопределенность, проблемность для следователя;

4) прогнозирование развития следственных ситуаций в различных плоскостях и с различных точек зрения в поиске возможных проблемных ситуаций и методов профилактики неопределенности этих ситуаций;

5) комбинирование элементов широко применяемых методов и создание индивидуального комплекса поисковых методов, чтобы исключить возможность непредсказуемого новоявления проблемных следственных ситуаций в экстремальных условиях.

Последнее порождает необходимость готовиться к работе в условиях экстремальности, при наличии различных помех.

Повышению качества решений способствует предвидение возможных деформаций по Ю. Козелецкому [3, с. 431].

Назовем, к примеру, несколько таких деформаций, выявленных исследователями:

– тенденциозный отбор информации, игнорирование или искажение тех данных, которые не совпадают с мнениями людей, принимающих решение;

– необоснованный оптимизм: «Наиболее вероятно то, что полезно»;

– эффект сопротивления: «То, что недопустимо, становится особенно привлекательным»;

– эффект регрессивного мышления: «То, что в действительности произошло, имело наибольший уровень вероятности в прошлом»;

- неспособность различения хороших решений и хороших результатов;
- единомыслие и хорошая атмосфера в группе становится важнее, чем качество принимаемых решений;
- явление принятия в группе решений, связанных с большим риском;
- убеждение в том, что ошибочные решения проистекают от недостатка компетенции или злого умысла людей, тогда как причины большинства неправильных решений следует искать в окружении, например, в устаревшей структуре социального института, в рамках которого действовало лицо, принимавшее решение.

Знание такого рода деформаций и ошибок позволяет так организовать процесс принятия решений, что большая часть таких нежелательных явлений может быть, по крайней мере частично, устранена.

Проблему предотвращения ошибок целесообразно решать, обращаясь к нераскрытым резервам тех, кто эти ошибки совершает, начиная со студентов вузов и заканчивая опытными следователями с большим стажем работы.

Подготовка следственного действия – это процесс развития следственного творчества, основанного на постоянном генерировании идей, предвосхищении каждого тактического шага и процесса расследования по делу в целом.

В рамках системы подготовительных действий следователь учится не бояться ошибок, а своевременно их обнаруживать и нейтрализовать.

В некоторых случаях подготовка следственного действия вызывает острую необходимость в использовании интуиции, заменяющей длинную цепь логических рассуждений. Но сам процесс подготовки предстоящего следственного действия уже является основанием для запуска поискового механизма интуиции.

Оптимальные методы подготовки следственного действия приспособливают следователя к процессам творческого поиска, свободной импровизации в рамках традиционных алгоритмов следственной деятельности.

Основой такого поиска является отношение к риску, который применительно к уголовному праву вписывается в содержание категорий прямого и косвенного умысла, неосторожности. Это в полной мере можно принять и перенести на оценку тактического риска, допущенного следователем или иным участником следственного действия.

Учитывая степень ответственности за рискованные действия, следует признать, что только осознанный, мотивированный риск, избран-

ный следователем с прямым или косвенным умыслом, допустим. При выполнении рискованных действий по неосторожности следователь теряет контроль над ситуацией, необоснованно полагая, что недопустимые последствия не наступят.

Вместе с тем главным критерием допустимости тактического риска является допустимость проигрыша. Это означает, что следователь, выбирая решение (одно без риска, но с минимальным выигрышем, другое с риском, но с максимальным выигрышем или проигрышем), должен прогнозировать и результат – как при удачном решении задачи, так и при неудачном.

Главное, чтобы самый неудачный результат деятельности следователя был бы допустим с точки зрения закона и следственной этики.

Библиографические ссылки

1. Зараковский Г. М., Медведев В. И. Классификация ошибок оператора // Техническая эстетика. 1971. № 10. С. 5–6.
2. Ратинов А. Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход. М. : Юрид. лит., 1979. 173 с.
3. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М. : Юрид. лит., 1979. 539 с.

ИДЕИ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ Ю. Ф. Каменецкий

Следственный комитет Республики Беларусь,
ул. Фрунзе, 19, 220034, г. Минск, Беларусь, y.kamenecki@sledcom.by

На основе научных трудов доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова исследуются проблемы следственной профилактики, определяются перспективы ее развития для криминалистической теории и практической деятельности.

Ключевые слова: криминалистическая наука; следственная профилактика; предупреждение преступлений; воспитательная деятельность следователя.

Вопросу профилактической деятельности следователя отведено значительное место в трудах не только известного профессора Андрея Васильевича Дулова, но и его многочисленных учеников. Оценивая его вклад в белорусскую научную школу криминалистики, следует отметить, что и сегодня многие идеи являются актуальными и востребованными, поскольку требуют своего научного осмысления в области развития теории и практики следственной профилактики.

В начале своих научных исследований А. В. Дулов сконцентрировал внимание на проблемах судебной экспертизы. В его кандидатской и докторской диссертациях, монографиях «Вопросы теории судебной экспертизы» (Минск, 1959), «Из истории криминалистической экспертизы России» (Москва, 1960), «Права и обязанности участников судебной экспертизы» (Минск, 1962) автор отдельное внимание уделил актуальности профилактической деятельности следователя и роли судебной экспертизы при ее осуществлении. Он справедливо отмечает, что «...правосудие и прибегает к помощи науки в виде судебной экспертизы, чтобы вскрыть объективные, действительно существующие причины и следствия, действительно существующую сущность, в тех случаях, когда для этого нужны специальные познания. Суду нужны не субъективные мнения, а объективные заключения, и только получение таких заключений и составляет цель назначения судебной экспертизы» [1, с. 9]. В связи с этим весьма перспективным направлением является не только более активное использование судебной экспертизы в решении профилактических задач, но развитие ее возможностей, обеспечивающих реализацию следственной профилактики. Для нужд профилактической деятельности следователя особую актуальность представляют исследования как самого человека (свойства его физиологии и психики, генотипа, развитие заболеваний), так и его взаимодействия с окружающим миром (машины, механизмы, высокие технологии).

Профилактическая деятельность с давних времен являлась неотъемлемой частью расследования. Об этом свидетельствует множество примеров, которые приведены А. В. Дуловым при исследовании судебной экспертизы. Так, академик Д. И. Менделеев не только вскрыл ряд способов подделки документов, но и принимал непосредственное участие в разработке специальных бумаги и чернил, предохраняющих документы от подделки [2, с. 85–86]. Таким образом, с позиции следственной профилактики указанный очерк истории судебной экспертизы является основой для более глубокого осмысления и познания существовавших форм взаимодействия при осуществлении профилактики преступлений и эволюционного развития организационной составляющей такого взаимодействия.

Изучая организацию взаимодействия следователя и эксперта, А. В. Дулов описал сущность их сотрудничества и провел грань между их компетенцией в познании детерминант преступлений: «Собирание фактических данных – дело следователя и суда, а дело эксперта – находить в них с помощью своих специальных познаний дополнительные свойства, стороны, сущности, выявлять взаимосвязи и другими фактическими обстоятельствами, устанавливая закономерности, причинно-следствен-

ные связи» [3, с. 26]. Данный подход свидетельствует, что следственная профилактика неотделима от судебной экспертизы и может быть использован для детализации существующих между ними взаимосвязей.

Далее научные изыскания профессора А. В. Дулова шли в области судебной психологии – публикуются его монографии «Введение в судебную психологию» (Минск, 1969), «Основы психологического анализа на предварительном следствии» (Москва, 1973), «Судебная психология» (Минск, 1975). В них автор отмечает необходимость изучения психических закономерностей преступника и лиц, выполняющих те или иные функции в ходе расследования, а также разработки наиболее эффективных методов профилактического воздействия.

А. В. Дулов исходит из того, что «предупреждение преступлений – это не только введение дополнительной охраны, изменение порядка, учета и хранения материальных ценностей и т. д., это прежде всего сложная борьба за перестройку психологии человека» [4, с. 69]. Соответственно, развивая эту мысль при разработке теории и осуществлении практики следственной профилактики, следует исходить именно из гуманистической методологии [5], из сущности человека, детально изучать мотивы, которые движут людьми до, во время и после совершения преступления.

В психологической структуре деятельности следователя выделяется отдельный компонент – воспитание, которое является целью каждого следственного действия и общения следователя с гражданами (подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим и др.) [6, с. 38, 7, с. 262]. К примеру, «воспитательная деятельность следователя должна быть направлена и на ликвидацию морального ущерба, нанесенного потерпевшим, свидетелям» [7, с. 263]. Таким образом, развивая эту идею в рамках следственной профилактики, возникает острая потребность в разработке рекомендаций, ориентированных не столько на принятие следователем мер по заглаживанию последствий преступлений, сколько стимулирования участия в этих процессах виновных лиц.

В монографиях «Тактика следственных действий» (Минск, 1971), «Тактические операции при расследовании преступлений» (Минск, 1979), «Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами» (Минск, 1985) предложены тактические основы не только расследования, но и осуществления в ходе него профилактической деятельности.

При разработке тактики следственных действий А. В. Дулов отметил, что она представляет систему тактических приемов, т. е. наиболее эффективных и целесообразных способов проведения следственных действий, применение которых обеспечивает реализацию профилакти-

ческой деятельности следователя [8, с. 5]. К примеру, «изучение личности допрашиваемого позволяет следователю предвидеть возможную мотивацию его поступков, линию поведения его на допросе и в связи с этим правильно планировать свои действия и наметить тактику допроса» [8, с. 64]. Соответственно, тактические основы следственной профилактики при производстве следственных действий требуют дальнейшей детальной разработки рекомендаций о наиболее эффективных тактических приемах, обеспечивающих задачи профилактической деятельности.

В дальнейших исследованиях А. В. Дулов приходит к выводу, что такая цель расследования, как предупреждение преступлений, достигается только в результате применения следователем значительного числа тактических средств, должна выделиться в самостоятельное направление и планироваться в виде отдельного комплекса действий [9, с. 6]. Таким образом, для реализации следственной профилактики возникает острая необходимость не только в разработке отдельных тактических приемов, но и концентрации их в самостоятельной тактической операции.

В подтверждение данной идеи А. В. Дулов посвятил отдельную главу профилактической деятельности следователя в книге «Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами». В ней он изложил цели, принципы и этапы данной деятельности и на основании этого обосновал идею о необходимости производства в ходе расследования не просто совокупности профилактических мероприятий, а единой тактической операции «профилактика» [10, с. 145]. На основе данного подхода он разработал ряд рекомендаций по выявлению детерминант должностных преступлений и принятию мер по их ликвидации.

Научная школа профессора А. В. Дулова более детально развила идеи тактических основ следственной профилактики, и под его научным руководством были защищены кандидатские диссертации И. С. Андреевым «Профилактическая деятельность следователя при расследовании дорожно-транспортных происшествий» (Минск, 1982), П. Н. Сидориком «Профилактическая деятельность следователя по делам несовершеннолетних» (Минск, 1988), И. Р. Веренчиковым «Профилактическая деятельность следователя» (Минск, 1990) [11; 12; 13].

В совместной монографии А. В. Дулова и А. С. Рубиса «Основы формирования криминалистической теории доказывания» авторы приходят к выводу, что лишь доказывание позволяет не только досконально установить обстоятельства преступного события, выявить преступление, но и осуществить действия по профилактике и предупреждению подобного преступного поведения. Разработать профилактические мероприятия возможно после установления всей криминалистической структуры преступления и всех систем связей между ее элементами.

«В то же время нельзя оценить действенность разработанных профилактических мер, не изучив всех собранных по уголовному делу фактов, связей между ними, то есть не осуществив доказывание» [14, с. 82]. Таким образом, разработанные авторами основы криминалистической теории доказывания направлены не только на собирание, проверку и оценку доказательств о преступлении и его детерминантах, но и использование полученных доказательств для формирования убеждения следователя, иных участников уголовного процесса и общественности в эффективности и справедливости мер профилактического характера.

Ряд работ А. В. Дулова был посвящен проблемам общей теории борьбы с преступностью. К примеру, его исследование связей между науками уголовно-правового цикла позволяет существенно активизировать изучение профилактической деятельности. «У права имеется общая цель – предупреждение возникновения дефектов, опасностей, конфликтов в обществе. Развитие этой задачи присуще в той или иной мере уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, юридической психологии. Таким образом, каждая наука выполняет профилактическую функцию» [15, с. 281].

Таким образом, профессор А. В. Дулов внес существенный вклад в развитие исследований, посвященных профилактической деятельности следователя. К наиболее актуальным и перспективным его предложениям и идеям, требующим своего научного осмысления и развития в рамках теории следственной профилактики, следует отнести: обоснование необходимости применения при осуществлении указанной деятельности возможностей судебной экспертизы и судебной психологии; рекомендации по изучению личности для тактики предупредительной деятельности; разработка тактических основ профилактической деятельности и выделение отдельной тактической операции «профилактика»; использование криминалистической теории доказывания для осуществления профилактической деятельности; изучение связей наук уголовно-правового цикла как методологической основы исследования профилактики преступления.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск : БГУ, 1959. 188 с.
2. Дулов А. В., Крылов И. Ф. Из истории криминалистической экспертизы России. М. : Госюриздат, 1960. 166 с.
3. Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск : Изд-во М-ва высш., сред. специал. и проф. образования БССР, 1962. 408 с.
4. Дулов А. В. Введение в судебную психологию. Минск : БГУ, 1969. 160 с.

5. Шиенок В. П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. 2-е изд, испр. и доп. Минск : Междунар. у-нт «МИТСО», 2017. 238 с.

6. Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М. : Юрид. лит, 1973. 168 с.

7. Дулов А. В. Судебная психология. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Выш. шк., 1975. 464 с.

8. Дулов А. В. Тактика следственных действий. Минск : Выш. шк., 1971. 272 с.

9. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : БГУ, 1979. 128 с.

10. Дулов А. В. Основы расследования преступлений совершенных должностными лицами. Минск : Университетское, 1985. 168 с.

11. Андреев И. С. Профилактическая деятельность следователя при расследовании дорожно-транспортных происшествий : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1982. 220 л.

12. Сидорик П. Н. Профилактическая деятельность следователя по делам несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1988. 193 л.

13. Вереников И. Р. Профилактическая деятельность следователя : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1990. 164 л.

14. Дулов А. В., Рубис А. С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск : БГУ, 2004. 263 с.

15. Дулов А. В. К вопросу о формировании общей правовой теории борьбы с преступностью // Актуальні проблеми, кримінального права, процесу та криміналістики : матеріали IV Міждунар. навук.-практ. конф., присвяченої 95-річчю з дня народження професора М. В. Салтєвського (1917–2009), Національна академія правових наук України. Одеса : Фенікс, 2012. С. 320–324.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. И. Лагун

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Анализируются некоторые особенности расследования мошенничества в сфере экономической деятельности с учетом теоретико-правовых взглядов на проблему борьбы с экономическим мошенничеством и современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; расследование мошенничества; экономические преступления.

Изучая состояние и перспективы совершенствования теории и практики расследования хищений, совершенных путем мошенничества

в сфере экономической деятельности, необходим анализ проблем и научных достижений в обеспечении потребностей практики разработками, которые отвечают современному развитию преступности, повышают эффективность противодействия мошенническим хищениям криминалистическими методами, способами и средствами.

Результаты изучения научных работ, посвященных формированию методических рекомендаций по расследованию мошенничества, совершенного в современных экономических условиях, показывают, что исследования проводились, как правило, в отдельных сферах экономики, чаще всего в сфере банковской деятельности: А. И. Босых [1], Е. Н. Дерябина-Чистякова [2], И. И. Звезда [3], В. В. Хилюта [4] и др., а также в сферах частного инвестирования: В. Ю. Белицкий [5], В. А. Казаков [6]; незаконного оборота недвижимости: Д. В. Астафьев [7], С. В. Горобченко [8], А. Н. Розин [9] и др.; страхового бизнеса: Н. Н. Потапова [10] и др.

Анализируя исследования по вопросам совершенствования методики расследования экономического мошенничества нельзя не заметить, что в работах основное внимание уделяется описанию способов обмана потерпевших при совершении мошенничества в тех или иных областях экономической деятельности, наиболее уязвимых для криминальных проявлений. К такой деятельности относятся: купля-продажа недвижимости, страховой бизнес, жилищное строительство, потребительский рынок. Наибольший интерес для исследователей представляет мошенничество в банковской деятельности. По понятным причинам именно в области денежного обращения мошенники пытаются реализовать свою корыстную цель путем хищения кредитов, ценных бумаг, инвестиций.

Изучение теоретико-правовых взглядов на проблему борьбы с экономическим мошенничеством и современной правоприменительной практики позволило выявить ряд общих признаков, присущих данному виду преступной деятельности во всех сферах экономики, которая составляет основу для формирования частной методики расследования указанных преступлений. Прежде всего это касается способов совершения мошенничества, которые адаптированы к формам и методам законной экономической деятельности, замаскированы под заключение и осуществление гражданско-правовых сделок, отличаются оперативным реагированием на конъюнктуру рынка. Для достижения преступного результата в качестве средств обмана широко используются различные документы, помещения, средства связи и оргтехника. В целях сокрытия преступления и уклонения от уголовной ответственности мошенники применяют разнообразные приемы и способы в виде неудачных ком-

мерческих сделок, переименования и реорганизации субъекта хозяйствования, возбуждения процедуры банкротства и пр.

Таким образом, объединяющим признаком для таких преступлений выступает сама система экономических отношений, которая в свою очередь определяет модели законной деятельности субъектов хозяйствования. Например, единая *правовая основа* такой деятельности для всех субъектов: регистрация, постановка на налоговый учет, открытие банковского счета, получение разрешений и лицензий на определенные законом виды деятельности; единые правила учета процесса и результатов финансово-хозяйственной деятельности, форма и сроки представления отчетной документации, правила исчисления и уплаты налогов и сборов; установленный порядок взаимодействия субъектов экономической деятельности (договор, контракт) и т. д. Как показано исследованиями, проводимыми под руководством профессора С. П. Голубятникова, конкретные системы документационного учета и отчетности, а также конкретные обстоятельства, в которых должна протекать преступная деятельность, имеют влияние на организационные и тактические схемы самой преступной деятельности [11].

Сопоставление нормативной и фактической моделей экономической деятельности лиц и выявление на этой основе имеющихся между ними расхождений, отступлений от нормативных требований позволяют установить уголовно-релевантные признаки преступлений [12, с. 63].

В связи с этим нам представляется необходимым при формировании методики расследования мошенничества в сфере экономики установление нормативной модели деятельности лиц, наделенных правами и обязанностями в той сфере общественных отношений, которая регулируется соответствующим законодательством, т. е. выяснение того, как в соответствии с требованиями правовых норм должна была осуществляться деятельность, в рамках которой совершено преступление, а также выработка соответствующих рекомендаций по выявлению фактической модели и их последующему сопоставлению.

Принимая во внимание свойства преступной деятельности мошенников в сфере экономической деятельности – способности адаптироваться к правовой среде функционирования субъектов хозяйствования, адаптировать саму эту среду для достижения преступного результата, придавать вид законности фиктивным финансово-хозяйственным операциям, при разработке методики расследования уголовных дел данной категории в качестве источников методических рекомендаций следует использовать не только сведения о криминальной деятельности и деятельности по расследованию преступлений, но и научные методы,

в частности, методы экономического анализа в выявлении и расследовании преступлений.

Эти методы лишь недавно стали обозначаться и применяться в методических рекомендациях по расследованию экономических преступлений. Их применение позволяет установить, какое влияние на изменение экономических показателей оказывают противоправные деяния, способствующие им причины и условия. Экономико-правовой анализ позволяет выяснить, как издание и реализация конкретных правовых актов сказываются на экономических показателях и преступной деятельности [13, с. 126–127].

Модели законной деятельности хозяйствующих субъектов неизбежно влекут за собой закономерные следы отражения такой деятельности – образование типичных следов, прежде всего документальных, либо их отсутствие или образование нетипичных следов при отклонении субъекта от установленной модели законной деятельности. Четкое представление данной закономерности должно быть обязательно использовано при организации процесса расследования преступлений данной категории.

Эффективность деятельности правоохранительных органов во многом зависит от правильного подхода к организации процесса раскрытия и расследования преступлений. Очевидный недостаток существующих методик заключается в том, что они создавались для расследования преимущественно по принципу «от преступления к преступнику», характерному для общеуголовных преступлений.

Материалы уголовных дел об экономическом мошенничестве свидетельствуют о том, что расследование преступлений данного вида осуществляется в основном «от преступника к преступлению», когда сам факт преступления неочевиден в связи со сложностью однозначной оценки экономических правоотношений и их результатов (маскировка совершаемого преступления под заключение и осуществление законных гражданско-правовых сделок). Такой подход к организации расследования требует рекомендаций по тактическому и информационному обеспечению процесса расследования.

Мошенничества в сфере экономики, как правило, имеют не только единую цель, общую следовую картину преступления, но и схожие следственные ситуации, определяющие аналогичные алгоритмы процесса расследования.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость проведения комплексного изучения теоретико-правовых и прикладных аспектов расследования мошенничества в сфере экономики. Разработка полноценного методологического обеспечения деятельности правоохрани-

тельных органов в противодействии криминализации экономики продиктована как потребностями следственной практики, так и задачами дальнейшего совершенствования криминалистической науки. В качестве основного требования к содержанию такой методики расследования нам представляется формирование такой системы рекомендаций, которая бы оказывала существенную помощь как опытному практическому работнику с многолетним стажем работы, в том числе по расследованию преступлений данной категории, так и молодому специалисту, которых среди прокуроров, следователей, дознавателей и оперативных работников подавляющее большинство.

Библиографические ссылки

1. Босых А. И. Расследование мошенничества, связанного с получением потребительского кредита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 25 с.
2. Дерябина-Чистякова Е. Н. Методика расследования мошенничества в сфере денежного обращения, кредита и банковской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.
3. Звезда И. И. Расследование хищений в банковской сфере, совершенных путем мошенничества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 22 с.
4. Хилюта В. В. Криминалистические проблемы расследования мошенничества в сфере банковской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2004. 22 с.
5. Белицкий В. Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 23 с.
6. Казаков В.А. Первоначальный этап расследования мошенничеств, совершенных группами лиц в сфере частного инвестирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. 17 с.
7. Астафьев Д. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 17 с.
8. Горобченко С. В. Методика расследования мошенничеств в сфере незаконного оборота недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 24 с.
9. Розин А. Н. Расследование мошенничества в сфере жилищного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.
10. Потапова Н. Н. Выявление и расследование мошенничества, совершенного в сфере страхового бизнеса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 21 с.
11. Голубятников С. П. Основные методы выявления подлога в учетно-отчетной документации. Горький : ГВШ МВД СССР, 1981. 96 с.

12. Криминалистика / В. А. Образцов [и др.]; под ред. В. А. Образцова. М. : Норма, 1997. 763 с.

13. Розенфельд В. Г. Выявление и пресечение правонарушений и способствующих им факторов методами экономического анализа // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Воронеж, 1997. С. 126–127.

ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА ИМУЩЕСТВА И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

А. П. Пацкевич

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, *packevich_alex@tut.by*

Исследуются некоторые особенности организации розыска имущества и иных объектов в деятельности органов уголовного преследования. Сформулированы авторские предложения по повышению эффективности рассматриваемой деятельности.

Ключевые слова: криминалистическая наука; розыск имущества; правоохранительная деятельность; органы уголовного преследования.

Розыск различных объектов – проблема не только следствия и органов внутренних дел. Это проблема всех правоохранительных органов, взаимодействие между которыми имеет решающее значение для успеха осуществляемой в этих целях деятельности. Вместе с тем его современное состояние оставляет желать лучшего. Многие из сотрудников органов уголовного преследования пока не адаптировались к новым условиям деятельности. Остаются в качестве потенциальных возможностей повышение эффективности розыска указанных категорий лиц и иных объектов современные достижения науки и техники, особенно в части информационных технологий. Не без изъянов, отрицательно влияющих на практику розыска, остается пока система его правового регулирования. Очевидны потребности правоохранительных органов в методических рекомендациях по розыску различных объектов, соответствующих изменившимся условиям их деятельности и учитывающих современное состояние преступности. В связи с этим же актуализировалась проблема профессиональной подготовки сотрудников органов уголовного преследования, в том числе в розыскной деятельности следователя.

Разумеется, практика розыска по-своему реагирует на такие проблемы, набирая определенный опыт их решения в современных условиях деятельности правоохранительных органов, однако при этом все очевидней становятся потребности той же практики в научном анализе ее состояния и путей повышения ее эффективности. Поскольку

возникновение и проявление названных проблем взаимообусловлено, представляется, что наиболее рациональным и продуктивным может быть их комплексное исследование с позиции системного анализа соответствующих взаимосвязей, т. е. в форме криминалистического обеспечения розыска.

Под розыскной деятельностью следователя, по нашему мнению, следует понимать основанную на законах и подзаконных актах Республики Беларусь специфический комплекс процессуальных, следственных и розыскных действий, а также организационных мероприятий, направленных на поиск известных следствию лиц и иных объектов, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления, местонахождение которых не установлено, осуществляемых в рамках как расследуемого уголовного дела, так и приостановленного производством.

Научные основы розыскной деятельности следователя характеризуются совокупностью отдельных положений различных наук, которые можно рассматривать в виде системы научных положений естественных и точных наук, социально-гуманитарных наук, включая раздел юридических дисциплин (юридическая психология, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, уголовное право и др.) и отдельных направлений разделов криминалистической науки: криминалистическая техника, тактика и методика (криминалистическая регистрация, тактика проведения отдельных следственных действий, планирование и общие положения методики расследования отдельных видов преступлений).

Рассматривая проблемы розыска различного имущества (похищенного, скрытого, подлежащего конфискации) следует отметить, что при розыске такого имущества следователь взаимодействует с сотрудниками иных правоохранительных органов для установления возможных мест сбыта, таких как ломбарды, рынки, покупка с рук и т. д. Кроме того, сотрудниками ОВД осуществляется постановка на учет всего похищенного имущества в АИПС «Номерные вещи», регистрация в которой происходит по двух направлениям: утраченные (похищенные, утерянные) вещи и обнаруженные (изъятые, найденные, добровольно сданные). В условиях информатизации общества необъятным рынком для сбыта похищенного имущества становится сеть Интернет. В целях установления разыскиваемого имущества целесообразно производить мониторинг интернет-площадок объявлений о продажах (Tolkai.by, belarus.irr.by, kufar.by, bulavka.by и т. д.).

В процессе розыска различных объектов органами уголовного преследования направляются запросы для получения соответствующей информации о разыскиваемых объектах, прежде всего в такие организации, как: департамент финансового мониторинга Комитета государст-

венного контроля Республики Беларусь (сведения о финансовых операциях, подлежащих особому контролю); областные исполнительные комитеты (регистрировались ли разыскиваемые лица в качестве индивидуальных предпринимателей в областном исполнительном комитете, являлись ли учредителями, директорами коммерческих обществ (предприятий)); департамент по ценным бумагам (сведения о наличии ценных бумаг и стоимости их); Национальный банк Республики Беларусь (сведения обо всех фактах приобретения иностранной валюты (долларов США, Евро, российских рублей) в учреждениях банков на территории нашей республики); городское коммунальное унитарное предприятие «Управление капитального строительства» (сведения о том, принимали ли разыскиваемые лица участие в строительстве квартир; сведения об объектах недвижимости и незавершенного строительства, собственником (участником, обладателем доли, пая)); инспекция Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (налоговые декларации о полученном доходе и имуществе); инспекция государственного технического надзора (сведения о наличии движимого имущества: о тракторах, прицепах, самоходных, мелиоративных, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машинах); нотариальные конторы (сведения о совершенных сделках с недвижимым имуществом, а также на имущество, отчужденное подозреваемыми, обвиняемыми, при его передаче третьим лицам с целью сокрытия своего имущественного положения); республиканское унитарное предприятие (далее – РУП) «Агентство по государственной регистрации и земельному кадастру» (о наличии у обвиняемого, членов его семьи во владении домов, гаражей, земельных участков и иных подсобных строений); гаражно-строительные, жилищно-строительные и дачно-строительные кооперативы (о наличии пая должника, членов его семьи); страховые организации (об имеющихся страховых свидетельствах и о размере выкупных сумм, подлежащих выплате должнику в случае расторжения договора страхования); банки, не банковские кредитно-финансовые организации (наличие счетов, вкладов, банковских ячеек и т. д.); «Национальное кадастровое агентство» (о регистрации недвижимого имущества); розыск имущества (в том числе счетов в банках) за территорией Республики Беларусь посредством запроса в белорусское Национальное центральное бюро Интерпол (позволит установить, является ли он учредителем, руководителем иностранной компании – отправителя денежных средств); департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь, который может обратиться в подразделения финансовой разведки иностранных государств с просьбой об оказании содействия в отыскании имущества подозреваемого (обвиняемого).

Для повышения результативности получаемых юридических знаний в процессе обучения в высших учебных заведениях юридического профиля и обеспечения должного уровня подготовки специалистов для правоохранительных органов нами предлагается расширить объем получаемых знаний по проблемам розыскной деятельности следователя, дополнив курс учебной дисциплины «Криминалистика» следующими темами: 1) общие положения розыскной деятельности следователя; 2) организация розыска обвиняемых и других участников уголовного процесса; 3) организация розыска без вести пропавших; 4) организация розыска подлежащего изъятию имущества. Реализация данного предложения требует разработки соответствующих учебно-методических материалов, наполнения их положениями, непосредственно связанными с реальным состоянием осуществления розыскной работы следователей.

Все это, по нашему мнению, позволит повысить эффективность деятельности органов уголовного преследования по розыску различных объектов, в том числе и имущества (похищенного, скрываемого, подлежащего конфискации) в процессе расследования преступлений.

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КАК НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА С. Ю. Ревтова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

На основе анализа научных трудов доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова исследуется важность развития криминалистической стратегии как части криминалистической науки.

Ключевые слова: криминалистическая наука; криминалистическая стратегия; системный подход; борьба с преступностью.

Криминалистика как наука в своем развитии прошла несколько этапов, которые были связаны с изменением ее системы. К разделу уголовной техники и уголовной тактики был добавлен раздел – методика расследования. Не всеми криминалистами сразу было принято это новшество. Длительные годы между учеными велась дискуссия о целесообразности менять систему криминалистики. Некоторые криминалисты считали «методику расследования отдельных видов преступлений» не наукой, а «рассказами бывалых следователей». Тем не менее с легкой руки Р. С. Белкина появился четвертый раздел криминалистики «Методика расследования отдельных видов преступления». И время показало,

что разработанная методика расследования отдельных видов преступлений оправдывает себя, хотя, может быть, и не в полной мере. На сегодняшний день, по нашему мнению, требуется совершенствование этого раздела. В процессе дальнейшего развития криминалистики также предпринимались попытки изменить традиционную систему. Предлагалось включить разделы «Введение в криминалистику», «Криминалистическая профилактика», «Организация раскрытия и расследования преступлений». Появилась идея о разработке и включении в систему криминалистики раздела «Криминалистическая стратегия». Авторами, предлагавшими новый раздел в криминалистике, были известные ученые В. А. Образцов, А. В. Дулов и Г. А. Зорин. По мнению Р. С. Белкина, идея криминалистической стратегии может найти свое место в криминалистике [1, с. 76–81].

Разрабатывая свою идею о криминалистической стратегии, А. В. Дулов видел криминалистическую стратегию как самостоятельное научное направление. Необходимость разработки стратегии возникает тогда, когда рассматриваются проблемы, требующие преодоления сознательно планируемого противодействия, или имеются противоборствующие интересы [2, с. 27]. По его мнению, в этом разделе следует рассматривать общие для расследования всех категорий уголовных дел вопросы. В «Стратегию расследования», по мнению А. В. Дулова, следует отнести отдельные вопросы, которые в настоящее время находятся в ведении криминалистики, в тактике и общих положениях методики расследования преступлений. Например, общие правила и принципы расследования, этапы этой деятельности, особенности мыслительной деятельности следователя при построении общего плана расследования и его отдельных этапов, взаимодействие с другими подразделениями правоохранительных органов и т. д. [2, с. 27–28].

По нашему мнению, идеи А. В. Дулова заслуживают пристального внимания и дальнейшей разработки.

В настоящее время работа по совершенствованию процесса борьбы с преступностью ведется спонтанно в разных направлениях при отсутствии общей стратегии. Предварительное расследование уголовных дел развивается также самостоятельно и в большей степени по инерции. По отдельным категориям уголовных преступлений разработаны методики их расследования, по другим видам таких методик нет.

Понятие «стратегия» позаимствовано из военной науки, и под этим понятием понимается теория и практика подготовки и ведения военных действий как страны в целом, так и стратегических операций, это – «искусство полководца». Это способ достижения победы посредством об-

щего плана и систематического внедрения мер противодействия противнику, с учетом постоянно меняющихся обстоятельств и обстановки.

Борьба с преступностью – это также практическая деятельность, требующая общего плана и систематического внедрения мер противодействия, научного обоснования и теоретической разработки средств и методов такой борьбы.

Криминалистическая стратегия предполагает ведение борьбы с преступным миром через реализацию искусства раскрытия и расследования уголовных дел, что позволит извлекать наибольшую пользу из имеющихся сил и средств, умения сочетать их наилучшим способом.

Криминальный мир меняется, совершенствуется на глазах. Им используются новейшие достижения науки и технических средств, учитывается изменяющаяся психология людей. Преступник в своей деятельности очень мотивирован жадностью обогащения любым путем и готов идти на риски. Деятельность же всех правоохранительных органов и предварительного следствия в том числе, на наш взгляд, проигрывает в этой борьбе.

Назрела необходимость внести изменения в подходы противодействия преступному миру. Необходимо всерьез заняться стратегией этого противодействия. Здесь необходимо включение в эту деятельность множества разнообразных сил. Требуется разработка стратегии. При этом следует разделить стратегию на два уровня: общая стратегия борьбы с преступностью и стратегия расследования уголовных дел (криминалистическая стратегия). Задачи общей стратегии в большей степени должны решаться на государственном уровне, охватывая вопросы работы всех правоохранительных органов, в том числе с участием международных органов.

Криминалистическая стратегия – это прежде всего «изучение того общего, что характеризует деятельность по расследованию». Необходимо рассматривать вопросы, связанные с организацией следственной работы, которые должны быть представлены отдельным разделом в науке криминалистика, как и предлагал А. В. Дулов [2, с. 27]. Именно в этом разделе следует рассматривать вопросы организации расследования, взаимодействия органов расследования с другими органами, ведущими борьбу с преступностью.

На наш взгляд, в настоящее время требуется разработка качественного взаимодействия следствия и органов дознания, ведущих оперативно-розыскную деятельность, с внесением отдельных дополнений в Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» и в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

К сожалению, остается недопонимание общих целей и задач этих двух структур, поэтому в борьбе с преступностью это влечет за собой снижение качества общей работы. Думается, что в стратегии следует разработать положения о самом следователе, как о лице, обладающем определенными психологическими характеристиками, специальными знаниями и навыками. Отсюда и вопросы подготовки кадров для работы в следственных подразделениях. Требуется разработка психологических основ в проведении предварительного расследования в целом и отдельного следственного действия. После создания Следственного комитета Республики Беларусь сложилась благоприятная обстановка для разработки общих подходов, моделей, методов расследования уголовных дел. Есть необходимость в разработке отдельных видов частных методик расследования уголовных преступлений.

Вся эта работа требует консолидации сил научных и практических работников, теоретического обоснования и практических рекомендаций.

Таким образом, изучение истории развития науки криминалистики, изучение развития научных взглядов ученых-криминалистов, одним из которых был А. В. Дулов, столп белорусской криминалистики, позволяет говорить о назревшей необходимости продолжить изыскания криминалистов в развитии науки криминалистики и воплотить в жизнь идею о разработке самостоятельного раздела криминалистики – «Криминалистическая стратегия».

Библиографические ссылки

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М. : НОРМА, 2001. 240 с.
2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 415 с.

ИДЕИ А. В. ДУЛОВА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДОКТРИН В ДОКАЗЫВАНИИ

А. С. Рубис, Р. М. Ронот

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, info@amia.by

Исследуется роль научных идей, положений и доктрин, разработанных доктором юридических наук, профессором Андреем Васильевичем Дуловым в теории доказывания. Делается авторский вывод о необходимости разработки и создания системы судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая наука; судебная экспертиза; доказывание; расследование преступлений; судебно-экспертная деятельность.

Невозможно переоценить весомость и значимость научных идей, положений и доктрин, разработанных выдающимся ученым А. В. Дуловым. Андрей Васильевич рассматривал криминалистику как сущностную основу доказывания, сложную, многоуровневую и многофункциональную систему деятельности целого ряда субъектов, органов, ведомств, которые осуществляют свою деятельность по трансформации следовой картины преступления из материальных сред, показаний, документов в процессуальные источники доказательств в рамках уголовного процесса. Он всегда шел на шаг впереди развития традиционной криминалистической науки, всегда развивал, поддерживал и подчеркивал весомость и значимость исследования классических задач, стоящих перед криминалистикой – тактики, методики проведения отдельных следственных действий, расследования отдельных видов преступлений, судебно-экспертного и криминалистического обеспечения расследования. В то же время именно идеи А. В. Дулова легли в основу формирования современных направлений развития отечественной криминалистики и судебной экспертологии.

Одним из таких направлений выступает необходимость более тесной интеграции деятельности судебных экспертов в систему деятельности по обеспечению процессов доказывания. Современное развитие научных знаний во всех его проявлениях не может не отражаться на судебно-экспертных технологиях, которые, в свою очередь, с обязательностью должны быть жестко интегрированы в процесс доказывания. И что очень важно – в практической деятельности по осуществлению доказывания оба вида деятельности должны детерминировать друг друга. Здесь оптимизация уголовно-процессуального законодательства, которое регулирует деятельность эксперта в ходе осуществления доказывания, расширение пределов поисково-познавательной деятельности уполномоченных лиц – это уже не тема для научных дискуссий, а настоятельная потребность сегодняшнего дня.

Решение данной проблемы в свою очередь требует разработки и создания системы судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений, включающей в себя следующие элементы: 1) совокупность криминалистических знаний, детерминированных положениями теории судебной экспертизы; 2) должная законодательная база, регламентирующая как саму судебно-экспертную деятельность, так и процессуальный механизм интегрирования ее результатов в ход осуществления доказывания; 3) профильное криминалистическое образование, т. е. целенаправленное обучение основам теории и практики судебной экспертизы правоприменителей: следователей, прокуроров, судей, подразумевающее не буквальное «транслирование» специальных экспертных зна-

ний в область интересов субъектов доказывания, а обучение пониманию алгоритмов работы экспертов, психологических особенностей экспертной деятельности, технологии экспертного исследования и пр.; 4) процедурная (процессуальная) реализация указанных умений, навыков и знаний при актуализации и трансформации следовой картины преступления в процессуальные источники доказательств как в ходе проведения специальных исследований и судебных экспертиз, так и в ходе оценки относимости, допустимости и достоверности полученных результатов соответствующими уполномоченными субъектами доказывания; 5) наличие мощной и современной материально-технической базы, позволяющей эффективно осуществлять выявление, фиксацию, изъятие и исследование следов-отражений преступления как на месте происшествия (при проведении иных следственных действий), так и во время проведения специальных исследований и судебных экспертиз; б) формирование методологических основ и разработка технологической системы судебно-экспертной характеристики преступлений, представляющей собой информационную матрицу, которая должна включать в себя: характеристику типичной исходной экспертно-криминалистической информации; систему данных о типичных видах (подвидах) судебных экспертиз и типичных (возможных) результатах их проведения; данные о методах и методиках экспертного исследования, а также о типичных алгоритмах принятия экспертных решений; информацию о типичных экспертных ошибках и дефектах деятельности эксперта; данные о возможных типовых алгоритмах действий субъекта доказывания по оценке научной обоснованности экспертного заключения и пр.

Реализация указанных положений предполагает решение еще одной важной задачи – создание единого процессуального целеполагания, единых приоритетов и целей при осуществлении процесса доказывания для всех субъектов, вовлеченных в его сферу.

Назначая ревизию, любое специальное исследование, судебную экспертизу, следователь даже не задумывается о том, что система соответствующих органов, осуществляющих эти исследования, существует и работает по совершенно другому алгоритму, чем он, следователь. У них разные ведомственные задачи и приоритеты, несмотря на кажущееся процессуальное единство их целей. Опираясь на такой институт, как процессуальная самостоятельность, ведомственные приказы, инструкции, методики, алгоритм деятельности сведущих лиц нацелен на исполнение указанных документов и не всегда совпадает с алгоритмами деятельности следователя, с теми надеждами, которые он возлагает на эксперта.

При расследовании любого уголовного дела следователь ежедневно решает ряд задач, которые в значительной степени четко прописаны в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК), – «что делать», и наукой криминалистикой – «как делать». Вопросы организации тактики и методики расследования, его криминалистического и судебно-экспертного обеспечения являются в значительной степени вопросами тактического уровня. Решением указанных задач следователь занят ежедневно. Своевременное и успешное решение задач тактического уровня позволяет в итоге обеспечивать нормальное функционирование системы правоприменения по реализации процессов доказывания в целом.

Мы убеждены, что кроме тактических приоритетов и целей доказывания, о которых в юридической литературе написано достаточно много и обстоятельно, есть и стратегические цели и приоритеты. Именно они направлены на отыскание и формирование новых правовых смыслов. Что мы хотим там увидеть, как мы представляем решение задач уголовного процесса в условиях изменяющегося технологического, социально-политического, экономического уклада общества? Эти цели должны определять и новую парадигму развития процессуального института предварительного расследования, и создания государственной системы судебно-экспертного обеспечения доказывания, и направление оптимизации норм УПК для создания кумулятивного эффекта в деятельности всех участников уголовного преследования. Для этого необходимо обеспечить синхронизацию целей деятельности всех субъектов, осуществляющих уголовное преследование, создать новые алгоритмы деятельности всех участников осуществления борьбы с преступностью.

Вышесказанное, бесспорно, требует подробных объяснений и обязательной научной разработки, так как постановка стратегических приоритетов – это, по сути, если не смена, то значительная корреляция технологического уклада доказывания в рамках оптимизации его процессуальных норм.

Представляется, что давно назрела необходимость, к примеру, разумного совмещения судебно-экспертных и следственных технологий, их взаимопроникновения, взаимодействия и взаиморазвития за счет друг друга, безусловно, без ущемления процессуальной самостоятельности и независимости участников доказывания. Интеграция экспертных технологий со следственными необходима прежде всего для гарантированного обнаружения максимально возможного объема следовой информации в поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания. Только умножение указанных потенциалов позволит эффективно решать вопросы борьбы с преступностью. Интеграция поис-

ково-познавательной деятельности следователя и эксперта позволит наделить субъектов доказывания возможностью реального оперирования научно-практическим аппаратом и методологическим ресурсом судебной экспертологии в целях повышения эффективности расследования преступлений.

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

С. В. Рыбак, Д. А. Романюк

УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”»,
ул. Казинца, 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь, *di.rom@mail.ru*

Рассматриваются особенности обнаружения следов преступлений, совершаемых использованием криптовалюты. Определяется важность познавательной деятельности на первоначальном этапе, которая позволяет повысить эффективность работы по обнаружению и фиксации специфических следов.

Ключевые слова: криминалистическая наука; цифровая криминалистика; виртуальный след; криптовалюта; биткоин.

В связи с проникновением во все сферы жизнедеятельности информационных технологий в последние годы активно развиваются новые способы совершения преступлений. Такие слова, как «кардинг», «кардшаринг», «скимминг», «фишинг», «кэш-треппинг» прочно вошли в сферу профессиональной лексики правоохранительных органов. Модернизируются способы совершения «традиционных» преступлений, при которых преступники применяют различные технические новинки. Одно из направлений преобразования технических достижений в преступный инструмент связано с появлением технологии «блокчейн», а также «криптовалют».

В соответствии с п. 4 Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» криптовалюта – это «биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена».

Представляется возможным выделить следующие направления использования криптовалют при совершении преступлений:

- как средство платежа за запрещенные или ограниченные в гражданском обороте вещества и предметы, а также инфраструктуру и услуги, которые используются в преступной деятельности;
- при легализации преступных доходов;
- как инструмент совершения мошенничеств в сети Интернет;

– как финансовый инструмент для получения платежа при использовании вредоносного программного обеспечения от жертвы или без использования такового;

– как объект хищения с использованием вредоносного программного обеспечения или без него у физических и юридических лиц;

– в майнинговых бот-сетях на чужих вычислительных мощностях.

Последовательность действий следователя на первоначальном этапе расследования по обнаружению и фиксации следов преступлений, совершенных с использованием криптовалют, зависит от складывающейся следственной ситуации, определяемой конкретным из вышеупомянутых направлений преступной деятельности и специфическим способом использования криптовалюты при совершении преступления.

Остановимся на отдельных специфических аспектах деятельности по обнаружению и фиксации следов и успешного расследования рассматриваемой категории преступлений.

– изучение первоначально поступившей информации о преступлении, совершенном с использованием криптовалют, от НЦБ «Интерпол», уполномоченных учреждений юстиции иностранных государств, юридических и физических лиц. На данном этапе особое внимание необходимо уделить установлению сведений, идентифицирующих предполагаемого преступника, его потенциальных сообщников, в том числе идентификатора криптокошельков, логинов учетных записей на криптобиржах, USER-агентов (пользователей) использованных Интернет-браузеров, IP-адресов, электронных почтовых ящиков и иной значимой информации;

– в случае предоставления использованного при совершении преступления программного обеспечения (далее – ПО), необходимо назначить компьютерно-техническую экспертизу для установления механизма совершенного преступления и возможного факта использования вредоносного ПО при его совершении. Выводы эксперта позволят правильно квалифицировать преступление при принятии решения о возбуждении уголовного дела;

– истребование и осмотр у Интернет-провайдера информации, связанной с посещаемыми подозреваемым Интернет-ресурсами. В ходе осмотра полученных сведений следует зафиксировать IP-адреса и располагающиеся на них Интернет-ресурсы, которые использовались в предполагаемой преступной деятельности. При использовании анонимных IP-адресов, скрывающих реальный IP-адрес злоумышленника, целесообразно направить требование Интернет-провайдеру на установление абонентов (лиц) с реальными IP-адресами, посещающих Интернет-ресурсы анонимайзеров для сокрытия действительного IP-адреса;

– направление поручений в орган дознания на проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), с целью фиксации противоправной деятельности лица, предположительно причастного к совершению преступления с использованием криптовалют. При установлении абонентских номеров телефонов данного лица следует провести ОРМ, направленные на фиксацию его телефонных переговоров и используемого Интернет-трафика. Проведение данных ОРМ позволяет установить факт использования криптовалют в первую очередь посредством осмотра СМС-уведомлений о фактах входа в интересующие криптокошельки при двух-трех факторной аутентификации. Данная информация в последующем используется при осмотре и сопоставлении с иными имеющимися по уголовному делу данными использования криптовалют, с целью привязки использования криптокошельков к конкретному лицу в определенное время. Также указанные ОРМ предоставляют возможность установить посещаемые злоумышленником Интернет-ресурсы, в том числе используемые в преступной деятельности учетные записи на криптобиржах, а также получить реквизиты доступа к данным учетным записям, что позволяет в дальнейшем осуществить их осмотр;

– при использовании IP-адресов, скрывающих реальный IP-адрес злоумышленника, необходимо направить требование Интернет-провайдеру об установлении абонентов (лиц), использующих реальные IP-адреса для посещения Интернет-ресурсов анонимайзеров с целью использования IP-адресов, скрывающих реальный IP-адрес;

– проведение осмотров в сети Интернет с использованием различных Интернет-браузеров, в том числе по используемым злоумышленником биткоин-кошелькам, логинам учетных записей, например, на таких Интернет-ресурсах как bitcointalk.org (крупнейший форум, посвященный использованию криптовалюты «Bitcoin»), blockchain.com (блокейн-обозреватель), walletpal.com (позволяет идентифицировать принадлежность биткоин-кошельков конкретным компаниям);

– обыск целесообразно проводить одновременно с ОРМ, направленным на фиксацию активности интересующего лица в сети Интернет. При этом фиксируется факт включения компьютера злоумышленника и подключения к сети Интернет в момент начала производства обыска. Сопряжение обыска и ОРМ необходимо для последующего получения доступа к учетным записям лица, у которого производится обыск, в том числе на ресурсах сети Интернет, а также к сведениям, хранящимся в компьютере и подключенных к нему удаленных устройствах (виртуальные машины, удаленные сервера). В противном случае, при выключенном компьютере и использовании криптования (шифрования) храня-

щихся в нем данных высока вероятность неполучения необходимых сведений для дальнейшего расследования.

Таким образом, при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют, последовательность и конкретный перечень следственных и процессуальных действий, ОРМ, зависят от конкретной следственной ситуации. Знание и использование изложенных особенностей познавательной деятельности на первоначальном этапе позволяет повысить эффективность работы по обнаружению и фиксации специфических следов, что определяет перспективы всего процесса расследования.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ

К. А. Сайед

ИДН Новополоцкого ГОВД, ул. Дзержинского, 2, 211440, г. Новополоцк,
Беларусь, *kristy_0515@mail.ru*

Рассматриваются некоторые особенности расследования мошенничества с учетом теоретико-правовых взглядов на проблему борьбы с мошенничеством в сети Интернет и современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; расследование мошенничества; цифровая криминалистика.

Общество – динамически развивающаяся социальная структура, постоянно претерпевающая изменения в связи с рядом факторов, в том числе таких, как рост или падение экономики, наличие кредитно-банковских или страховых отношений, развитие и внедрение компьютерных технологий в повседневную жизнь. Однако, наряду с развитием общества, развивается и преступность, как неотъемлемая его часть. В настоящее время преступления в виде мошенничества получили большое распространение. Данное преступление превратилось для некоторых граждан из несущественного дополнительного в основной источник дохода [1, с. 15].

Для сравнения можно привести данные о том, что в Российской империи за 20 лет дореформенного периода (1827–1846) было осуждено и сослано в Сибирь за воровство и мошенничество 40 660 человек. В 1918 г. процент осужденных за мошенничество составил 5,0 %, в 1925 г. уже 5,7 % [2, с. 98]. В 2011 г. зарегистрировано мошенничеств 3106 (раскрыто 83,3 %); 2012 г. – 2131 (раскрыто 87,6 %); 2013 г. – 2789 (раскрыто 87,5 %); 2014 г. – 3224 (раскрыто 84,7 %); 2015 г. – 2831 (раскрыто 86,2 %); 2016 г. – 3748 (раскрыто 88,3 %); 2017 г. – 3204 (раскры-

то 86 %). За 9 месяцев 2018 г. на территории Республики Беларусь зарегистрировано 2592 мошенничества, из которых раскрыто 2442. Процент раскрываемости составил 70,1 % [3].

Таким образом, прослеживается тенденция к увеличению процента раскрываемости данного вида преступлений. Однако значительное количество указанных преступлений остается нераскрытым.

В качестве причин приводятся следующие факты:

- отсутствие эффективных, практически проверенных методик по раскрытию и расследованию некоторых видов мошенничеств, в том числе совершенных в сфере компьютерной информации, с использованием электронных средств платежа, с использованием мобильных средств связи;

- отсутствие работающих на постоянной основе квалифицированных специалистов в сфере компьютерной информации;

- сложности со сбором и фиксацией доказательств, касающихся мошенничеств в сфере компьютерной информации, совершенных с использованием платежных карт и мобильных средств связи;

- сложности в доказывании субъективной стороны состава преступления, а именно наличия прямого умысла.

Из этого следует, что в настоящее время существует проблема полноты сбора и корректности фиксации следов, которые в дальнейшем будут составлять основу доказательной базы. В связи с этим в указанных условиях так важен начальный этап расследования мошенничеств, дающий, как правило, наибольшее количество информации, в том числе допросы потерпевшего и свидетелей, осмотр места происшествия, обыски и выемки [4, с. 43].

Опираясь на вышесказанное, можно внести следующие предложения по улучшению сложившейся ситуации:

- провести исследования в области раскрытия и расследования указанных преступлений и, опираясь на практический опыт, создать и повсеместно внедрить, эффективную методику по раскрытию и расследованию мошенничеств в сфере компьютерной информации, мошенничеств с использованием платежных карт, мошенничеств с использованием мобильных средств связи;

- улучшить материально-техническую базу экспертных подразделений;

- регулярно проводить курсы повышения квалификации и конференции для штатных следователей, экспертов и специалистов с целью получения новых профессиональных знаний, обмена опытом в области расследования указанного вида преступлений.

Мастерство мошенников повышается вместе с уровнем информатизации населения, создаются все новые методы незаконного завладения чужим имуществом.

В современном обществе наибольшей популярностью пользуются способы совершения мошенничества:

- в сети «Интернет»;
- с банковскими картами;
- с помощью телефонной связи.

В качестве примера можно привести следующие способы совершения мошенничества:

1. В сети «Интернет»:

– мошенник просит оказать ему материальную помощь в лечении якобы тяжелобольного ребенка: рассылает объявления в социальных сетях либо создает клон действующего благотворительного сайта, заменив его банковские реквизиты на собственные;

– мошенник создает в социальных сетях «фейковую страницу» гражданина N, рассылает сообщения друзьям гражданина N о материальных проблемах, просит помочь. Как правило, страница гражданина N не проверяется, а его друзья высылают на карту злоумышленника денежные средства.

2. С банковскими картами:

– к банкомату прикрепляется скиммер – переносное устройство, которое списывает конфиденциальную информацию с магнитной полосы банковской карты (это может быть и видеокамера). Скиммеры могут накапливать информацию или сразу же передавать ее мошеннику с помощью радиосвязи, после чего тот создает карту-клон и обналичивает денежные средства [5, с. 37];

– для списывания информации без контакта с магнитной полосой банковской карты применяются NFC-ридеры – мобильные устройства, которые могут распознать и принять сигнал от банковской карты на расстоянии 10–15 см. Это позволяет использовать их в толпе [6, с. 25].

3. С помощью телефонной связи:

– в ходе разговора или SMS-переписки с потенциальной жертвой мошенник представляется близким родственником, после чего сообщает абоненту, что он попал в дорожно-транспортное происшествие, у него проблемы и т. д. Если собеседник поверил в это, то мошенник сообщает, что для разрешения неприятной ситуации, в которой он оказался, необходимо выплатить денежные средства в определенной сумме;

– абоненту приходит сообщение о зачислении денежных средств на его мобильный телефон. После этого поступает звонок от мошенника,

который сообщает, что осуществил перевод ошибочно, и просит вернуть деньги.

Здесь перечислены далеко не все способы мошенничества. Однако следует сказать о том, что необходимо постоянно изучать и анализировать вновь появляющиеся способы совершения мошенничества. Ведь их анализ способствует разработке новых типовых версий и оптимальных программ расследования данного вида преступлений.

Библиографические ссылки

1. Волохова О. В. Современные способы совершения мошенничества: особенности выявления и расследования / под ред. проф. Е. П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2005. 128 с.

2. Елисеев С. А. Преступления против собственности по законодательству России. Томск, 1999. 123 с.

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 15.04.2019).

4. Грунтовая Г. А. Некоторые актуальные проблемы расследования мошенничеств // Актуальные вопросы современной науки : сб. ст. по материалам XIV междунар. науч.-практ. конф., Томск, 26 сент. 2018 г. : в 2 ч. / редкол.: И. А. Соловьев [и др.]. Уфа, 2018. Ч. 2. С. 40–43.

5. Долинин В. Н. Классификация способов совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц // Рос. право: образование, практика, наука. 2017. № 3. С. 37.

6. Бахтеев Д. В. О некоторых современных способах совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 3. С. 25.

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ *И. Н. Саковец*

УО «Военная академия Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 220, 220030 Минск, Беларусь, varb@mod.mil.by

Определяются элементы и содержание системы задач расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Отмечаются особенности предмета доказывания при их расследовании.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; нарушение уставных правил; военнослужащие; расследование.

Обеспечение защиты личности, общества и государства является важнейшим условием дальнейшего прогрессивного развития Республики Беларусь. Деятельность Вооруженных Сил и иных воинских форми-

ровой Республики Беларусь на современном этапе неразрывно связана с укреплением обороноспособности нашего государства, усилением соблюдения законности, правопорядка и воинской дисциплины в войсках.

Наибольшую опасность для уставного правопорядка и воинской дисциплины представляют преступления против порядка подчиненности, особое место среди которых занимают нарушения уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности (далее – НУПВ). НУПВ являются отдельным видом уголовно наказуемых деяний, что обуславливает существование особенностей предмета доказывания при их расследовании.

Задачи успешного расследования НУПВ не могут быть решены в полном объеме только с помощью средств криминалистической техники и тактики. Для решения обозначенных задач необходимо руководствоваться методами расследования НУПВ [1, с. 88].

Быстрое и полное расследование НУПВ достигается субъектами расследования путем постановки и решения задач различных уровней общности и сложности [1, с. 88]. Для определения элементов и содержания системы задач расследования данных преступлений целесообразно их рассмотреть по группам.

Первая из групп объединяет задачи, в целом относящиеся к определению объекта и объективных признаков НУПВ, отношений подчиненности лиц, участвующих в данных правонарушениях, сведений об этапах прохождения срочной военной службы.

Основным объектом НУПВ является установленный общевоинскими уставами порядок взаимоотношений между военнослужащими. Следует отметить, что НУПВ имеет еще и дополнительный объект – честь, достоинство, здоровье и имущество военнослужащих. Для решения обозначенной группы задач следует установить, имело ли место НУПВ, отсутствие отношений подчиненности между виновным и потерпевшим, какие именно нормы общевоинских уставов нарушены, в чем это выразилось и др.

Вторая группа включает перечень задач, ориентированных на установление:

а) способов подготовки, совершения и сокрытия данных преступлений. Многообразие способов совершения НУПВ создает определенную сложность расследования рассматриваемых преступлений. Для них характерны полноструктурные (подготовка, совершение и сокрытие) и менее квалифицированные (совершение и сокрытие) способы совершения [2, с. 3];

б) преступных действий, образующих НУПВ, характер их проявлений (насилие, жестокое обращение, незаконное лишение свободы, принудительное использование потерпевшего в личных интересах, вымогательство (отобрание) у него предметов военного довольствия и др.);

в) следов НУПВ (их расположение, вид, форма, родовая, видовая, групповая принадлежность; следы на теле потерпевшего (подозреваемого), в документах, на мебели, обмундировании и их состояние и др.);

г) времени совершения преступления (целесообразно установить: исполняли военнослужащие обязанности по военной службе во время совершения НУПВ; НУПВ совершены в служебное время или во время отдыха и др.);

д) места совершения преступления (территория воинской части, где участники НУПВ проходят военную службу; командировка в других воинских частях, в учреждениях здравоохранения во время лечения, во время несения службы и др.);

К третьей группе целесообразно отнести задачи в отношении личности преступника, его мотивов и целей. При решении рассматриваемой группы задач подлежат установлению: факты совершения НУПВ лицом, на которое распространяется статус военнослужащего, не состоящим в отношении подчиненности с потерпевшим; кто конкретно совершил преступление и в отношении скольких лиц; преступление совершено единолично или в составе группы; наличие мотивов (расовой, национальной, религиозной, политической, идеологической вражды или розни и т. п.) и др.

К четвертой группе целесообразно отнести задачи, направленные на установление личности потерпевшего, свидетелей и иных категорий военнослужащих по делу. Для решения таких задач устанавливаются все потерпевшие по каждому эпизоду НУПВ, сведения, характеризующие каждого из них. Субъектами расследования также подлежат установлению: какие именно НУПВ имели место в отношении каждого из потерпевших, в чем они выражались; наносились ли удары или осуществлено воздействие иного характера; причинялась ли физическая боль, страдания; оказывалось ли сопротивление со стороны потерпевших и т. п.

В пятой группе задачи направлены на установление последствий НУПВ, наличие телесных повреждений потерпевших и др. Для решения обозначенных задач необходимо учитывать характер и размер вреда; причинение физической боли; унижение личного достоинства; срыв служебно-боевой задачи; самовольное оставление места несения службы, общественный резонанс и др.

Шестая группа включает перечень задач, ориентированных на установление квалифицирующих обстоятельств (признаков). К таким об-

стоятельствам следует отнести: повторность совершения преступления (в том числе в отношении одного и того же лица); группой лиц либо в отношении группы лиц; мотивы совершения преступления; применение либо угроза применения оружия при совершении преступления; наличие менее тяжких телесных повреждений или наступление тяжких последствий.

К седьмой группе целесообразно отнести задачи профилактической деятельности, в том числе по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Существенное значение для расследования рассматриваемых преступлений придается решению следующих из них: предупреждение негативного воздействия на военнослужащих со стороны отдельных должностных лиц и сослуживцев; обеспечение безопасности свидетелей НУПВ; максимально быстрое создание условий для дальнейшего выполнения задач воинской службы подразделением; незамедлительное устранение всех детерминантов и факторов, приведших к НУПВ; обеспечение безопасности лиц, совершивших преступление и др.

Таким образом, задачи расследования НУПВ обусловлены необходимостью получения достоверительной информации об этих преступлениях.

Сущность, содержание, направления решения указанных задач определяются требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства с учетом криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений. Данные задачи целесообразно учитывать при планировании расследования путем их детализации применительно к специфике следственных ситуаций, возникающих при расследовании НУПВ.

Библиографические ссылки

1. Талалаев В. А., Саковец И. Н. О структуре и содержании методики расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы, инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 окт. 2017 г. / БГУ ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 88–90.

2. Брайчук Н. В., Талалаев В. А. Способы сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (на примере Вооруженных Сил Республики Беларусь) // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. М., 2016. № 11–12 (232, 233). С. 2–7.

ПОСТРОЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Э. И. Санюк

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

Исследуются особенности построения последовательности следственных действий и их планирования с участием подозреваемого (обвиняемого) при расследовании изнасилований.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; следственные действия; расследование изнасилований.

В научной литературе фактически не затрагивается вопрос о последовательности проведения следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого). Вместе с тем построение последовательности следственных действий является важной составляющей организации и планирования расследования по делам об изнасиловании.

Безусловно, невозможно установить единый алгоритм, согласно которому должен действовать следователь при проведении расследования. Ведь одними из важнейших принципов планирования являются индивидуальность и динамичность. Представляется правильным рассматривать последовательность следственных действий применительно к каждому конкретному случаю. Однако вышеизложенное не означает невозможность установления отдельных взаимосвязей алгоритма или факторов, которые влияют на установление последовательности следственных действий, исходя из информации, полученной в ходе предварительного расследования.

Нельзя не согласиться с мнением А. Г. Филиппова, который указывает, что если «подозреваемый известен, на первоначальном этапе расследования производятся его задержание, личный обыск, освидетельствование и осмотр его одежды. Эти действия проводятся обычно именно в такой последовательности сразу после задержания» [1, с. 441]. Подобный порядок действий следователя обусловлен тем, что до задержания преступник не всегда успевает уничтожить следы, свидетельствующие о совершении им преступного посягательства, либо уничтожение следов не представляется возможным (например, следы повреждения на теле насильника, полученные вследствие сопротивления потерпевшей). Однако следует отметить, что характерной особенностью изнасилований является высокая латентность данного вида преступлений, вследствие чего на практике зачастую подлежат расследованию случаи изнасилований, совершенные несколько месяцев или лет назад. В таком случае

можно поставить под сомнение срочность проведения освидетельствования, личного осмотра и осмотра одежды подозреваемого. Более информативным в таких случаях будет проведение допроса подозреваемого и лишь затем других следственных действий, например обыска и выемки (при установлении в ходе допроса факта сохранения вещей, связанных с преступным посягательством).

На наш взгляд, интерес представляет позиция Р. Л. Ахмедшина, который предлагает устанавливать последовательность следственных действий исходя из возможности воздействия на подозреваемого (обвиняемого). Он пишет, что «группировка следственных действий производится, исходя из возможности воздействия следователя на иных участников расследования. Воздействие на преступника наблюдается фактически во всех следственных действиях, однако в одних следственных действиях потенциал его крайне велик (допрос, очная ставка); в других – значителен (обыск, возможно, хотя и не бесспорно, выемка); в третьих – не первостепенен, однако само проведение следственного действия крайне затруднительно, если подобного воздействия не наблюдалось в начальной стадии данного следственного действия (воздействие в форме оптимизации психологического состояния лица, его адаптация к условиям проведения следственного действия во время предъявления для опознания, проверки показаний на месте, следственного эксперимента)» [2, с. 135].

Нельзя не согласиться с точкой зрения Р. Л. Ахмедшина, однако, полагаем, необходимо подчеркнуть, что проведение каких-либо следственных действий может иметь первостепенное значение, в частности, исходя из их природы утратить свое значение в случае более позднего проведения. Ярким примером в данном случае может служить освидетельствование подозреваемого в случае его задержания вскоре после совершения изнасилования. На теле подозреваемого могут содержаться следы, свидетельствующие о совершении им преступного посягательства (например, следы крови, влагалищных выделений потерпевшей). Вместе с тем проведение освидетельствования спустя две недели после установления личности насильника будет в большинстве случаев бессмысленным или малоинформативным.

Считаем, что на последовательность проведения следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого) также может влиять информация о личности преступника, полученная в ходе предварительного расследования. Так, если следователю известно о том, что лицом, совершившим изнасилования, является неуверенный, эмоционально нестабильный, эмоционально незрелый индивид, или следователь определил, что преступник относится к «ситуативному» типу насильника, велика вероятность того, что подозреваемый подтвердит свою вину

в совершении преступления, если предварительно будет поставлен в ситуацию психологического напряжения, которая прямо или косвенно будет указывать на его вину. Например, при проведении очной ставки, в ходе которой будут выявлены несоответствия его показаний и показаний жертвы. Иначе должна рассматриваться ситуация в случае взаимодействия с организованным типом насильника. В большинстве таких случаев подозреваемый (обвиняемый) будет отрицать свою причастность, поэтому целесообразным считаем провести все возможные следственные действия, направленные на получение доказательств, свидетельствующих о виновности лица, например, обыск в квартире субъекта, и лишь в последнюю очередь проводить допрос.

В особую группу следует выделить случаи определения последовательности следственных действий в случаях расследования изнасилований, совершенных группой лиц. Данный вопрос представляет большую сложность и неоднозначно трактуется в научной литературе. Считаем верным в подобных случаях также руководствоваться информацией о свойствах личности каждого из подозреваемых (обвиняемых). Такой информацией может быть роль и социальный статус каждого члена группы, психологические особенности личности каждого из них, мотивы, данные о конфликтах и т. п. В данном случае целью органа предварительного расследования является выявление наиболее «слабого» индивида для возможности эффективного воздействия на него.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на установление последовательности проведения следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого) влияет множество факторов. Последовательность проведения следственных действий в каждом конкретном случае должна формироваться индивидуально, однако при таком планировании следователю стоит учесть ряд факторов: давность совершения преступления, количество участников совершения изнасилования, потенциал воздействия на подозреваемого (обвиняемого) в процессе проведения того или иного следственного действия, индивидуальные особенности личности преступника, выявленные в процессе расследования изнасилования. Учет всех данных факторов в совокупности позволит выявить больше криминалистически значимой информации, а следовательно, более качественно произвести расследование изнасилования.

Библиографические ссылки

1. Криминалистика : учебник / Е. П. Ищенко [и др.] ; под ред. А. Г. Филипова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Спарк, 2000. 687 с.
2. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 210 с.

ТИПОВАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ГОРНЫХ РАБОТ (СТ. 216 УК РФ) И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДАННОГО ВИДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О. Д. Сергеев

Кемеровский государственный университет,
ул. Красная, 6, 650000, г. Кемерово, Россия, *crim_law@kemsu.ru*

Исследуется типовая криминалистическая характеристика преступных нарушений правил безопасности при ведении горных работ в соответствии с законодательством и правоприменительной практикой Российской Федерации.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; нарушение правил безопасности; проведение горных работ; криминалистическая характеристика преступления.

В своей работе «Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений» В. К. Гавло обратил внимание на то, что создание типовой криминалистической характеристики основывается на обязательном изучении всех элементов криминалистической деятельности, а также деятельности, направленной на раскрытие и расследование преступлений, осуществляемой субъектами правоохранительных органов, создание типовой криминалистической характеристики расследования [1, с. 213–273]. Такой же точки зрения придерживаются многие криминалисты – В. А. Образцов, С. Э. Воронин и др. Мы также присоединяемся к ним.

Криминалистическая характеристика расследования преступлений направлена на выявление закономерностей, связанных с механизмом расследования. Для успешного достижения своих целей криминалистическая характеристика расследования преступлений, опираясь на криминалистическую характеристику преступления, должна вырабатывать следственные версии и способы собирания, исследования и использования доказательств в зависимости от следственных ситуаций.

Свое начало криминалистическая характеристика расследования берет с момента предварительной проверки материалов либо возбуждения уголовного дела, а заканчивается в момент прекращения расследования, независимо от причин этого прекращения.

В период проведения предварительного следствия поступает наибольшее количество разнообразной информации.

По общему мнению, в структуру криминалистической характеристики расследования преступлений входят следственные ситуации, следственные версии, система следственных и оперативно-розыскных

действий. Каждый из этих элементов в свою очередь может быть разделен на составляющие, которые напрямую зависят от характера совершенного преступления.

Элементы, входящие в структуру следственной ситуации, выделены В. К. Гавло, который писал, что следственной ситуацией следует считать определенное положение вещей и конкретную обстановку, складывающуюся после возбуждения уголовного дела, и результаты его расследования по существу, объективно отражающие внутреннее состояние, ход и обстановку расследования на основе совокупности фактических и иных данных [1, с. 273].

Ученым выделяются следующие элементы следственных ситуаций: данные о способе и механизме совершения преступления, данные о лице, совершившем преступление, объекте и предмете преступного посягательства, личности потерпевшего, обстановке, мотиве, цели и других обстоятельствах (эти данные могут быть получены в результате анализа элементов криминалистической характеристики преступления), сведения об источниках получения данных, сведения об обстановке, в которой выявлено преступление и проводится его расследование, сведения о противодействии расследованию со стороны заинтересованных в этом лиц, сведения об обстоятельствах, затрудняющих производство предварительного расследования.

Правильно проведенный анализ сложившейся следственной ситуации позволяет следователю выдвинуть для проверки наиболее вероятные версии, наметить круг необходимых следственных мероприятий.

При расследовании преступлений, связанных с нарушением правил безопасности при ведении горных работ, можно выделить проблемные и беспроблемные следственные ситуации. О беспроблемной следственной ситуации можно говорить в том случае, когда при расследовании преступления следователь не испытывает никаких затруднений.

Проблемная ситуация, наоборот, характеризуется затруднениями следователя, который не может установить какой-либо из элементов, составляющих следственную ситуацию, возникшую при расследовании совершенного преступления.

Мы разделяем мнение Н. П. Яблокова, который считает, что в теории выделяются такие следственные ситуации, как первоначальные, последующие и заключительные; этапные и промежуточные; типовые и конкретные; сложные и простые [3, с. 47–52].

Эффективность работы следователя напрямую зависит от правильного определения сложившейся следственной ситуации и применения методик расследования, разработанных применительно именно к этой ситуации.

В расследовании преступлений связанных с нарушением правил безопасности при ведении горных работ можно выделить следующие, типичные следственные ситуации:

- уголовное дело возбуждается исключительно по материалам технического расследования, проведенного специальной ведомственной комиссией, поступившим в следственный комитет;
- уголовное дело возбуждается по сведениям о факте травмы, поступившим от администрации предприятия или из медицинского учреждения;
- уголовное дело возбуждается по заявлению потерпевшего или его родственников о факте получения травмы.

В дальнейшем эти следственные ситуации изменяются в зависимости от результатов, полученных при проведении первоначальных следственных действий.

Библиографические ссылки

1. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск : Томский гос. ун-т, 1985. 333 с.
2. Яблоков Н. П., Квелидзе С. А. Расследование и предупреждение преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 83 с.
3. Криминалистика / Н. П. Яблоков [и др.] ; под ред. Н. П. Яблокова. М. : Юристъ, 1999. 303 с.

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО – ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С. А. Сергеев¹⁾, В. И. Балко²⁾

¹⁾Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет
ул. Ленина, 11, 071400, г. Семей, Казахстан, semey@kazguu.kz

²⁾Высший колледж «Кайнар», ул. Интернациональная, 51,
071400, г. Семей, Казахстан, kainar_it@mail.ru

Исследуется необходимость разработки и введения программы «Электронное уголовное дело» в органах, ведущих уголовных процесс, в соответствии с законодательством и правоприменительной практикой Республики Казахстан.

Ключевые слова: криминалистика; электронное уголовное дело; досудебное расследование преступлений; цифровизация.

Совершенствование уголовного судопроизводства – одно из главных направлений правовой реформы Казахстана. Сделать уголовный

процесс прозрачным, избавить от бюрократии помогает программа «Электронное уголовное дело». Инновация успешно работает в Республике Казахстан.

Согласно действующему Уголовно-процессуальному кодексу Казахстана, лицо, ведущее уголовный процесс, по своему усмотрению может вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление, т. е. следователь или дознаватель при поступлении к нему уголовного дела по своему усмотрению выносит постановление о ведении дела в электронном формате.

Уголовное судопроизводство в электронном формате – это электронный аналог бумажного уголовного судопроизводства с массой очевидных преимуществ.

В рамках этого дела все процессуальные и иные документы оформляются на компьютере, сканируются и заносятся в программу. В суд такое дело направляется также в электронном виде. В случае невозможности дальнейшего ведения уголовного судопроизводства в электронном формате лицо, ведущее уголовный процесс, переходит на бумажный формат, о чем выносится мотивированное постановление [1, с. 329].

В рамках программы «Цифровой Казахстан» в стране осуществляется поэтапный переход уголовного судопроизводства в электронный формат.

С 2019 г. в электронном формате начато ведение досудебного расследования дел средней тяжести, а с 2020 г. производство в электронном формате будет проводиться по тяжким и особо тяжким преступлениям. Внедрение современных информационных технологий в уголовном процессе является реалиями сегодняшнего дня, тем более что положительные моменты их применения известны.

Главной целью реализации программы является защита прав граждан и обеспечение быстрого доступа к правосудию.

Программа получила название «Е-уголовное дело» и охватывает все стадии уголовного процесса – от регистрации преступления до исполнения приговора.

Преимуществами электронного формата досудебного расследования дел являются оптимизация, упрощение процедур сбора доказательств и составления процессуальных документов.

Реализация перехода на электронную форму уголовного дела требует признания электронной информации как самостоятельного вида доказательств, что позволит рассматривать электронный документ как разновидность данного доказательства [2, с. 28–33]. В связи с этим представляет интерес подход к доказательствам с позиции «информационно-технологической системы, которая включает в себя уголовно-

процессуальную информацию, источники (носители) названной информации (в том числе и электронные носители информации), а также способы и порядок ее собирания, закрепления и проверки, выполняемые в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона участниками уголовного судопроизводства» [3, с. 152].

Осмысление уголовно-процессуального доказательства с точки зрения его информационно-технологической сущности и природы создало реальную возможность внедрения электронной формы уголовного дела и обеспечит возможность электронного уголовно-процессуального доказывания, а также установления истинности события преступления.

Цифровизация уголовного процесса позволит отбросить бюрократию, так как необходимые справки и согласования можно будет получить в электронном виде, кроме того, будут исключены факты утери и фальсификации материалов.

Следует отметить, что в настоящее время упрощена процедура получения справок из наркологического и психиатрического диспансеров, сведений о судимости в органах правовой статистики и получения прочей информации, необходимой в ходе досудебного расследования уголовных дел.

Самое главное – цифровизация усилит защиту прав человека. Весь процесс будет как на ладони. IT-система намного облегчит и работу следователя. Электронный формат досудебного расследования исключит хождения следователей между полицией, прокуратурой и судом.

Электронный формат позволит избежать фальсификаций, уголовные дела не будут теряться и будут быстрее расследоваться. Участники процесса смогут в любое время в онлайн-режиме посмотреть, на какой стадии находится их дело. Если стороны будут жаловаться на действия следователя, то прокурор может сразу же проверить его действия онлайн. Санкцию суда можно будет получить в электронном виде.

Кроме того, электронные уголовные дела позволят избавиться от ненужной бумажной волокиты. В программе около 100 шаблонов процессуальных документов, каждое дело будет рассматриваться более тщательно и появится возможность формировать единую практику по стране.

Программа имеет высокую степень защиты от несанкционированного доступа к материалам уголовного дела посторонних лиц, в том числе и администраторов системы. Доступ будут иметь только следователь, который ведет дело, и прокурор.

Ведение электронного судопроизводства заключается в осуществлении досудебного расследования в электронном формате, в том числе путем ввода электронного документа либо вложения PDF-документа в

Информационную систему единого реестра досудебных расследований – автоматизированную базу данных, в которую вносятся сведения о поводах к началу досудебного расследования, перечисленных в ч. 1 ст. 180 УПК РК, принятых по ним процессуальных решениях, произведенных действиях, движении уголовного производства, заявителях и участниках уголовного процесса, на основании принятых должностным лицом процессуальных решений и действий, а также заполнения необходимых реквизитов электронных информационных учетных документов, подписываемых электронной цифровой подписью.

При создании в электронном уголовном деле PDF-документа лицо, ведущее уголовный процесс, обеспечивает его идентичность с оригиналом, качество и возможность полного прочтения.

Органы уголовного преследования обеспечивают сохранность оригиналов бумажных документов и материалов, которые переведены в PDF-документ. Однако для полноценного внедрения электронного судопроизводства необходимо решить вопросы финансирования, надлежащего технического оснащения органов уголовного преследования и обучения сотрудников навыкам его ведения.

Библиографические ссылки

1. Когамов М. Ч. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 2014 года. Том 2. Особенная часть. Алматы: «Жеті Жарғы», 2015. 944 с.

2. Соколов Ю. Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.

3. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Общая часть : учебник / О. Т. Сейтжанов [и др.]. Костанай : Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2016. 197 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

А. М. Хлус, П. А. Кадуков

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Проводится криминалистический анализ структурных элементов злоупотребления властью или служебными полномочиями, а также исследуется материальная структура преступлений, совершенных должностными лицами.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; злоупотребление властью или служебными полномочиями; материальная структура преступлений.

Актуальность криминалистического исследования злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК) обусловлена рядом следующих обстоятельств. Во-первых, злоупотребление властью или служебными полномочиями существенно подрывает авторитет государственной власти, это же касается и управленческого персонала субъектов хозяйствования. Во-вторых, злоупотребление властью или служебными полномочиями оказывает негативное влияние на эффективность осуществления государственной власти органами государства, а также, не в малой степени, и на развитие внутренней и внешней экономики, в том числе ее отдельных элементов. В-третьих, анализируемый вид преступности способствует совершению иных преступлений, которые, в свою очередь, обладают повышенной общественной опасностью, а также является фактором развития организованной и коррупционной преступности. В-четвертых, высока социальная потребность защиты прав и законных интересов граждан и организаций от неправомερных посягательств указанного вида преступной деятельности. В-пятых, имеются проблемы тактико-методического обеспечения раскрытия и расследования данного вида преступлений.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) злоупотребление властью или служебными полномочиями определяется, как «умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам» (ч. 2 ст. 424 УК).

Злоупотребление властью или служебными полномочиями является одним из наиболее распространенных преступлений против интересов службы и нередко связано с корыстным использованием должностным лицом своего служебного положения. В подавляющем большинстве случаев злоупотребление властью или служебными полномочиями неуклонно ведет к существенному материальному ущербу государственной и общественной собственности.

Несмотря на проводимые правоохранительными органами Республики Беларусь меры, обстановка по борьбе с преступлениями против интересов службы продолжает оставаться весьма и весьма сложной. Борьба со злоупотреблением властью или служебными полномочиями осуществляется при активном участии органов следствия. Дальнейшее совершенствование их деятельности в направлении раскрытия, расследования и предупреждения этой категории преступлений представляет

собой на данный момент наиболее актуальную задачу. В связи с этим целесообразно акцентировать внимание на исследовании совершенствования деятельности органов следствия в аспекте их криминалистического обеспечения.

Одним из направлений повышения эффективности борьбы с данным видом преступлений является совершенствование частной методики расследования. Ее формирование целесообразно на основе выделения в структуре преступления его материальных элементов.

В целях более детального познания этого вида преступления необходимо определить алгоритм анализа материальной структуры преступления. Для достижения поставленной цели необходимо определить некоторую совокупность материальных элементов структуры преступления, которые обязательно имеются при совершении любого преступления, поскольку без их наличия преступление конкретного вида не может быть представлено.

По мнению А. Е. Гучка, общими элементами материальной структуры преступления являются: субъект совершения преступления; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства и предмет преступления [1, с. 48].

Эти взаимосвязанные между собой элементы и составляют материальную структуру преступления, которая в каждом конкретном случае содержит различное количество составляющих ее элементов.

В материальной структуре злоупотребления властью или служебными полномочиями можно выделить ряд материальных элементов структуры: 1) субъект совершающий преступление; 2) объект преступного посягательства; 3) средство совершения преступления; 4) предмет преступного посягательства.

Проанализируем элементы материальной структуры рассматриваемого преступления.

В качестве субъекта совершения данного вида преступлений, равно как и иных преступлений, всегда может рассматриваться только человек. С точки зрения криминалистики человек представляется как следообразующий и следовоспринимающий элемент материальной структуры преступления, который объединен с иными элементами преступной системы определенными видами связей. Немаловажно и то, что особый интерес представляет совокупность свойств, позволяющих идентифицировать личность преступника. Требуется более детально изучать личность лица, совершившего данное преступление, выяснять его прошлую служебную деятельность.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в соответствии со ст. 424 УК субъектом злоупотребления властью или служебными

полномочиями может быть только должностное лицо. Законодатель посчитал необходимым сформулировать понятие должностного лица в Уголовном кодексе Республики Беларусь с целью единообразного понимания термина «должностное лицо» при определении и установлении ответственности за преступления против интересов службы.

В соответствии с ч. 4 ст. 4 УК под должностными лицами понимаются:

1) представители власти, то есть депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представители общественности, то есть лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов.

Отличительной особенностью преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 424 УК, является то, что противоправные действия совершаются с использованием административно-хозяйственных или организационно-распорядительных функций, а также лицами, уполномоченными на совершение юридически значимых действий.

Для уточнения этих положений определим, что к занимающим должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных обязанностей, следует относить должностных лиц, осуществляющих руководство учреждением, его структурными подразделениями, расстановку и подбор кадров, организацию труда, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий.

Лиц, которые занимают должности, неразрывно связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей, следует признавать должностными лицами, реализующих предоставленные полномочия по управлению и распоряжению имуществом или денежными средствами учреждения, а также организации учета и контроля за отпуском и реализацией материальных ценностей. Заключение между работником и нанимателем договора о принятии работником полной материальной ответственности за необеспечение сохранности имущества, а равно и других ценностей, переданных ему для хранения или для других целей, по своей сущности не может служить основанием для признания этого работника должностным лицом. Для этого признания необходимо, чтобы, наряду с обязанностями по непосредственному хранению имущества, материально ответственное лицо по договору о принятии материальной ответственности выполняло также функции по управлению или распоряжению этим имуществом.

Лицами, которые уполномочены на совершение юридически значимых действий, являются работники, совершающие действия, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, субъектами которых являются иные лица.

К лицам, совершающим юридически значимые действия наряду с иными лицами, относятся:

преподаватели высших или средних специальных учебных заведений, уполномоченные на принятие у обучаемых экзаменов или зачетов, а также выполняющие обязанности в качестве членов квалификационных или экзаменационных комиссий;

учителя или воспитатели, на которых возложены обязанности по обеспечению порядка и безопасности во время проведения мероприятий или занятий;

врачи, уполномоченные на выдачу листов нетрудоспособности или участвующие в работе призывных комиссий.

Обратим внимание и на тот факт, что субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 424 УК, могут быть лишь должностные лица, не относящиеся к категориям военнослужащих и военнообязанных во время прохождения сборов.

Объект материальной структуры данного вида преступлений можно представить в виде некоего системного образования или материальной совокупности, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие, одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния [2, с. 52]. Важно учитывать, что объект, в стандартном его понимании, как

одно целое может являться и целью преступной деятельности. Данное положение вещей происходит в тех случаях, когда вина субъекта преступления непосредственно связана с причинением объекту преступного посягательства какого-либо вреда.

Если опираться на определение понятия «объект преступного посягательства», высказанное в работе одним из авторов, то в рамках злоупотребления властью или служебными полномочиями можно выделить несколько видов материальных объектов, на которые направлено преступное посягательство и в результате причиняется ущерб.

Объектами преступного посягательства для данного преступления являются человек, государственные и общественные организации, имущество [3, с. 340].

Человек является объектом преступного посягательства лишь в случаях, когда на него оказывается определенное непосредственное или опосредованное воздействие со стороны субъекта преступления. Такие деяния связаны прежде всего с причинением личности гражданина существенного вреда, который может выражаться, например, в причинении умышленного легкого телесного повреждения или в умышленном создании ситуации, при которой вследствие неосторожных действий других лиц были причинены менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения. Человеку, как объекту преступного посягательства, также может быть причинен и иной существенный вред. При этом воздействие на него оказывается опосредованное. К примеру, существенный вред может быть выражен в значительном для гражданина нарушении конституционных прав и свобод на получение достоверной информации, свободное и беспрепятственное передвижение, выбор места жительства, работы, охрану здоровья, свободу выражения взглядов [4, с. 967].

Также человеку может быть причинен и ущерб имущественного характера. В этом случае уже имущество человека, но никак не сам человек, будет выступать в роли объекта преступного посягательства.

Рассматривая такой элемент материальной структуры преступления, как средства совершения преступления, следует иметь в виду, что ими являются такие материальные объекты, которые тем или иным образом используются для достижения преступной цели. Основное назначение данного элемента структуры преступления в том, чтобы обеспечить наступление результата преступного деяния. Он же выступает связующим звеном между другими элементами материальной структуры. Рассматривать этот элемент материальной структуры необходимо в каждой ситуации отдельно, в зависимости от способа совершения преступления, в этом контексте следует сказать, что в качестве средств совершения преступления могут выступать также и различного рода документы.

Определяя средство совершения преступления, нельзя не обратить внимание на способы злоупотребления властью или служебными положениями, которые отличаются многообразием. Преступление может совершаться путем активных заведомо противоправных действий. К ним можно отнести следующие:

- незаконное и безвозмездное обращение государственных или общественных средств в свою собственность или собственность других лиц;
- использование техники или рабочей силы в своих личных целях;
- сокрытие недостачи материальных ценностей;
- использование служебного транспорта, материальных и финансовых ресурсов организации в личных целях, а также многочисленные иные способы злоупотребления властью или служебными полномочиями.

В ряде случаев элементом материальной структуры злоупотребления властью или служебными полномочиями является также предмет преступного посягательства. Этот элемент преступной структуры представляет собой цель преступного посягательства, т. е. этим предметом является то, на что направлено само посягательство. В качестве предмета преступного посягательства, как правило, при рассмотрении преступлений, совершенных из корыстной заинтересованности, выступают разного рода имущество, денежные средства и др.

Корыстную заинтересованность составляют корыстные побуждения, т. е. те мотивы, которые характеризуются стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или своих близких какую-либо выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или своих близких от каких-либо материальных затрат. Корыстная заинтересованность чаще всего проявляется в стремлении приобрести какое-либо имущество без признаков хищения.

Также могут присутствовать и другие мотивы, определяемые посредством иной личной заинтересованности при совершении преступления, предусмотренного ст. 424 УК, которые характеризуются стремлением виновного извлечь для себя или своих близких любую выгоду неимущественного характера. В свою очередь, иная личная заинтересованность по своему содержанию, как и корыстная заинтересованность, должна сама по себе выражать низменный, порицаемый характер, т. е. она должна быть, с одной стороны, обусловлена побуждениями, которые направлены на удовлетворение интересов виновного или близких ему лиц, а с другой – основана на эгоистическом использовании предоставленных служебных полномочий.

Интересно и то, что лицо может использовать свои служебные полномочия вопреки интересам службы, однако не стремиться получить в результате этого пользования какие-либо личные блага. Его мотивом

могут выступать, например, ложно понятые интересы государственного органа или учреждения. Безусловно, в таком случае, состав данного преступления будет отсутствовать [5].

Все вышеперечисленное относится как к наиболее общей материальной структуре преступлений, совершенных должностными лицами, так и напрямую характеризует должностное лицо, злоупотребившее властью или служебными полномочиями, с точки зрения материальной структуры данного вида должностного преступления.

Выделение элементов материальной структуры, а затем их тщательный анализ, по мнению сторонников данного учения, с большой долей вероятности обеспечивают наиболее полное и максимально объективное познание конкретного преступного события данного вида.

Библиографические ссылки

1. Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Минск : БГУ, 2007. 151 с.
2. Хлус А. М. Объект преступного посягательства как элемент интеграции уголовного права и криминалистики // Юстиция Беларуси. 2018. № 6. С. 50–55.
3. Хлус А. М. Теоретико-прикладные аспекты противодействия злоупотреблению властью или служебными полномочиями // I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М. П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. Минск : Академия МВД, 2018. Ч. 1. С. 338–343.
4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос.ун-та, 2010. 1064 с.
5. Хилюта В. В. Всегда ли корыстно должностное злоупотребление? [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2019.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК

А. М. Хлус

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуется междисциплинарная интеграция как фактор совершенствования частных криминалистических методик. Анализируется соотношение понятий «криминалистическая характеристика преступления» и «криминалистическая структура преступления».

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; криминалистическая характеристика преступления; криминалистическая структура преступления.

Междисциплинарная интеграция вполне может рассматриваться как важнейший фактор совершенствования частных методик расследования преступлений. Еще в свое время основоположник криминалистики Ганс Гросс считал ее вспомогательной по отношению к уголовному праву, видел в ней специальную науку «о реальностях уголовного права» [1, с. 109] и тем самым подчеркивал связь между этими науками.

Исследуя проблемы интеграции уголовного права и криминалистики, следует выделить ее виды (направления). В связи с этим предлагается рассматривать следующие виды междисциплинарной интеграции указанных наук: 1) объектную интеграцию, которая предполагает совмещение образов одного и того же объекта уголовного права и криминалистики; 2) понятийную интеграцию, т. е. раскрытие содержания и единообразное понимание общих понятий, которыми оперируют эти науки; 3) концептуальную интеграцию, позволяющую раскрыть общие для рассматриваемых дисциплин концепции; 4) проблемную интеграцию, раскрывающую междисциплинарные проблемы на основе синтеза знаний; 5) методологическую интеграцию, т. е. применение общенаучной методологии и общих методов исследования.

Связь уголовного права и криминалистики наиболее очевидна в заключительном разделе криминалистики – методике расследования преступлений отдельных видов. Построение методик расследования согласуется со структурой особенной части уголовного права, научные положения которой являются исходными началами для криминалистических методик. В целом уголовно-правовая характеристика преступлений выступает в качестве правовой основы для их криминалистического описания, т. е. их криминалистической характеристики.

Для представления имеющихся проблем междисциплинарного характера необходимо проанализировать содержание и структурные элементы частных методик расследования.

Криминалистические работы, посвященные частным криминалистическим методикам, позволяют видеть различие между элементами их структуры. Всю совокупность этих элементов условно можно разделить на две части: теоретическую и методическую. Более детально мы рассмотрим теоретическую часть методики расследования, в которой отражаются некоторые положения уголовного права.

Теоретическую часть методики составляют элементы, содержащие информацию в виде научно обобщенных сведений о данном виде или

группе преступлений, а также информацию о наиболее типичных ситуациях их развития, складывающихся к первоначальному этапу расследования. Некоторые ученые к этой части методики относят «исходную информацию о конкретном преступлении» [2, с. 4], что, по нашему мнению, является спорным. Объясняется это несогласие тем, что информация о конкретном преступлении появляется на определенный момент его раскрытия и расследования. В связи с этим она не может относиться к сформированной методике, которая, по своей сути, в ее теоретической части может рассматриваться в качестве своеобразной матрицы, с которой и предстоит соотнести исходную информацию о конкретном преступлении. Процесс такого соотношения позволяет на первоначальном этапе расследования определить конкретные тактические задачи и соответствующие средства их решения.

Теоретическая часть методики расследования представляется в виде информационной модели данного вида или группы преступлений. В качестве такой модели учеными зачастую рассматриваются криминалистические характеристики преступных деяний.

Вопросы криминалистической характеристики преступлений до сих пор сохраняют свою актуальность. Это связано с пониманием многими учеными абстрактного характера криминалистической характеристики преступлений. В целом же это не повлияло на ее живучесть как категории криминалистики и основы для формирования частных методов расследования преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений является наиболее активно используемой в научных работах криминалистической категорией. Считается, что основное практическое назначение криминалистической характеристики как информационной модели преступлений состоит в возможности построения версии о принадлежности расследуемого преступления к известному виду (группе) деяний. Далее, «располагая сведениями об одном из элементов криминалистической характеристики или иной модели расследуемого преступления, мысленно строят цепочку связей с другими ее элементами. Конечным же элементом и главной целью указанной мыслительной деятельности следователя является личность неустановленного преступника» [2, с. 5]. Знание структурных элементов криминалистической характеристики вызывает сомнение в объективности такого утверждения. Даже описание в криминалистической характеристике личности субъекта совершения преступления не может гарантировать возможности установления неизвестного преступника, совершившего расследуемое деяние. Такие сведения носят, как правило, только ориентирующий характер.

Различие в понимании количества и видов элементов криминалистической характеристики преступлений является одной из проблем формирования ее частной методики, а затем практической реализации в ходе расследования.

Для выявления иных проблем методики расследования преступления необходимо провести сравнительный анализ его криминалистической характеристики в сочетании с данными уголовно-правового характера.

Основой для такого анализа должна служить уголовно-правовая конструкция состава преступления. Сведения о составе преступления значимы не только для практики расследования, но и для конструирования информационной модели преступления. По мнению А. В. Дулова, «эти сведения дают возможность выявить в преступлении его элементы и их свойства, которые надо углубленно изучать, ибо они определяют основу криминалистического познания преступления» [3, с. 31].

Для криминалистической характеристики преступления сведения о его уголовно-правовом составе также значимы. Более того, уголовно-правовые данные об объективной и субъективной стороне, объекте и субъекте преступления являются составной частью криминалистической характеристики многих преступлений, что служит основой для ее критики [4, с. 220–224]. В целом криминалистическое описание преступления включает, по мнению Р. С. Белкина, три блока данных о нем:

- 1) данные об уголовно-правовой квалификации преступления;
- 2) криминологические данные о личности типичного преступника и типичной жертвы преступления, о типичной обстановке совершения преступления (время, место, условия); типичном предмете посягательства;
- 3) описание типичных способов совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичной следовой картины (последствий), характерной для применения того или иного способа [4, с. 222].

В числе уголовно-правовых данных в криминалистических характеристиках различных преступлений наиболее чаще упоминается объект, мотив и цель преступления.

В уголовном праве объект преступления является абстрактным понятием. Согласно теории уголовного права непосредственным объектом преступлений являются общественные отношения.

Такой подход к пониманию объекта преступления в уголовном праве выглядит наиболее общим и доминирующим в настоящее время. Вместе с тем еще в прошлом столетии указано на наличие многих спорных аспектов учения о нем [5, с. 111].

С теорией объекта преступлений как общественного отношения конкурирует ценностная теория. Например, Е. Фесенко утверждает, что «именно ценности (личные, общественные, государственные) должны

признаваться объектом преступления...». В качестве ценностей Е. Фесенко называет человека и объекты материального мира, значимые для отдельных лиц, социальных групп и общества в целом. Преступление, направленное против этих важнейших ценностей, создает угрозу причинения или причиняет им вред. «Именно поэтому указанные ценности и выступают в качестве объекта преступления» [6, с. 72].

Исследуя объект преступления, В. Н. Винокуров пишет: «Общественные отношения – это отношения по поводу каких-либо объектов, под которыми следует понимать все то, что входит в сферу потребностей людей» [7, с. 66–67]. Следовательно, в основе этих абстрактных отношений материальные объекты.

Криминалистика рассматривает любое преступное деяние как систему [8, с. 71], структура которой состоит из материальных элементов. В их числе выделяется и материальный объект преступного посягательства [9, с. 48].

Очевидно, что объект преступного посягательства, являясь материальным элементом в структуре преступления, существенно отличается от аналогичного по наименованию уголовно-правового элемента состава преступления. Как уже было отмечено, в теории и практике отечественного уголовного права до сих пор в вопросе понимания содержания объекта посягательства используется концепция общественного отношения. Данная концепция не приемлема для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия в криминалистике и, в частности, криминалистической характеристике преступлений. Дело в том, что абстрактные по своей сути общественные отношения, социальные блага или человек [10, с. 45], составляющие содержание концепций уголовно-правового понятия объекта посягательства, не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

С точки зрения криминалистики мы понимаем объект посягательства в качестве «материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие, одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния» [11, с. 52].

Объектами преступного посягательства в их криминалистическом понимании являются человек (в единственном числе или группа людей), имущество (движимое и недвижимое), компьютерные и иные электронные системы, денежные средства и ценные бумаги, транспортные средства, предприятия и учреждения, фирмы, государственные органы [11, с. 52]. Действия в отношении объекта могут быть связаны как с причинением ему вреда, так и без такового.

Человек является объектом преступного посягательства в случаях, когда в результате преступных действий на него оказывается определенное непосредственное воздействие. К таким деяниям относятся насильственные преступления, например, разбой.

Большим разнообразием отличается такой объект преступного посягательства, как имущество. Оно охватывает собой множество различных вещей, разделяемых на две большие группы имущества: движимое и недвижимое. Например, объектами посягательства, согласно ст. 263 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), являются природные комплексы или объекты особо охраняемых природных территорий, которые в результате преступного деяния умышленно уничтожаются либо повреждаются.

Компьютерные системы, сети или машинные носители являются объектом преступного посягательства сравнительно недавно. Например, совершая действия, предусмотренные ст. 349 УК, преступник осуществляет несанкционированный доступ к информации, хранящейся в этих системах, сетях, носителях. Сама же информация выступает в качестве предмета преступного посягательства.

Мировой экономический кризис 2008 г. послужил началом для появления и развития криптовалюты, создание и контроль за которой базируется на криптографических методах. Имеют место случаи хищения криптовалюты и в Беларуси [12].

Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит небольшое количество статей, где в качестве объекта посягательства в его криминалистическом понимании выступают деньги или ценные бумаги. Так, деньги, полученные в результате преступной деятельности (например, незаконный оборот наркотиков), могут, при определенных условиях, являться объектом их преступной легализации («отмывания») (ст. 235 УК).

Типичным примером транспортного средства как объекта посягательства является неправомерное завладение им и поездка на нем без цели хищения, т. е. угон (ст. 214 УК), а равно угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна (ст. 311 УК).

Организации (предприятия, фирмы и т. п.) являются объектом преступного посягательства многих преступлений, относящихся к различным разделам УК, но в первую очередь это преступления против порядка осуществления экономической деятельности. Например, ложная экономическая несостоятельность (банкротство) (ст. 238 УК). Для выделения объекта посягательства, а для данного преступления характерна множественность объектов, необходимо представлять связь конкретного субъекта хозяйствования, в отношении которого ставится вопрос о

признании экономически несостоятельным, с иными субъектами хозяйственной деятельности. Вот эти последние субъекты, т. е. различные предприятия, учреждения и фирмы, по отношению к которым субъект хозяйствования выступает должником, и являются объектами преступного посягательства.

Государственные органы как объекты преступного посягательства можно выделить в некоторых составах преступлений. При этом следует иметь в виду, что совершаемым преступлением нарушаются интересы именно государственного органа. Например, объектом посягательства в ст. 231 УК является таможенный орган. Эта норма предусматривает ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере.

На основе вышеизложенного предлагаются некоторые выводы:

1. Уголовно-правовая характеристика преступлений служит основой для их криминалистической информационной модели, используемой для формирования частной методики расследования.

2. Криминалистическая характеристика преступлений, являясь теоретической основой частной методики расследования, содержит сведения об отдельных элементах в их абстрактном, уголовно-правовом понимании.

3. Абстрактный характер уголовно-правовых концепций не приемлем для рассмотрения структурных элементов преступления как равноценных понятий, используемых криминалистикой.

4. Криминалистическая характеристика преступлений должна содержать сведения о материальных элементах структуры преступного деяния.

5. Развитие наук уголовно-правового цикла, к которым относятся криминалистика и уголовное право, необходимо осуществлять в направлении унификации научных категорий, которыми оперируют эти науки. Следовательно, необходимо выработать единое понимание по многим ключевым категориям, характеризующим общий объект исследования – преступление. Реализация этого будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступлениями.

Библиографические ссылки

1. Криминалистика: Краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 111 с.

2. Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 3 : Криминалистическая методика / под ред. Г. Н. Мухина ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь». 2-е изд., испр. Минск : Акад. МВД, 2010. 295 с.

3. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск : Университетское, 1985. 183 с.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001. 240 с.
5. Кригер Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестн. Московского ун-та. 1955. № 1. С. 109–114.
6. Фесенко Е. Объект преступления с точки зрения ценностной теории // Уголовное право. 2003. № 3. С. 71–75.
7. Винокуров В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 66–67.
8. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под. ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 415 с.
9. Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Минск : БГУ, 2007. 151 с.
10. Грунтов И. О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 2 (56). С. 44–48.
11. Хлус А. М. Объект преступного посягательства как элемент интеграции уголовного права и криминалистики // Юстиция Беларуси. 2018. № 6. С. 50–56.
12. Что известно о краже биткоинов в Бресте, из-за которой могут завести уголовное дело [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.tut.by/pda/news573184.html> (дата обращения: 26.01.2018).

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТА КРАЖИ

А. М. Хлус, О. А. Шастюк

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

На основании криминалистического анализа кражи выделены четыре материальных элемента. С точки зрения уголовного права и криминалистики исследуется объект кражи.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая методика; расследование кражи; объект кражи; криминалистический анализ.

Объект преступления является признаком объективной стороны деяния, характеризующим его во внешнем проявлении. Еще в середине прошлого столетия ученые указали на важность проблемы объекта преступления, недостаточную ее разработанность и на наличие многих спорных аспектов учения об объекте преступления. Казалось бы, что с тех пор все проблемы объекта преступления разрешились, но в действительности это не так. До сих пор проблема объекта преступления – одна из самых сложных и спорных в теории уголовного права, а его понятие, как отмечают современники, является «наиболее дискуссионным в науке уголовного права» [1, с. 49].

Согласно ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) кража представляет собой «тайное похищение имущества». До сих пор нет единого мнения относительно того, что является объектом данного преступления. Белорусские ученые объектом данного преступления называют право собственности [2, с. 146], отношения собственности [3, с. 29], конкретную форму собственности [4].

Такие различия в понимании объекта преступления связаны с тем, что, во-первых, кража является преступлением против собственности, поэтому ее объектом выступает собственность и (или) право собственности, во-вторых, объективная сторона кражи выражается в тайном похищении имущества.

В. Г. Золотогоров определяет собственность как «исторически определенный общественный способ присвоения людьми предметов производительного и непроизводительного потребления. В качестве юридической категории собственность представляет собой совокупность отношений владения, распоряжения и пользования имуществом, а также по поводу трудовой деятельности и ее результатов» [5, с. 506].

Формулируя такое определение, В. Г. Золотогоров указывает на то, что собственность связана с имуществом, но это не само имущество, не вещь, разделяя, таким образом, понятия имущества и собственности.

В теории уголовного права существуют различные мнения по вопросу о понимании объекта преступления в целом и объекта кражи в частности. Разнообразие концепций объекта посягательства рассмотрено белорусским ученым И. О. Грунтовым [6, с. 41–46]. Он же отметил, что в научной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь в течение длительного времени придерживаются традиционной концепции общественных отношений как объекта преступного посягательства [7]. Аналогичный подход закреплен и некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения права.

Подводя итог относительно данного вопроса, представляется возможным сделать вывод, что объектом кражи в теории уголовного права рассматриваются общественные отношения собственности.

В криминалистической науке объект преступления и, соответственно, объект кражи рассматриваются иначе. В основе криминалистического понимания объекта преступления (кражи) ряд значимых обстоятельств. Их учет позволяет видеть тесную взаимосвязь уголовного права и криминалистики и в то же время самостоятельность криминалистики, призванной обеспечить практическую деятельность знаниями для эффективной борьбы с преступлениями.

Во-первых, необходимо помнить, что криминалистика является наукой «о реальностях уголовного права» [8, с. 109]. Это весьма важное утверждение, позволяющее перейти от теоретических, преимущественно абстрактных уголовно-правовых понятий и терминов в сферу реального, криминалистически значимого проявления конкретного преступления.

Во-вторых, любое преступное деяние, равно как и кража, с позиции криминалистической науки рассматривается в качестве системы [9, с. 71]. Но данная система, с учетом первого обстоятельства, не может быть абстрактной. Для нее характерна структура, состоящая из материальных образований (элементов). В числе наиболее общих материальных элементов структуры преступлений можно выделить: субъект, совершающий преступление, объект, предмет, средство преступного посягательства и предмет преступления [10, с. 48].

Объект преступного посягательства как элемент криминалистической (материальной) структуры преступления отличается от соответствующего уголовно-правового элемента состава преступления. В теории и практике отечественного уголовного права до сих пор, и на это было уже обращено внимание, в вопросе понимания содержания объекта посягательства используется концепция общественного отношения. Она не приемлема для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия для уголовного права и криминалистики. Абстрактные по своей сути общественные отношения, социальные блага или человек [6, с. 45], составляющие содержание концепций уголовно-правового понятия объекта посягательства, не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

Объект преступного посягательства как элемент преступной структуры можно представить в виде материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие, одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния [11, с. 123–132]. При этом сам по себе объект, будучи цельным образованием, также может являться целью преступной деятельности. Происходит это в случаях, когда вина субъекта преступления связана с причинением объекту посягательства вреда.

В качестве объектов преступного посягательства, в зависимости от совершенного преступления, следует рассматривать широкий спектр материальных образований (предметов, вещей), в том числе и человека, как в единственном числе, так и в виде группы людей.

Криминалистическое рассмотрение материальных элементов кражи предполагает проведение криминалистического анализа ее уголовно-правового состава.

Криминалистический анализ преступления, предусмотренного ст. 205 УК, позволяет выделить в нем следующие материальные элементы: 1) субъект, совершивший кражу; 2) объект посягательства; 3) средство посягательства и 4) предмет посягательства.

Для решения вопроса об объекте преступного посягательства необходимо рассмотреть различные ситуации места и способа совершения кражи. Кража, как тайное похищение, совершается на открытой местности, из помещений различных форм собственности (государственной и частной). При этом кража не ограничивается «проникновением в жилище» (ч. 2 ст. 205 УК), она может быть совершена в любом помещении, не являющимся жилым (офис, склад, гардероб, иное вспомогательное помещение и т. п.). Нахождение в помещениях лица, которое совершило кражу, может быть как на законном (приглашен в гости), так и незаконном основании (проник в него путем взлома). В последнем случае, когда имеет место проникновение в помещение со взломом, образуется большое количество следов криминалистической значимости, несущих в себе информацию о субъекте преступления и других элементах материальной структуры кражи. Эти материальные образования, куда незаконно проникает преступник, и являются «объектами преступного посягательства» в их криминалистическом понимании. Аналогичным образом автомобиль (любое иное транспортное средство), прицеп к нему также следует рассматривать объектом посягательства в случае, когда завладение находящимися в них предметами, происходит путем их предварительного повреждения, например, преступник разбивает боковое стекло легкового автомобиля и похищает личные вещи водителя.

Особое место в ряду краж занимают так называемые карманные кражи. Учитывая специфику данной разновидности краж, объектом посягательства является человек, у которого из кармана либо сумки преступник извлекает портмоне, нетбук, мобильный телефон или иной предмет. Следовательно, в криминалистическом понимании, объектами преступного посягательства при совершении кражи могут являться жилище (дома, квартиры, коттеджи, гостиничные номера и т. п.), нежилые помещения (торговые предприятия, склады, недостроенные дома, помещения организаций и учреждений, мастерские и т. п.), автомобили и иные транспортные средства, человек.

В ряде случаев объекту посягательства в результате совершенного деяния причиняется вред. Понятие «вред» имеет как материальное, так и нематериальное проявление. В уголовном праве преимущественно

рассматривается ущерб, имеющий материальную оценку. В рассматриваемой ст. 205 УК не идет речь о вреде, причиняемом объекту посягательства, но упоминается ущерб, которым определяется размер («крупный» или «особо крупный») предмета похищаемого имущества. В качестве примера нематериального проявления вреда можно назвать последствия, которые наступили как для здоровья потерпевшего, так и для иных отношений в результате совершенного преступления. Видом такого ущерба является моральный вред, который трудно оценить.

С объектом преступного посягательства тесно связан его предмет. При совершении кражи они соотносятся как общее и частное. Это характерно для тех случаев кражи, где предмет посягательства выступает в качестве элемента материальной системы, которая в структуре кражи является объектом посягательства. Например, при совершении квартирной кражи помещение, в котором она совершена, рассматривается как объект преступного посягательства, а все похищенное из помещения – предмет преступного посягательства.

С точки зрения криминалистики предметом посягательства при краже следует считать материальный элемент структуры преступления, который всегда определяет целевую направленность преступных действий похитителя. Предметом посягательства при краже является все то, чем завладевает преступник в момент совершения преступления. Действия в отношении данного элемента материальной структуры преступления не сопряжены с причинением ему вреда. Цель преступника при совершении кражи не только завладеть этим предметом, но и в дальнейшем незаконно распорядиться им по своему усмотрению.

В качестве дополнительных признаков, характеризующих предмет преступного посягательства, следует учитывать размер его стоимости. При квалификации данного преступления следует устанавливать причинение ущерба потерпевшей стороне, который может быть в крупном размере (ч. 3 ст. 205 УК) или в особо крупном размере (ч. 4 ст. 205 УК). При этом вред предмету посягательства не причиняется, а ущерб наносится собственнику похищенного имущества.

Крупным размером признается ущерб, который в двести пятьдесят и более раз превышает размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Для признания ущерба особо крупным необходимо, чтобы размер базовой величины был превышен в тысячу и более раз.

Таким образом, проанализировав объект кражи с точки зрения уголовного права и криминалистики, необходимо отметить следующее.

Во-первых, объектом кражи выступают общественные отношения собственности, что не соответствует криминалистическому представле-

нию о данном элементе. С позиции криминалистики объектом преступного посягательства, т. е. объектом кражи, всегда являются материальные образования. В качестве таких объектов, на которые посягает преступник, выступают жилище (дома, квартиры, коттеджи, гостиничные номера и т. п.), нежилые помещения (торговые предприятия, склады, недостроенные дома, помещения организаций и учреждений, мастерские и т. п.), автомобили и иные транспортные средства, человек. Этим элементам преступной структуры в ряде случаев причиняется вред, например, квартирный вор взламывает входную дверь в жилое помещение и т. п.

Во-вторых, имеющие место междисциплинарные интеграционные процессы предполагают необходимость совершенствования научных категорий уголовного права и криминалистики.

Библиографические ссылки

1. Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т философии, социологии и права. Т. 1 / авт. коллектив тома: Н. В. Висков [и др.]. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. 657 с.

2. Круглов В. А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций. Минск : Амалфея, 2012. 592 с.

3. Крагилева В. Б. Уголовное право (Особенная часть) : учебно-методические материалы. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. 131 с.

4. Хилота, В. В. Квалификация преступлений против собственности. [Электронный ресурс]. URL: http://ebooks.grsu.by/prestup_protiv_sobstv/1-krazha.htm. (дата обращения: 27.02.2019).

5. Золотогоров В. Г. Экономика: Энциклопедический словарь. 2-е изд., стереотип. Минск : Книжный Дом, 2004. 720 с.

6. Грунтов И. О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 2 (56). С. 45–51.

7. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабя, И. О. Грунтова. Минск : Новое знание, 2002. 854 с.; Бабий Н. А. Квалификация убийств. Минск : Тесей, 2009. 345 с.

8. Криминалистика: Краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. 111 с.

9. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под. ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 415 с.

10. Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Минск: БГУ, 2007. 151 с.

11. Хлус А. М. Объект и предмет преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике: понятие и соотношение // Библиотека уголовного права и криминологии. Научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 123–132.

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЙ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА О МЕТОДАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г. А. Шумак

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

Рассматривается реализация и развитие научных концепций и криминалистических методов профессора Андрея Васильевича Дулова в экономической сфере при расследования должностных и экономических преступлений и обосновывается необходимость их модификации и разработки других методов расследования преступлений в сфере экономической деятельности, генетически связанных с предложенными ученым.

Ключевые слова: криминалистическая наука; криминалистическая методика; методы расследования преступлений; экономические преступления; криминалистический анализ.

Научное наследие профессора А. В. Дулова широко и многогранно. Практически нет такого раздела криминалистики и вида деятельности по расследованию преступлений, в которую бы он не внес свой значимый вклад. При этом ученый не замыкался в рамках традиционно определяемого предмета криминалистики, а существенно расширял его границы, находя в нем все новые и новые аспекты. Теория судебной экспертизы, юридическая психология, юридическая этика, так называемые судебные науки – медицина, психиатрия, бухгалтерия – включались профессором в сферу научного обеспечения деятельности по выявлению и расследованию преступлений и наполнялись криминалистическим содержанием. Характерной чертой научных исследований профессора А. В. Дулова и созданной им научной криминалистической школы является новаторство, творческий подход к традиционным проблемам криминалистики, создание новых методов их исследования. Разработка методологии научного поиска – одно из важнейших направлений профессиональной деятельности А. В. Дулова как ученого и педагога.

В основе методологии криминалистической деятельности профессор видел метод криминалистического анализа, вкладывая в это понятие самый широкий смысл. «Нельзя познать явление, объект, не осуществив его анализ. Поэтому метод анализа является обязательным в любой науке... Криминалистический анализ должен обеспечить изучение всех объектов криминалистики – преступлений, систем отражения этих явлений, деятельности по расследованию преступления» [2, с. 51]. Разновидностями метода криминалистического анализа А. В. Дулов называет структурный анализ преступления (изучает элементы, составляющие

материальную структуру преступления), генезисный анализ, системно-функциональный анализ, психологический, коммуникационный, ретроспективный анализ и др. В свою очередь каждый из приведенных методов модифицируется в зависимости от задач, условий и сфер применения.

Одной из таких сфер, в которой реализация научных концепций и криминалистических методов А. В. Дулова нашла наиболее полное отражение, является область экономической деятельности. Именно на примере расследования должностных и экономических преступлений профессор А. В. Дулов в наибольшей мере продемонстрировал сущность и возможности реализации предложенной им системы методов расследования. Так, на основе метода структурного анализа А. В. Дуловым разработана его оригинальная научная концепция о материальной (в интерпретации его учеников – криминалистической) структуре преступления. Ученый предложил при изучении преступления исходить из материальных элементов, взаимодействие которых при совершении преступления формирует процесс следообразования. Преступление – «это результат взаимодействия объектов материального мира: взаимодействие человека с человеком, взаимодействие человека с предметом, взаимодействие предмета с предметом, которое находится в причинной связи с человеком <...> Прежде всего должна быть изучена материальная структура данного вида преступления. Для этого необходимо выявить на основе достаточно представительного числа идентичных событий совокупность объективных факторов, которые обязательно имеются в наличии при совершении данного вида преступления, поскольку без них последнее не может быть совершено. Эти взаимосвязанные между собой элементы и будут составлять криминалистическую структуру преступления» [1, с. 35].

Криминалистическая структура преступления – оригинальная разработка современной криминалистической школы профессора А. В. Дулова и его последователей, представляющая серьезную альтернативу учению о криминалистической характеристике преступлений, значительное время доминировавшему в нашей науке. Преступление было представлено как система взаимосвязанных материальных элементов.

Исследование материальной (криминалистической) структуры преступления – это выявление и изучение подсистем, элементов, без наличия которых не было бы самого факта преступления (преступного результата). В любом преступлении имеются такие материальные элементы, как субъект (лицо, совершившее его), объект (предмет, лицо, на которые направлено преступное воздействие), орудие преступления. В ходе исследования криминалистической структуры преступления изучаются

параметры каждого элемента, их специфические свойства. При этом используются методы различных естественных, технических, социальных наук.

Структура каждого вида преступлений различна. Сложность криминалистической структуры экономических преступлений обусловлена многообразием связей и отношений, складывающихся в ходе осуществления преступной деятельности. В зависимости от прикладных целей могут выделяться различные элементы этой структуры, исследоваться разнообразные их связи с переходом на более общие или конкретные уровни. Понятие объекта преступления как элемента криминалистической структуры иное, чем в уголовном праве. Применительно к должностным экономическим преступлениям оно весьма синтетично. Прежде всего к нему относится то звено хозяйственного механизма, в рамках которого возникло и развивается преступление. Как правило, это определенный субъект хозяйствования, осуществляющий свою деятельность с использованием материальных ресурсов и денежных средств путем совершения хозяйственных операций – организация, индивидуальный предприниматель, предприятие, учреждение. В ряде случаев объект бывает уже – конкретный производственный участок, цех, магазин, склад. Иногда объект преступления охватывает совокупность организаций, связанных общей хозяйственной деятельностью. Специфика данной группы преступлений позволяет в процессе криминалистического анализа объекта описать и обстановку преступления, так как они неразрывны, а также конкретный предмет посягательства – деньги и материальные ценности.

Субъект как элемент структуры экономического преступления характеризуется следующими криминалистически важными чертами: возможность осуществления преступной деятельности в ходе выполнения своих профессиональных функций; наличие специальных знаний или профессионального опыта; возможность оказания противодействия выявлению и раскрытию преступления на основе знания системы защиты объекта и ее недостатков. Анализ структуры экономических преступлений, совершаемых группой лиц, требует создания синтетической модели субъекта, отражающей функции и деятельность участников преступления как единого механизма.

Средства (орудия) совершения преступления – обязательный элемент его криминалистической структуры. Применительно к экономическим преступлениям он обладает существенной спецификой. Определенное значение имеет и традиционный круг орудий преступления – орудия взлома, транспортные средства, средства письма, орудия подчисток и исправлений в документах и т. п. Однако по данной категории

дел таким орудиям отводится, как правило, вспомогательная роль. Наиболее распространенным средством совершения должностных экономических преступлений являются различного рода документы (нормативные, учетные, удостоверяющие), содержащие материальный или интеллектуальный подлог.

В качестве самостоятельного уровня криминалистической структуры профессор А. В. Дулов выделяет взаимодействие элементов в процессе совершения преступления. При этом автор отмечает, что такое взаимодействие часто именуют механизмом совершения преступления. Профессор подчеркивает наличие особенностей во взаимодействии элементов экономических преступлений. «Здесь взаимодействия реализуются через функции должностного лица. Последние определяют, как субъект связан с объектом, как он взаимодействовал (мог взаимодействовать) на него, при помощи каких средств <...> Объективное изучение взаимодействия основных элементов структуры преступления позволяет выйти на исследование способов совершения преступлений» [1, с. 38]. Результат взаимодействия проявляется в виде изменений объекта чаще всего отдельных его элементов: дисбаланс экономических показателей, нарушение установленных связей, ухудшение качества продукции и т. п. При длительном существовании преступной структуры конкретный результат развивается в такой элемент, как последствия – устойчивые негативные изменения в функционировании объекта, в привычках и образе жизни субъекта преступления, во взглядах и представлениях окружающих людей.

Изучение материальной структуры преступления позволяет определить уровни детализации методов расследования отдельных видов преступлений и конкретизировать их применительно к каждому преступлению. В числе методов расследования должностных преступлений по многим криминалистически значимым признакам, совпадающим с экономическими, профессор А. В. Дулов называет метод криминалистического матрицирования, метод криминалистического анализа функций деятельности должностного лица, метод анализа управленческого решения [2, с. 92–109].

Представляется, что современный уровень развития экономических и иных общественных отношений ставит задачу модификации указанных и разработки других методов расследования преступлений в сфере экономической деятельности, генетически связанных с предложенными ученым.

Применительно к методике расследования экономических преступлений конкретизация общих криминалистических методов должна осуществляться путем выявления особенностей проявления закономерно-

стей процесса следообразования по данной категории дел. В качестве примера трансформации общих методов расследования применительно к экономическим преступлениям предлагается рассмотреть разновидности метода анализа корреляционных зависимостей – методов технологического, экономического и бухгалтерского анализа.

Метод технологического анализа основан на использовании закономерностей, обеспечивающих взаимосвязь развития этапов преступной деятельности. Реализация метода предполагает последовательное изучение процессов хозяйственной деятельности организации, с которыми связано возникновение и развитие события преступления. Как известно, способ и другие обстоятельства экономического преступления детерминированы условиями функционирования объекта. Взаимосвязь преступных действий с технологией хозяйственных процессов имеет объективную основу, опирается на закономерности, определяющие отражение преступной деятельности в технологическом процессе.

Целью технологического анализа является выявление таких отклонений от нормальных параметров технологического процесса, которые в конкретной обстановке могут рассматриваться как признаки готовящихся или совершаемых преступлений. При этом под технологией в криминалистическом аспекте следует понимать не только сам ход производственного изготовления продукции или оказания услуг, но и все сопутствующие ему процессы: порядок приобретения и движения материалов, начисления заработной платы, операции по реализации и т. д. Объектом технологического анализа в торговле является последовательность движения товаров от момента их поступления (а при необходимости – и с более ранних стадий) до реализации и оприходования выручки. Свою технологию, исследование которой является сущностью рассматриваемого метода, можно выделить в сельскохозяйственных, перерабатывающих и всех других субъектах хозяйствования.

Технологический анализ может быть прямым и обратным. При прямом анализе процессы, сопутствующие экономическим преступлениям, изучаются в последовательности их совершения. Обратный анализ осуществляется в направлении от результатов того или иного процесса к его материальным предпосылкам.

В последние годы активизировалось использование экономического анализа в деятельности по борьбе с экономической преступностью. Изучение показателей работы субъектов хозяйствования с целью установления воздействия преступлений на ее результаты имеет качественно иной характер по сравнению с «обычным» экономическим анализом. Криминалистическая направленность такого анализа позволяет говорить о нем как об особом методе выявления и расследования преступ-

лений. В основе этого метода лежат закономерности отражения преступной деятельности в экономических, финансовых, трудовых и иных показателях работы организаций. Экономико-криминалистический анализ этих показателей позволяет выявить такие отклонения, которые свидетельствуют о неблагоприятном развитии хозяйственных процессов. При этом основная задача, разрешаемая с помощью данного метода расследования экономических преступлений (в отличие от экономического анализа вообще), заключается в выделении среди всех отрицательно воздействующих факторов именно таких, которые являются признаками подготовки или совершения преступления.

Самостоятельным методом расследования экономических преступлений является метод бухгалтерского анализа. Данный метод тесно связан с методом экономического анализа: целый ряд закономерностей, определяющих применение рассматриваемых методов, является общим. Однако объекты проявления этих закономерностей (а отсюда и использование их при исследовании экономической и бухгалтерской информации) имеют различия, которые необходимо учитывать при разработке и практическом применении этих методов.

Так, и в том и в другом случае используются закономерности связи между последствиями совершения преступления и условиями работы организации. Однако если метод экономического анализа основан на изучении результатов взаимодействия этих обстоятельств, то метод бухгалтерского анализа – на исследовании самого процесса взаимодействия, его последовательном отражении в учетных данных. Кроме того, объектом экономического анализа являются различные итоговые показатели деятельности предприятия и их взаимосвязи. Причем эти показатели берутся вне связи с конкретными их носителями: исследуется сущность самих категорий финансового состояния, платежеспособности, материало- и энергоемкости продукции, получение и использование прибыли и т. п. Метод базируется на принципе непротиворечивости взаимосвязанной системы технико-экономических показателей. Бухгалтерский же анализ как метод расследования, вытекающая из тех же закономерностей, своим объектом имеет документы и учетные регистры, в которых отражается процесс формирования показателей. Исследование взаимосвязей здесь неотделимо от носителей информации о них. Основан метод на использовании защитных функций бухгалтерской документации, счетов, двойной записи и других методов учета [3, с. 327–337]. Различно также целевое назначение методов: если экономический анализ есть в большей мере метод прогнозирования, выявления и предупреждения экономических преступлений, то метод бухгалтерского анализа шире используется в процессе расследования. В практическом

применении эти методы тесно взаимосвязаны и успешное их сочетание позволяет вести целенаправленную борьбу с экономической преступностью.

Возможности использования научного наследия профессора А. В. Дулова далеко не ограничиваются рассмотренными примерами имплементации его идей и учений в современную криминалистическую науку и практическую деятельность по расследованию преступлений как в экономической, так и в иных сферах. Исключив догматический подход, активным противником которого был сам ученый, криминалисты и другие правоведы могут почерпнуть в этом наследии богатые и плодотворные идеи, направленные на укрепление правовой основы жизни современного общества.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск : Университетское, 1985. 168 с.
2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 415 с.
3. Шумак Г. А. Метод бухгалтерского анализа в системе методики расследования экономических преступлений // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2014. Вып. 25. С. 327–337.

Раздел IV. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНА «ЭКСПЕРТИЗА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Б. В. Асаёнок¹⁾, И. Р. Веренчиков²⁾

¹⁾УО «Военная академия Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 220, 220030, г. Минск, Беларусь, *varb@mod.mil.by*

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

Исследовано понятие «судебная экспертиза» в уголовном процессе. Указано на необходимость законодательного закрепления данного термина, а также сформулировано авторское определение судебной экспертизы.

Ключевые слова: криминалистика; судебная экспертиза; уголовный процесс; судебно-экспертная деятельность; специальные знания.

Вопросы использования специальных знаний в форме экспертизы уже достаточно давно являются традиционными в рамках различных видов процессуальной деятельности. В связи с этим следует обратить внимание на тот факт, что традиционно понимаемые в едином ключе вопросы экспертной деятельности в рамках отраслевого процессуального законодательства (административно-, гражданско-, хозяйственно- и уголовно-процессуального) получили несколько отличающиеся векторы развития. Общие правила регламентации экспертизы практически аналогичны тем, которые отражены в главе 26 и ст. 334–336 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

Если же формой специальных знаний является использование результатов иной (несудебной) экспертизы, которая назначена и проведена вне связи с данным уголовным делом и уголовным процессом вообще, то такие результаты могут приобщаться к материалам уголовного дела в качестве иных документов, предусмотренных ст. 100 УПК. Как гласят нормы ч. 1 этой статьи, «иные документы признаются источниками доказательств, если обстоятельства и факты, изложенные в них, удостоверены должностными лицами организаций или гражданами и имеют значение для уголовного дела». Представляется, что такая формулировка хоть и является достаточной для вовлечения результатов несудебных экспертиз в доказывание по уголовным делам, но не дает полного понимания сути данного источника доказательств и особенностей его оценки.

Применительно к доктринальному и нормативному общеправовому толкованию есть возможность выделить следующие признаки экспертизы:

- 1) экспертиза – это исследование;
- 2) проведение экспертизы требует наличие каких-либо специальных компетенций у субъекта ее проведения;
- 3) экспертиза необходима для решения какого-либо значимого вопроса (как вариант, имеющего юридическое значение);
- 4) экспертиза проводится в рамках определенной процедуры, урегулированной правовыми нормами (степень урегулированности может быть различной: от детальной регламентации до рамочного указания).

Можно назвать еще ряд признаков (субъектом является сведущее лицо, экспертиза оформляется определенным документом, имеющим формализованный характер и т. п.), но они, как думается, являют собой частные аспекты названных.

Говоря об отраслевом доктринально- и нормативно-правовом толковании понятия и содержания экспертизы, следует указать на следующие его черты:

1) практически каждая из отраслей процессуального законодательства самостоятельно регулирует вопрос о назначении и производстве экспертизы;

2) несмотря на некоторую близость в правовом регулировании, вместе с тем имеются и некоторые существенные различия в содержании отраслевых толкований;

3) практически ни одна отрасль процессуального законодательства Республики Беларусь не дает определения понятию экспертизы, однако существует достаточное количество научных исследований по доктринальному определению таких понятий;

4) закрепление отраслевых понятий экспертизы осуществлено достаточно единообразно и выглядит следующим образом:

а) экспертиза в административном процессе; б) экспертиза в гражданском процессе; в) экспертиза в уголовном процессе; г) экспертиза в хозяйственном процессе.

Вопросы отраслевого и межотраслевого правового регулирования экспертизы в определенной степени усложняются необходимостью учета тех особенностей, которые порождены параллельным существованием двух правовых категорий: «экспертиза» и «судебная экспертиза». Относительно законодательства Республики Беларусь необходимо сказать, что ни в кодексах, ни в иных законах, регламентирующих порядок назначения и проведения экспертиз в рамках отдельных видов процессуальной деятельности, нет определения понятия «судебная экспертиза». Да и сам термин «судебная экспертиза» отсутствует. Указывается только термин

«экспертиза». Причиной этого может быть как «самоочевидность» судебного характера процессуальной экспертизы, так и традиция технико-юридического закрепления экспертизы в процессуальном законодательстве.

Имеется достаточное количество публикаций, которые, несмотря на отсутствие в названии термина «судебные экспертизы», вместе с тем рассматривают вопросы назначения, проведения и оценки результатов именно судебных экспертиз. Эти исследования касаются именно уголовного процесса и охватывают собой достаточно серьезный пласт публикаций о судебной экспертизе. В качестве отдельного предмета научного внимания зачастую определяются и криминалистические экспертизы как вид судебных экспертиз.

Установление каждой же экспертизы, проводимой в рамках процессуального законодательства, в качестве судебной не всегда можно признать в полной мере оправданным толкованием. С точки зрения буквального толкования судебные правоотношения, как и отношения по поводу судебной экспертизы, по сути, могут возникать лишь там, где имеет место участие суда в том либо ином юридическом процессе. Если же это участие не предусмотрено, то и использование термина «судебный» с точки зрения чистоты юридической лексики не бесспорно. Так, к примеру, стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования могут и не перерасти в стадию судебного разбирательства, поэтому говорить о наличии судебных правоотношений в данном случае можно весьма условно.

С учетом этого необходимо обратить внимание и на то, что судебные экспертизы имеют с несудебными экспертизами больше общих черт, чем различий. Главное в этой схожести то, что экспертиза в любой ее форме есть исследование конкретного объекта. Результаты данного исследования зачастую неповторимы в будущем, т. е. в отличие от иных документов и других носителей информации (источник доказательств в контексте ст. 100 УПК) результаты экспертизы носят не справочный, достоверительный, а исследовательский характер. Это, как видится, создает возможность для сближения подходов по проверке достоверности результатов и судебных, и несудебных экспертиз.

Существенным в оценке материалов уголовного дела, в частности, результатов экспертиз, является свободная оценка судом и органом, ведущим уголовное преследование, таких материалов, т. е. оценка, не отягощенная «шаблонами» доказательственных правил и алгоритмов, учитывающая все критерии оцениваемых доказательств в равной мере. УПК представляет органу, ведущему уголовный процесс, по своему усмотрению оценивать значимость доказательств. Это право содержит и большую меру личной ответственности суда и органа уголовного пре-

следования, поскольку представляет им возможность включать в систему доказательств и исключать из данной системы те либо иные фактические данные. Это позволяет преодолеть уже отжившие, закостеневшие элементы процессуальной формы в пользу новых способов и средств собирания, проверки и оценки доказательств.

Таким образом, оценивая результаты несудебной экспертизы в качестве иного документа, орган, ведущий уголовный процесс, должен всегда осознавать, что у такого источника доказательств есть намного больше схожести с результатами судебной экспертизы, чем с документами удостоверительного характера.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е. Н. Бондаренко

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России,
ул. Бориса Галушкина, 4, 129366, Москва, Россия, naturphilosophy@yandex.ru

Определяется понятие «лингвистическая экспертиза». Установлено, что в правовом отношении судебная лингвистическая экспертиза обладает статусом, который зависит в некоторых случаях от личного фактора и силы юридической аргументации.

Ключевые слова: судебная экспертиза; лингвистическая экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; эксперт.

Лингвистическая экспертиза выступает одним из видов судебных экспертиз, при этом ее соотносимость с речеведческими экспертизами не является до конца решенной, поскольку автороведческую экспертизу иногда выделяют как исследование сугубо криминалистического характера. Это происходит по причине того, что оно в большей степени связано с «уголовно-правовым преследованием» [3, с. 43]. Однако вопрос классификации лингвистических экспертиз выступает не самым существенным и в научном, и в правовом плане, ибо решение проблемы мало отражается на процессе деятельности привлеченного специалиста и результате его труда.

В то же время ситуация с превышением компетенции лингвиста-эксперта является в некотором отношении если не «рядовой», то достаточно часто встречающейся, что связано, как правило, с языковой самоуверенностью участников судебного производства и желанием некоторых из них разрешить дело в свою пользу [1, с. 106]. Однако стоит отметить, что проблема правового статуса лингвистической экспертизы связывается не только с полномочиями специалиста, образованностью

судьи и следователя, но и с самим положением филологических исследований в правовом поле. Так, если обычно под судебной экспертизой понимается «исследование <...> в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела» [4, с. 221], то под судебной лингвистической экспертизой подразумевается уже инструмент достижения истины, которая может не являться однозначной [2, с. 54].

Подобный подход нивелирует ценность филологического исследования как доказательственной информации, что приводит к прецедентам, когда результаты лингвистической экспертизы не только подвергаются сомнению, а определяются судом как неверные на основании проведенного альтернативного инициативного исследования. Например, в постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда г. Томска о решении суда первой инстанции в пользу стороны, проводившей инициативное исследование, говорится, что результаты судебной экспертизы не были учтены по причине оценки доказательств судом из своего внутреннего убеждения и на основе принципа состязательности. При этом обращает на себя внимание тот факт, что допрос эксперта, повторная либо дополнительная судебная экспертиза не были произведены. А сам суд описал судебную экспертизу как ошибочную по сравнению с инициативным исследованием на уровне личной языковой компетенции.

Оценка доказательств по своему внутреннему убеждению является общепринятой и законодательно обусловленной практикой, что само по себе не противоречит ни нормам права, ни научному поиску истины. Однако проблемным выступает вопрос о существовании альтернативных исследований как в сфере судопроизводства, так и в области научного познания. Это упирается, с одной стороны, в юридический принцип о невозможности одновременного существования «двух правд» (права в споре может быть либо одна сторона, либо другая) и, с другой стороны, в научный постулат о «внутренней истине», когда результат исследования выводится из аксиоматизированной теории, логического модуса когерентности знаний [5, с. 79], а значит, единственно существующей на данный момент реальности квалифицируемого факта. Иными словами, в правовом поле с учетом компетентности лингвиста-эксперта не может существовать альтернативных исследований, поскольку так любое доказательство легко опровергнуть, определив выводы специалиста как априори вероятностные. Между тем в сложившейся практике на данный момент вероятностными результатами лингвистической экспертизы считаются такие выводы, которые сам специалист обозначает как предположительные [2, с. 61]. Все это позволяет утверждать, что судебная лингвистическая экспертиза может установить язы-

ковой факт, что подразумевает ситуацию, когда второй версии просто не может быть. И вопрос альтернативности исследования сводится лишь к проблеме уровня образованности судьи, следователя, эксперта и других связанных с процессом лиц. При этом сам статус судебной экспертизы должен в идеале определяться как «истинный», что отчасти исключает вопрос о коррупции в области независимой экспертизы.

Существующее положение вещей усугубляется и тем, что норма определения истины по своему внутреннему убеждению иногда приводит к смешению дискурсов и полномочий. Как, например, в ситуации, когда процессуальные нормы применяют к научной терминологии и речевым клише. Иными словами, буквализируя текст экспертизы, оценивают не методологию исследования и его стиль, а истолковывают научный текст как правовой факт не в плане доказательств, а в плане юридических нарушений, сделанных специалистом. Например, рассмотрение фразы из «Национального корпуса русского языка», в которой упоминалось слово «хасбулатовщина», квалифицировалось как оскорбление, которое может повлечь за собой правовую ответственность одной из сторон дела; описание экспертом вывода, обосновывающееся упоминанием методов исследования («анализ стиля»), интерпретируется как замена вопроса; речевая формулировка «позволяет утверждать» определяется в качестве «словосочетания вне компетенции лингвиста-эксперта», хотя выделенные лексические единицы не только соотносятся с научным дискурсом, но и являются частью грамматической основы.

Таким образом, сегодня судебная лингвистическая экспертиза в правовом отношении обладает статусом, который зависит в некоторых случаях от личностного фактора и силы юридической аргументации, а вовсе не от истинности результатов экспертизы и категоричности ее выводов, их доказательности.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко Е. Н. Проблемы лингвистической экспертизы в сфере судопроизводства // Казанская наука. 2014. № 7. С. 105–109.
2. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика : монография. М. : Флинта: Наука, 2014. 304 с.
3. Ермолова Е. И. Особенности назначения судебной автороведческой экспертизы // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 1. С. 42–46.
4. Стукалин В. Б. Судебная экспертиза: сущность и объекты для её проведения // Общество и право. 2010. № 1. С. 220–224.
5. Суханов К. Н. Философия научной истины // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 15. С. 79–85.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А. А. Боярина

Управление Государственного комитета судебных экспертиз по г. Минску, ул. Фабрициуса, 12, 220007, г. Минск, Беларусь, *anujtuk.23@gmail.com*

Характеризуется правовое положение организаций, не являющихся государственными судебно-экспертными учреждениями, и индивидуальных предпринимателей, имеющих специальное разрешение (лицензию) на осуществление судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; лицензионная деятельность; эксперт.

Судебно-экспертная сфера в Республике Беларусь представлена Государственным комитетом судебных экспертиз (далее – ГКСЭ), иными государственными судебно-экспертными учреждениями, а также организациями, не являющимися указанными учреждениями, и индивидуальными предпринимателями, имеющими специальное разрешение (лицензию) на осуществление судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД). Исходя из законодательства о лицензировании, к числу таких организаций отнесены коммерческие организации, несмотря на то, что в процессуальных законах речь идет об «экспертном учреждении» и, соответственно, некоммерческом характере осуществляемых ими функций. Возмездность деятельности индивидуальных предпринимателей не вызывает сомнений.

На 1 мая 2019 г. в Республике Беларусь насчитывалось 27 юридических лиц и 34 индивидуальных предпринимателя, обладающих специальными разрешениями (лицензиями) на осуществление СЭД по 8 видам судебных экспертиз [1]. Наиболее востребованными являются судебная экспертиза по вопросам оценки стоимости объектов гражданских прав и судебная строительно-техническая экспертиза.

Отметим, что в российском правовом поле под негосударственными судебно-экспертными учреждениями понимаются некоммерческие организации [2, с. 154]. Однако на практике около 25 % экспертиз по гражданским делам проводились негосударственными экспертными учреждениями, в том числе коммерческими организациями [3]. Проектом Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – проект Федерального закона) данный вопрос решен, безусловно, в пользу некоммерческого характера их деятельности [4].

Для осуществления СЭД в качестве индивидуального предпринимателя либо работника негосударственной судебно-экспертной органи-

зации требуется получение свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, которое выдается ГКСЭ и подтверждает наличие достаточного объема знаний, навыков и умений, требуемых для проведения судебной экспертизы. В постановлении ГКСЭ от 15.05.2014 № 8 определен перечень видов (подвидов) судебных экспертиз, по которым им может быть присвоена квалификация судебного эксперта. Если исходить от обратного, ими не могут проводиться медицинские и психиатрические экспертизы, большинство криминалистических экспертиз.

Отметим, что для стран постсоветского пространства характерно ограничение компетенции негосударственных субъектов СЭД. Так, киргизское законодательство содержит закрытый перечень видов экспертиз, которые ими не проводятся. К их числу, как и в Республике Беларусь, к примеру, относятся баллистическая экспертиза и экспертиза наркотиков. Проектом Федерального закона предусмотрена возможность установления перечня судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями.

В Российской Федерации отсутствуют нормативные требования о подтверждении уровня квалификации судебных экспертов, работающих в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Данная проблема в определенной степени решается системами добровольной сертификации, в рамках которых обеспечивается оценка и подтверждение компетентности судебных экспертов. Однако деятельность сертифицированных в них экспертов вызывает обоснованные сомнения в качестве подготовки и компетентности [5, с. 33]. Предусматриваемая проектом Федерального закона добровольная сертификация их компетентности отдельными российскими учеными оценивается как «вторая система аттестации специалистов, действующая параллельно государственной аттестации в системе образовательных учреждений страны» [6, с. 118]. При этом, несмотря на ее добровольность, наличие сертификата компетентности необходимо для включения судебного эксперта в Государственный реестр судебных экспертов и поручения проведения ему судебной экспертизы, что, полагаем, предопределяет ее «добровольно-обязательный» характер.

Особенностью правового регулирования деятельности негосударственных субъектов СЭД является ее лицензирование. Специальные разрешения (лицензии) на осуществление СЭД выдаются ГКСЭ. В них определяется вид (подвид) судебной экспертизы в соответствии с присвоенной квалификацией работникам организации (физическому лицу, зарегистрированному в качестве индивидуального предпринимателя).

В отличие от Республики Беларусь СЭД в Российской Федерации не относится к перечню лицензируемых видов деятельности. В то же

время в одной из редакций проекта Федерального закона для негосударственных судебно-экспертных организаций предусматривалось обязательное наличие лицензии. Такое положение вызвало дискуссии среди негосударственных судебных экспертов, полагающих, что оно направлено на ограничение их деятельности [7, с. 92]. Против лицензирования экспертных учреждений высказались профессора Е. Р. Россинская и А. Р. Белкин [8]. В доступном в настоящее время в сети Интернет проекте Федерального закона прямое указание на наличие лицензии отсутствует [4].

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам, представляющим интерес для исследования СЭД:

1. Среди особенностей правового регулирования негосударственной СЭД в Республике Беларусь выделяются следующие: институт обязательного подтверждения компетентности работниками организаций, не являющихся государственными судебно-экспертными учреждениями, и индивидуальными предпринимателями, ограничения в отношении видов (подвидов) судебных экспертиз, по которым этим лицам может быть присвоена квалификация судебного эксперта, а также лицензирование деятельности субъектов негосударственной судебной экспертизы и ее коммерческий характер.

2. Рассмотренные основы правового регулирования существенно различаются как с действующими в Российской Федерации, так и закладываемыми проектом Федерального закона.

Библиографические ссылки

1. Списки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих специальное разрешение (лицензию) на осуществление судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. URL: <http://www.sudexpert.gov.by/ru/lic.html> (дата обращения: 05.05.2019).

2. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Россинская [и др.]. М. : Проспект, 2016. 464 с.

3. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 дек. 2011 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2019.

4. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : проект Федерального закона [Электронный ресурс] // Палата судебных экспертов Ю. Г. Корухова. URL: <http://www.sudex.ru/proekt-306504-6/1593218> (дата обращения: 01.05.2019).

5. Смирнова С. А. Актуальные пути совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2018. № 2. С. 32–34.

6. Парамонова Г. В., Сотников К. И. Заметки на полях проекта Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 116–119.

7. Евтушенко И. Г. Проблемы законодательного регулирования негосударственной судебно-экспертной деятельности в России // Законность и правопорядок в современном обществе : сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2013. С. 88–93.

8. Представители экспертного сообщества призвали не спешить с принятием нового закона о судебной экспертизе [Электронный ресурс] // Росбалт. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2017/04/03/1604157.html> (дата обращения: 04.04.2019).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

П. С. Восканян, Э. Л. Титанян

Национальное бюро экспертиз Республики Армения
пр. Адмирала Исакова, 24, 0004, г. Ереван, Армения, *p.voskanyan@nbe.am*

Характеризуются особенности получения квалификации судебного эксперта в Республике Армения. Обоснована целесообразность создания Палаты судебных экспертов негосударственного сектора, которая сможет осуществлять достойное представительство и защиту прав и законных интересов лицензиатов в государственных органах и негосударственных организациях.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; квалификация эксперта.

В настоящее время в процессе доказывания по судебным делам трудно обойтись без привлечения специалистов различных профессий, так как с развитием науки и высоких технологий потребность в специальных знаниях для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, существенно возросла. В современном судопроизводстве судебный эксперт занимает важное место, так как это лицо, обладающее особым рода знаниями и в совершенстве ориентирующееся в области знаний или деятельности, по которым он привлекается судом для дачи заключения по специальным вопросам. Важно подчеркнуть, что одной из не решенных проблем остается проблема необоснованно длительных сроков судопроизводства. Ее решение напрямую связано с минимизацией сроков производства судебных экспертиз, результаты которых активно используются в целях установления обстоятельств и истины по уголовным и гражданским делам.

В ряде постсоветских стран законодательно разделены понятия судебных экспертиз: государственные и негосударственные. Если процес-

суальные аспекты государственных судебных экспертиз и роль, особенности квалификации государственных судебных экспертов частично регулируются, то вопрос негосударственных экспертиз остается открытым. Однако следует отметить, что законоположения не исключают необходимости, в том числе в случае поручения производства экспертизы лицу, не работающему в государственном экспертном учреждении, специального подтверждения квалификации эксперта (которая может быть предметом оспаривания участниками судопроизводства) и возможности отражения соответствующих данных в постановлении о назначении экспертизы [1, с. 85]. Из выше сказанного следует, что квалификация эксперта играет важную роль. К вопросу квалификации судебных экспертов не раз в своих работах обращались Е. Р. Россинская, Н. И. Алехин, Е. И. Галяшина [2; 3] и т. д. При этом в подавляющем большинстве было отмечено, что важным фактором при выборе эксперта является его квалификация, хотя вопрос определения квалификации остается открытым.

По мнению адвоката Н. И. Алехина, «так называемые» эксперты иногда проходят «обучение» в различных независимых центрах подготовки экспертов или экспертных палатах. Данные организации выдают красивые сертификаты, присваивают категории... Но это только создает видимость наличия у сотрудника должной квалификации. В таких центрах получают звание эксперта люди весьма далекие от той отрасли, в которой от них требуются безукоризненные специальные познания. Лица, имеющие высшее образование хоть в области пищевой промышленности, «подучившись» несколько месяцев, получают красочные дипломы и солидные сертификаты экспертов-строителей, оценщиков недвижимости и т. д. [3]. Следует отметить, что все же доля правды в словах правоведа присутствует.

С аналогичной проблемой в свое время столкнулись и во многих европейских странах, где негосударственные эксперты осуществляют свою деятельность в рамках саморегулируемых организаций-ассоциаций. Регулирование деятельности судебных экспертов в большинстве Европейских стран осуществляется процессуальным законодательством, устанавливающим правовое положение эксперта, и гражданским, решающим вопросы организации их деятельности, при этом отсутствуют специальные законы. Общей тенденцией для государств Европейского союза является объединение судебных экспертов в ассоциации по отраслям знаний, более того, в последнее время обсуждается вопрос создания ассоциаций, объединяющих экспертов стран Европейского союза [4].

В частности, в настоящее время образованы ассоциации, которые действуют на добровольной основе: «The Organization for European Ex-

pert Associations» [5], «The Association of European Experts in Building and Construction» [6].

В Республике Армения, в силу отсутствия соответствующего закона о судебной экспертизе, экспертная деятельность не разделена на государственную и негосударственную. Регулирование осуществляется процессуальным законодательством. Однако на практике в Республике Армения действуют государственные и частные экспертные организации. Несмотря на то, что учредителем государственных экспертных организаций является Правительство Республики Армения, вопрос квалификации судебных экспертов законодательно не урегулирован, что открывает широкие возможности руководителям экспертных организаций. Как правило, в последних проводится обязательная переподготовка и сертификация судебных экспертов. Однако отсутствие конкретных требований к образованию и научной степени, подготовкам и переподготовкам, к тематике и литературе позволяет манипулировать процессом. В итоге не исключено, что и кандидат наук, и студент могут пройти одну и ту же процедуру сертификации.

Дела обстоят намного хуже в частных экспертных организациях, где частные эксперты вовсе «не нуждаются» в переподготовке и в сертификации судебных экспертов. В последнее время в Армении отмечается резкое увеличение числа частных экспертных организаций, которые осуществляют свою деятельность как организации с ограниченной ответственностью и чаще всего уделяют должное внимание только императивному требованию законодательства о лицензиях и сертификатах (например, лицензии в сфере строительства, здравоохранения, сертификаты в сфере страхования). В работах В. И. Мамайя указывается, что этот вопрос должен решать компетентный орган (экспертная палата), который будет разрабатывать систему аккредитации экспертов [7]. Однако А. Р. Белкин со своей стороны считает, что сертификация негосударственных экспертов должна проводиться самоуправляемым и самоорганизующимся экспертным сообществом, указывая на европейские модели ассоциаций [8].

Следует отметить, что анализ статистических отчетов показывает, что государственные судебные организации Армении производят ежегодно около 35 тысяч экспертиз по определениям и постановлениям судов, следственных органов и т. д. При этом общее количество назначаемых судебных экспертиз судами и следственными органами страны составляет свыше 60 тысяч экспертиз в разрезе года. Указанная статистика экспертного производства в Армении показывает, что возможности государственной судебно-экспертной деятельности резко ограничены бюджетным финансированием, сегодня они уже практически исчерпаны

и не справляются в полной мере с возросшими потребностями судов и следственных органов по производству экспертиз. Вышеописанные обстоятельства привели в настоящее время к тому, что сроки производства судебных экспертиз, при условии фактического перевыполнения норм экспертной нагрузки в среднем в 1,5 раза, выросли и достигают от 3 месяцев до 1,5 лет. Необходимо также иметь в виду, что перечень экспертных специальностей ограничен лишь традиционными криминалистическими направлениями. Да и отсутствие в вузах Республики Армения подготовки кадров по специальности «судебная экспертиза» никоим образом не способствует исправлению ситуации с кадровым дефицитом в профессиональной сфере, сопряженной с судебно-экспертной деятельностью. Такое положение характерно для судебно-экспертных учреждений Армении и касается не только новых родов и видов экспертиз – компьютерно-технической, лингвистической, видеофонографической, экологической, но и традиционных в гражданском и арбитражном судопроизводстве – финансово-экономической, инженерно-технической, в том числе строительно-технической и пр.

Таким образом, в сложившейся ситуации необходимо обеспечить интенсивный путь развития судебно-экспертной деятельности с минимальным привлечением дополнительных материальных ресурсов и эффективным использованием имеющихся. При этом эффективным путем регулирования этой деятельности является формирование института негосударственных экспертных организаций, которые могут привлекать высококвалифицированных специалистов, приобретать дорогостоящие приборы и оборудование, чего не могут себе позволить государственные судебные учреждения. Важно подчеркнуть, что возможности выполнения сложных комплексных экспертиз у негосударственных структур будут значительно выше и профессиональная среда в таких организациях позволит быть в русле развития отрасли, перенимать передовой опыт и способствовать профессиональному росту. Однако важно сформулировать адекватное и взвешенное отношение к квалификации негосударственных экспертов, тем более что на текущий момент фактов привлечения этих специалистов к производству судебных экспертиз на практике становится все больше.

Резюмируя вышесказанное, можно предположить, что ключевым этапом может стать создание Палаты судебных экспертов негосударственного сектора, которая должна консолидировать деятельность негосударственных экспертов, координировать информационное и методическое обеспечение, и тем самым осуществлять достойное представительство и защиту прав и законных интересов лицензиатов в государственных органах и негосударственных организациях.

Библиографические ссылки

1. По жалобе граждан Березовского Б. А., Дубова Ю. А. и Патаркацишвили А. Ш. на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ, 18 дек. 2003 г. № 429-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.
2. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М. : Проспект, 2010. 464 с.
3. Алехин Н. И. Слабые звенья судебной экспертизы // Новая адвокатская газета. 2013. № 12.
4. Дубровин О. В., Никитин С. Г., Поминов А. В. Приоритетная экспертная система и саморегулируемая организация как механизмы управления уровнем квалификации судебных экспертов в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Евразийская адвокатура. 2013. № 5 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnaya-ekspertnaya-sistema-i-samoreguliruemaya-organizatsiya-kak-mehanizmy-upravleniya-urovнем-kvalifikatsii-sudebnyh> (дата обращения: 13.05.2019).
5. The Organization for European Expert Association : официальный сайт. URL: <https://www.euroexpert.org/about-us.html> (дата обращения: 13.05.2019).
6. The Association of European Experts in Building and Construction : официальный сайт. URL: <http://aeabc.org/index.html> (дата обращения: 13.05.2019).
7. Мамай В. И. Современные проблемы судебной экспертизы и пути их преодоления // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 33–36.
8. Белкин А. Р. Судебная экспертиза с государственным уклоном // ЭЖ-ЮРИСТ. 2013. № 17–18. С. 16–22.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Н. Воцинчук

Научно-практический центр Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь
ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь, *sulamif79@gmail.com*

Рассматриваются перспективы развития культурологической экспертизы в Республике Беларусь. Определяются предмет, объект, задачи культурологической экспертизы, ее значение для установления истины в уголовном процессе.

Ключевые слова: судебная экспертиза; лингвистическая экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; эксперт.

В Республике Беларусь судебно-культурологическая экспертиза относится к новым видам экспертиз и находится в процессе развития. Внедрение ее началось только с 1 июля 2018 г., поэтому данный вид судебной экспертизы требует междисциплинарного подхода в работе команды профессионалов [1]. Тем не менее некоторые методологиче-

ские наработки в судебно-культурологической экспертизе уже имеются: определены предмет, объект и задачи. *Предметом* данного вида экспертизы является соотнесение исследуемых объектов к порнографическим материалам и предметам порнографического характера. *Объекты* – видеоматериалы, изображения и т. д. *Задачи* сформулированы в соответствии с экспертными задачами, определенными ст. 343, 343-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь:

– относятся ли представленные объекты экспертизы к порнографическим материалам и (или) предметам порнографического характера?

– если да, то содержат ли такие объекты изображение человека, имеющего признаки препубертатного (раннего пубертатного) периода развития (созревания), какому возрастному периоду они соответствуют?

В настоящее время экспертиза проводится согласно Инструкции о порядке проведения судебных экспертиз, экспертиз (исследований) в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь. В процессе проведения судебно-культурологической экспертизы эксперты руководствуются постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 октября 2008 г. № 1571 «Об экспертных комиссиях по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости» и постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 08.05.2007 № 18 «Об утверждении инструкции о порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения и признания утратившим силу постановления Министерства культуры Республики Беларусь от 13 апреля 2000 г. № 8п».

Безусловно, возникновение того или иного вида экспертизы обусловлено наличием проблем в обществе в определенный момент исторического времени. Выбранный ракурс проведения культурологической экспертизы свидетельствует о наличии фактов (случаев) подобного рода. И мировое правовое сообщество борется с последствиями «сексуальной революции» и постмодернизма. Но предметная область культурологии гораздо шире, поэтому в дальнейшем необходимо расширять предмет и объект судебно-культурологической экспертизы. Для этого необходимо обратиться к задачам культурологии, одной из важных среди которых является изучение морфологии культуры. В общем виде под морфологией культуры понимаются формы культуры: миф, религия, искусство, право, наука и их способы взаимодействия.

Таким образом, культурологическая экспертиза может стать крупнейшим классом экспертных работ, объединяющих много предметных

областей, и постепенно развиваться. За примером можно обратиться к Федерации судебных экспертов России. Культурологическая экспертиза существует как общий вид экспертиз, который включает огромное количество самых разнообразных исследований:

- культурные объекты (архитектура);
- произведения изобразительного искусства;
- произведения садово-паркового искусства;
- аудиовизуальные произведения, продукция СМИ (рекламные клипы, передачи и т. д.);
- музыкальные и звуковые произведения, продукция издательская и полиграфическая, электронная и т. д.

Такой подход представляется более системным и всеохватывающим, позволяющим дифференцированно подойти к решению возникающих вопросов в современном обществе. Еще одним важным аспектом в формировании методологической базы судебно-культурологической экспертизы, который следует учесть, является опора на аксиологический (ценностный) подход. Тогда предмет возможно будет являться соотношением исследуемых объектов к духовным ценностям культуры, которые представляют лучшие объекты и творения человеческой деятельности. Не всякий результат человеческой деятельности может быть отнесен к достоянию культуры, поэтому верификация необходима. Более того, в процессе глобализации в современном мире на почве различий в понимании и трактовке ценностей возникают межкультурные конфликты, также требующие использования аксиологического подхода (что ценно в одной культуре, может не представлять интереса в другой и наоборот).

Тем не менее, появление судебно-культурологической экспертизы в Республике Беларусь – это своевременный шаг на пути к формированию здорового правового общества. Перспективы данного вида экспертизы наиболее обширны и велики, так как способствуют предотвращению различного рода преступлений, направленных на ниспровержение существующей системы ценностей в культуре. В таком ракурсе очевидна необходимость фундаментальных и прикладных исследований, методического обеспечения новых видов судебной экспертизы, среди которых важное место занимает культурологическая экспертиза.

Библиографические ссылки

1. Швед А. И. Судебно-экспертная деятельность в Беларуси: от создания ведомства к новациям сегодняшнего дня // Судебная экспертиза Беларуси. 2018. № 1 (6). С. 9–13.

ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

О. Г. Дьяконова

Государственный социально-гуманитарный университет,
ул. Зеленая, 30, 140411, г. Коломна, Россия, *oxana_diakonova@mail.ru*

Выделяются и характеризуются принципы судебной экспертизы на основе законодательства Российской Федерации, а также научных положений, сформулированных в трудах профессора А. В. Дулова.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; принципы судебной экспертизы.

Принципы как основополагающие начала существуют в каждой отрасли права, а также характеризуют отдельные правовые институты с точки зрения самостоятельности и уникальности. Не является исключением институт судебной экспертизы, правовое регулирование которого также сопровождается основными идеями, в духе которых должны формулироваться нормативные предписания, регламентирующие судебную экспертизу. Сопоставление принципов судебной экспертизы и основных начал, характеризующих судебно-экспертную деятельность (далее – СЭД) и судопроизводство, представляет определенный интерес для развития теоретических основ судебной экспертологии.

Судебно-экспертная деятельность представляет собой комплексную систему действий, включающую деятельность административного характера по организации и обеспечению производства судебной экспертизы, профессиональной деятельности эксперта, и, собственно, деятельность экспертную – по производству судебной экспертизы. Принципы СЭД характеризуют как ее в целом, так и отдельные элементы.

В ст. 4 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» перечислены принципы экспертной деятельности, которые при этом не подменяют всецело принципы правового института судебной экспертизы: законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимость эксперта, объективность, всесторонность и полноту исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Статья 6 проекта ФЗ о СЭД [1] расширяет перечень принципов, добавляя к ним научную обоснованность судебно-экспертного исследования, научно обоснованное использование при проведении судебно-экспертных исследований научно-технических средств и методических материалов по производству судебной экспертизы, а также соблюдение профессиональной этики судебного эксперта.

Представляется, что принципы судебной экспертизы являются составной частью системы принципов, характеризующих СЭД, на это указывают цель и задачи СЭД, а также нормативное закрепление этих основных начал в процессуальных кодексах и специализированном законе.

Однако при этом принципы судебной экспертизы взаимосвязаны и в определенной степени взаимоподчиняются принципам судопроизводства, вытекают из ряда судопроизводственных принципов. Это отмечал и А. В. Дулов, формулируя приоритетные начала, характеризующие экспертизу, которые до сих пор не утратили актуальности.

Первым принципом, который выделял А. В. Дулов, является принцип «исследования судебным экспертом только материалов, закрепленных процессуально в уголовном деле». Данный принцип является серьезной гарантией, что заключение легко может быть оценено следствием и судом, так как позволяет им проверить правильность и полноту восприятия экспертом тех обстоятельств, которые были положены им в обоснование своего заключения [2, с. 32].

Проведение судебной экспертизы, в качестве объектов на которую представляются первичные доказательства, по мысли А. В. Дулова, в одинаковой степени налагает соответствующие обязанности как на следователя, так и на эксперта, т. е. эксперт должен знакомиться с сущностью предметов не только по протоколам осмотров, экспериментов и пр., а путем личного изучения этих предметов. Следователь обязан предоставить эксперту первоначальные, а не производные доказательства, подлинники, а не копии [2, с. 40].

Первые два принципа, по мнению А. В. Дулова, опираются на процессуальный принцип непосредственности в исследовании доказательств. Помимо этого, тесно взаимосвязанные принципы непосредственности судебного разбирательства, достижения истины в судопроизводстве, а также свободной оценки доказательств оказывают прямое влияние на исследование и оценку заключения эксперта (либо его сообщения о невозможности дать заключение) как результата назначения судебной экспертизы. Реализация принципа непосредственности происходит через ряд установленных процессуальными кодексами положений, например, права эксперта ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов для производства экспертизы, обязанности обеспечить сохранность объектов и др.

Следующим принципом, характеризующим организационную составляющую судебной экспертизы, является производство всех необходимых исследований в процессе экспертизы самим экспертом. Как верно отмечал А. В. Дулов, если эксперт лично не проводил исследования, он не может быть убежден в правильности вывода [2, с. 42].

«Полное и ясное фиксирование в акте эксперта и в приложениях к нему всего хода исследований эксперта, приемов, методов, анализа и синтеза тех материалов дела, на основании которых им дается заключение – принцип проведения судебной экспертизы. Эксперт должен стремиться свои исследования фиксировать таким образом, что наиболее полно донести до суда методы, сущность и результаты своей исследовательской работы» [2, с. 50]. А. В. Дулов, характеризуя данный принцип, также поднял проблему: «некоторые эксперты, стремясь скрыть недостаток убедительности доводов, в подтверждение высказанного ими заключения, применяют обилие специальной терминологии, стараются “затемнить” смысл акта экспертизы для следователя и суда» [2, с. 52]. На сегодняшний день имеется тенденция возвращения к таковым «высокопарным» разъяснениям. В связи с этим становится необходимым обращение к специалистам за помощью в оценке заключения эксперта, рецензирование заключения эксперта специалистом, что, по сути, является одним из способов оказания такой помощи.

Исходя из целей СЭД, задач судебной экспертизы, взаимосвязь между принципами судопроизводства, СЭД и судебной экспертизы можно представить через систему взаимоподчинения. Укрупненно принципы могут быть подразделены [3, с. 12] на: организационные принципы (характеризующие собственно СЭД и процессуальную фигуру судебного эксперта: принцип проведения исследования на основе научно-обоснованных методов и методик, независимости и самостоятельности эксперта и другие); принципы, непосредственно регламентирующие производство судебной экспертизы, устанавливающие требования к процедуре исследования, оформлению заключения эксперта (например, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав, законных интересов юридического лица, объективности, всесторонности и полноты исследований); принципы, характеризующие оценку заключения эксперта как доказательства в судопроизводстве (к ним относятся принципы свободной оценки доказательств, достижения истины в судопроизводстве и ряд других процессуальных принципов).

Библиографические ссылки

1. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : проект Федерального закона № 306504-6 : ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 20 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=107690#0>. (дата обращения: 10.05.2019).
2. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Минск, 1959. 181 с.
3. Дьяконова О. Г. Формы использования специальных знаний в законодательстве стран – участниц ЕАЭС : монография. М. : Проспект, 2019. 560 с.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ, КАК ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д. В. Жолудева

Научно-практический центр Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь,
ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь, *dikufia@gmail.com*

Характеризуются методы исследования, основанные на вероятностно-статистическом моделировании как средстве повышения уровня объективизации судебно-почерковедческих исследований.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; судебно-почерковедческая экспертиза.

Из традиционных семи видов криминалистических экспертиз судебно-почерковедческая экспертиза при даче заключения выделяется наибольшим удельным весом такого компонента, как внутреннее убеждение эксперта. Значительное число назначаемых повторных экспертиз по заключениям экспертов-почерковедов также свидетельствует о присутствии субъективной категории в ходе экспертного исследования и формулирования выводов. Очевидна необходимость повышения уровня объективизации проводимых почерковедческих исследований, которое должно быть достигнуто за счет интенсивной математизации данной области.

И. А. Акчурина выделял три этапа математизации знаний:

- 1) количественная обработка математических данных и статистическое исследование;
- 2) моделирование;
- 3) построение «полной» математической теории [1].

В. Ф. Орлова отмечала, что судебное почерковедение находится на втором этапе математизации знаний [2]. Данное утверждение актуально и на сегодняшний день, так как наибольшее распространение в части применяемых вероятностно-статистических методов получило именно математическое моделирование. Именно вероятностно-статистическое моделирование позволяет воссоздавать элементы раздельного и сравнительного экспертного исследования и в особенности оценочной деятельности эксперта [2].

В 60–70 гг. прошлого века был разработан ряд методик оценки признаков почерка, основанных на вероятностном моделировании:

- модифицированная методика вероятностно-статистической оценки совпадений признаков почерка с учетом его групповой принадлежности;

– методика вероятностной оценки совпадений признаков почерка при идентификационном исследовании «смешанных» (буквенных и цифровых) записей;

– модифицированная методика установления факта намеренного изменения почерка;

– количественная методика сравнительного исследования частных признаков и оценки его результатов при идентификации исполнителя рукописи, выполненной намеренно измененным почерком (при скоростном искажении);

– методика вероятностной оценки различий частных признаков.

Возвращаясь к вопросу повышения уровня объективизации проводимых почерковедческих исследований, необходимо отметить, что по результатам анализа практики проведения почерковедческих экспертиз, в том числе повторных, основной выявленной причиной формулирования необъективных выводов становилась некорректная оценка идентификационных значимостей как отдельных признаков почерка, так и всей выявленной совокупности. В последнюю могли включаться идентификационные признаки без учета их взаимозависимости, также могли приниматься в расчет не идентификационные, а диагностические признаки. Кроме этого, нельзя не отметить существующей проблемы утраты актуальности и устаревания данных в таблицах идентификационной значимости частных признаков почерка, которые были опубликованы еще в 1971 г. На изменение почерков населения за истекшие полвека повлияло множество факторов, основными из которых можно назвать изменившиеся школьные прописи, повлиявшие на начальные этапы формирования почерков; повсеместную компьютеризацию, изменившую количество письменной документации, которая ранее велась вручную, т. е. существенно сократившую объем письменной практики населения; повышение удельного веса граждан, обладающих высшим образованием, т. е. имевших/имеющих сравнительно больший объем письменной практики в период обучения/профессиональной деятельности.

Исходя из вышесказанного, нетрудно прийти к выводу, что используемые на сегодняшний день в ходе проведения почерковедческих исследований числовые значения идентификационной значимости частных признаков почерка утратили свою актуальность и подлежат обновлению.

Для проведения работы по актуализации значений идентификационной значимости частных признаков почерка в первую очередь был проведен расчет по обеспечению репрезентативности выборки для Республики Беларусь. Критериями расчета были выбраны: пол, возраст, уровень образования, тип населенного пункта и регион проживания.

С использованием формулы простой случайной бесповторной выборки и установлением предельно допустимой погрешности выборки было рассчитано точное число анкет, необходимое к сбору от каждой категории населения. После получения всех запрошенных анкет, общее число которых составило 473, проводилась работа по составлению и заполнению модульных таблиц, в которые вносились графические зарисовки каждого частного признака каждой буквы русского алфавита в соответствии с той либо иной группой. При последующем выявлении конкретного частного признака в исследуемых анкетах в соответствующей графе модульной таблицы проставляется номер такой анкеты. После завершения исследования всех образцов почерка будет произведен подсчет частоты встречаемости каждого признака, которая будет равняться отношению количества анкет, в которых встретился данный признак, к общему количеству собранных и исследованных анкет. Следующим этапом после получения значений частоты встречаемости будет произведен расчет идентификационной значимости, отражающий следующую закономерность: чем чаще встретится определенный частный признак, тем ниже будет его идентификационная значимость, и наоборот.

Обновленные данные об идентификационной значимости частных признаков почерка, актуальные для населения Республики Беларусь, станут основой повышения уровня объективизации экспертного исследования при проведении почерковедческих экспертиз.

Библиографические ссылки

1. Акчурина И. А. Место математики в системе наук // Вопросы философии. 1967. № 1. С. 38–41.

2. Применение методов исследования, основанных на вероятностном моделировании, в судебно-почерковедческой экспертизе: метод. пособие / под ред. В. Ф. Орловой. М.: ВНИИСЭ, 1976. 360 с.

СФЕРЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ

В. Е. Загородний, И. В. Елховский

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
ул. Фонтанская дорога, 23, 65000, г. Одесса, Украина, criminalistic@onu.edu.ua

Исследуются возможности психофизиологических исследований с использованием полиграфа в Украине. Сделан вывод о необходимости надлежащей законодательной регламентации с целью расширения инструментария получения правоохранительными органами ориентирующей и доказательственной информации.

Ключевые слова: судебная экспертиза; психофизиологические исследования; полиграф; специалист; специальные знания.

Полиграф (детектор лжи) – это прибор, конструктивно предназначенный для измерения и регистрации психофизиологических показателей интервьюируемого субъекта в отношении определенного факта или события, которое устанавливается либо уточняется путем постановки ряда релевантных и иррелевантных вопросов. Релевантные вопросы – это вопросы, которые непосредственно касаются устанавливаемого события или факта. Иррелевантные – вопросы, напрямую не касающиеся предмета интервьюирования, однако выполняющие индикаторную функцию.

Полиграф предназначен для одновременной регистрации показателей верхнего (грудного) и нижнего (абдоминального) дыхания, пульса, кровяного давления, кожно-гальванической реакции, плетизмографических изменений и других физиологических процессов организма испытуемого.

Практика проведения полиграфологических исследований в Украине берет свое начало из применения возможностей полиграфа в работе специальных правоохранительных органов Советского Союза. Однако вопросы возможности и направлений использования результатов таких исследований на сегодняшний день остаются неурегулированными в украинском законодательстве.

Современная практика использования полиграфа в Украине имеет свою реализацию в следующих направлениях:

- частная сфера экономических отношений;
- сфера межличностных отношений;
- сфера кадрового подбора сотрудников правоохранительных органов;
- осуществление досудебного расследования уголовных производств.

Наиболее широко полиграф применяется именно в негосударственных коммерческих учреждениях и предприятиях. Примерно 80 % всех проводимых в Украине исследований осуществляются в этой сфере. Наиболее часто полиграфологические исследования проводятся при приеме персонала на работу в банковские учреждения, охранные агентства, коммерческие предприятия с крупным оборотом финансовых средств.

Такие исследования могут также проводиться на предприятиях и учреждениях периодически в зависимости от специфики выполняемых функциональных обязанностей либо при возникновении необходимости

проведения служебных расследований, проверки точности и правдивости предоставленных кандидатом на должность анкетных данных, осведомленности лиц в отношении информации, им не доступной. Кроме того, полиграфологические исследования могут проводиться при переводе лица с должности на должность или с одного структурного подразделения в другое, при утечке конфиденциальной информации, необходимости проверки надлежащего выполнения технологических либо должностных инструкций.

В сфере межличностных отношений применение полиграфа зачастую связано с проверкой соблюдения пунктов брачного контракта, получения достоверной информации относительно добрачных отношений кого-либо из супругов, сокрытия личной информации.

Одной из сфер, для которой характерен высокий уровень наработок практики проведения полиграфологических исследований в Украине, является сфера осуществления кадрового подбора сотрудников правоохранительных органов. Законодательством Украины предусмотрено обязательное прохождение психофизиологического исследования с применением полиграфа лицами, претендующими на должности в Государственном бюро расследований [1], Службе безопасности Украины [2], Национальном антикоррупционном бюро Украины [3], Национальной гвардии Украины [4] и др.

Законодатель также предусматривает возможность применения полиграфа при осуществлении расследования служебных преступлений, совершаемых служащими государственных органов, департаментов, управлений, служб, либо же отдельных преступлений, совершенных в отношении их.

Еще одним направлением использования психофизиологических исследований с применением полиграфа, которое находится на пути становления, является его использование во время осуществления досудебного расследования уголовных правонарушений. В настоящее время в Украине отсутствует закон, который предусматривал бы возможность использования результатов полиграфологического исследования как источника доказательственной информации в суде. Однако в Уголовно-процессуальном кодексе Украины либо иных нормативно-правовых актах отсутствует запрет на использование полиграфа с целью получения ориентирующей информации в рамках осуществляемого расследования. Более того, ст. 9 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» не запрещает использование технических средств, которые не подавляют волю и не наносят ущерб здоровью людей и окружающей среде [5]. В связи с этим как сторона обвинения, так и сторона защиты может прибегать к использованию полиграфа как средства по-

лучения ориентирующей информации на этапе досудебного расследования. Зачастую такие психофизиологические исследования осуществляются в рамках проведения психологической экспертизы, так как законодатель предусматривает возможность изучения предмета опроса с применением специального технического средства – компьютерного полиграфа [6].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что практика проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа имеет достаточное распространение в разных сферах жизнедеятельности украинского общества. Это, в свою очередь, требует надлежащей законодательной регламентации с целью расширения инструментария получения важной ориентирующей и доказательственной информации как в сфере частных интересов, так и интересов деятельности государственных органов, в том числе тех, которые осуществляют борьбу с преступностью.

Библиографические ссылки

1. Порядок проведения конкурса для назначения на должности в Государственном бюро расследований [Электронный ресурс] : Приказ Государственного бюро расследований от 14.02.2018 г. № 13. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0176-18> (дата обращения: 20.05.2019).

2. Инструкция о порядке проведения служебных расследований и служебных проверок в отношении военнослужащих Службы безопасности Украины [Электронный ресурс] : Приказ Центрального управления Службы безопасности Украины от 04.02.2016 г. № 45. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0328-16> (дата обращения: 20.05.2019).

3. Порядок проведения открытого конкурса [Электронный ресурс] : Приказ Директора Национального антикоррупционного бюро Украины от 31.05.2017 г. № 123-О. URL: <https://nabu.gov.ua/poryadok-provedennya-vidkrytogo-konkursu>. (дата обращения: 20.05.2019).

4. Инструкция о порядке организации и проведения опроса личного состава Национальной гвардии Украины с использованием полиграфа [Электронный ресурс] : Приказ Министерства внутренних дел Украины от 01.09.2017 г. № 749. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1169-17> (дата обращения: 20.05.2019).

5. Про оперативно-розшукову діяльність [Электронный ресурс] : Закон Украины от 18.02.1992 г. № 2135-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2135-12> (дата обращения: 20.05.2019).

6. Инструкция о назначении и проведении судебных экспертиз и экспертных исследований [Электронный ресурс] : Приказ Министерства юстиции Украины от 08.10.1998 г. № 53/5. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0705-98> (дата обращения: 20.05.2019).

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Р. Г. Зорин¹⁾, Н. С. Талецкий²⁾

¹⁾ Научно-практический центр Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь,

ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь, *nrc@sudexpertiza.by*

²⁾ Управление Государственного комитета судебных экспертиз по г. Минску,
ул. Фабрициуса, 12, 220007, г. Минск, Беларусь

Исследуется правовая регламентация экспертной инициативы в уголовном процессе Республики Беларусь. Определены и охарактеризованы формы реализации экспертной инициативы.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; экспертная инициатива; уголовный процесс.

Под экспертной инициативой следует понимать не противоречащую действующему национальному законодательству профессиональную деятельность эксперта, осуществляемую по его усмотрению в пределах его компетенции, и заключающуюся в свободе выбора научных технико-криминалистических средств и способов применения специальных знаний, экспертных методик и рекомендаций, а также выявлении, установлении обстоятельств либо сведений о них, имеющих значение для производства судебной экспертизы и иных процессуально-следственных действий с его участием путем использования специальных знаний в целях разрешения уголовно-правового конфликта, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

При этом необходимо четко определить пределы экспертной инициативы, могущей быть реализованной при производстве осмотра места происшествия, судебной экспертизы и иных следственных действий с участием эксперта в качестве специалиста.

Итак, экспертная инициатива, реализуемая в рамках осмотра места происшествия, может иметь следующие формы (виды):

– выдвижение экспертной версии механизма преступления с точки зрения использования специальных знаний;

– постановка вопроса о расширении границ осмотра места происшествия с точки зрения использования специальных знаний, например, в целях установления путей и способов прибытия на место происшествия (преступления) подозреваемого и его убийтия, способов сокрытия следовой информации;

– выявление и установление негативных обстоятельств в обстановке места происшествия, в ходе производства судебной экспертизы, рав-

но как и в ходе участия эксперта в качестве специалиста при производстве иных следственных действий;

- версии объяснений установленных негативных обстоятельств при осмотре места происшествия с использованием специальных знаний;
- предварительное экспертное исследование;
- установление предметов материального мира, подлежащих изъятию и приобщению к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, если это имеет значение для установления механизма совершения преступления с экспертной точки зрения, иные.

Экспертная инициатива, реализуемая в рамках назначения и производства судебной экспертизы, может иметь следующие формы (виды):

- заявление ходатайства о назначении комиссионной, комплексной экспертизы при условии обоснования данного решения руководителем экспертного учреждения перед инициатором назначившего судебную экспертизу;

- заявление ходатайств о производстве первоначальных, дополнительных, повторных следственных действий, если это имеет значение для получения дополнительных исходных данных, для производства соответствующих экспертных исследований;

- о необходимости постановки дополнительных вопросов либо корректировки ранее поставленных (первоначальная постановка вопросов носит некорректный характер с точки зрения экспертов, выполняющих экспертизу той или иной специальности);

- о представлении эксперту для исследования дополнительных материалов, вещественных доказательств, в том числе дополнительных материалов уголовного дела (предоставления материалов уголовного дела в полном объеме), в том числе предоставление дополнительных исходных данных, требуемых для проведения соответствующего компетентного экспертного исследования;

- решение вопроса о передаче производства судебной экспертизы от одного эксперта другому (основание: длительная болезнь, перевод; увольнение, иные);

- о привлечении к участию в судебной экспертизе потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого;

- отказ в принятии постановления о назначении судебной экспертизы (основания: несоблюдение процессуальной формы, постановка вопросов правового характера; неполнота, некорректность формулировок исходных данных в постановлении о назначении судебной экспертизы; ненадлежащая упаковка вещественных доказательств инициатором назначения судебной экспертизы; ненадлежащие условия хранения вещественных доказательств инициатором назначения судебной экспер-

тизы, повлекшие их порчу, нарушение целостности либо существенные изменения их количественных и качественных признаков, иначе говоря, утрата последними значимых прежних свойств и качеств их идентифицирующих; ненадлежащий порядок изъятия вещественных доказательств по уголовному делу; направление в экспертное учреждение постановления о назначении судебной экспертизы без надлежащего приложения, например, в постановлении указано на наличие приложения, которое фактически не сопровождает постановление.

Практическая реализация экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве представляет собой одну из предпосылок дальнейшего развития и совершенствования наук криминалистики, уголовного процесса, равно как и судебно-экспертной деятельности в целом и судебной экспертизы в частности.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УЧЕТА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗМЕРА МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Я. Н. Карачевцев

ГО «НИИ прав второго поколения»,
а/я-10269, 61121, г. Харьков, Украина, *globalprocesses@meta.ua*

Рассматриваются особенности учета личностных особенностей и обстоятельств дела при определении размера морального вреда в ходе проведения специального исследования с учетом правоприменительной практики Украины.

Ключевые слова: судебная экспертиза; установление морального вреда; судебно-экспертная деятельность; специальные знания.

В статье впервые рассмотрены и научно обоснованы коэффициенты учета личностных особенностей и обстоятельств дела при определении размера морального вреда.

Наиболее распространенной методикой определения размера морального ущерба является методика А. М. Эрделевского [1]. В Украине используется ее инструментальный подход. В частности, применяются коэффициенты: i – учитывающий личностные особенности и c – учитывающий обстоятельства дела. По мнению А. М. Эрделевского, коэффициенты i , c изменяются в диапазоне $0 \leq i, c \leq 2$. В работе [2] мы приводили обоснования о том, что нельзя использовать верхнее ограничение $= 2$. Добавим, что этот вывод также следует из доказательства от противного. Так, если $i = 0,1$, то моральный вред может быть уменьшен в 10 раз. Поскольку наш мир (в том числе и психологические ощущения) является симметричным, гармоническим и целостным, то наличие воз-

возможности уменьшения морального вреда, например, в 10 раз, должно предусматривать возможность увеличения морального вреда в 10 раз.

Учет инвалидности. В соответствии с Рекомендациями для практического использования инструкции «Критерии установления степени стойкой утраты профессиональной трудоспособности в процентах, особенностей трудоустройства больных и инвалидов», утвержденной приказом МЗ Украины № 238 от 05.08.1998, утрата трудоспособности для инвалидов I группы составляет 85–100 %; II группы – 65–80 %; III группы – 30–60 %. Для расчета коэффициента учета морального вреда мы берем нижнюю границу: для инвалидов I группы $c = 100/(100-85) = 6,67$ раз, для инвалидов II группы $c = 100/(100-65) = 2,86$ раз, для инвалидов III группы $c = 100/(100-30) = 1,43$. Эти коэффициенты показывают, во сколько раз инвалиду сложнее выполнять обычный труд (в том числе защищать в суде свои интересы, налаживать нарушенные жизненные связи, восстанавливать прежнее состояние до нарушения). В связи с общим законом эквивалентности оплаты труда и денежного выражения морального ущерба мы считаем возможным применять эти повышающие коэффициенты.

Учет пребывания на больничном. Противоправные действия могут совершаться в отношении лица, находящегося на больничном. Для расчета повышающего коэффициента мы предлагаем подсчитать количество больничных дней за год, и перевести это число в процент утраты трудоспособности по формуле $2,1 \text{ дня временной потери трудоспособности} = 1 \% \text{ общей (стойкой) потери трудоспособности}$ (это соотношение следует из Правил определения степени телесных повреждений, где под телесными повреждениями средней тяжести подразумеваются повреждения с расстройством здоровья более 21 дня либо потерей общей трудоспособности более 10 %). Дальнейший расчет производится как в разделе «учет инвалидности».

Неправомерные действия в отношении ветеранов труда и пенсионеров по возрасту. Чтобы вывести коэффициенты учета морального вреда для этих лиц, воспользуемся комплексным сравнительным анализом действующего законодательства Украины. Так, согласно Закону Украины «Об отпусках» отпуск за свой счет для инвалидов III группы составляет 30 дней, для инвалидов I и II группы – 60 дней. Обратим внимание на то, что количество дней отпуска совпадает с нижней границей потери трудоспособности, и сделаем заключение, что это соответствие установлено законодателем, исходя из общей тяжести обычного труда для этих категорий граждан. Таким образом, для ветеранов труда (с учетом их дополнительного отпуска без сохранения заработной платы в количестве 14 дней) повышающий коэффициент составляет $c =$

$100/(100-14) = 1,16$, а для пенсионеров по возрасту (отпуск 30 дней): $c = 100/(100-30) = 1,43$.

В вышеперечисленных случаях из-за двойственности природы сложно определить, являются ли эти коэффициенты личностными, либо учитывающими обстоятельства дела, поэтому не является ошибкой, приписывание их к коэффициентам i или c .

Совершение противоправных действий в отношении детей и беременных. Для выявления повышающего коэффициента учета морального вреда от противоправных действий в отношении детей мы принимаем во внимание ст. 51 КЗОТ Украины, которая устанавливает сокращенную продолжительность рабочего времени для детей в возрасте от 14 до 16 дней – 24 часа в неделю, $c = 40 / 24 = 1,67$, для детей в возрасте от 18 до 18 лет – 36 часов в неделю, $c = 40 / 36 = 1,11$, а для детей до 14 лет – ст. 188 КЗОТ Украины, которая устанавливает запрет принимать на работу детей до 14 лет, из которой мы делаем вывод, что для расчета повышающего коэффициента учета морального вреда мы по аналогии можем взять верхнюю границу утраты трудоспособности для инвалидов II группы, при которой они считаются нетрудоспособными, $c = 100/(100-80) = 5$. Для расчета повышающего коэффициента для беременных мы принимаем во внимание, что им выдается больничный лист на период 126 дней, что соответствует 60 % утраты трудоспособности, $c = 100/(100-60) = 2,5$.

Совершение противоправных действий в отношении чиновников различного уровня либо чиновниками различного уровня. Здесь мы рекомендуем использовать повышающие коэффициенты $c = 1,5$ – для чиновников районного уровня, $c = 2$ – областного, $c = 4$ – всеукраинского, в том числе по противоправным действиям банковских служащих.

Совершение противоправных действий в отношении родственников. При совершении противоправных действий в отношении супруга, $c = 0,5$, в отношении родителей, детей $c = 0,33$, второй степени родства $c = 0,33 * 0,33 = 0,11$, и далее по аналогии путем умножения на 0,33.

При расчете морального вреда нами было впервые установлено соответствие, что 1 балл стресса по шкале Холмса и Раге = 0,5 баллам стресса по шкале PSM-25 (для ее линейной части) = моральной компенсации в размере 1 реального прожиточного минимума (далее – РПМ), и что для устранения негативных последствий 1 балла стресса по шкале Холмса и Раге необходимо пройти лечение в количестве 1 дня временной потери трудоспособности либо быть подвергнутым фармакологической интервенции на сумму 0,1 % РПМ отечественными препаратами либо 0,24 % – импортными. Была также установлена эквивалентность тяжести противоправного действия по санкции УК и моральной ком-

пенсации пострадавшему, исходя из соотношения 1 год лишения свободы = 36 баллов стресса по шкале Холмса и Раге.

Рекомендуемая минимальная компенсация за одно простое нарушение должна соответствовать 11 баллам стресса по шкале Холмса и Раге и равняться 11 б. * 8888 грн. = 97 768 грн. для Украины в ценах на 01.01.2019.

Библиографические ссылки

1. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М. : Форум – Инфра-М, 1997. 240 с.

2. Карачевцев Я. Н. Определение размера презюмируемого морального вреда в свете адаптации методики А. М. Эрделевского к законодательству Украины // Право и безопасность. 2017. № 2 (65). Харьковский национальный университет внутренних дел. С. 6–12.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В. К. Кирвель

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, kirvit@tut.by

Характеризуются инновационные технологии, направленные на исследование криминалистических объектов в ходе проведения судебной экспертизы. Рассматривается сфера сотрудничества Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и подчиненных ему организаций с Национальной академией наук Республики Беларусь в данном направлении.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; инновационные технологии; специальные знания.

Тема инноваций является актуальной не только в экономической, информационной, научно-технологической сфере, но и в социальной сфере – обеспечение общественной безопасности, снижение уровня преступности и криминализации общества.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь как основным национальным интересам относит обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития Республики Беларусь, направленное в том числе на предотвращение роста преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности.

Термин «инновация» происходит от латинского «novatio», что означает «обновление» (или «изменение»), и приставки «in», которая пе-

реводится с латинского как «в направлении». Если переводить дословно «*innovatio*» – «в направлении изменений». При этом необходимо отметить, что инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы [1].

В широком смысле «инновация» – использование в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленных на совершенствование процесса деятельности или его результатов.

Термин «технология» происходит от греческого «*τέχνη*» – искусство, мастерство, умение и «*λόγος*» – мысль, причина; методика, способ производства. Поэтому в широком смысле под «технологией» мы понимаем совокупность методов, процессов и материалов, используемых в какой-либо отрасли деятельности, а также научное описание способов технического производства [2].

Одной из основных задач науки криминалистики является разработка, совершенствование и внедрение соответствующих научно-технических средств и методов для раскрытия и расследования преступлений.

В целях адекватности современным рискам, вызовам и угрозам в сфере безопасности личности, общества и государства, криминалистика интегрирует в себе последние достижения науки и техники. Для этого она должна осуществлять активнейшую «инновационную» деятельность: успешно разрабатывать, внедрять и использовать новейшие наукоемкие технологии.

Криминалистика входит в группу научных специальностей с шифром 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. Предметом специальности 12.00.12 являются криминалистические, судебно-экспертные и оперативно-розыскные аспекты противодействия преступности, которые призваны обеспечить разработку научно обоснованных методов, приемов и средств раскрытия преступлений и предварительного расследования, проведения судебной экспертизы, осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Полагаем обоснованным рассматривать криминалистические и судебно-экспертные аспекты противодействия преступности в неразрывной связи. В нашем исследовании мы будем понимать под инновационными технологиями в криминалистике и судебно-экспертной деятельности применение результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности: научно обоснованных методов, методик, способов, научно-технических средств и материалов, направленных на повышение

эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности.

Рассмотрим современное состояние применения инновационных технологий в криминалистике и судебно-экспертной деятельности на примере Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ).

В январе 2018 г. ГКСЭ подписал Соглашение о сотрудничестве с Национальной академией наук Республики Беларусь (далее – НАН) в научно-технической сфере. Данное Соглашение направлено на организацию научных разработок НАН для ГКСЭ.

Сотрудничество будет проходить по следующим направлениям:

1) использование Банка ДНК Института генетики и цитологии НАН при проведении научных исследований по направлению судебно-геномных экспертиз;

2) судебно-экспертное исследование деталей транспортных средств с использованием технологий порошковой металлургии Института порошковой металлургии;

3) установление характера и давности патологических изменений в биологических тканях человека при проведении судебно-медицинских экспертиз с использованием лазерных технологий Института физики имени Б. И. Степанова;

4) разработка методики и освоение технологий исследования фрагментов древесины для идентификации места, где могло произрастать дерево;

5) разработка программного обеспечения на основе алгоритмов самообучения (искусственных нейронных сетей) для оперативного установления личности преступника с помощью автоматизированных информационных систем и криминалистических учетов;

6) разработка технологий 3D-моделирования, специализированных средств фиксации обстановки места происшествия, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов;

7) разработка и освоение технологий производства наборов реагентов для криминалистической ДНК-идентификации биологических образцов отдельных видов диких животных при расследовании дел о незаконной охоте [3].

С 2018 г. в Научно-практическом центре ГКСЭ (далее – НПЦ) идет разработка ДНК-фенотипирования, т. е. установления этногеографического происхождения, фенотипа неизвестного преступника по оставленным биологическим следам: возраста, пола, цвета глаз и волос, размера носа и ушей и других параметров.

Кроме того, в НПЦ ведутся разработки по вопросу ДНК-генотипирования объектов растительного происхождения для организации экспертных исследований по ДНК-идентификации наркосодержащих объектов, приготовленных из конопли [4].

В 2019 г. ГКСЭ внедрил в экспертную практику наукоемкую технологию – метод сканирующей электронной микроскопии и рентгено-спектрального микроанализа (СЭМ/РСМА). Судебные экспертизы с использованием новейшего метода востребованы по категории наиболее тяжких дел, связанных с применением огнестрельного оружия: убийства, браконьерство, разбойные нападения, ограбления и др. Метод СЭМ/РСМА дает принципиально новые возможности, прежде всего в решении идентификационных и ситуалогических задач. Например, при корректном изъятии образцов на месте происшествия, без применения дополнительных методов эксперт может ответить на вопрос: «Производился ли выстрел конкретным лицом?», при наличии оружия можно провести сравнительное исследование продуктов выстрела [5].

Рассмотрим перспективы развития применения инновационных технологий в криминалистике и судебно-экспертной деятельности.

Полагаем обоснованным и целесообразным сотрудникам ГКСЭ рассмотреть следующие инновационные технологии, направленные на исследование криминалистических объектов:

- 1) 3D-дактилоскопирование;
- 2) применение искусственных нейронных сетей при проведении почерковедческих (многослойный перцептрон – «Multi-Level Perceptron (MLP)», США) и портретных исследований («ВОКОРД Видеоэксперт», Россия);
- 3) более широкое применение 3D-технологий (3D-сканирование, 3D-моделирование, виртуальная аутопсия (вскрытие) с использованием 3D-моделей; «виртуальная или дополненная реальность») при осмотре места происшествия и проведении судебных экспертиз, в учебном процессе;
- 4) использование возможностей микробиологической идентификации человека с помощью сообществ микроорганизмов, известных как микробиомы, обитающих на коже человека;
- 5) применение криминалистической томографии;
- 6) использование биомаркеров пыльцы (палинологии) для установления факта нахождения подозреваемого в конкретном месте и в конкретное время;
- 7) использование нанотехнологий (изготовление дактилоскопических порошков);

8) криминалистическое исследование огнестрельного оружия («3D-оружие») распечатанного с помощью 3D-принтера и др. [6].

Необходимо отметить, что выделенные нами направления применения инновационных технологий в криминалистике и судебно-экспертной деятельности ни в коей мере не являются исчерпывающими и не носят завершающего характера, а касаются только выделения, по мнению исследователя, перспективных направлений инновационного развития в правоохранительной сфере, которые возникают в условиях научно-технического прогресса, динамичного развития криминалистической науки и судебно-экспертной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Инновация. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152267> (дата обращения: 20.05.2019).

2. Технология. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/4842> (дата обращения: 20.05.2019).

3. НАН Беларуси подписала Соглашение о сотрудничестве с Государственный комитет судебных экспертиз [Электронный ресурс]. URL: <http://nasb.gov.by/rus/news/3062> (дата обращения: 20.05.2019).

4. Судебная экспертиза в Беларуси: опыт, достижения, новации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/special/onlineconference/view/sudebnaja-ekspertiza-v-belarusi-opyt-dostizhenija-novatsii-1031> (дата обращения: 20.05.2019).

5. Судебные эксперты внедрили в практику передовой метод исследования следов выстрела [Электронный ресурс]. URL: http://sudexpert.gov.by/ru/list_news_occurrence_n.html?news_id=6186 (дата обращения: 20.05.2019).

6. Европейская криминалистическая выставка (5–6 марта 2019 г., Лондон) [Электронный ресурс]. URL: <https://crimcongress.com/anons/5-6-марта-2019-европейская-криминалистичес/> (дата обращения: 20.05.2019).

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

И. А. Лапина

ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»
ул. Кижеватова, 60, к. 7, 220024, г. Минск, Беларусь, institut@sudexpert.gov.by

Исследуются особенности применения специальных познаний в ходе раскрытия и расследования коррупционных преступлений с учетом практики правоохранительных органов Республики Беларусь.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные познания; коррупционные преступления.

Условия действующего законодательства, мировая и отечественная практика противодействия коррупционным правонарушениям сформировали необходимость выявления всех обстоятельств конкретного нарушения закона. Вариативность поведенческих реакций должностных лиц, планомерность действий, создающих возможность злоупотреблений, все чаще устанавливается с помощью применения специальных познаний в области речевой коммуникации, социо- и психодиагностики поведенческих реакций, анализа планово-экономической деятельности, использования правил делового администрирования в вопросах финансово-хозяйственной деятельности. Сложность в расследовании и раскрытии таких злоупотреблений состоит в многообразии форм и методов, продуманно используемых недобросовестным субъектом. Глубоко исследовать сложившуюся ситуацию, значит – эффективно расследовать совершенное в ней деяние.

В наш век информационных технологий незаконное получение информации, ее неправомерное предоставление – уже могут являться предметом взаимоотношений и быть одним из способов совершения правонарушения. Получение и передача материальных ценностей и нематериальных преимуществ, их вымогательство, совершение действий под угрозой и организация деятельности преступной группы, использование посреднических услуг и др. – эти и другие обстоятельства могут оказаться предметом доказывания при расследовании служебных злоупотреблений, в том числе коррупционных. В силу их специфичности и разноплановости в процессе следствия могут оказаться весьма востребованными специальные познания сведущих лиц.

Необходимость консультирования следователя, использование специальных познаний для эффективности расследования, определение процессуального статуса таких консультаций и сведущих лиц – проблема, известная в правоохранительной деятельности достаточно давно [1, с. 112–115] и, при наличии ряда процессуальных норм, разрешаемая в каждом конкретном случае индивидуально. В некоторых из них необходимо и возможно проведение судебных экспертиз, в других – достаточно мнения высококвалифицированного специалиста.

Именно категория «специальные знания» является тем основанием, которое лежит в основе привлечения к расследованию (проверке, судебному разбирательству) конкретного лица. Специальные знания чаще всего рассматриваются в качестве противоположности широко распространенным, общеизвестным, не требующим дополнительных подтверждений сведениям. Однако в сегодняшней практике, в силу развития науки, техники, быстрых темпов научно-технического прогресса, специфичность знаний оценивается достаточно субъективно. Сложность и

простота исследуемых явлений и объектов может присутствовать одновременно в качестве их характеристик, только для разных субъектов.

Вместе с тем соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво, зависит от уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека. Расширение и углубление знаний о каком-то явлении, процессе, предмете приводит к тому, что знания становятся более дифференцированными, системными, доступными все более широкому кругу лиц [2, с. 12–15].

В процессе расследования необходимо изучать элементы преступного деяния во взаимодействии между собой, с окружающей обстановкой и другими системами [3, с. 83–84]. Например, одна из основных особенностей коррупционного поведения субъекта, которое может наблюдаться в ряде самых различных ситуаций, состоит в нелегальном (или несанкционированном) характере передачи денег (или какого-либо их эквивалента) от одного лица другому [4]. Субъект-получатель взятки должен быть при этом представителем либо другого субъекта (т. е. посредником), либо учреждения, поскольку незаконное вознаграждение всегда в этом случае должно быть связано со служебной деятельностью лица, его получающего.

В этих случаях могут быть выявлены признаки, а также социальные отражения коррупционной деятельности, подлежащие и первоначальной проверке, и позднему расследованию в рамках уголовного дела. При этом оперативным путем становится возможным собрать значительную часть сведений о самом коррупционере, о взяткодателе, установить круг соучастников и свидетелей. Однако следует отметить, что для достоверности информации, сведения рекомендуется получать из нескольких различных источников, изучая объяснения должностных лиц и используя консультативную помощь специалистов-экономистов (аудиторов).

В результате проверки исходных данных может быть выдвинут ряд версий о причастности должностного лица к совершению коррупционного правонарушения (имел место подкуп должностного лица и получение им незаконного вознаграждения) или о его непричастности (вознаграждение легально, имел место оговор должностного лица). В случае обнаружения поводов и оснований для возбуждения уголовного дела в дальнейшем возможно опираться на полученную информацию в проверочной стадии и проводить дальнейшее расследование по нормам уголовно-процессуального законодательства.

В случаях, когда выяснения требует комплекс обстоятельств, имеющих значение по делу, чтобы получить ответы по перечню вопросов, решив ряд идентификационных и диагностических задач, в процессе

следствия используется специфический вид исследования в процессуальных рамках – судебная экспертиза. Целью судебной экспертизы является исследование и установление на основе специальных знаний в различных научных областях фактических данных (обстоятельств дела) в гражданском, административном, уголовном и хозяйственном судопроизводстве. Предметом экспертизы могут быть специальные вопросы, относящиеся к той или иной области науки, техники, искусства, ремесла, разрешение которых требует наличия у процессуального субъекта специальных знаний. При этом недопустима постановка перед экспертом правовых вопросов.

Сложность расследования коррупционных преступлений связана как с высокой латентностью этого вида правонарушений, так и особенностями сбора и оценки доказательств, определения видов и своевременности необходимых экспертиз, оценке их результатов. Помимо судебных экономических экспертиз, способных выявить качественные и количественные характеристики данных учета финансово-хозяйственных операций и другие показатели финансово-хозяйственной деятельности организации, в зависимости от сферы совершения правонарушений и их способа, возможно назначение судебной дактилоскопической и компьютерно-технической экспертиз, технической экспертизы документов, если есть основания подозревать наличие в документах факта внесения изменений (их подделки). Если предметом преступления являлись объекты (произведения) старины и искусства, актуально проведение судебной искусствоведческой экспертизы.

В случае поступления вербальной угрозы или вымогательства со стороны субъекта возможно проведение судебной лингвистической экспертизы. Если такие требования, обещания действий были облечены в письменную форму, и лицо в последующем отказывается от признания подобных фактов, возможно проведение судебной почерковедческой и автороведческой экспертиз.

В процессе судебной автороведческой экспертизы, в частности, возможно будет установить соответствие содержания исследуемого текста (например, краткого письменного сообщения с требованием ценностей в «завуалированной» форме) индивидуальным письменноречевым навыкам конкретного человека.

Судебная экспертиза как особая форма человеческой деятельности, имеющая собственный процессуально-правовой статус и направленная на исследование различных объектов с применением специальных познаний в различных практических областях, при расследовании коррупционных преступлений играет важную роль, создавая прочный «фундамент» доказательственной базы.

Библиографический список

1. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Минск : Изд-во Белгосуниверситета им. В. И. Ленина, 1959. 188 с.
2. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология). М. : Норма Инфра-М, 2018. 368 с.
3. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1998. 485 с.
4. Левин М. И., Левина Е. А., Покатович Е. В. Лекции по экономике коррупции. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 355 с.

ВКЛАД ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ *И. А. Мороз¹⁾, Е. П. Орехова²⁾*

¹⁾ Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь,
ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь, npc@sudexpertiza.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуется вклад доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова в становление и развитие теории судебной экспертизы. Делается вывод о необходимости введения учебной дисциплины «Судебная экспертиза» в качестве обязательного (государственного) компонента юридического образования.

Ключевые слова: теория судебной экспертизы; судебно-экспертная деятельность; профессиональная подготовка; экспертология.

Профессор А. В. Дулов обладал неординарным складом ума – умел предугадывать развитие научной мысли на несколько лет, а то и десятилетий вперед. Еще в середине XX столетия он предложил новые подходы к анализу и правовому регулированию судебной экспертизы, которые актуальны и по сей день.

В 1955 г. Андрей Васильевич успешно защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук по теме «Экспертиза на предварительном следствии», а в 1959 г. вышла в свет его монография, посвященная проблемам теории судебной экспертизы [1]. В ней судебная экспертиза в уголовном процессе определялась как деятельность специалистов различных отраслей науки, протекающая в определенных процессуальных границах, по исследованию конкретных обстоятельств дела с целью получения от них заключения, содержащего новые доказательственные факты, расширяющие познания следствия и суда об этих

обстоятельствах [1, с. 4–5]. Определение включает характерные черты судебной экспертизы, которые остаются актуальными в настоящее время и позволяют отличить судебную экспертизу от несудебной (или досудебной).

В работе выделяются составные элементы судебной экспертизы как процесса научного познания: 1) наличие определенной группы фактов; 2) исследование этих фактов; 3) получение результата, вывода, которым разрешается поставленная задача в деле установления определенной объективной истины [1, с. 6], систематизируется процесс проведения судебной экспертизы. Особое внимание уделяется порядку формирования, структуре и содержанию заключения эксперта как источника доказательств в уголовном процессе, а также его оценке и влиянию на установление объективной истины по делу.

В 1960 г. Андрей Васильевич Дулов совместно с И. Ф. Крыловым издает книгу, посвященную истории криминалистической экспертизы в России [2], в которой на основании архивных данных и научных исследований других ученых раскрывает особенности проведения исследований документов химическими и фотографическими методами в России в XIX в.

Еще один значительный труд, посвященный правовому статусу участников судебной экспертизы, вышел в 1962 г. [3], в котором А. В. Дулов обосновал, что права и обязанности участников процесса существенно влияют и на саму деятельность экспертов, на ее последовательность, на методику исследования [3, с. 10]. Он подчеркивает: «Для того чтобы уменьшить возможность субъективных ошибок экспертов, участники процесса наделяются процессуальными правами, позволяющими выявить эти ошибки» [3, с. 7–8]. Кроме этого, он также уделяет внимание особенностям проведения участниками процесса оценки заключения эксперта первичной и повторной экспертизы, обосновывает, когда необходимо назначить повторную экспертизу.

Результатом его десятилетней плодотворной работы после защиты кандидатской диссертации стала блестящая защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Проблемы теории судебной экспертизы».

Профессор А. В. Дулов продолжал активно разрабатывать проблемы теории судебной экспертизы и в 1989 г. на научно-правовой конференции НИИ судебной экспертизы Министерства юстиции БССР отметил необходимость разработки функций судебной экспертизы, учитывая при этом совокупность наук, видов практической деятельности, которые призвана обеспечивать судебная экспертиза, а также уровни внутренней организации судебной экспертизы [4, с. 32]. Он предлагает выделять

функции на уровне науки (данного вида судебной экспертизы), на уровне судебно-экспертного учреждения, на уровне производства конкретной судебной экспертизы. При этом полагает наиболее значимым для развития судебной экспертизы, для усиления ее деятельности в интересах правосудия исследование функций судебно-экспертного учреждения, которыми являются репродукционная, информационная, процессуальная, прогностическая функция, функция исследования закономерностей объективного мира.

На научно-практической конференции в Киеве профессор А. В. Дулов заявил: «Дальнейший прогресс сдерживается отсутствием общей теории судебной экспертизы, позволяющей формировать самостоятельную науку – судебную экспертизу» [5, с. 57]. Он отметил, что уже имелись к тому времени многочисленные попытки создания общей теории, но они осуществлялись в основном на базе процессуальных особенностей этого вида научной деятельности; была попытка в формировании судебной экспертологии, где рассматривались и некоторые вопросы обоснования самостоятельности судебной экспертизы как науки с точки зрения особенностей ее содержания. Профессор А. В. Дулов выявляет целый ряд оснований, позволяющих делать вывод о необходимости формирования отдельной отрасли науки и не только по признакам процессуальной формы их проведения. Судебная экспертиза как самостоятельная отрасль научного знания формируется совокупностью задач, которые выдвигаются практикой расследования и судебного рассмотрения уголовных и гражданских дел, развитием теории криминалистики, уголовного процесса [5, с. 58]. Как видим, Андрей Васильевич отмечал пограничный характер судебной экспертизы, проявляющийся в обеспечении задач и функций уголовного, гражданского процесса, криминалистики.

Несмотря на то, что о необходимости формирования отдельной отрасли науки – судебной экспертизы профессором А. В. Дуловым было заявлено более 25 лет назад, фактическое формирование новой области науки нельзя считать завершенным. Немаловажным является тот факт, что в Беларуси осуществляется проработка вопроса выделения новой научной специальности – «судебно-экспертная деятельность». Стоит отметить и единственный в своем роде белорусский опыт централизации судебно-экспертных учреждений под эгидой образованного в 2013 г. Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Между тем в определенной степени А. В. Дулов предвидел подобное решение и выступал за организационное объединение всех видов экспертиз. Он писал, в частности, что расширение профиля судебно-экспертных учреждений предполагается в будущем, а также указывал,

что объединение экспертов в специализированное судебно-экспертное учреждение создает предпосылки для роста экспертных кадров, их подготовки, улучшения методики исследования [3, с. 13].

Изложенное выше подтверждает значительное влияние трудов А. В. Дулова на развитие науки о судебной экспертизе и экспертной практики. Полагаем, что функционирование Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь наряду с признанием судебной экспертизы как самостоятельной сферы государственной политики является достаточным основанием к утверждению самостоятельной учебной дисциплины – «Судебная экспертиза» в качестве обязательного (государственного) компонента юридического образования. Данное решение станет еще одним примером успешной реализации идей выдающегося ученого и педагога А. В. Дулова.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Минск : Изд-во БГУ, 1959. 188 с.
2. Дулов А. В., Крылов И. Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. М. : Госюриздат, 1960. 166 с.
3. Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / под ред. Д. С. Карева. Минск : ИМВССиПО БССР, 1962. 408 с.
4. Дулов А. В. Пути развития теории судебной экспертизы // Роль судебной экспертизы в социалистическом правовом государстве : тез. науч.-прав. конф. / НИИСЭ МЮ БССР ; редкол.: А. В. Дулов [и др.]. Минск, 1989. С. 31–34.
5. Дулов А. В. К формированию науки судебная экспертиза // Актуальные проблемы судебной экспертизы и криминалистики : тез. науч.-практ. конф. / Минюст Украины ; редкол.: В. Ф. Берзин [и др.]. Киев, 1993. С. 57–59.

ИДЕИ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА В РАЗВИТИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е. Ю. Пасовец

Университет гражданской защиты Министерства
по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь, lena.eu@tut.by

Определена роль доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова в развитии судебной экспертизы, в том числе в разработке использования комплексного подхода в судебно-экспертной деятельности и проведения комплексных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; специальные знания; комплексный подход.

Судебная экспертиза занимала особое место в научном мире профессора Андрея Васильевича Дулова. Становление его как ученого произошло именно в этой сфере криминалистического знания. Кандидатская диссертация на тему «Экспертиза на предварительном следствии», докторская – «Проблемы теории судебной экспертизы» – неоспоримое тому подтверждение. И к ученикам, которые свой научный поиск вели в области судебно-экспертной деятельности, профессор относился с особым вниманием. Он был абсолютно убежден, что судебная экспертиза – это интегрированное научное знание, которое явно демонстрирует ее синтетическую природу и наиболее полно отражает интеграционные процессы, происходящие как внутри криминалистической науки, так и вне ее. Профессор утверждал, что для того чтобы развивать судебную экспертизу, необходимо идти «в ногу со временем», использовать инновационные подходы в совершенствовании ее теории, применять современные технологии в создании новых криминалистических средств и методов, чего и требовал от своих учеников.

В начале научного пути профессором подготовлены фундаментальные труды в области судебной экспертизы, которые впоследствии послужили основой для формирования самостоятельной научной области знаний – теории судебной экспертизы. Еще тогда, в 1959 г. в своей работе «Вопросы теории судебной экспертизы» профессор определил основные подходы в создании теории, ее системные элементы и процессы, которые обеспечивают ее самостоятельность – постоянное развитие судебной экспертизы за счет интеграции знаний из одной области в другую и постепенное «отпочковывание» от криминалистики с формированием самостоятельной теории. Эти идеи профессора прослеживаются в последующих его работах и трудах учеников. Вспоминая встречи с профессором и листая рабочую тетрадь, написанную под диктовку учителя в процессе работы над своей диссертацией, читаю: «анализ основных тенденций развития судебной экспертизы позволяет утверждать, что это самостоятельная область научного знания, синтетическая научная дисциплина, которая обладает своим стилем мышления, ориентирующим экспертное познание на более целостное постижение объекта, на включение экспертной деятельности в объект научного рассмотрения, на те радикальные изменения, которые происходят в теории и практике экспертных исследований. Дальнейший прогресс в области судебной экспертизы сдерживается отсутствием общей теории судебной экспертизы, позволяющей формировать самостоятельную науку – судебную экспертизу. Для этого имеется целый ряд оснований, поскольку отрасли судебной экспертизы призваны исследовать самостоятельную

группу закономерностей объективного мира: закономерности формирования процессов отражения...».

За десятилетия под научным руководством профессора Андрея Васильевича Дулова подготовлены и защищены многие диссертации в области судебной экспертизы: ее методологических, тактических, организационных и методических основ. Отмечу, что без внимания профессора не оставалась ни одна белорусская диссертационная работа, выполненная на экспертную тематику. Если он не руководил ей или не консультировал в процессе создания, то обычно знакомился с работой, оппонировал во время защиты, готовил отзыв. Профессор утверждал, что «на данный момент развития судебной экспертизы количественный рост теоретических знаний о судебной экспертизе, сам естественный ход вещей привел к качественному скачку: возникновению проблемной научной ситуации, разрешение которой оказалось возможным лишь путем развития теоретических элементов общей теории судебной экспертизы, ее совершенствования путем обогащения новыми знаниями».

Как результат подтверждения истинности идей профессора, в 2006 г. увидела свет работа Т. В. Аверьяновой «Судебная экспертиза. Курс общей теории». В последующем под редакцией Е. Р. Россинской вышел первый учебник по теории судебной экспертизы «Теория судебной экспертизы». В Беларуси в 2012 г. из паспорта научной специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность «отпочковался» самостоятельный паспорт научной специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. Огромный вклад в этот процесс внес великий ученый, криминалист, профессор Андрей Васильевич Дулов, являясь одним из инициаторов формирования и становления молодой науки «Теория судебной экспертизы».

Особое внимание заслуживают идеи профессора в рамках использования комплексного подхода в судебно-экспертной деятельности и проведения комплексных экспертиз. Профессор утверждал, что комплексность в изучении предметов, процессов и явлений материального мира наблюдается почти во всех сферах деятельности. Это обусловлено общей тенденцией быстрого и глубокого взаимного проникновения бурно развивающихся знаний из одной области в другую, адаптации их в целях решения стоящих перед конкретной отраслью знаний задач и эффективного их использования. В судебной экспертизе комплексность выступает в качестве подхода к исследованию объектов, обеспечивающего полное и всестороннее изучение их свойств в различных условиях, обуславливает алгоритм решения экспертных задач, которые путем применения знаний только из одной какой-либо отрасли решить невоз-

можно. Однако, наряду с набирающими популярность комплексными экспертизами, в практической деятельности правоохранительных органов, имел место ряд проблемных и спорных аспектов, что затягивало сроки проведения экспертиз, влияло на информативность комплексного вывода и, как следствие, снижало эффективность расследования преступления. С учетом научного наследия профессора были разработаны теоретические положения и практические рекомендации по назначению и проведению комплексных экспертиз, что позволило устранить имеющее место в экспертной практике проблемные ситуации.

В заключение отмечу, что идеи профессора Андрея Васильевича Дулова еще много десятилетий будут «будоражить» молодые умы ученых в области теории судебной экспертизы, вдохновляя их на создание инновационных решений в целях эффективного раскрытия преступлений.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

В. Г. Суржик

Черниговский научно-исследовательский экспертно-криминалистический центр МВД Украины, ул. Степана Разина, 19, 14037, г. Чернигов, Украина, *vgs1@ukr.net*

Выявлены и охарактеризованы факторы, влияющие на развитие судебной экспертизы и расширение ее возможностей. Предлагаются основные пути совершенствования судебной экспертизы для обеспечения справедливого правосудия в Украине.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; совершенствование судебной экспертизы; правосудие.

Государство одной из основных задач видит постоянное совершенствование и развитие справедливого правосудия, в том числе и судебной экспертизы. Для этого в Украине чрезвычайно важным является реформирование судебной системы и судебно-экспертных учреждений судебных экспертиз, а также развитие судебной экспертизы вообще путем формирования справедливых подходов, понимание сущности судебной экспертизы, значения и роли судебных экспертов в процессуальных действиях, формирование правильного восприятия функции справедливого правосудия и функции судебных экспертов, роли судебных экспертов в судебной системе и обществе, улучшение понимания и доверия общества к системе правосудия, в том числе и к судебным экспертам.

Среди многих факторов, влияющих на развитие судебной экспертизы и расширение ее возможностей, следует отметить и такой, как активизи-

зация деятельности судебно-экспертных учреждений по осуществлению международных контактов с зарубежными коллегами. Формы контактов чрезвычайно разнообразны: участие в международных конференциях, обмен экспертным опытом при проведении совместных школ-семинаров, симпозиумов, прием делегаций судебных экспертов других стран, их обучение и стажировка в судебно-экспертных учреждениях, исполнение судебных экспертиз задачами иностранных организаций и граждан, телекоммуникации с зарубежными экспертными учреждениями по вопросам судебной экспертизы.

Анализ международной деятельности экспертных служб показывает, что эти контакты требуют выполнения определенных тактических правил. Международные деловые контакты должны осуществляться во всех направлениях судебно-экспертной деятельности; на всех уровнях: от рядовых экспертов до администрации судебно-экспертного учреждения; по вопросам как конкретного характера, так и стратегическим вопросам развития судебной экспертизы в Украине и за рубежом; не только с судебно-экспертными учреждениями, но и другими органами и организациями, включая государственные – суды и другие.

В перспективе тактически правильно организованные международные контакты судебно-экспертных учреждений в определенной степени могут помочь более эффективной борьбе с преступностью на территории Украины; развитию судебной экспертизы в Украине, закреплению ее на передовых мировых позициях в научно-исследовательской и методической работе судебно-экспертными учреждениями и правоохранительными органами Украины разнообразной ведомственной принадлежности; выполнению международных обязательств Украины по предоставлению правовой и другой помощи другим странам в уголовных, гражданских и других делах, обеспечению справедливых выводов судебных экспертов.

Основные пути совершенствования судебной экспертизы для обеспечения справедливого правосудия:

– аккредитация экспертных лабораторий в соответствии с требованиями международных стандартов качества, закрепленных в требованиях ГОСТ / ISO / IEC 17025/2005 «General requirements for the competence of testing and calibration laboratories», который в Украине введен как ISO / IEC 17025: 2006 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий»;

– международное сотрудничество путем обмена опытом, информацией о методах (методиками, технологиями и т. д.) с экспертными службами других государств;

– членство судебно-экспертных учреждений судебных экспертиз Украины в Европейской сети судебно-экспертных учреждений (ENFSI), которая насчитывает в своем составе более 53 экспертных учреждений, 41 из которых находятся в государствах – членах Европейского союза (ЕС);

– профессиональная подготовка судебных экспертов путем электронного тестирования;

– противодействие коррупционным проявлениям в сфере судебной экспертизы путем определения понятия независимости судебного эксперта; совершенствование правового статуса государственного судебного эксперта; обеспечение справедливости судебной экспертизы, повышение мотивации государственных судебных экспертов; запрета вмешательства в деятельность судебного эксперта под угрозой уголовной ответственности;

– определение надлежащего социального и материального обеспечения судебного эксперта;

– обеспечение судебно-экспертных учреждений современным оборудованием, нормативными и справочно-методическими материалами, информацией о новых достижениях в области судебной экспертизы, программными продуктами, которые соответствуют современному научно-методическому уровню решения экспертных задач.

Введение вышеупомянутых этапов развития судебно-экспертных учреждений судебных экспертиз Украины будет способствовать совершенствованию системы судебной экспертизы, ее развитию и формированию имиджа судебно-экспертных учреждений судебных экспертиз как профессионального и адаптированного к нормам Европейского союза органа, обеспечивать справедливое правосудие в Украине.

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИК-СПЕКТРОСКОПИИ ПРИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ДРЕВЕСИНЫ

А. Н. Хох, О. А. Дайнеко

Научно-практический центр Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь,
ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь, *lann1hoh@gmail.com*

Характеризуются возможности использования метода молекулярной инфракрасной спектроскопии в ближней волновой области спектра при криминалистическом исследовании древесины.

Ключевые слова: судебная экспертиза; специальные знания; БИК-спектроскопия; исследование древесины; криминалистика.

Древесина часто является объектом судебно-ботанической экспертизы (далее – СБЭ) и, как показывает экспертная практика, поступает на исследование при разбирательстве различных уголовных дел, в том числе связанных с преступлениями против личности. При направлении образцов древесины для проведения экспертизы перед экспертом-ботаником ставятся различные идентификационные и диагностические задачи, решение которых требует применения определенных методов. Некоторые из них являются весьма трудоемкими и времязатратными (например, анатомический и дендрохронологический анализ). Помимо этого, интенсивность развития различных областей биологической науки на сегодняшний день приводит к тому, что методы, которые еще совсем недавно являлись достаточно современными, сегодня уже устарели или оказались несовершенными. Поэтому актуальным остается вопрос применения новых методов исследования, перспективных в отношении анализа древесины и позволяющих получить максимальную доказательственную информацию при исследовании.

Одним из таких методов является молекулярная инфракрасная спектроскопия в ближней волновой области спектра (далее БИК-спектроскопия) – инструментальный экспресс-метод количественного и качественного анализа, широко используемый в фармацевтической, химической, пищевой промышленности. Применение БИК-спектрометра позволяет производить исследования без разрушения образца и не требует использования дорогостоящих расходных материалов. За последние годы данный метод за рубежом приобрел большую популярность и все чаще используется при проведении СБЭ [1, с. 795].

С помощью БИК-спектроскопии возможно эффективно и быстро решить следующие экспертные задачи:

- 1) установить принадлежность сравниваемых объектов одному целому (даже в тех случаях, когда на исследование представлены фрагменты древесины размером 5–7 мм);
- 2) оценить химические, физические и механические свойства древесины (так, например, по БИК-спектрам можно достоверно отличать древесину на различных стадиях биологической деструкции [2, с. 23]);
- 3) определить вид (род) дерева или кустарника [3, с. 43];
- 4) подтвердить или опровергнуть декларируемое место заготовки лесоматериалов [4, с. 35].

При проведении исследований с использованием метода БИК-спектроскопии следует обращать особое внимание на оптимизацию процедур отбора и подготовки образцов, разработку стандартных протоколов получения спектроскопической информации, учитывающих факторы изменчивости древесины, влияющие на БИК-спектры (напри-

мер, термическая обработка, влажность, степень шероховатости и отделка поверхности лакокрасочными материалами и т. д.) Например, достаточно высокое влияние на результаты спектроскопического анализа оказывает содержание в древесине связанной влаги, которая имеет высокую оптическую плотность в диапазоне ближнего инфракрасного спектра. Для лимитирования воздействия этого фактора на результаты исследований рекомендуется проводить запись спектров древесины при определенной влажности [5, с. 21].

Для уменьшения влияния фактора шероховатости на выбранной поверхности образца древесины шлифуют участок (без видимых дефектов) площадью около 1 см^2 , затем в этом месте снимают спектр. Это связано с тем, что диффузное отражение света, регистрируемое прибором, чувствительно к степени обработки поверхности. Таким образом, изучаемые образцы максимально унифицируются. Отметим, что спектры снимаются только после тщательного удаления шлифовальной пыли с исследуемого участка.

Кроме того следует учитывать, что любой БИК-спектр содержит большое количество избыточной информации, т. е. шума. Поэтому необходимым условием для правильной интерпретации полученных результатов является предварительная обработка спектрометрических данных, включающая в себя использование следующих основных хемометрических алгоритмов анализа:

- метод главных компонент (PCA);
- регрессия на главные компоненты (PCR);
- проекция на латентные структуры (PLS);
- классификация по K ближайшим соседям (KNN);
- нелинейное итерационное проецирование при помощи чередующихся наименьших квадратов (NIPALS);
- метод множественной линейной регрессии (MLR);
- разложение по сингулярным значениям (SVD);
- метод опорных векторов (SVM).

Посредством корректно проведенной обработки могут быть устранены флуктуации, связанные с изменением базовой линии спектра вследствие аддитивного и мультипликативного рассеяния, и сохранена вся полезная информация, необходимая для решения экспертных задач. Проверка работоспособности полученных в результате классификационных моделей проводится на основании расчета показателей качества, таких как доля ложноотрицательных результатов, доля ложноположительных результатов, показатель чувствительности, коэффициент специфичности и коэффициент эффективности.

В настоящее время в Научно-практическом центре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь проводятся исследования древесины с помощью БИК-спектроскопии, в том числе связанные с созданием базы данных коммерчески-ценных, произрастающих в Республике Беларусь, и основных импортируемых в нашу страну пород древесины с привлечением ксилотеки кафедры лесозащиты и древесиноведения Белорусского государственного технологического университета, так как только при наличии обширных баз данных, с постоянным пополнением и обновлением, возможно эффективное решение экспертных задач. БИК-спектры древесины, которые включаются в базу, регистрируются на спектрометре MicroNIR OnSite (VIAVI, США) в режиме диффузного отражения в диапазоне 950–1650 нм. Для каждого образца проводят не менее 10 последовательных измерений в ядровой и заболонной частях древесины, которые в дальнейшем усредняют до одного спектра.

Таким образом, предварительно проведенные экспериментальные исследования показывают, что спектроскопия в ближней волновой области спектра сможет в будущем эффективно использоваться при проведении судебно-ботанических экспертных исследований древесины, древесных материалов и изделий в Республике Беларусь. Внедрение метода в экспертную практику значительно расширит возможности использования комплексного инструментального подхода в судебно-ботанической экспертизе древесины, уменьшит время, необходимое для проведения экспертизы, а также позволит осуществлять экспертное исследование на более высоком уровне.

Библиографические ссылки

1. Forensic timber identification: It's time to integrate disciplines to combat illegal logging / E. E. Dormontt [et al.] // *Biological Conservation*. 2015. V. 191. P. 790–798.
2. Russ A., Fišerová M., Gigac J. Preliminary study of wood species identification by NIR spectroscopy // *Wood Research (Bratislava)*. 2009. V. 54. № 4. P. 23–32.
3. Tsuchikawa S. A review of recent near infrared research for wood and paper // *Applied Spectroscopy Reviews*. 2007. Vol. 42. № 1. P. 43–71.
4. Sandak A., Sandak J., Negri M. Relationship between near-infrared (NIR) spectra and the geographical provenance of timber // *Wood science and technology*. 2011. V. 45. № 1. P. 35–48.
5. Sastre A. R., Fernandez-Golfín Seco J. I., González M. S. Application of near-infrared spectroscopy to determine the juvenile-mature wood transition in Spanish conifers used in construction // *Nir & wood – sounds good! Book of abstracts, San Michele all' Adige, Italy*. 2016. P. 21–23.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. Л. Шатерник, М. И. Тишкевич

Научно-практический центр Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь,
ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь, *nrc@sudexpertiza.by*

Исследуются сущность и содержание информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности. Выделяются основные категории информационных ресурсов по различным аспектам судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; информационное обеспечение; информационные ресурсы.

Одним из важнейших факторов, предопределяющих эффективность судебно-экспертной деятельности (СЭД), является ее информационное обеспечение. По мнению Е. Р. Россинской [1, с. 312–313], сущность и содержание информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности тесно связаны с ее формами, среди которых можно выделить:

- 1) аналитическую, связанную с проведением экспертных исследований и являющуюся основной для судебно-экспертных учреждений;
- 2) научную, направленную на интеграцию достижений науки и техники, совершенствование общетеоретических основ экспертной деятельности, разработку экспертных методов и методик;
- 3) дидактическую, связанную с процессом подготовки экспертных кадров и повышением квалификации;
- 4) управленческую, направленную на организацию функционирования судебно-экспертных учреждений в целом;
- 5) профилактическую, связанную с использованием результатов проведения экспертиз в профилактике преступлений, административных и гражданских правонарушений.

Разнообразная по формам и содержанию судебно-экспертная деятельность невозможна без привлечения информационных ресурсов, в связи с чем полагаем целесообразным дать общую характеристику информационных ресурсов судебно-экспертной деятельности.

Современное понятие информационных ресурсов сформировалось в процессе развития теоретических основ кибернетики, теории алгоритмов, развития современных информационных технологий и обобщения накопленных научных знаний. Впервые понятие «*информационные ресурсы*» было использовано в первой половине XX в. в специальной литературе. Современные авторы рассматривают информационные ресурсы как индивидуальные и коллективные экспертные знания, отдельные

документы и отдельные массивы документов, а также документы и их массивы, составляющие базы данных, базы знаний, библиотеки, архивы, фонды, информационные системы в определенной предметной области, которые удовлетворяют функциональным потребностям и запросам потребителей информации [2]. Таким образом, составными элементами понятия «*информационный ресурс*» являются понятия «*знания*», «*информация*» и «*данные*».

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова под «*знанием*» понимают результаты познания, научные сведения и совокупность сведений, познаний в какой-нибудь области [3, с. 215]. Под «*информацией*» в научной литературе довольно часто понимается результат обработки данных, адресованный конкретному пользователю и пригодный для решения отдельных задач при достижении поставленных целей. Понятие «*данные*» трактуется как сведения (сообщения) в виде символов (специальных знаков, букв, цифр и т. д.) об объектах и процессах окружающего мира, представленные на каком-либо материальном носителе, обеспечивающем возможность их хранения, обработки или передачи. Для того чтобы данные могли быть использованы в различных целях человеческой деятельности, они должны превратиться в информацию [2]. Таким образом, информация отражает смысл данных, их причинно-следственные связи, а обобщение (синтез) информации позволяет получить новые знания.

Понятие «*информационный ресурс*» дано в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», который регулирует общественные отношения, возникающие при поиске, получении, передаче, обработке, хранении, предоставлении и использовании информации; использовании информационных технологий, формировании информационных ресурсов; обеспечении защиты информации. Согласно ст. 1 указанного Закона «*информационные ресурсы* – организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах».

В течение длительного периода времени информационные источники изготавливались на бумажных носителях в виде печатных изданий. Успехи в развитии электронных средств хранения, передачи и воспроизведения информации, расширение возможностей сети Интернет способствовали активному внедрению новых информационных технологий в судебно-экспертную деятельность. Наиболее важным стало появление информационных источников на машинных носителях, получивших название «*электронные информационные ресурсы*».

Электронные информационные ресурсы имеют целый ряд преимуществ перед традиционными печатными изданиями, а именно: более короткий по сравнению с изданиями в печатной форме срок поступления информации к пользователю; разнообразие доступа (использование внешних носителей информации в режиме on-line, путем поиска в информационных сетях); возможность одновременного использования одного и того же электронного ресурса несколькими пользователями; компактность; отсутствие ограничений в объеме материала; дополнительные услуги (выборка информации и навигация внутри одного документа или среди нескольких); возможность копирования информации в память персонального компьютера пользователя; уменьшение проблем хранения и сохранности информации по сравнению с изданиями на бумажных носителях.

Имеющиеся в настоящее время информационные ресурсы по СЭД представляют собой разрозненные хранилища информации, которые имеются как на бумажных носителях, так и в виде электронных копий. Общий анализ предметной области позволяет выделить основные категории информационных ресурсов по различным аспектам судебно-экспертной деятельности:

- нормативные правовые акты (НПА) по вопросам осуществления СЭД;
- библиотечный фонд;
- авторефераты диссертаций;
- словари и справочники по судебной экспертизе и смежным наукам;
- материалы конференций по СЭД;
- реестр судебно-экспертных методик и иных методических материалов;
- базы данных;
- авторский каталог ученых-криминалистов Беларуси и др.

Значительную часть информационных ресурсов составляет библиотечный фонд, который содержит книжные и периодические издания по различным аспектам судебной экспертизы, криминалистики и смежных с ними отраслей знаний, ориентированных на нужды судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь и странах ближнего зарубежья. Диапазон данных информационных источников достаточно широк по видам изданий (сборники научных трудов, монографии, научно-методические, библиографические издания и др.), а также тематическому и хронологическому охвату. В фондах можно найти не только современную информацию, но и научные издания разных годов XX в., которые отражают историю развития судебной экспертизы, а также

способы, методы, приемы проведения судебных экспертиз разных видов. Указанные информационные ресурсы полезны не только для проведения научных исследований в области судебной экспертизы, но и для практикующих судебных экспертов.

В заключение стоит отметить, что количество информационных источников постоянно растет, а разнообразие их видов по формам представления информации и используемым технологиям диктует необходимость создания единого информационного ресурса, содержащего информационные источники по различным аспектам судебно-экспертной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2005. 656 с.
2. Знание // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. д-ра филолог. наук проф. Н. Ю. Шведовой. Изд. 12-е, стереотип. М. : Русский язык, 1978. С. 215.
3. Блюмин А. М., Феоктистов Н. А. Мировые информационные ресурсы : учеб. пособие. М. : Дашков и К°, 2010. 296 с.

Раздел V. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

В. И. Берестень

УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”»,
ул. Казинца, 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь, *di.rom@mail.ru*

Анализируются виктимологические факторы в криминалистическом обеспечении противодействия киберпреступности. Определены пути реализации системы мер виктимологической профилактики жертв киберпреступлений.

Ключевые слова: юридическая психология; виктимология; киберпреступления; виктимологическая профилактика; криминалистика.

Новая технологическая реальность динамично развивает систему разработки и использования алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом обеспечении борьбы с преступностью. Его возможности внедряются в работу правоохранительных органов при поиске подозреваемых в совершении преступлений, распознавании голоса и т. д. Это направление является приоритетным в развитии теории и практики криминалистики. Актуальность криминалистического обеспечения киберпреступлений возрастает. Это связано с тем, что глобальный ущерб от киберпреступности в мире к 2025 г. составит более 1 трлн. долларов США (данные международных экспертов). Каждое государство стремится обеспечивать устойчивость системы технологического суверенитета в области искусственного интеллекта.

В 2019 г. управление «К» МВД Республики Беларусь прогнозирует совершение до 10 тыс. киберпреступлений. Развитие информационных цифровых технологий обеспечивает появление дополнительных условий для изменения способов совершения преступлений.

Виктимологические факторы в криминалистическом обеспечении борьбы с киберпреступностью имеют значение для устранения причин и условий роста виктимизации населения (процесс превращения лица (лиц) в жертву противоправного посягательства киберпреступника). Многие исследователи относят к ним социально-психологические характеристики личности, а также групп людей, которые объединены общими интересами в той или иной сфере жизнедеятельности. Киберпреступники, выявляя особенности поведения лица (лиц) в виртуальном мире, превращают их в объект преступных посягательств. Лицо попадает в

поле зрения криминальных элементов при нарушении основных правил безопасности:

- низкий уровень самоконтроля;
- поиск выгодных предложений;
- поверхностное отношение к чтению ссылок (не замечает в них лишний пробел, буквы, отсутствие запятой и другие ошибки), использование таких ссылок может привести к негативным последствиям;
- открытый обмен личной информацией с другими пользователями и т. д.

В результате лицо становится жертвой преступного посягательства. При соблюдении правил безопасности пользователь не стал бы потенциальной или реальной жертвой киберпреступника. Преступник достаточно хорошо информирован о виктимности потенциальной жертвы. Он предварительно собирает информацию о возрасте, поле, образе жизни, социальном и семейном положении жертвы с целью подготовки и совершения киберпреступления. Жертвами киберпреступлений (среди физических лиц) являются: молодые люди; владельцы мобильных телефонов; пользователи социальных сетей; лица, работающие в незащищенных сетях Wi-Fi; родители несовершеннолетних детей и т. п.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием современных технологий, становится чрезвычайно сложным и затратным процессом, который требует как усилий специалистов высокой квалификации, так и серьезных денежных вложений в технические средства. Представители организованных преступных формирований наращивают усилия по использованию криптовалюты и «теневого интернета».

Совершение киберпреступлений связано с рядом факторов, которые целесообразно определить, а затем принять меры к их нейтрализации. Иногда жертва преступления своим поведением благоприятно влияет на противоправную деятельность киберпреступника. Виктимологическая профилактика должна быть направлена на общую систему социальных институтов. При ее осуществлении выявляем жертвы киберпреступлений. Точное их количество определить невозможно. Чем больше мы будем проводить мероприятий по реализации мер виктимологической профилактики, тем больше установим жертв этой международной преступной деятельности. Эти меры целесообразно реализовывать при проведении оперативно-розыскных и следственных мероприятий, в процессе судебного разбирательства и исполнения наказаний за совершение киберпреступлений. Это позволит более качественно выявлять и нейтрализовать факторы, обстоятельства, ситуации, формирующие виктимное поведение и обуславливающие совершение киберпреступлений. В результате

осуществления виктимологической профилактики более дифференцированно выявляются группы риска и конкретные лица с повышенной степенью виктимности. При этом преследуется цель оптимизации организации с ними целенаправленной работы по актуализации их защитных свойств, а также совершенствования правовых и организационно-управленческих мер в противодействии киберпреступности. Фундаментальное значение для жертв киберпреступлений приобретает получение знаний, навыков и умений для работы в век IT-технологий и др.

Система мер виктимологической профилактики жертв киберпреступлений целесообразно реализовывать путем:

- формирования определенных стандартов, правил этики поведения в использовании искусственного интеллекта государством, обществом и личностью;

- обеспечения устойчивости теоретических и практических знаний, навыков и умений в обеспечении личной безопасности в киберпространстве;

- привития навыков проведения мониторинга и контроля подключаемых устройств, фильтрации информации, передаваемой на съемные устройства и т. д.

С целью развития теории и практики криминалистики целесообразно актуализировать в методике расследования киберпреступлений вопросы виктимологии. Это позволит всесторонне исследовать существующие проблемы противодействия этому деструктивному транснациональному явлению.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

И. Л. Вершок

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *theory-law@bsu.by*

Рассматриваются возможности использования методов психологической науки в юриспруденции, в том числе с учетом научных изысканий в области психологии правоприменительной деятельности, проводимых профессором А. В. Дуловым.

Ключевые слова: юридическая психология; психология правоприменительной деятельности; методы психологической науки.

Современное юридическое знание, отвечающее критериям научности, объективности и всесторонности, не представляется возможным без использования методов психологической науки. Их изучение и адапта-

ция применительно к объекту юриспруденции в значительной степени получило реализацию благодаря традиции, заложенной известным ученым, Заслуженным деятелем науки Республики Беларусь, доктором юридических наук, профессором А. В. Дуловым, проводившим научные изыскания в области психологии правоприменительной деятельности. Им обоснованно и объективно выявлена тенденция дифференциации юридической науки и наряду с этим «интеграция, взаимопроникновение одних отраслей в другие» [1, с. 13], имеющая в настоящее время высокую значимость как для фундаментальных, так и для отраслевых научных исследований.

На фоне выявленной тенденции уже в советский период развития юридической науки широко использовался психологический метод познания в юриспруденции в его взаимодействии (интеграции) не только с общенаучными методами, но и с методами естественных наук, например, химического анализа [1, с. 17]. Перспективными оказались направления исследований с использованием социально-психологических методов, а также методы «физиологии, кибернетики, математические и электрофизические методы» [1, с. 20].

В частности, при определении психологической структуры деятельности А. В. Дуловым была доказана стадийность познавательной деятельности, что впоследствии оказало серьезное влияние на развитие доктрины правового сознания как процесса, предполагающего этапы восприятия, отражения, осмысления и выражения [2, с. 34] информации нормативно-правовой формы и (или) содержания. Сохраняет высокий эвристический потенциал идея о специфичности процессов правового сознания, заключающаяся в том, что они «выполняют двоякую функцию: объяснения ситуации и предсказания» [1, с. 57], причем предсказание сводится к обработке получаемой информации и на этой основе построению модели, предполагающей образ будущего: генерирование новой информации о потенциально возможном развитии социально-правовой действительности.

На базе указанных методологических приемов происходит переосмотр интерпретации правового сознания в его механическом, отражательном аспекте. Так, в современной психологии экспериментально доказано наличие сложнейшего, многоуровневого информационного обмена между нейронами человеческого мозга [3, с. 61], в основном отвечающего за процесс осознания, что свидетельствует не об отражении, а о многоступенчатой переработке данных. Доказанным является факт работы не только нейронных сетей человеческого мозга в процессе сознания, но и анализ получаемой информации «средствами всей телесности человека», что дает возможность «креативного мышления» [3,

с. 269], являясь основным признаком, отличающим человеческое сознание от искусственного интеллекта.

Экспериментальные данные о наличии многоуровневого информационного обмена между нейронами человеческого мозга являются эмпирическим подтверждением наличия процессуальной природы правосознания. Причем информация в процессе правового сознания имеет ряд специфических признаков. Во-первых, она является не только юридической, сводящейся к содержанию правовых нормативных и индивидуальных актов, но относится и к моральной сфере. Построенные на ней презумпции «активизируют мораль общества, усиливают нравственное содержание процессов применения права» [4, с. 9], но при этом и усложняют процессы сознания. Во-вторых, такая информация сводится к снятию неопределенности, ясности правового регулирования. В-третьих, основным источником правовой информации является деятельность правотворческих и правоприменительных органов, имеющих государственно-властную природу, и поэтому она является преимущественно императивной. В-четвертых, правовая информация обладает не просто признаком объективности, а имеет сложный субъективно-объективный характер. Например, информация в виде презумпций и фикций, изначально имеющих идеальную природу и постулируемых в качестве юридических идей, находит свое отражение в сознании субъектов правотворчества и правоприменения, выражается в содержании норм права, но при этом может получить, а может и не получить свое выражение в акте реализации права.

Информационная природа правосознания не сводится к простому отражению информации. Это многоуровневый процесс, направленный на восприятие, осмысление и выражение разного рода информации, отличающейся в зависимости от источника и соответствующих способов ее осознания. Так, существует информация внешней среды, которая «безразлична к параметрам личности и внутреннего мира» [1, с. 269] субъекта, воспринимается относительно безэмоционально. Такая информация подвергается осознанию поверхностно, «репрезентируясь в нейронных сетях головного мозга» [3, с. 268]. Однако если внешняя информация глубоко затрагивает личностные качества человека, начинает восприниматься не только когнитивно, но и телесно-сознательно и вместе с этим эмоционально, проходя обратную трансформацию, она превращается в идею. Идея формируется не только при помощи работы мозга, она «разлита» во всей человеческой телесности [3, с. 268]. Примечательно, что такое вовлеченное, креативное телесное (всем существом человека) восприятие внешней информации и формирование из нее идеи характерно не для всех носителей правосознания.

Например, принятие решения судьей в судебном производстве представляет собой многоуровневый процесс восприятия, а также содержательного осмысления информации, обладающей приведенными выше параметрами. Разные стадии судебного процесса предполагают различные процессы правосознания. В подготовительной части судебного заседания происходит простое усвоение первичной, внешней информации. На стадии судебного следствия и прений сторон, постановления приговора по-разному задействуются структуры телесно-познавательной деятельности по восприятию и осмыслению полученных сведений о прошлом, внутренней переработке такой информации, выявлению фактов, могущих состояться в будущем [1, с. 197], т. е. моделированию. Формируется непосредственно «идея судебного решения», от качества которой зависит его законность и справедливость. Затем происходит выражение правосознания в виде подготовки правоприменительного акта, причем процесс правосознания может продолжаться еще достаточно длительный период времени и требовать значительных временных и энергетических затрат от субъекта правоприменения, так как это не просто когнитивная психическая деятельность, но работа всего организма человека.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Судебная психология. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Вышэйшая школа, 1975. 462 с.
2. Вершок И. Л. Экологическое правосознание в доктрине правового сознания. Минск : Право и жизнь, 2006. 134 с.
3. Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 367 с.
4. Дулов А. В. Нравственно-социальные презумпции формирования права // Механизм правового регулирования общественных отношений: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 4–5 апр. 2008 г. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Р. Н. Ключко (отв. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2008. С. 7–10.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

В. П. Вишневская

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»,
ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь, Valentina.minsk@rambler.ru

На основе научных подходов характеризуется понятие «профессиональный стресс». Определяются методы преодоления профессионального стресса у сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: юридическая психология; правоохранительные органы; профессиональный стресс; методы преодоления стресса.

Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с высокой интенсивностью профессионального стресса, который может являться «пусковым механизмом» в развитии психосоматических расстройств и психосоматических заболеваний (гипертонической болезни, ишемической болезни сердца, язвенной болезни 12-типерстной кишки и др.). Как следствие – снижение психического и физического потенциала личности, оказывающего негативное влияние на эффективность профессиональной деятельности указанной категории сотрудников.

Различным аспектам профессионального стресса посвящены публикации ряда авторов: М. А. Беребина, В. А. Бодрова, В. В. Бойко, В. А. Винокура, Н. В. Гришиной, Л. Г. Дикой, А. Б. Леоновой, Г. С. Никифорова, Н. В. Самоукиной, Ю. В. Щербатых, Т. В. Форманюк, Р. Бояциса, Э. Макки и др.

В научной литературе излагаются различные подходы (экологический, регуляторный, трансактный и др.) к изучению данного феномена, а также представлено несколько определений понятия «профессиональный стресс».

«Профессиональный стресс – это напряженное состояние работника, возникающее у него при воздействии эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов, связанное с выполняемой профессиональной деятельностью» [1, с. 120].

«Профессиональный стресс – многообразный феномен, выражающийся в психических и физических реакциях на напряжённые ситуации в трудовой деятельности человека» [2, с. 132].

«Профессиональный стресс – многообразный феномен, выражающийся в физических и психических реакциях на напряжённые ситуации в трудовой деятельности.

Проявления этих расстройств по критериям МКБ-10 включают в себя:

– снижение настроения, тревогу и беспокойство, нередко – их сочетания, учитывая высокую коморбидность и общие патогенетические (психические и биологические) механизмы формирования тревоги и депрессивных состояний;

– чувство неспособности справиться с трудными ситуациями, возникающими в жизни, или уверенно оставаться в текущей ситуации;

– ощущение снижения успешности и продуктивности в повседневных занятиях» [3, с. 11–12].

В целях сохранения соматического и психического здоровья, профессионального долголетия сотрудников правоохранительных органов целесообразно использовать современные психотехнологии профилактики и преодоления профессионального стресса.

Преодоление стресса – процесс, при помощи которого сотрудники пытаются управлять осознанным противоречием между требованиями и возможностями, которые они оценивают в стрессовой ситуации.

Процесс преодоления стресса – динамичен и состоит из постоянных оценок и переоценок изменяющихся связей. Переоценка может быть результатом усилий, направленных на изменение внешней или внутренней ситуации.

В любом случае сотрудник, входя в ситуацию преодоления стресса, пытается его нейтрализовать или уменьшить его воздействие. Процесс преодоления стресса может выполнять две главные функции: а) изменить проблему, вызывающую стресс (проблемно-сфокусированный метод); б) регулировать реакцию на проблему.

Большинство ученых к основным методам преодоления стресса относят: *релаксацию, концентрацию, ауторегуляцию дыхания.*

«*Релаксация* (от лат. *relaxatio* – уменьшение напряжения, расслабление) – состояние покоя, расслабленности, возникающее у человека вследствие снятия напряжения после сильных переживаний или физических усилий. Произвольная Р. Лежит в основе многих приемов *психической саморегуляции* военнослужащих» [4, с. 240].

Например, *метод образной релаксации*, используемый с целью преодоления стресса, известен человечеству из самых древних времен.

Яркие мысленные образы, ассоциируемые с покоем, гармонией и безмятежностью, используются как позитивная обратная связь организма. Они служат сигналами, стимулирующими нервную систему и вызывающими подсознательную реакцию напряженных мышц. После освоения представление образов может стать самой простой и приятной техникой расслабления и, подобно другим аналогичным приемам, является также инструментом вызова реакции расслабления, приучая мозг связывать с ним мысленные образы.

Существуют тысячи упражнений по визуализации, и каждое из них настолько же индивидуально, как и человек, его выполняющий.

Метод концентрации внимания также широко и эффективно используется для преодоления профессионального стресса.

Общеизвестно, что неумение сконцентрировать свое внимание на чем-либо (сосредоточиться), одновременное выполнение нескольких задач приводит в своем большинстве к психологическому стрессу.

Сознательный контроль дыхания, т. е. регуляция дыхательных движений, является самым древним из известных методов преодоления стресса. Он используется в течение тысячелетий для снижения чувства тревоги и для того, чтобы способствовать достижению состояния релаксации.

Способность сохранять психоэмоциональное равновесие, адекватно оценивать и реагировать на различного рода ситуации в значительной степени определяется уровнем овладения личностью методами и приемами психической саморегуляции.

Владение приемами психической саморегуляции способствует:

- а) успешной адаптации к профессиональной деятельности в особых и экстремальных условиях;
- б) совершенствованию интеллектуальных, психофизиологических и иных навыков;
- в) преодолению профессионального стресса, посттравматических стрессовых расстройств;
- г) раскрытию внутреннего потенциала личности.

Освоив вышеуказанные методы преодоления профессионального стресса и внедрив их в повседневную жизнь, вы сможете преобразовать стресс в движущую силу, которая будет способствовать восприятию негативных явлений менее травматично и конструктивно.

Необходимо помнить, что комфортное психическое состояние личности не возникает спонтанно, а является результатом систематических занятий, включающих, в частности, такой аспект, как формирование позитивных установок:

- на профессиональный, экономический, социальный статус;
- профессиональное общение;
- межличностное общение в профессиональной среде, макросоциуме;
- мировосприятие;
- познавательную деятельность и т. д.

Библиографические ссылки

1. Самоукина Н. В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М. : Ассоциация авторов и издателей «Тандем», ЭКМОС, 1999. 352 с.
2. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб. : Питер, 2008. 256 с.
3. Пряхина М. В., Кобозев И. Ю. Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика : монография. СПб : Политехника-Сервис, 2011. 205 с.
4. Военно-психологический словарь-справочник / под общ ред. Ю. П. Зинченко. М. : ИД «Общество психологов силовых структур», 2010. 592 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Ю. О. Гресь

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
ул. Фонтанская дорога, 23, 65000, г. Одесса, Украина, juliagres@onu.edu.ua

Характеризуется психологическая составляющая осмотра места происшествия, которая состоит из двух основных элементов: психологическое состояние и стрессоустойчивость следователя; психологическое состояние преступника и жертвы, его отображение в механизме и обстановке места преступления.

Ключевые слова: юридическая психология; осмотр места происшествия; стрессоустойчивость следователя; доказательственная информация.

В основе успешного осуществления расследования лежит умение следователя работать с различными видами доказательной и ориентирующей информации. Под категорией «работать» мы понимаем сложную интеллектуальную и физическую деятельность следователя, реализуемую им в процессе расследования с целью получения сведений о преступном событии в целом и отдельных его элементах. Интеллектуальная составляющая следственной деятельности связана с информационно-поисковой и аналитической природой следственной деятельности. Физическая же составляющая вытекает из постоянного морального напряжения следователя, вызванного противоправным характером самого деяния и высоким уровнем ответственности работы следователя, а также фактической его загруженностью, когда в производстве у следователя одновременно находится значительное количество уголовных дел. В связи с этим чрезвычайно важно проводить каждое следственное действие своевременно, в полном объеме и максимально качественно.

Одним из важнейших следственных действий первоначального этапа расследования, от успешности проведения которого достаточно часто зависит результат расследования в целом, является осмотр места происшествия. По определению Р. С. Белкина, осмотр места происшествия – это неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника, а также других фактических данных, в совокупности с другими доказательствами позволяющих сделать выводы о механизме преступления и других обстоятельствах преступного события [1, с. 532]. В связи с этим перед наукой криминалистики стоит важнейшая задача по обеспечению правоохранительных органов системой комплексных тактико-психологических и технико-технологических рекомендаций по организации и проведению данного следственного действия.

Традиционно в криминалистической литературе говорят о психологических основах проведения таких следственных действий, как допрос и обыск. Однако необходимо отметить, что важное значение имеют психологические основы проведения осмотра. По нашему мнению, психологическая составляющая данного следственного действия состоит из двух основных элементов: психологическое состояние и стрессоустойчивость следователя; психологическое состояние преступника и жертвы, его отображение в механизме и обстановке места преступления. По сути, природа названных психологических составляющих различна, однако они в равной степени влияют на успешность, детальность и результативность осмотра. Поэтому даже при условии научной разработки данных положений в разных отраслях знаний (юридической психологии, криминалистике, научной организации труда следователя) либо главах криминалистической науки важным для процесса расследования является их комплексное применение на практике.

Психологическое состояние и стрессоустойчивость следователя напрямую связаны с результатами осмотра места происшествия в целом и отдельных его элементов (трупа, его частей, ложа трупа, ранений, брызг крови, мозгового вещества, рвоты и т. п.). Некоторые преступления предусматривают столкновение следователя с достаточно неприятными фактами, событиями и следами, что может дезориентировать его. Это, в свою очередь, может сказаться на внимательности и беспристрастности следователя, а соответственно, может привести к тому, что какие-то важные следы или общая картина преступления могут оказаться вне внимания следователя. В ходе проведения осмотра места происшествия следователю также приходится бороться с общепринятыми нормами морали. Например, осматривая старых или больных людей и места, где они лежат или сидят, частично оголяя тело трупа и рассматривая его, знакомясь с личными записями и перепиской потерпевшего и т. п.

Что же касается психологического состояния преступника и жертвы, его отображения в механизме и обстановке места преступления, то здесь необходимо отметить, что во время осуществления осмотра места происшествия следователь обязан обратить свое внимание не только на выявление следов как материально-фиксированных отображений преступника – отпечатков пальцев, следов ног, обуви, орудий совершения преступления, – но и следов присутствия и поведения преступника, т. е. таких, которые указывали бы на последовательность совершения определенных действий на месте происшествия, передвижение преступника (целенаправленное и организованное или хаотичное), его эмоциональное и психологическое состояние. Следователь также обязан обратить внимание на следы, указывающие на поведение жертвы до и во время совершения преступления, ее состояние и т. п.

Д. В. Корма и В. А. Образцов указывают на то, что познавательная деятельность следователя связана с распознаванием ненаблюдаемых объектов, т. е. таких, которые не могут быть восприняты каким-либо из органов чувств; которые не имеют материального воплощения, однако могут иметь объективное отражение (мотивы, вина); замаскированные, уничтоженные, разрушенные или несохранившиеся; отсутствующие (временно) объекты (украденное имущество, спрятанное орудие, сокрытый труп); реально возможные события будущего (новые преступления, вмешательство в следствие, посещение места преступления) [2, с. 69]. Также для криминалистики традиционным является понимание инсценировки и негативных обстоятельств обстановки места происшествия, с которыми следователь может столкнуться при проведении осмотра, и которые он обязан выявить и правильно истолковать, поскольку это имеет первоочередное значение для выбора направлений расследования и выдвижения версий. Иными словами, работа следователя с разнообразными следами на месте происшествия связана не только с их выявлением, но и в первую очередь с их оценкой. Такая оценка непосредственно зависит от интеллектуальных способностей следователя, его практического опыта, психологического состояния, а также общей картины преступления, являющейся отображением поведенческой (психологической) характеристики преступника.

А. А. Бессонов отмечает первоочередную важность применения метода моделирования в ходе осуществления осмотра места происшествия и по его результатам [3, с. 41–42]. Г. А. Зорин среди методов криминалистического анализа называет метод рефлексии, который позволяет следователю поставить себя на место преступника и думать за него, а соответственно, вести себя как преступник [4, с. 12, 47, 11–112]. В основании обозначенных методов находятся криминалистически значимые элементы обстановки места происшествия – следы в узком (материально фиксированные отображения преступника и его поведения на месте происшествия) и широком смысле (изменения в объективной действительности, в том числе указывающие на мотив, цель, личное отношение преступника к жертве и своим действиям, длительность пребывания преступника на месте), их взаимосвязь и расположение, способ преступления, личность потерпевшего, материальный, физический и иной ущерб.

По нашему мнению, комплексное применение методов моделирования и рефлексии в процессе проведения осмотра места происшествия позволит построить криминалистический портрет личности неизвестного преступника, определиться с основными версиями, направлениями расследования и первоочередными следственными, оперативно-розыскными и организационными мероприятиями.

Библиографические ссылки

1. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р. С. Белкина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА–ИНФРА–М, 2007. 944 с.
2. Корма Д. В., Образцов В. А. Криминалистическое распознавание: теория, метод, модели технологии : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 416 с.
3. Зорин Г. А., Зорина М. Г., Зорин Р. Г. Возможности криминалистического анализа в процессах предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам. М. : Юрлитинформ, 2001. 336 с.
4. Бессонов А. А. Криминалистическая тактика : учебник. М. : Юрлитинформ, 2015. 200 с.

ТЕОРИЯ УПРАВЛЯЕМОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА

Я. И. Кот

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Рассматриваются основы юридической этики и теория управляемой социализации на основании научных подходов доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова.

Ключевые слова: юридическая этика; теория управляемой социализации; социальные роли; нравственные качества личности.

Как истинному великому ученому Андрею Васильевичу Дулову удалось достичь стратегического уровня осмысления основных задач криминалистических наук в целом. Рассматривая их как лишь одну грань многообразия социальных измерений, Андрей Васильевич направил свое внимание на сущность юридической деятельности и юридических наук. Выявив систему взаимосвязей преступности, эффективности юридической деятельности, он активно начинает интегрировать различные подходы, науки для взаимообогащения методами, подходами, выявления инновационных синергетических измерений юридической деятельности [1; 2]. Это породило ряд принципиально новых для того времени дисциплин.

Среди всего многообразия представлялась интересной общая тема, рассматриваемая в процессе преподавания юридической психологии, юридической этики и (еще в тандеме с доктором юридических наук, профессором кафедры криминалистики Юрием Иосифовичем Новиком) юридической педагогики – «Теория управляемой социализации». В основе ее лежал тезис, что нравственная личность (являющаяся основной целью и ценностью всего комплекса социальных процессов) формиру-

ется в результате воздействия всего комплекса общественных отношений, в которые включена эта личность. Задача общества заключается в том, чтобы создать такую систему общественных отношений, которая гарантировала бы нравственное воздействие на личность и таким образом обеспечивала нравственное формирование личности. Ниже представлены некоторые термины и понятия, взятые из материалов лекций, прочитанных Андреем Васильевичем в 2012 г. по предмету «Юридическая этика».

Очень значимым процессом для всей юридической системы, с позиции профессора Дулова, выступала «социализация», которую он понимал как «приспособление личности к условиям жизни общества». При этом пояснял: «Только приспособления личности к условиям жизни общества совершенно недостаточно. Приспособление – это одно, нам надо сформировать социально-активную личность, которая не только бы приспосабливалась к обществу, но располагала нравственными качествами, необходимыми для нравственного развития общества». «Социализация – процесс формирования нравственно-активной личности, готовой и способной принимать участие в нравственном развитии общества». При этом Александр Васильевич выделял следующие цели социализации:

- 1) выявить все элементы, которые воздействуют на личность;
- 2) установить связи между этими элементами;
- 3) определить воздействие каждого элемента на нравственную структуру личности;
- 4) каким образом этот элемент надо или можно регулировать правом, для того чтобы он оказывал нравственное воздействие;
- 5) с учетом изложенных выше знаний сформировать систему управления нравственным воспитанием».

Для создания управляемой системы социализации профессор Дулов видел обязательным:

- а) комплексное использование нравственных ценностей общества;
- б) условий, которые способствуют развитию этих нравственных ценностей;
- в) формирование системы управления этими условиями и нравственными ценностями;
- г) обеспечение правом всей системы управления нравственными ценностями».

Читая лекции, он говорил: «Если мы хотим сформировать активно-нравственную личность, мы должны каждую личность из объекта воздействия обязательно превратить в субъект деятельности. Правовое регулирование должно предусматривать не только воздействие на лич-

ность, но и все возможности активного участия личности в процессах нравственного развития общества».

Исходя из вышеупомянутого, Андрей Васильевич выделял следующие элементы социализации:

- «1) социальные роли – общий элемент социализации;
- 2) система знаний;
- 3) системы общения;
- 4) социальный контроль;
- 5) социальное стимулирование;
- 6) социальная адаптация;
- 7) профессиональная деятельность;
- 8) включенность в отношения с природой».

Чтобы создать управляемую социализацию, профессор Дулов считал, что необходимо последовательно:

«а) установить системы нравственных качеств, которые предполагается воспитывать;

б) определить элементы жизнедеятельности, в которых эти нравственные качества формируются;

в) осуществить правовую регуляцию всех элементов, которые обеспечивают оптимальное восприятие нравственных принципов общества».

При этом «правовая регуляция должна обеспечивать активную деятельность субъекта». В то же время активная нравственная деятельность каждого субъекта, по мнению Андрея Васильевича Дулова, должна обеспечивать:

«а) понимание им нравственного содержания элемента социализации;

б) усвоение им нравственных ценностей через правовую регуляцию;

в) активное участие в развитии нравственных ценностей через личное правоприменение».

Особая роль отводится социальному контролю как «коррекции деятельности личности со стороны общества в соответствии с интересами этого общества. Социальный контроль может сдерживать развитие личности, может направлять развитие по ошибочному пути, может обеспечивать активное восприятие личностью жизни общества и участие в жизни общества». Выделялись следующие уровни социального контроля: «микроуровень (семья); макроуровень (коллективы, объединения); государственный контроль».

Андрей Васильевич считал, что «положительное воздействие социального контроля обеспечивается, если личность осознает необходимость социального контроля, понимает, что результаты социального

контроля надо правильно воспринимать и что эти результаты создают условия развития самой личности».

Выявлялись следующие формы социального контроля:

«– эпизодический;

– частичный;

– сплошной».

«При выборе формы необходимо учитывать, чтобы личность обязательно знала, что такой контроль над ней существует, бесконтрольность влечет анархию».

Также значимой составляющей в социализации отмечалось и социальное стимулирование как «обязательный элемент социализации. Он обязательно должен быть связан со всеми другими элементами социализации».

Качественным показателем отмечалась социальная адаптация. «Экстремальные ситуации, в которые попадает человек, могут по-разному отражаться на развитии и проявлении его нравственных качеств. Сформировавшиеся нравственные качества в экстремальных ситуациях полностью самореализуются, а несформировавшиеся – способны разрушиться. Законодательство призвано создавать условия оптимального выхода из экстремальных ситуаций с возможным укреплением и развитием нравственных качеств личности».

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Введение в судебную психологию. М. : Юрид. лит., 1970. 159 с.

2. Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 13–14 окт. 2006 г. / редкол.: А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. 243 с.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК **В. П. Крамаренко**

Юридический институт Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, ул. Фрунзе 6, 236040, г. Калининград, Россия, vkram39@mail.ru

Исследуется криминалистическое мышление и его значение в практической деятельности для преодоления следственных ошибок. Сформулировано понятие «криминалистическое мышление».

Ключевые слова: юридическая психология; криминалистическое мышление; деятельность правоохранительных органов; следственные ошибки.

«Наше познание начинается с восприятия, переходит в понимание, и заканчивается причиной. Нет ничего важнее причины».

Иммануил Кант

Путь оптимизации предварительного расследования через сокращение ошибок в следственной деятельности должен начинаться с качественной профессиональной подготовки следователя к выполнению своих обязанностей. В первую очередь его следует вооружить теоретическими знаниями и, во-вторых, научить его применять приобретенные знания, т. е. научить мыслительной деятельности. Мыслительный процесс – движение мысли. Само движение мысли состоит в развитии познавательного образа, которым, в нашем случае, выступает криминальное явление. С помощью криминалистических знаний происходит продвижение от незнания к осознанию исследуемой криминальной ситуации. В целом же знания составляют основу для любых мыслительных операций, связанных, например, с выдвижением версий или поиском путей разрешения складывающихся следственных ситуаций. С сожалением заметим, что, изучая криминалистику, студенты – будущие следователи, не обучаются криминалистическому мышлению. А ведь еще прародитель криминалистики Ганс Гросс в 1893 г. писал, что труд следователя не искусство, а искусная деятельность, требующая обучения специальным приемам мышления в специальной школе [1, с. 41].

Н. П. Яблоков после своего выступления на круглом столе «Криминалистика: от Ганса Гросса до наших дней (глобальные проблемы криминалистической науки)», отвечая на вопрос: «Нужен ли спецкурс по криминалистическому мышлению?» (04.12.2015 г.), отметил, что такой спецкурс весьма важен и его должны читать специалисты, владеющие такими знаниями. Для того чтобы разработать и внедрить дидактические методы его преподавания, необходимо уяснить, что собой представляет само понимание криминалистического мышления [2].

Первое упоминание термина «криминалистическое мышление», следует соотносить с именем швейцарского профессора Ганса Уолдера, который, исследуя пути расследования, в том числе по так называемым «тупиковым» уголовным делам, указывал на его специфику, исключительность и прямую зависимость от характера решаемых задач, приравнивая его к интуиции. Тем не менее озарение не случится без настойчивого, утомительного и, к сожалению, иногда безуспешного процесса мыследеятельности. Умственное напряжение, связанное с многократным перебором и оценкой вариативных гипотез, всесторонний анализ, сопоставление сведений может привести к интуитивной догадке, которая проверяется логическими приемами [3].

Сегодня нет единства в определении рассматриваемого понятия. Некоторые исследователи не видят разницы между криминалистическим и следственным мышлением, другие же включают следственное мышление в криминалистическое или, наоборот, криминалистическое в следственное [4].

С нашей точки зрения, категории «криминалистическое мышление» и «следственное мышление» являются видами профессионального мышления. В определенных сегментах они пересекаются, но, тем не менее, в целом представляются самостоятельными видами мыслительных процессов.

Так, например, криминалистическое мышление присуще не только следователю, но также эксперту, дознавателю и другим субъектам, а следственное мышление в свою очередь не ограничивается только криминалистическими знаниями, средствами и методами. Ф. Г. Аминев верно отмечает, что «криминалистическое мышление – это мыслительный процесс, использующий ситуационно-деятельностный, научно-технический и тактико-технологический подходы при подготовке и проведении следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и судебных экспертиз» [5, с. 201]. Однако в нем отсутствует указание на субъект деятельности.

Криминалистическое мышление следователя можно определить, как мыслительный процесс человека, использующего при подготовке и проведении следственных действий, а также при принятии решения ситуационно-деятельностный, научно-технический и тактико-технологический подходы.

Содержанием криминалистического мышления как процесса видится, во-первых, понимание исходной информации; во-вторых, планирование и подготовка расследования; в-третьих, проведение поисковой деятельности, направленной на сбор релевантной информации; в-четвертых, оценочная деятельность; в-пятых, принятие решения.

Понимание исходной информации имеет важное значение для производства ее эффективной проверки и интерпретации в материалах уголовного дела.

Своевременно выполненные первоначальные следственные действия являются единственной возможностью к собранию информации для правильного планирования и подготовки расследования, минимизируя возникновение следственных ошибок.

Процесс осмотра места происшествия всегда изменяет сцену места преступления, поэтому важно правильно ее понять в первый раз. Воспоминания о событиях преступления потерпевшими и свидетелями будут изменяться по истечении какого-то времени. Если следователь сле-

лает неправильный выбор тактики допроса или упустит какие-либо детали при допросе, то впоследствии он уже не сможет восстановить события в памяти допрашиваемых лиц, поэтому важно, чтобы любая информация, которая может помочь в расследовании, была получена как можно раньше.

Для обеспечения производства проверочных мероприятий, требуется тщательное планирование, которое должно сопровождать расследование.

Следователь, проводящий проверку собранной информации, должен быть в состоянии объяснить свои выводы и интерпретации криминального события другим лицам.

Получив информацию от какого-либо источника (свидетеля, потерпевшего, экспертизы и т. д.), следователь должен уметь разъяснить любые несоответствия или неясности, которые она содержит. Например, при просмотре видеонаблюдения показанные события могут подтверждать или опровергать показания свидетеля об инциденте. Так, время, указанное на изображении, может не совпадать с фактом, случившимся, по показаниям свидетеля, в другое время. Проверка точности часов в системе видеонаблюдения, которая сгенерировала изображение, приведет к информации, которая либо подтверждает, либо ставит под сомнение надежность его показаний. Следовательно, источники, которые сначала кажутся неоспоримо надежными, могут быть неправильно истолкованы, поэтому следователи постоянно «бросают вызов» как смыслу, так и надежности собираемой информации, пропуская все через фильтр сомнения.

Криминалистическое мышление формируется в процессе изучения и обобщения практики криминалистической деятельности. В отличие от других мыслительных поиско-познавательных процессов это мышление достаточно хорошо приспособлено к решению различных ситуационных задач, возникающих в условиях расследования.

Таким образом, развитие криминалистического мышления на стадии получения высшего образования, в процессе которого студентов будут обучать применять криминалистические знания в практической деятельности, может помочь оптимизировать предварительное следствие и стать надежным заслоном для следственных ошибок.

Библиографические ссылки

1. Ганс Гросс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики [Электронный ресурс] : пер. с нем. / пер. Л. Дудкин и Б. Зиллер. СПб. : Н. К. Мартынов, 1908. XXVIII, 1040 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003747873#?page=41> (дата обращения: 23.05.2019).

2. Профессор Яблоков Н. П. Значение средств и приемов следственного мышления при расследовании преступлений в свете взглядов на этот вопрос Ганса Гросса [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0UE7zsj5_AI (дата обращения: 23.05.2019).

3. Walder Hans. Kriminalistisches Denken. Verl. Kriminalistisc, 1964. Gebundene Ausgabe.

4. Баранов М. В. Ситуационные задачи и механизм их решения в структуре следственной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2012. 205 л.; Соколов А. Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2013. № 4(55). С. 68–72; Степаненко Д. А. К вопросу об определении категории «криминалистическое мышление» // Российский следователь. 2016. № 7. С. 13–17.

5. Аминев Ф. Г. Место и роль криминалистического мышления в судебно-экспертной деятельности // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 дек. 2015 г. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 200–204.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ СОПЕРНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ *В. С. Красиков*

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Рассматриваются понятия «взаимодействие», «соперничество» в криминалистической сфере. Установлено, что преодоление противодействия со стороны правоохранительного органа ограничивается только законом и предусматривает применение совокупности тактических приемов, средств, методов, которые решают задачи уголовного процесса.

Ключевые слова: юридическая психология; преодоление соперничества; криминалистика; преодоление противодействия.

Понятие (категория) взаимодействия в сфере криминалистики, уголовного процесса, управления (менеджмента) и оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) остается предметом научной дискуссии в связи различным использованием этого понятия в зависимости от объяснения целей, задач субъектов научного исследования. Эта проблема применительно отношений в сфере правоохранительной деятельности (криминалистики, ОРД и уголовного процесса) автором исследовалась ранее [1; 2].

Тем не менее, в связи с появившимися тенденциями развития теории криминалистики в направлении криминалистической конфликтоло-

гии [3], обусловленной заявленным тезисом о допустимости обмана как способа решения задач уголовного процесса в деятельности следователя [4, глава IV], необходимо отметить следующее.

Суммируя обоснования приемлемости обмана, необходимо сделать вывод о том, что он оказался допустимым в результате поиска нового научного знания на стыке наук и представляет собой следующую схему: концепция конфликтного следствия объединила в конфликтной ситуации следователя и участника уголовного процесса (например, обвиняемого) – следователь становится стороной конфликта – проецирование конфликтной ситуации межличностного общения на уголовно-правовую категорию, крайнюю необходимость – введение категории обмана в право как нравственной категории – все это для защиты охраняемой законом ценности.

Такая логика, возможно, не лишена логичности и изящества, однако, не лишена дискуссионности. Конфликт – лишь часть взаимодействия и не основная, и на этом основании формировать юридическую (криминалистическую) конфликтологию в этом случае проблематично.

В рамках классической философии считается, что во взаимодействии возможно познание как природных, так и общественных (социальных) явлений. По этому поводу Ф. Энгельс «... определял взаимодействие как конечную причину всего существующего, за которой нет других более фундаментальных определяющих свойств. Во всякой целостной системе взаимодействие сопровождается взаимным отражением телами свойств друг друга, в результате чего они могут меняться. В объективном мире существует множество форм взаимодействия <...> сложные формы взаимодействия характеризуют жизнь всего человеческого общества» [5].

Исследуя проблемы уголовного процесса А. В. Дулов обоснованно отмечает, что «... важно решить задачи организации деятельности по выявлению, фиксации, сопоставлению необходимой для полного расследования информации. Возникает задача разработки научных основ деятельности по выявлению, раскрытию преступлений, изобличению лиц, их совершивших. Для этого исследуется каждая в отдельности функция, выполняемая в общем процессе расследования, все взаимодействия при ее осуществлении, что обеспечит разработку общей теории расследования преступлений, используемых методов, средств, приемов. <...> для оптимизации процесса расследования преступлений следует использовать методы и средства других наук» [6, с. 8].

Какова же суть явления? Как отмечает Т. Ф. Ефремова, взаимодействие можно рассматривать как: «1. Воздействие различных предметов, явлений действительности друг на друга, обуславливающее изменения в

них. 2. Согласованность, непротиворечивость положений, выводов результатов деятельности человека в различных сферах. 3. Согласованные действия воинских соединений (обычно родов войск) при выполнении боевой задачи» [7].

Относительно криминалистической сферы интересов (затрагивающей криминалистический, уголовно-процессуальный и оперативно-розыскной аспекты) процесс (состояние) воздействия субъектов изучается через познание науки психологии, где под взаимодействием понимается процесс воздействия объектов друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. «Различают два вида межличностного взаимодействия: сотрудничество, когда успех одного из партнеров способствует или препятствует реализации целей остальных, и соперничество, когда достижение цели одним из взаимодействующих индивидов затрудняет или помогает осуществлению целей других участников совместной деятельности» [8].

Остается добавить, что в сфере, например, уголовно-процессуальных отношений речь идет о вынужденном взаимодействии, что предопределяет его особые условия: стремление подчинить или отстраниться; отсутствие общей цели (при соперничестве); особый статус участников (равенство в гражданских правах за исключением ограничений или преимуществ, предусмотренных законодательством); использование в рамках соперничества способов, приемов, методов преодоления (сохранения) соперничества при решении задач для достижения цели (для следователя определены законодательством и профессиональным мастерством, для обвиняемого определены его интересами, в том числе обусловленными стремлением избежать уголовной ответственности путем активного или пассивного противодействия).

Это вынужденное взаимодействие следует рассматривать в сфере уголовной ответственности. В отношении лица, совершившего преступление, возникает обязанность быть подвергнутым наказанию, причем с момента совершения им общественно опасного деяния, несмотря на то, что это лицо стремится уклониться от «конфликта с законом» (сокрыть преступление). У правоохранительного органа и суда в связи с этим возникает обязанность (право) выявления этого лица, установления его виновности (не виновности) и привлечения его к установленной законодательством ответственности. Это особые условия возникновения оснований для взаимодействия, обусловленного правовыми отношениями, установленными законодательством для деятельности правоохранительных органов в правоохранительной сфере. Здесь есть все, но нет, не может и не должно быть конфликта, в том числе обусловленного обманом.

Эти особые условия вынужденного взаимодействия в состоянии соперничества обуславливают такое явление, как тактика проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которая предусматривает дезинформацию, имитацию, психологические ловушки, внедрение, включенное наблюдение, легендированные организации, конфиденциальное сотрудничество, тактические операции и иные категории. Что может ограничивать применение этих категорий в правоохранительной сфере? Только соблюдение принципа законности и контроль руководителями государственных органов, неотвратимостью ответственности для должностных лиц, нарушивших закон.

Законность принятия тех или иных решений оценивается в ходе определения допустимости конкретного доказательства в процессе доказывания, что оценивается приговором суда. Пределы тактической активности в ходе осуществления ОРД и уголовного процесса устанавливает закон, критерии определяются степенью решения конкретных задач, установленных законодательством. Пределы тактической активности в состоянии взаимодействия в условиях соперничества – это область профессионального искусства или мастерства при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, которые могут ограничиваться только законом и процедурами осуществления.

Все, что предусмотрено (закреплено) законодательством – это государственно-правовые средства, разработанные научно (криминалистикой и ОРД), подтвержденные практикой, которые могут и должны применяться. То, что установлено законодательно – законно и не содержит обмана, так как всем понятно, что в отношении лиц, готовящих совершение преступления, совершающих и его совершивших, все правовые средства применяются в полном объеме, и в этом обмана нет и не может быть.

Означает ли это, что в состоянии вынужденного взаимодействия соперничающая сторона (лицо, в отношении которого есть обоснованная информация о причастности к преступной деятельности, подозреваемый или обвиняемый) является «беззащитной», обреченной на установление (выявление) и привлечение к уголовной ответственности? Нет. Во-первых, эта соперничающая сторона осознает, что совершает преступление; во-вторых, знает, что существует состояние уголовной ответственности; в-третьих, она имеет возможность критически оценивать деятельность правоохранительного органа, не доверяя ему; в-четвертых, на состояние соперничества влияет презумпция невиновности; и, в-пятых, соперничающая сторона, характеризующаяся организованностью и коррумпированностью, обладает реальной возможно-

стью активно противодействовать расследованию, используя подкуп или шантаж.

Конфликт в деятельности органа, ведущего уголовный процесс, – это негативное явление при взаимодействии субъектов, оно обусловлено в том числе непрофессионализмом государственного должностного лица в процессе служебной деятельности, когда оно вводит себя в состояние стороны конфликта. Это же состояние может возникнуть при возникновении состояния конфликта интересов, что преодолевается соблюдением процедуры, предусмотренной антикоррупционным законодательством. Конфликт может быть обусловлен совершением государственным должностным лицом преступления (правонарушения), направленного против интересов службы: это состояние получается тогда, когда это лицо оправдывает свое поведение интересами государства (принуждение к даче показаний, физическое или психическое насилие, фальсификация доказательства). Конфликт – это и состояние управляемой социальной системы, которое может использоваться лицом, ведущим уголовный процесс (осуществляющим ОРД), когда противоречия возникают (создаются) в целях решения задач, установленных законодательством: и в этом случае лицо, ведущее уголовный процесс (осуществляющее ОРД) управляет конфликтом, но не является его стороной.

Таким образом, соперничество, как форма межличностных отношений в состоянии вынужденного взаимодействия, явление объективное и многоаспектное. Соперничество должно учитывать интересы сторон и их возможность оказывать противодействие. Преодоление противодействия со стороны правоохранительного органа ограничивается только законом и предусматривает применение совокупности тактических приемов, средств, методов, которые решают задачи уголовного процесса с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Библиографические ссылки

1. Красиков В. С., Шинкевич А. М. Теоретико-правовые аспекты взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. комитета суд. экспертиз Респ. Беларусь; редкол.: А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2016. Вып. 2 (40). С. 64–74.

2. Красиков В. С. Организационно-тактические и правовые аспекты взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / ГУ «На-

учно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»; редкол.: А. В. Дулов [и др.]. Минск : Право и экономика, 2014. Вып. 1. С. 31–38.

3. Шмонин А. В. Криминалистическая конфликтология: предпосылки формирования и направления развития [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kriminalisticheskaya-konfliktologiya-predposylki-formirovaniya-i-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 20.05.2019).

4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. 240 с.

5. Взаимодействие как философская категория [Электронный ресурс]. URL: https://revolution.allbest.ru/philosophy/00742472_0.html (дата обращения: 22.05.2019).

6. Криминалистика [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. Минск : Эксперспектива, 1998. URL: <https://law.bsu.by/pub/11/KRIM-graf.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).

7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М. : Рус. язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 22.05.2019).

8. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия. Минск : Нар. асвета, 1996. 399 с.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ПО СТОПАМ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА
И. И. Лапцевич**

Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, misholan@tut.by

Исследуются особенности реализации воспитательной функции в деятельности следователя при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних, в том числе с учетом научных идей доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова.

Ключевые слова: юридическая психология; воспитательная функция; расследование уголовных дел; несовершеннолетние.

Несовершеннолетние (подростки, дети, ребенок) – это особая категория лиц, которая не только требует к себе внимательного отношения, но и корректного, взвешенного подхода к процессу формирования личности. Исключительно важную роль в период развития и становления

личности несовершеннолетнего занимает воспитание. Согласно п. 2 Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи, утвержденной постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 82, воспитание представляет собой целенаправленный процесс формирования духовно-нравственной и эмоционально ценностной сферы личности обучающегося, оно отражает интересы личности, общества и государства. Воспитание ставит своей целью формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося (п. 3) и видит свое назначение в обеспечении успешной социализации личности в современном обществе, подготовке к самостоятельной жизни, продуктивной трудовой и профессиональной деятельности; в содействии саморазвитию, самовоспитанию, самообразованию, самосовершенствованию конкурентоспособной личности, готовой к принятию ответственных решений (п. 4).

Особое значение понятие «воспитание» приобретает по отношению к несовершеннолетним, совершившим преступление. Вопросам воспитания при осуществлении правосудия пристальное внимание уделял профессор А. В. Дулов. Ученый подчеркивал, что «осуществление правосудия не ограничивается установлением виновных лиц и определением им наказания. Одной из основных целей... правосудия... является исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступление, а также воспитание граждан в целях предупреждения нарушения закона. Воспитание есть одно из основных направлений в деятельности... следователя» [1, с. 83].

Обозначая основные направления деятельности следователя, российский ученый И. М. Белякова отмечает, что «уголовно-процессуальная деятельность следователя должна осуществляться на таком уровне, который максимально способствовал бы успешному решению проблемы предупреждения и сдерживания подростковой преступности. Существенную роль в этом призвана сыграть воспитательная функция следователя, реализуемая им в процессе расследования. Иными словами, следователь обязан не только реализовать функцию уголовного преследования, т. е. изобличить несовершеннолетнего в совершении преступления, но также максимально использовать все возможности, предоставленные ему законом, для того чтобы предостеречь, оградить несовершеннолетнего от совершения новых преступлений» [2].

Для успешной реализации воспитательной функции следователь изначально должен подготовиться к общению с несовершеннолетним. Здесь особое значение приобретает изучение личности несовершеннолетнего. Профессор А. В. Дулов, выделяя изучение личности обвиняемого в качестве общей задачи криминалистики [3, с. 13], подчеркивал,

что «без изучения личности не могут достигаться цели процессуальной деятельности. От полноты и правильности изучения личности обвиняемого... зависит не только тактика следственных... действий, но и установление истины по делу в целом, возможность исправления и перевоспитания правонарушителя, предупреждение правонарушений», изучение личности «дает возможность понимать поступки и действия человека, выяснять причины изменения его поведения, правильно строить взаимоотношения, определять пути и способы воздействия на него... Цель изучения его личности – выработка практических рекомендаций для изменения его психики в процессе расследования... уголовного дела...» [1, с. 141–142]. Так, по всем уголовным делам без исключения, обстоятельствами, подлежащими доказыванию, являются обстоятельства, влияющие на степень и характер общественной опасности обвиняемого, в перечень которых входят обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)). Обязательному выявлению подлежат причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 90 УПК). Кроме того, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних УПК обязывает следователя устанавливать условия их жизни и воспитания, степень интеллектуального, волевого и психического развития (п. 2, 3 ч. 2 ст. 89).

Следователь может изучать личность несовершеннолетнего посредством получения письменных документов (характеристик с места жительства, учебы, работы, сведений о привлечении лица к уголовной и административной ответственности, о нахождении на учетах в лечебных учреждениях, об отбытии наказания и т. д.), беседуя с иными лицами, входящими в круг его общения (родителями, родственниками, учителями, одноклассниками и т. д.), в результате непосредственного общения с самим несовершеннолетним. Изучение личности несовершеннолетнего направлено на выявление сильных и слабых сторон его характера, положительных и отрицательных особенностей, что позволяет определить потребности лица, выявить нуждающиеся в корректировке черты характера и, как следствие этого, выработать оптимальные методы взаимодействия с несовершеннолетним и наладить с ним психологический контакт. При этом установление именно психологического контакта напрямую связано с возможностью оказания влияния следователя на несовершеннолетнего, проведение с ним воспитательной работы.

Представляется, что можно провести параллель между реализацией воспитательной функции в деятельности следователя и принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 УК). Так, в обоих случаях воспитание осуществляется в целях коррекции поведения несовершенно-

летних правонарушителей: воздействие на подростка с помощью метода убеждения; через беседы, осмысление совершенного им преступного действия через разъяснения; внушение о пересмотре поведения и несовершении в дальнейшем противоправных или антиобщественных действий; толкование норм морали и правопослушного поведения в обществе [4]. Воспитательное воздействие проявляется в том, что оно ориентировано прежде всего на личность подростка, на его сознание и поведение. В процессе такого воздействия реализуется ряд функций воспитания и исправления: информационно-разъяснительная, предупредительно-профилактическая, исправительная, реабилитационная, а также функция организации позитивного поведения и деятельности [5, с. 15].

Проводя научные исследования, профессор А. В. Дулов указывал на необходимость использования «несколько иных» методов в воспитательной работе при осуществлении правосудия, чем в обычной воспитательной деятельности. При этом ученый пояснял, что такое «отличие прежде всего обуславливается особыми качествами лиц, подлежащими воспитанию, особыми условиями этого воспитания в общем процессе деятельности по осуществлению правосудия. Эта деятельность направлена на весьма специфические объекты – на лиц, совершивших правонарушения, которых надо не только воспитывать, но прежде всего перевоспитывать, так как они являются носителями отрицательных психических свойств, сознательных антисоциальных установок. В воспитательной деятельности при осуществлении правосудия прежде всего надо применять меры к ликвидации отрицательных привычек, психологических качеств, установок и на базе этого выработать уже те необходимые свойства личности, которые будут гарантией обществу в том, что данная личность уже не совершит больше преступных действий», поскольку если «не будет успешно проведено перевоспитание лица, совершившего преступление, имеющего отрицательные психические свойства – это уже представляет серьезную опасность для общества в целом, так как не будет исключена возможность повторения преступных действий» [1, с. 84].

На сегодняшний день по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а также о преступлениях совершенных в отношении несовершеннолетних, предусмотрена специализация следователей Следственного комитета Республики Беларусь, что представляется оправданным, поскольку расследование таких уголовных дел и, соответственно, реализация в их рамках воспитательной функции требуют от следователя не только профессионального и житейского опыта, но и опыта общения и работы с подростками. Следователю приходится работать с особым контингентом субъектов, не достигших фи-

зической, психической и социальной зрелости, что, в свою очередь, предполагает наличие дополнительных познаний в области подростковой психологии и педагогики, криминалистических особенностей проведения следственных действий с участием несовершеннолетних, а также навыков в расследовании таких категорий уголовных дел. Как отмечал Т. В. Очередин, постоянно работая с подростками, следователь основательнее познает криминологическую характеристику их преступности, действующее законодательство, приобретает навыки его эффективного применения, расширяет свои знания о психологии несовершеннолетних, прочно овладевает методикой расследования преступлений данной категории.

Указанное составляет основу для установления реальной картины совершенного преступления, мотивов и причин противоправного поведения подростков, мер, которые целесообразно принять для их исправления, устранения причин и условий, способствующих совершению преступления [6, с. 92–93], а также создает для следователя прочную основу для развития навыков и совершенствования умений в реализации в отношении несовершеннолетних воспитательной функции.

В заключение следует отметить, что взгляды профессора А. В. Дулова о важности воспитания лица при осуществлении правосудия, озвученные ученым более 40 лет назад, не утратили своей актуальности и являются востребованными, применимыми для решения современных проблем. Также обратим внимание, что реализация воспитательной функции следователем не ограничивается только рамками проведения предварительного расследования. Она затрагивает более широкий спектр вопросов, оказывая непосредственное влияние на достижение целей уголовной ответственности: исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами (ч. 2 ст. 44 УК).

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Судебная психология. Минск : Выш. школа, 1975. 464 с.
2. Белякова И. М. Воспитательная функция в работе следователя по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] / Law Theses. URL: <http://lawtheses.com/vospitatelnaya-funktsiya-v-rabote-sledovatelya-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih#ixzz5o24p4BDc> (дата обращения: 16.05.2019).
3. Дулов А. В. Взаимосвязи уголовного права и криминалистики // Инновационные проблемы и перспективы развития правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 27–28 марта 2009 г. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. А. Зорин (отв. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2009. С. 12–13.

4. Антонян Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения [Электронный ресурс]: [по состоянию на 28.09.2018 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2018.

5. Казакова Т. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовному наказанию // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2014. № 2. С. 14–18.

6. Глушков А. И. Прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением к ним принудительных мер воспитательного характера : монография. М. : Прометей, 2015. 126 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

А. Н. Пастушена

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, *info@amia.by*

Рассматривается психологический анализ преступления, выявляется его криминалистическое значение. Сформулировано понятие «психологический механизм преступного поведения». Анализируется содержание и отражательно-регулятивные функции основных элементов психической деятельности субъекта поведения.

Ключевые слова: юридическая психология; психологический анализ преступления; психическая деятельность субъекта.

А. В. Дулов в своем учебном пособии «Судебная психология» (1970, 1975 гг.) обозначил систему знаний, которая легла в основу формирования самостоятельной отрасли психологической науки, имеющей современное название «Юридическая психология». В учебном пособии представлен психологический анализ различных видов правоприменительной деятельности, присущей прежде всего борьбе с преступностью. Одним из важных вопросов, поставленных автором, был «психологический анализ преступной деятельности». Им обращено внимание на необходимость анализа «психологической структуры преступления», которая, как отмечал ученый, включает прогнозирование, планирование и совершение преступных действий, сокрытие следов преступления, охватывая при этом цель, способ, потребность, мыслительную деятельность [1, с. 202–203]. Безусловно, познание этих составляющих психической деятельности, детерминирующей преступное поведение, необходимо для его полной и достаточно точной реконструкции, для понимания всех составляющих субъективной стороны. Раскрытие особенностей психической деятельности субъекта, детерминирующей его преступное поведение (деяние), является важной научной задачей на со-

временном этапе развития психологических знаний в области психологии преступного поведения и личности преступника.

Разрабатывая эту проблему, необходимо отметить, что психологический анализ преступного поведения может осуществляться в двух аспектах: через раскрытие его психологического механизма и посредством воссоздания его психологического генезиса. Укажем основные особенности каждого из этих двух аспектов психологического анализа преступного поведения.

Психологический механизм преступного поведения можно определить как совокупность присущих субъекту психических явлений, а также внешних условий, детерминирующих во взаимодействии его преступное поведение. Этот анализ предполагает оценку содержания и отражательно-регулятивных функций основных элементов психической деятельности субъекта поведения, представляющих:

- восприятие внешних условий (условий жизнедеятельности и обстоятельств ситуации, в том числе поведения потерпевшего) с оценкой их значения для своих потребностей и личностных ценностей, а также с оценкой возможностей действовать в этих условиях преступным способом;

- мотивацию, выражающую побуждение к совершению преступного деяния, которая может быть изначально детерминирована внешними условиями, в том числе воздействиями других лиц либо внутренними предпосылками (потребностями, притязаниями, влечениями, обязательствами, чувством долга и др.);

- целеполагание с принятием решения (в некоторых случаях с выработкой плана) действовать определенным преступным способом для достижения желаемого результата (цели), который бы удовлетворял побуждение, являющееся системообразующим элементом психологического механизма преступного деяния;

- исполнительную регуляцию, выражающуюся в исполнении намеченных действий, которая направляется восприятием процесса исполнения и успешности своих действий (на стадии исполнения возможно изменение цели-способа и мотивации поведения);

- нервно-психическое состояние, выражающее функциональное состояние нервной системы (трезвое, нетрезвое, стрессовое, аффективное, заторможенное др.) и фоновое эмоциональное состояние, которое влияет на содержание и динамические особенности всех указанных выше составляющих психической деятельности и тем самым на уголовно релевантное поведение субъекта;

- актуальную социальную роль (статусно-ролевую установку), в которой находится субъект в ситуации, присущей преступному поведению (например, роль защитника близкого человека, или роль друга).

Наряду с указанными психическими явлениями, как внутренними детерминантами преступного поведения, психологический механизм охватывает внешние условия, в качестве которых выступают условия жизнедеятельности субъекта и обстоятельства ситуации, включая поведение потерпевшего, действия и воздействие соучастников, если преступление совершается в составе группы.

Для реконструкции именно субъективной стороны преступления в широком ее понимании (как психической детерминации) необходимо проанализировать каждый из этих элементов психологического механизма и дать ему функционально-содержательную характеристику. Она предполагает описание, в чем заключалось восприятие внешних условий, побуждение (мотивация), решение определенным образом действовать и достичь определенной цели, фоновое состояние, но и как эти элементы влияли друг на друга и, в конечном итоге, на совершаемые общественно опасные действия или воздержание от требуемых действий (бездействие).

Второй аспект психологического анализа преступления выражается в раскрытии его психологического генезиса. О таком аспекте писал В. Н. Кудрявцев, хотя его раскрытие свелось фактически к структурно-функциональному анализу преступления. Психологический генезис преступления необходимо понимать как протекающее во времени порождение психической деятельности, которая детерминирует подготовку и совершение преступного деяния. Эта психическая деятельность обеспечивает формирование субъективной готовности к совершению преступного деяния и ее реализацию в объективных действиях или умышленном бездействии.

Она может протекать относительно длительно по времени (субъект изучает обстоятельства, обдумывает план действий, уточняет, испытывает сомнения и преодолевает их и т. д.), либо может протекать импульсивно и быстро по времени. Импульсивному возникновению решимости совершить деяние присуща меньшая продуманность своих действий и в этом случае субъект может приступать к их совершению, представляя лишь первые шаги и цель. Главным моментом в генезисе преступления является приобретение субъектом достаточно зрелой волевой решимости совершить деяние. Эта решимость выражает результат целеполагания и ее можно трактовать как криминальную целевую установку, которая может содержать план действий либо осознание лишь общего намерения и первых шагов деяния.

Изучение психологического генезиса преступления (присущих ему психических явлений) предполагает выяснение следующих фрагментов психической деятельности субъекта: что он воспринимал последова-

тельно во времени, предшествующем преступному поведению и в период его совершения (на что обращал внимание); как он это оценивал, что думал по этому поводу, что предвидел и предчувствовал; какие испытывал желания, чувства (эмоции); какие мысли были по поводу собственных действий, что обдумывал и как решал действовать, какие испытывал сомнения, опасения, почему изменил решение и т. д. Выяснение этих вопросов позволяет получать последовательно во времени «срезы» отражательно-регулятивных процессов и реконструировать целостную картину формирования готовности к совершению преступного деяния, не имеющую пробелов или необъяснимых противоречий.

Психологический анализ преступного поведения как в структурно-функциональном, так и в генетическом плане требует учета уровневого строения психической деятельности, детерминирующей поведение человека. Она протекает в диапазоне «сознание–подсознание», в котором можно выделить три ее уровня:

интеллектуальный, представляющий сознательную (произвольную, преднамеренную) регуляцию поведения, когда человек действует преимущественно на основе разумной оценки и расчета;

эмоциональный, когда человек действует преимущественно, исходя из своих чувственных отношений, переживаемых эмоций, на основе эмоционально-оценочных переживаний и реакций, порождающих побуждения и решения;

импульсивный, когда регуляция действий осуществляется преимущественно подсознательно, в силу привычек, навыков и других автоматизмов, что может происходить на фоне высокого эмоционального возбуждения, а также может мотивироваться влечениями (зависимостями), которые субъект не в состоянии произвольно контролировать.

Еще один аспект, требующий учета при психологическом анализе преступного поведения – это степень вменяемости, определяемая способностью субъекта к социально и юридически адекватной (разумной) оценке происходящих событий, присущих совершению преступления, и своих собственных действий, и способность к разумной и произвольной регуляции этих действий, контролируемой сознанием. В соответствии с уголовным законом возможно признание вменяемости, невменяемости и уменьшенной вменяемости субъекта общественно опасного поведения. Его вменяемое состояние определяет способность к разумности психической регуляции, которая выражается в соответствии действий оправданной логике достижения личностно значимой цели. В этом случае психологический анализ преступления исходит из разумной мотивированности и целесообразности совершаемых действий, а также закономерностей психической регуляции поведения, в которой проявляются

указанные уровни и соответствующие им процессы. В случае уменьшенной вмняемости субъекта в момент совершения общественно опасного деяния психологический анализ с позиций разумной мотивированности и целесообразности действий подходит частично. Субъект может находиться, например, в состоянии наркотического опьянения, которое искажает восприятие и оценку ситуации, а также психическую регуляцию активности, в значительной мере лишая ее разумности. В этом случае психологический анализ может осуществляться с учетом закономерностей функционирования психики при наличии ситуативных или устойчивых аномалий.

Таким образом, психологический анализ преступного поведения предполагает научно обоснованное описание как его психологического механизма, так и психологического генезиса с учетом уровневого строения психической деятельности, детерминирующей преступное поведение, а также нормальности либо аномальности функционирования психики. В этом случае обеспечивается системный подход к реконструкции преступного поведения, включающий его психическую регуляцию, что необходимо для убедительного установления истины по уголовному делу.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Судебная психология : учеб. пособие. Минск : Вышш. школа. 1975. 462 с.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. Г. Стуканов

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, Stukanov1972@gmail.com

Характеризуется социальная профилактика правонарушений, которая предусматривает не только устранение причин и условий преступности, но и правовое воспитание членов общества.

Ключевые слова: юридическая психология; правовая культура; социальная профилактика; правосознание; дефекты правосознания.

Социальная профилактика правонарушений предусматривает не только устранение причин и условий преступности, но и правовое воспитание членов общества, направленное на *формирование определенных свойств и качеств личности, которые образуют правосознание и выступают внутренней предпосылкой правомерного поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, регулируемых нормами права.*

Принимаемые государством меры по социальной профилактике правонарушений и правовому воспитанию граждан приносят положительные результаты. Так, начиная с 2006 г. по настоящее время наблюдается существенный спад преступности и стабилизация криминогенной обстановки в стране. **Уровень зарегистрированной преступности в стране** снизился более чем в 2 раза, однако *восприятие населением преступности как постоянно растущей и неконтролируемой остается*. По результатам проведенного нами исследования 60,6 % опрошенных (здесь и далее N – 1206) *считают, что в обществе совершается много преступлений*. В Республике Беларусь высокий по европейским меркам процент раскрываемости преступлений (68,8 % в 2016 г.), реализуется принцип неотвратимости наказания. Вместе с тем в общественном правосознании сформирован негативный стереотип о том, что большинство преступников избегают наказания. Так, лишь 20,0 % опрошенных считают, что виновные будут изобличены и наказаны. Одна из серьезных медико-социальных угроз – рост потребления наркотиков и проблема зависимости от них. Таким образом, одной из задач правового воспитания является формирование общественного мнения о том, что преступность находится под контролем органов правопорядка, интенсивность борьбы с преступностью никогда не ослабевает, а также представлений о реальной реализации в стране принципа неотвратимости наказания.

Отношение населения к правоохранительным органам, в первую очередь к милиции и суду, является одним из основных элементов правосознания, детерминирующих социально-правовое поведение людей. При этом характер этих отношений определяет уровень правовой активности граждан в поддержании правопорядка. Социологические опросы, проводимые Институтом социологии Национальной академии наук, свидетельствуют о достаточно высоком уровне доверия к милиции (54 % в 2018 г.). Вместе с тем доверие к милиции во многом обусловлено представлениями о морально-деловых и профессиональных качествах сотрудников ОВД, профессиональном образе сотрудника (имидж). По мнению только пятой части опрошенных граждан (данные Института социологии НАН Беларуси), сотрудникам ОВД присущи такое позитивное качество, как вежливость (19,1 %), к сожалению, лишь каждый десятый опрошенный отметил такие качества, как внимательность (13,5 %), профессионализм (12,2 %), аккуратность и терпение (по 11,0 %), ответственность и отзывчивость (по 10,0 %), коммуникабельность и смелость (по 9,0 %), чувство юмора (8,1 %), и крайне незначительная часть указали на справедливость (6,6 %), толерантность (3,7 %) и эрудицию (3,0 %). Таким образом, абсолютное большинство респон-

дентов вообще не смогли отметить положительные качества, присущие сотрудникам ОВД. Противоречивый имидж милиции продуцирует неадекватную оценку криминогенной ситуации в стране, а также нежелание принимать участия в оказании помощи милиции в поддержании общественного порядка и раскрытии преступлений. В связи с этим важнейшей задачей государства является формирование положительного отношения к милиции и повышение доверия ко всей правоохранительной системе.

В последние десятилетия все больше возрастает **роль информации в осуществлении социального влияния на людей**: *информация становится доминирующим средством формирования общественного мнения и настроений*. В настоящее время доминирующим источником информации является интернет – здесь особое место начинают занимать социальные сети, которые из средства общения и обмена информацией трансформировались в средство организованного распространения деструктивной информации. Интернет становится анонимной площадкой для совершения преступлений. Так, до настоящего времени во всем мире, в том числе и в нашей стране, Tor-browser используется для незаконных сделок по купле-продаже запрещенных к легальному обороту предметов (наркотики, оружие, предметы антиквара и пр.), занятий проституцией, распространения детской порнографии и т. д. В связи с этим одним из средств правового воспитания и формирования правосознания личности является *целенаправленная информационная деятельность уполномоченных государственных органов, средств массовой информации, учреждений образования* в рамках образовательного процесса и др. Данная деятельность, направленная на решение психолого-педагогических задач, становится важнейшим инструментом формирования устойчивых свойств и качеств личности, которые обуславливают направленность социально-правового поведения человека, его моральную и антикриминальную устойчивость.

В настоящее время особая роль в социальной профилактике правонарушений и правовом воспитании подрастающего поколения отводится **системе образования**. Отдельные нравственно-правовые темы включены в учебные программы дошкольного, а также общего среднего образования (предметы «Основы безопасности жизнедеятельности» для 2–9 классов и «Обществоведение» для 9–11 классов). Однако учебный материал имеет констатирующий характер с изложением выдержек из нормативных правовых актов, часто сведения изложены сложным научным языком, формулировки, понятия и определения сложны для восприятия, почти отсутствуют образные примеры и сравнения. В целом

для учебных пособий по обществоведению характерна абстрактность описания правовых категорий, отсутствие четких и понятных для школьников жизненных ориентиров, ясных моделей правопослушного поведения и решения проблем законопослушным способом. В высших учебных заведениях правовому образованию и воспитанию уделяется еще меньше внимания. Так, образовательный стандарт «Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин», а также типовые учебные программы соответствующего цикла не предусматривают изучение тем правовоспитывающего характера.

Одна из острейших проблем, влияющая на состояние правового воспитания и, как следствие, криминогенную обстановку в стране, – **кризис института семьи**. В белорусском обществе снижается количество зарегистрированных браков и укрепляется институт «гражданских», растет уровень расторжения браков и супружеская неверность. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на 1000 жителей в 2015 г. пришлось 8,6 браков и 3,5 развода. При этом подростки из семей, где встречается супружеская неверность, в 10 раз (!) чаще становятся правонарушителями (А. Н. Павлухин, 2009). По данным Министерства образования Республики Беларусь, из более чем 21 тыс. детей-сирот 80 % – социальные, имеющие живых родителей; более 27 тыс. детей признаны проживающими в социально опасном положении, более 3 тыс. из них нуждаются в государственной защите. А ведь неблагополучная семья в 58,6 % случаев служит основным источником антиобщественного поведения ребенка (А. Н. Павлухин, 2009).

В стране один из самых высоких в мире уровней **пьянства и алкоголизма**. Подчеркнем, что *алкоголизация подрастающего поколения начинается и продолжается в семье, где поддерживаются и культивируются алкогольные традиции общества*.

Выполнение государственного заказа на формирование высокой правовой культуры населения предполагает разработку актуального содержания правового воспитания как важного ресурса по социальной профилактике правонарушений, выявления дефектов правосознания и причин противоправных отклонений в поведении. Знание дефектов правосознания необходимо для разработки комплекса дифференцированных психолого-педагогических задач правового воспитания, а также для определения эффективных средств информационно-педагогического воздействия, направленных на формирование правосознания личности нормоправной направленности и исправление правосознания личности противоправной направленности.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛ В УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ КАК РЕАКЦИИ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

А. В. Шидловский

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *shidlovsky_a@mail.ru*

Исследуется сущность уголовной наказуемости с точки зрения нравственно-этических начал и нравственно-правового воспитания. Делается вывод, что любая философия справедливого наказания базируется на основополагающих началах социальной справедливости, которые обусловлены системой нравственных ценностей, принимаемой тем или иным обществом.

Ключевые слова: юридическая психология; нравственно-правовое воспитание; уголовная наказуемость; преступление; уголовное право.

*Посвящается профессору
Дулову Андрею Васильевичу*

Нравственно-этическим началам в праве и нравственно-правовому воспитанию уделялось особое внимание в большом творческом наследии профессора А. В. Дулова. Ученый говорил, что «по мере развития нашего общества ... люди все в большей степени ощущают повышенную нравственную ответственность за свои действия перед обществом» и что «точно так же, как нельзя воспитывать нравственность, не используя ... право, так нельзя обучать ... праву, не раскрывая его этическую сущность, его роль в формировании ... нравственности», а само же право «...имеет нравственные цели, выполняет нравственные функции, использует средства, имеющие нравственное содержание» [1, с. 16, 43; 2, с. 28]. В связи с этим весьма важным следует признать изучение наказания с позиций отражения в его содержании нравственно-этических начал, признаваемых культурой современного общества.

Современные научные знания о сущности наказания в XXI в. также во многом сводятся к изучению его восстановительной, возмездно-карательной, исправительной, воспитательной и предупредительной функций. Психология и социология доказывают, что человек всегда воспринимает наказание именно как возмездие. При этом некоторые авторы уточняют, что речь идет «не о возмездии в смысле мести, а об абсолютной справедливости, о требовании, чтобы наказание явилось выражением нравственной, общественной оценки преступления» [3, с. 139].

Безусловно, от того или иного мировоззренческого подхода к пониманию возмездия зависит и наше (индивидуально-личностное и общественное) отношение к преступнику. Согласимся с мыслью И. М. Рагимова, который говорит, что «наказание является справедли-

вым возмездием не потому, что оно – проявление силы государства, что это государственное принуждение, которое причиняет страдание человеку за совершенное преступление, а потому, что эта реакция ожидается обществом и одобряется, ибо она удовлетворяет чувство справедливости граждан, которые предвидели наказание – возмездие, как следствие социально вредного, в их глазах действия» [3, с. 140].

До сих пор сохраняет свою актуальность и давний философский вопрос о праве наказания. Это право традиционно во все времена принадлежало государству. Отсюда и следует публичный и карательно-возмездный характер наказания. Сейчас, как верно заметил Ю. В. Голик, это «право переросло в обязанность. Именно поэтому и прекратились поиски оснований права наказания» [4, с. 50]. Вместе с тем «правильный ответ на вопрос о праве государства наказывать позволит точнее понять роль государства в современном, быстро меняющемся мире, роль и значение уголовной юстиции и уголовной превенции, построить такую систему наказаний, которая будет приниматься всеми и, главное, будет работать» [4, с. 21]. Здесь ответа требует вопрос не столько о том, должно ли наказываться зло, сколько о том, может ли само общество наказывать и в каких пределах, за что именно (круг преступлений) и для чего это необходимо делать? Без конкретной методологии, определяющей стратегию государственной власти наказывать, найти такой ответ будет весьма сложно. Впрочем, как правильно пишет Н. Кристи, *«подход к наказанию преступников определяется культурой нации. В этом вопросе нельзя полагаться на инстинкты»* [5, с. 121].

О возрождении этнокультурных ценностей предков в философском срезе наказания серию вопросов ставят в своих оригинальных по нравственно-правовому тематическому полю исследованиях А. И. Бойко и В. В. Кулыгин [6; 7]. Так, по мнению А. И. Бойко, «стандартные ожидания общепредупредительного эффекта от карательной деятельности государства одним расчетом только на неотвратимость не становятся нравственными» [6, с. 234]. Автор говорит, что общепревентивная цель наказания «получит моральную санкцию общества лишь в том случае, если реализация данной задачи связывается в правосознании именно с общими мерами властей, а не с примерным наказанием индивидуума, якобы сдерживающим потенциальных преступников (какое право вы имеете наказывать меня с тем, чтобы предупредить других? – К. Маркс)» [6, с. 234, 241].

В современном учении о наказании, в том числе о пенитенциарном праве, все больше внимания уделяется разработке аксиологической и антропологической методологий с учетом влияния конструктивистского и иных новых мировоззренческих подходов [8, с. 767–774].

Следует признать наличие в настоящее время определенного кризиса в доминирующем в отечественной юридической науке до сих пор одностороннем материалистическом мировоззрении. Взгляд на систематику морально-правственных ценностей, отличных от светского общества, несомненно, позволит обогатить методологические ориентиры развития отечественного уголовного права. Сегодня не вызывает сомнений, что важнейшими критериями дифференциации уголовной наказуемости за преступные посягательства выступают духовные ценности.

Таким образом, детерминистские взгляды составляют методологическую основу принципа субъективного вменения и базовых начал наказуемости в отечественном уголовном праве. Каждый волевой поступок человека связан с сознанием объективных внешних условий, в которых он находится и существует. Основания и пределы наказуемости совершенных опасных для общества поступков зависят от индивидуального проявления в них свободной воли лица. Эти философские представления в большей степени позволили обосновать превращение системы наказаний из террористической в исправительную.

Сформулируем здесь главный, но не конечный, тезис: любая философия справедливого наказания базируется на основополагающих началах социальной справедливости, которые обусловлены системой нравственных ценностей, принимаемой тем или иным обществом.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Конституция СССР – основа нравственно-правового воспитания. Минск : Беларусь, 1979. 48 с.
2. Дулов А. В. Этико-правовой анализ Конституции // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Головки (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2000. С. 28–30.
3. Рагимов И. М. Философия преступления и наказания. СПб. : Юрид. центр, 2015. 288 с.
4. Голик Ю. В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 6–52.
5. Кристи Н. Удобное количество преступлений / пер. с англ. Е. Матерновской ; под общ. ред. Я. И. Гилинского. СПб. : Алетей, 2006. 179, [5] с.
6. Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права : монография. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2010. 248 с.
7. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права. М. : Юрист, 2002. 288 с.
8. Шидловский А. В. О методологии систематизации уголовного законодательства и ее влиянии на ранжирование наказаний // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр., посвящ. д-ру юрид. наук, проф., засл. юристу Респ. Беларусь С. Г. Дробязко / редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2018. Вып. 13. С. 767–774.

Раздел VI. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Будкевич

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, *lawcrim@bsu.by*

Анализируется законодательство Республики Беларусь в области оперативно-розыскной деятельности. Предлагаются пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства и Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскные мероприятия.

Современный этап развития отечественной правовой системы характеризуется появлением новейших институтов уголовно-процессуального права, что закономерно обусловило потребности их соотношения с положениями оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), внесения научно обоснованных новелл в уголовную политику и законодательство относительно использования оперативных данных в уголовном процессе.

Теоретико-прикладные исследования правовых и тактических аспектов использования результатов ОРД в уголовном процессе, несмотря на достаточно широкий круг изучаемых аспектов, не теряют актуальности и в настоящее время. Принципиальная необходимость этого обусловлена тем, что ОРД играет весьма заметную роль в обнаружении и раскрытии наиболее тяжких преступлений. Более того, без нее в ряде случаев практически невозможно решить задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством. Прежде всего речь идет о неочевидных и латентных преступлениях, преступлениях коррупционной направленности, доля которых в общей структуре отечественной преступности достаточно велика.

Сегодня идея активного использования в уголовном процессе результатов ОРД, вплоть до придания им значения судебных доказательств, не только активно развивается, но и находит свое выражение на практике, где наиболее полная реализация данной идеи возможна лишь на основе создания правового механизма использования данных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в уголовном процессе.

Но возникает одно обстоятельство, связанное с процессуальной регламентацией документального оформления результатов проведения ОРМ. Так, авторы комментария к Закону Республики Беларусь от 15.07.2015 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), комментируя ст. 2, указали, что термин «оперативно-служебные документы» впервые применен в Законе об ОРД. Ранее этот термин использовался в специальной литературе и ведомственных нормативных правовых актах органов, уполномоченных на осуществление данного вида правоохранительной деятельности, поэтому одни и те же ОРМ разные органы, уполномоченные на осуществление ОРД, оформляли документами под разными названиями. Закон об ОРД закрепил, что в процессе ОРД могут составляться: постановление, специальное задание, протокол, справка, рапорт, акт, письменный запрос и иные документы, образующиеся при осуществлении ОРД. Однако законодатель не определил, каким из указанных документов осуществлять фиксацию того или иного ОРМ, т. е. передал ее на решение ведомств, занимающихся проведением оперативно-розыскных мероприятий, что на самом деле крайне неудобно для следственных и судебных органов и противоречит действующему законодательству. Иными словами, нет единообразного толкования фиксации результатов проведения ОРМ: каким оперативно-служебным документом фиксировать, оперативный опрос, наведение справок и т. п.

Получается так, что одно и то же ОРМ в одном ведомстве фиксируют рапортом, в другом – докладной запиской, в третьем – протоколом и т. п. Проведенный анализ нормативных документов позволил выделить особенности, которые обуславливают процесс выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), в частности ст. 99, протоколом можно фиксировать только одно ОРМ *прослушивание и запись переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров* (которое в Законе об ОРД отсутствует).

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о необходимости создания унифицированного оперативно-процессуального закона, согласовав его с нормами УПК Республики Беларусь, что в значительной степени будет способствовать единообразию в оперативно-розыском и уголовном законодательстве в целом.

Анализируя уголовно процессуальное законодательство Республики Беларусь и законодательство в области ОРД усматривается несоответствие названия мероприятия, изложенного в Законе об ОРД, нормам УПК Республики Беларусь.

Так, в ст. 99 УПК Республики Беларусь «Протоколы следственных действий, судебного заседания и оперативно-розыскных мероприятий» указано: «Источниками доказательств являются составленные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, протоколы следственных действий, удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, предъявлении для опознания, проверке показаний на месте, следственном эксперименте, эксгумации; протоколы следственных действий и *оперативно-розыскных мероприятий о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законом порядке* и с приложением соответствующей записи прослушивания, а также протокол судебного заседания, отражающий ход судебных действий и их результаты».

Следовательно, руководствуясь нормами Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» (ч. 1 ст. 28 и ч. 2 ст. 30), вышеуказанное ОРМ *о прослушивании и записи переговоров, осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров* как оперативно-розыскное мероприятие должно было быть отражено без изменений в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» либо в соответствующие нормативные документы должны были быть внесены изменения, согласно нормам УПК.

На наш взгляд, данный пробел должен быть устранен путем внесения соответствующих изменений и поправок в Закон об ОРД.

Хотелось бы обратить внимание и на пробел, имеющийся в Законе об ОРД в части получения оперативной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи и используемых лицами, представляющих оперативный интерес как накопители информации, которую они используют исключительно в личных целях. На таких электронных накопителях эти лица хранят номера банковских счетов, информацию об оффшорных зонах, движение неучтенного капитала, адреса своих клиентов, информацию о технических средствах, используемых при изготовлении взрывных веществ, списки членов преступных организаций и сообществ и т. п., причем зачастую такая информация хранится в электронном накопителе в зашифрованном виде, что в значительной степени затрудняет ее расшифровку.

Целесообразно для оперативного получения такой информации и использования ее в уголовном процессе внести в Закон об ОРД в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия – мероприятие, именуемое как *снятие (либо обнаружение, копирование) и преобразование компьютерной информации с компьютеров, не подключенных к сетям электросвязи*, проведение этого мероприятия осуществ-

влять на основании мотивированного постановления органа, осуществляющего ОРД, утвержденного руководителем этого органа с санкции прокурора, что обеспечит строжайшее соблюдение законодательства в этом направлении оперативно-служебной деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В нормах уголовно-процессуального законодательства и Законе об ОРД одним из важных является предписание, предусматривающее использование результатов оперативно-розыскной деятельности в интересах уголовного судопроизводства. Его реализация предполагает представление таких результатов органу дознания, следователю или в суд в порядке, предусмотренном законодательством. Строгая унификация действующих норм права будет только способствовать правильному трактованию и применению (использованию) этих норм в уголовном процессе.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДИАГНОСТИКА – ОСНОВА РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С. А. Войтихович

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», пр.
Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, *sery80@tut.by*

Рассматриваются особенности реализации оперативно-розыскной диагностики при установлении механизма слеодообразования и работе со следами в ходе выявления экономических преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; криминалистика; оперативно-розыскные мероприятия; экономические преступления.

Информационно-аналитическое обеспечение выявления экономических преступлений связано с организацией и тактикой проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые позволяют устанавливать и получать следы, представляющие оперативный интерес, и реализовываются как исходные данные для выработки определенных действий. При таком функциональном подходе субъектам и участникам оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) необходимо разработать самостоятельный технологический процесс в работе с информацией о следах. Это обусловлено тем обстоятельством, что в ходе ОРД оперативный сотрудник получает разрозненные сведения из разных источников, в связи с чем, соответственно, возникает необходимость проведения ряда ОРМ, с целью снятия некоторой неопределенности о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, либо получения

дополнительной информации. Таким образом, в процессе осуществления ОРМ мы имеем восстановленную или созданную картину событий и фактов, интересующих ОВД, которая строится на основе поступления, систематизации, хранения и использования информации в рамках применения интегрированного метода, новаторский характер которого проявляется в том, что «интеграционный метод есть основанный на уголовно-правовых, социологических и иных научных исследованиях способ объединения массивов и компонентов автоматизированных информационных поисковых систем, обуславливающих информационное обеспечение процессов раскрытия, расследования преступлений, их выявления с применением передовых технологий» [1, с. 13].

Субъекты ОРД в процессе интегрированного метода работы с информацией должны определить: каков объем сведений им необходим; где конкретно эти сведения можно получить и хранить; как их зафиксировать; в каком виде накапливать; возможные варианты их использования в оперативной и следственной работе. Этот процесс не должен представлять собой механический сбор сведений без логики ее дальнейшего использования и выявления определенных закономерностей между фактами, событиями и поведением людей.

Для уяснения и наиболее полного осмысления этих возможностей необходимо диагностировать свойства и состояние объекта, представляющего оперативный интерес, с целью восстановления механизма совершения преступления. В основе такой работы лежит криминалистическая диагностика, которая раскрывает изменения, произошедшие в результате совершения преступления, причины и условия этих изменений на основе избирательного изучения свойств и состояния взаимодействующих объектов [2, с. 46]. С учетом этого, по мнению Р. С. Белкина, «общая задача криминалистической диагностики трактуется как установление объективной истины путем изучения и объяснения свойств и состояний объекта (явления). Следовательно, диагностика может быть определена как процесс познания, в основе которого лежит определение события (явления, факта)» [3, с. 103].

В этом процессе такая работа в ОРД должна строиться по схеме: получение информации – ее анализ – решение – действие, от действия снова к анализу. Соответственно оперативным сотрудникам ставится задача по применению определенных приемов и проведению ОРМ, обнаруживающих различные данные и события во взаимосвязи с конкретной личностью, раскрывающие процесс выявления экономических преступлений: от заподозренного лица к функционированию предприятия либо от неправильного функционирования предприятия к лицам (организаторам и исполнителям), совершающим уголовно наказуемые деяния.

Указанные направления использования информации могут быть применены в зависимости от диагностических исследований, которые восстанавливают события преступления, механизм отдельных событий и их временные промежутки, определяют причинно-следственные связи, относящиеся к событию преступления, и прогнозируют их появление. По общему признанию, работа с информацией в ОРД строится следующим образом: например, поступила оперативная информация о лице, получающем взятки, соответственно проводятся ОРМ с целью ее проверки, анализируются их результаты, планируются последующие мероприятия, раскрывающие принятые решения, фиксируются конкретные факты преступной деятельности коррумпированного чиновника и т. д. В целом такая деятельность дает свои положительные результаты, но, на наш взгляд, методика познания механизма совершения экономических преступлений на основе избирательного изучения явлений, свойств объекта, имеющая значение для практики раскрытия и расследования преступлений, должна строиться на переходе от оперативно-розыскных к криминалистическим представлениям о следах. Подобное утверждение является серьезной посылкой, что получение информации о конкретных фактах преступной деятельности и о лицах, их совершивших, и ее диагностика должны раскрывать ценность информации в первую очередь с точки зрения перспектив доказывания по уголовному делу (относимости, допустимости, достоверности).

Применение указанных требований к оперативно-розыскной информации связано с фиксацией преступных действий лиц, совершающих экономические преступления. В отличие от расследования, которое направлено на выяснение фактов, имевших место в прошлом, в ходе осуществления ОРД присутствует уникальная возможность непосредственно воспринимать преступные и иные действия лиц и их связи, а также фиксировать криминальные действия. Оперативная практика показывает, что использование в доказывании материалов, в которых зафиксированы некоторые действия преступников, оказывает на них психологическое воздействие, что позволяет быстро получить правдивые показания. Поэтому особую важность в этом процессе приобретает аналитическая работа, позволяющая прогнозировать варианты поведения подозреваемых в совершении экономических преступлений, а также алгоритмы действий оперативного сотрудника по их фиксации. Это сведения о конкретных намерениях, планах преступников и т. д., которые могут стать известными посредством проведения ОРМ, в основном с использованием технических средств либо помощи граждан, оказывающих содействие ОВД на конфиденциальной основе. В результате этого обеспечивается скрытность действий и достигается максимальный

эффект в поиске обстоятельств, подтверждающих причастность лица к совершенному либо совершаемому экономическому преступлению.

Суть такой работы состоит в фиксации определенных фактов, а затем и мыслительной деятельности субъектов ОРД по их интерпретации, связанной с раскрытием механизма совершения преступления. Применительно к процессу доказывания, в основе которого лежит работа с оперативно-розыскной информацией, следует заметить, что эта работа с людьми – носителями определенных сведений, версиями, доказательствами, доказательственными, промежуточными и искомыми фактами, впитывает в себя все стороны сложного процесса формирования достоверного вывода [4, с. 5].

Таким образом, установление конкретных фактов, свидетельствующих о происходящем или произошедшем криминальном событии, происходит путем собирания следов преступления при проведении ОРМ и их исследования. Это два неразрывных процесса, тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных. Только путем диагностических исследований можно установить механизм следообразования и получить представление о следах, имеющих значение для уголовного процесса.

Библиографические ссылки

1. Миллер Л. Ю. Интеграционный метод в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : предпринят монографии / под ред. Г. К. Сенилова. М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. 24 с.
2. Криминалистика. Полный курс : учебник / В. В. Агафонов [и др.] ; под общ. ред. А. Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011. 835 с.
3. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. 992 с.
4. Руденко А. В. Содержательная логика доказывания : монография. М : Проспект, 2015. 280 с.

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Дедковский

УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», ул. Казинца, 21, к. 3, 220099,
г. Минск, Беларусь, a.dziadkouski@gmail.com

Исследуется законодательство Республики Беларусь в области оперативно-розыскной деятельности. Предлагаются пути его совершенствования через упорядочение категориального аппарата.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; оперативный опрос; законотворчество.

Оперативный опрос, выступая базовым инструментом деятельности оперативного сотрудника, в структуре оперативно-розыскных мероприятий формирует основной поток оперативно-значимой информации. В более ранних публикациях предпринята попытка анализа отдельных правовых норм, содержащихся в новом Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» в части определения их эффективности для регулирования фактических оперативно-розыскных отношений, возникающих в ходе проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия. Сделан вывод, что законодательное определение оперативного опроса (ст. 21 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») не в полной мере отражает его сущность.

Сравнительный анализ подхода законодателей Беларуси, стран Содружества Независимых Государств к определению «оперативного опроса», а также изучение представленных в юридической литературе точек зрения различных авторов позволили нам прийти к мнению относительно понятия и содержания рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Вместе с тем за рамками данной полемики остался терминологический аспект. Так, законодатель определяет оперативный опрос как «общение с гражданином». Отмечу, что термин «гражданин» встречается в нормах Закона повсеместно (ст. 2, 3, 7 и др.). При этом ст. 2 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения» определения понятию «гражданин» в понимании целей оперативно-розыскной деятельности не дает.

Общеизвестно, что гражданство – правовой институт, характеризующий взаимоотношения человека с государством, под юрисдикцией которого он находится. Дословное толкование употребления термина «гражданин» исходя из Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» позволяет подчеркнуть его принадлежность к юрисдикции Республики Беларусь. Таким образом, по своему правовому статусу граждане Республики Беларусь отличаются от иностранных граждан и лиц без гражданства. Соответственно они находятся за рамками правового поля в части оперативно-розыскной деятельности.

Относительно оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» терминологическую неясность могла бы решить замена термина «гражданин» на термин «лицо». Вместе с тем данный подход не позволит упорядочить категориальный аппарат в целом. Наиболее рациональным выходом из данной ситуации представляется дополнение ст. 2 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения» Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» категорией «гражданин», под которой понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

А. Г. Желобкович

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, *zhelobkovich.2108@gmail.com*

Рассматриваются теоретико-прикладные аспекты проблемы оперативно-розыскного противодействия мошенничеству на вторичном рынке жилой недвижимости. Отмечается необходимость проведения дальнейших исследований ввиду недостаточной научной разработанности рассматриваемого явления.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; мошенничество; вторичный рынок жилья.

С обретением независимости Республики Беларусь развитие получили рыночные отношения, связанные с правом свободного распоряжения находящейся в собственности у граждан жилой недвижимостью. По данным Национального кадастрового агентства Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь, в 2017 г. на территории республики было совершено 51 322 сделки купли-продажи жилой недвижимости, в 2018 г. – 48 643 [1]. Государством обеспечивается надежный правовой механизм защиты права собственности на жилище, что первостепенно отражено в ст. 48 Конституции Республики Беларусь, которая гласит, что никто не может быть произвольно лишен жилья.

Вместе с тем предоставленная возможность распоряжения жилой недвижимостью, соответствующий рост количества гражданско-правовых сделок по ее реализации, аренде, правовая безграмотность, виктимность в поведении части населения, а также высокая рыночная стоимость жилья привлекают внимание представителей криминального мира. В средствах массовой информации периодически освещаются случаи мошенничества при совершении сделок с жилым недвижимым имуществом граждан. В качестве примера следует рассмотреть преступную группу, так называемых «черных риелторов из г. Могилева, состоящую из четырех человек, которые на протяжении 2009–2015 гг. осуществляли мошенничества, вымогательства, похищения, а также последующие убийства граждан с целью завладения правом на их жилище, денежными средствами, полученными от его реализации [2], а также действовавшую на территории республики с 2009 по 2015 г. преступную организацию под руководством С. И. Молнара, участники которой совершали мошенничества при заключении различных гражданско-правовых сделок [3].

Согласно статистическим сведениям информационного центра МВД Республики Беларусь рост мошеннических посягательств на вторичном рынке жилой недвижимости в 2018 г. составил порядка 20 % по сравнению с 2017 г. Однако, как показывает практика, официальная статистика не отражает фактической распространенности рассматриваемого явления ввиду высокой степени латентности.

Проведенное исследование позволяет заключить, что мошеннические проявления в сфере вторичного рынка жилой недвижимости имеют устойчивый характер. Значительная часть совершаемых противоправных посягательств отличается высокой степенью организованности, многообразием способов совершения, завуалированных под заключение внешне законных по форме гражданско-правовых сделок, квалифицируемых зачастую в качестве нарушений в области гражданских правоотношений, что при всей совокупности затрудняет процесс предупреждения, выявления и раскрытия данных преступлений гласными способами. В связи с этим использование оперативно-розыскных возможностей борьбы с рассматриваемыми преступлениями выступает на первый план.

Эффективное решение задач предупреждения, выявления и раскрытия мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости невозможно без разработки и внедрения соответствующих рекомендаций, способствующих оптимизации процесса оперативно-розыскного противодействия данной категории преступлений. Отсутствие научно обоснованных рекомендаций по оперативно-розыскному противодействию мошенничеству на вторичном рынке жилой недвижимости ведет к упущениям организационно-тактического характера. Недостаточно полное и объективное исследование обстоятельств совершаемых преступлений приводит к неправомерным отказам в возбуждении уголовного дела (в 80 % изученных уголовных дел), что в свою очередь влечет за собой, с одной стороны, нарушение прав и свобод граждан, пострадавших от противоправных посягательств, а с другой – необоснованное освобождение преступников от уголовной ответственности. При отсутствии достаточной профессиональной подготовки оперативный сотрудник не в полной мере способен выявить особенности организации тщательно подготовленной преступной деятельности, определить направления и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Исследованию проблем мошенничества на рынке жилой недвижимости посвящены работы В. В. Алешина, В. Н. Антонова, С. Ю. Арзуманова, Д. В. Астафьева, Е. В. Белова, И. Т. Белова, В. Л. Волкова, С. Б. Иващенко, Ж. Ю. Кабановой, М. А. Капустюк, Т. В. Квасниковой, Д. Ш. Кусаинова, В. В. Малыгиной, Т. А. Огарь, Н. В. Павловой,

Д. В. Черномазова, А. В. Шарова. В работах указанных авторов исследуемые преступления подвергались в основном уголовно-правовому, криминологическому и криминалистическому анализу. Отдельным аспектам оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемой сфере посвящена диссертация российского ученого А. В. Орлова «Оперативно-розыскные меры борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере приватизации жилья» (2000 г.), в которой автор рассматривает широкий перечень преступных проявлений, в большей степени насильственного характера, только лишь в процессе приватизации жилья [4].

В диссертации белорусского ученого Д. В. Ермоловича, посвященной правовым и организационно-тактическим аспектам противодействия мошенничеству в отношении физических лиц, вопросы противодействия мошенничеству в сфере рынка жилой недвижимости не рассматривались.

Вышеуказанное свидетельствует, что в Республике Беларусь монографических, диссертационных, а также иных исследований на уровне отдельных публикаций, посвященных оперативно-розыскным аспектам противодействия мошенничеству на вторичном рынке жилой недвижимости не проводилось.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что назревает необходимость в проведении исследования, включая разработку соответствующих рекомендаций по оперативно-розыскному противодействию мошенничеству на вторичном рынке жилой недвижимости, что обусловлено как характером его совершения, сложностью доказывания факта преступного посягательства, так и недостаточной научной разработанностью рассматриваемого явления, необходимостью повышения уровня теоретической подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Библиографические ссылки

1. О количестве сделок по купле-продаже квартир [Электронный ресурс] // Национальное кадастровое агентство Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь. URL: <http://pr.nca.by/> (дата обращения: 10.05.2019).

2. В Могилеве задержали группу «черных риелторов», причастную к шести убийствам [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/society/447971.html> (дата обращения: 10.05.2019).

3. Могилевский областной суд вынес приговор фигурантам дела так называемой «банды Молнара» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/news/1657> (дата обращения: 10.05.2019).

4. Орлов А. В. Оперативно-розыскные меры борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере приватизации жилья : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юрид. ин-т МВД РФ. М., 2000. 22 с.

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. В. Замаро

Генеральная прокуратура Республики Беларусь, ул. Интернациональная, 22,
220030, г. Минск, Беларусь, *info@prokuratura.gov.by*

Характеризуется роль органов прокуратуры Республики Беларусь в формировании единообразной практики применения законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; прокурорский надзор; оперативно-служебные документы.

Оперативно-розыскная деятельность в Республике Беларусь за последние десять лет в связи с возникновением новых угроз и негативных факторов прошла серьезный этап реформирования в части как нормативного правового регулирования, так и подходов к организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий. Этому способствовало выполнение Генеральной прокуратурой Республики Беларусь поручения Главы государства о разработке совместно с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, нормативного правового акта, устанавливающего единый порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий. В результате совместной работы 15 октября 2010 г. было принято межведомственное постановление «Об утверждении Инструкции о порядке организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий», которое утратило силу в 2016 г.

В соответствии с п. 42 плана подготовки законопроектов на 2011 г., утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 6 января 2011 г. № 10, Генеральная прокуратура Республики Беларусь приняла участие в разработке законопроекта о внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом было высказано предложение о разработке проекта нового Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», а также подготовлены конкретные предложения. Инициатива Генеральной прокуратуры Республики Беларусь была поддержана, в результате чего 15 июля 2015 г. принят Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) в новой редакции.

Для эффективной реализации полномочий органов прокуратуры принято межведомственное постановление Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Государст-

венного таможенного комитета, Государственного пограничного комитета, Службы безопасности Президента Республики Беларусь, Министерства обороны от 1 февраля 2016 г. «Об обеспечении условий осуществления прокурорского надзора за исполнением Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Представители Генеральной прокуратуры Республики Беларусь приняли активное участие в разработке ведомственных нормативных правовых актов органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Акты, регламентирующие вопросы организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий, были согласованы с Генеральным прокурором Республики Беларусь.

В связи с принятием Закона об ОРД в новой редакции наиболее актуальными вопросами стали вопросы оформления материалов оперативно-розыскной деятельности и использования их в уголовном процессе.

Следует отметить, что в силу ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном УПК.

По общему требованию законодательства Республики Беларусь о государственных секретах сведения в области оперативно-розыскной деятельности могут быть отнесены к государственным секретам. В связи с этим ведомственными нормативными правовыми актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, предусмотрено присвоение грифа ограничения доступа «секретно» или «совершенно секретно» оперативно-служебным документам (в том числе протоколам оперативно-розыскного мероприятия), составляемым в ходе оперативно-розыскной деятельности.

Практиками используется термин «легализация», когда речь ведется об использовании (предоставлении) сведений, полученных при проведении оперативно-розыскного мероприятия. На наш взгляд, данный подход не имеет под собой правовой основы.

В законодательстве Республики Беларусь об оперативно-розыскной деятельности отсутствует определение понятия «легализация», однако закреплен процесс «трансформации» материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс. При этом по общему определению легализация (от лат. *legalis* – законный) – узаконение, придание законной силы, переход на легальное положение; в международном праве – подтверждение подлинности и юридической силы документа, выданного в иностранном государстве.

Статьей 50 Закона об ОРД закреплены основные положения о порядке предоставления, представления материалов оперативно-розыскной деятельности.

На практике материалы оперативно-розыскной деятельности, предоставленные органу, ведущему уголовный процесс, в большинстве случаев не имеют грифа ограничения доступа. Безусловно, это облегчает процессы предоставления и использования таких материалов в уголовном процессе.

Это стало возможным после закрепления ведомственными нормативными правовыми актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, норм, определяющих, что после принятия решения о направлении сведений, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий в уголовный процесс, *органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, имеют право не относить такие сведения к государственным секретам.*

Для передачи в уголовный процесс, как правило, составляется дополнительный протокол оперативно-розыскного мероприятия, которому гриф ограничения доступа не присваивается.

По инициативе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и в соответствии с поручением Главы государства разработана Инструкция о порядке оформления, предоставления, представления материалов оперативно-розыскной деятельности органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, утвержденная межведомственным постановлением Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Государственного пограничного комитета, Службы безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Государственного таможенного комитета, Министерства обороны, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры от 14 января 2016 г., которая согласована с Председателем Верховного Суда Республики Беларусь.

Указанная Инструкция имеет гриф ограничения доступа «для служебного пользования», в связи с чем ее нельзя увидеть в общедоступных информационных ресурсах. Вместе с тем указанным нормативным правовым актом регламентированы необходимые требования к оформлению и предоставлению оперативно-служебных документов органу уголовного преследования.

В соответствии с абз. 8 ст. 2 Закона об ОРД оперативно-служебные документы – это постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия, специальное задание, протокол оперативно-розыскного мероприятия, справка, рапорт, акт, письменный запрос органа, осуществ-

вляющего оперативно-розыскную деятельность, и иные документы, об-
разующиеся при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Важнейшим является понимание того, что ввиду специфики опера-
тивно-розыскной деятельности протокол оперативно-розыскного меро-
приятия не всегда может быть составлен по аналогии с протоколом
процессуального действия (ст. 193 УПК). Органам, осуществляющим
оперативно-розыскную деятельность, предоставлено право составления
протоколов оперативно-розыскных мероприятия на любой стадии про-
ведения мероприятия, а также после его приостановления либо прекра-
щения. Это правило распространяется на весь период ведения дела опера-
тивного учета.

В связи с этим в соответствующих графах протокола о месте и вре-
мени указывается фактическая дата и время *составления протокола*.
Точное время *проведения оперативно-розыскного мероприятия*, резуль-
таты которого отражены в протоколе, указывается в описательной части
протокола.

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь на постоянной
основе проводится мониторинг практики применения законодательства
об оперативно-розыскной деятельности с принятием мер к ее единооб-
разию.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА В. Ч. Родевич

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, *Ord.by@tut.by*

Исследуется роль доктора юридических наук, профессора Андрея Василь-
евича Дулова в развитии научных основ оперативно-розыскной деятельности и
ее психологической составляющей.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-
розыскные мероприятия; юридическая психология; нравственность.

Интерес к научному наследию известного ученого А. В. Дулова по-
стоянно возрастает. Связано это в значительной степени с тем, что его
исследования широко используются в деятельности правоохранитель-
ных органов. В этих работах прослеживается роль и значение участни-
ков уголовного процесса, их взаимоотношения в условиях противодей-
ствия преступности. Его труды явились своего рода локомотивом в пер-
спективном построении новых социальных отношений в оперативно-

розыскной деятельности (далее – ОРД) и освоении нравственных ценностей между субъектами и участниками данной деятельности.

Под воздействием поиска новых подходов в организации борьбы с преступностью, мы обращаемся к научным трудам профессора А. В. Дулова, которые показывают, что «эффективная организаторская деятельность на предварительном следствии ускоряет и облегчает процесс познания, позволяет активизировать выполнение своих функций участниками расследования. В организационной деятельности следователя можно различать несколько уровней: а) организация собственной деятельности следователя, так как он организует свою познавательную; общение с другими людьми, процесс сбора, исследования, оценки доказательств; б) организация деятельности других лиц. Следователь является не только участником отношений, которые возникают на предварительном следствии, но и в силу возложенных на него правомочий обязан регулировать, направлять эти отношения» [1, с. 67].

В развитие высказанных положений, на наш взгляд, необходимо говорить о деонтологии – учении о юридических, профессиональных и моральных обязанностях и правилах поведения. Одним из направлений оперативно-розыскной деонтологии является должное поведение оперативного сотрудника с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе.

Казалось бы, отдельные аспекты данного вопроса частично решены не только на теоретическом, но и практическом уровне. Многие действия субъектов и участников получили организационную самостоятельность (речь идет об участии граждан в ОРМ, руководстве конфидентами и т. д.), но в складывающихся отношениях «человек – человек» должен проявляться не только общий подход к решению задач ОРД, но и определенный тип мировоззрения, связанный с умением тонко чувствовать внутреннее состояние участника ОРД в обстоятельствах постановки ему задач при использовании его в различных оперативно-розыскных ситуациях. Главными условиями здесь обязаны выступать правила, согласно которым предлагаемое поведение не должно противоречить внутреннему миру участника ОРД, должно быть разъяснено ему необходимое поведение, не нарушающее закон, добровольное и сознательное выполнение поручений оперативного сотрудника на основе гуманизма и обязательного исполнения механизма сохранения безопасности собственной жизни и здоровья.

В этих вопросах первоочередная роль отводится субъектам ОРД, обязанностью которых является соблюдение перечисленных условий, необходимых для качественного и безопасного решения задач ОРД.

Очевидно, что для оперуполномоченного осуществление ОРД не вызывает таких противоречивых реакций, как для обычных граждан. Связано это с внутренним, субъективным отношением к долгу борьбы с преступностью. Реализация принципа «он должен» (по отношению к содействующим лицам) должна обеспечиваться надлежащей защитой по выполнению этого долга. На наш взгляд, оперативно-розыскная деонтология – правила должного поведения на основе морально-этических принципов субъектов, которые делегируют определенное поведение участникам для решения задач ОРД, основанное на разработке и подготовке процедуры обеспечения безопасности лиц, участвующих в ОРД, и соблюдения их прав и свобод.

О научной плодотворности подобных установок может свидетельствовать пример выбора единственно верного поступка в конкретной оперативно-тактической ситуации, основанного на соответствии норм морали и права между субъектами и участниками ОРД. В оперативно-розыскной деонтологии нормы морали выступают регулятором отношений, в том числе при построении правовых норм.

Представленное должное поведение субъектов и участников ОРД, на наш взгляд, проявляется в нравственных поступках оперативного сотрудника. Мы подходим к этому вопросу в ситуациях использования, например, компрометирующих материалов для привлечения лиц к участию в ОРМ, оперативной комбинации. Здесь компрометирующие материалы должны выступать препятствием к их использованию в силу обязательного условия соблюдения законности субъектами и участниками ОРД. Особенно, когда речь идет о поступках, входящих в область правового регулирования. То, что недопустимо с точки зрения морали, должно быть запрещающей формой при построении правовых конструкций.

Должное поведение в действиях оперативника, проявившееся по отношению к лицам, содействующим оперативным подразделениям, заключается в нравственно осознанном принятии мер по обеспечению безопасности участников и их близких, и с обязательным условием недопущения со стороны субъектов и участников провокации и подстрекательства к совершению преступлений. Должное поведение должно проявляться в механизме проведения ОРМ на основе нравственных требований для лиц, не имеющих твердых моральных установок. Речь идет не только о подготовке лица, но и о правовых процедурах, связанных с непосредственным участием в ОРМ. Рассматривая должное поведение оперативника, мы говорим о необходимости формирования готовности лиц, вовлеченных в ОРД, решать ее задачи. Здесь необходимо исходить из того, что мотивационная составляющая (такая как в работе с конфи-

дентами) состоит не только из собственного желания или необходимости осуществления такой деятельности, а формирования его готовности осуществлять вовлечение лица в активные действия. Ведь одно дело получить негласно информацию, другое сформировать у лица волевое свойство, т. е. возбудить у него определенные действия в условиях тревожности, волнения и опасности разоблачения. Для таких действий лицо должно понимать, что находится в безопасности и под защитой государства.

Соответственно, на основе норм нравственной регуляции лиц, участвующих в данной деятельности, должен разрабатываться механизм участия граждан в ОРД (по принципу – не делай другим того, чего не желаешь себе).

Такая модель отношений между субъектами ОРД и лицами, оказывающими им содействие на конфиденциальной основе, на базе деонтологического знания, способствует выполнению регулятивной, предупредительной, познавательной, коммуникативной функций в деятельности лиц, участвующих в рассматриваемой работе, показывает формирование нравственных отношений в ОРД и позволяет представить содержание этой деятельности и направления ее развития.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М. : Юрид. лит., 1973. 168 с.

ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А. Н. Толочко

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», пр.
Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, tolochko28061981@mail.ru

Предлагается совершенствование теории и практики оперативно-розыскной деятельности, которое основано на учете междисциплинарных связей в системе уголовно-правовых наук и должно осуществляться по определенным принципам (правилам).

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; теория оперативно-розыскной деятельности; межнаучные связи; уголовно-правовые науки.

Как известно, важная особенность цикла уголовно-правовых наук состоит в том, что каждая из них, оказывая влияние на другие науки своего цикла, обеспечивает их развитие. Взаимообогащение уголовно-

правовых наук происходит за счет *связей* между ними. Совершенствуются на основе межнаучных связей, как следствие, и соответствующие виды практической правоохранительной деятельности, обеспечиваемые уголовно-правовыми науками. Однако межнаучная связь не всегда лежит на поверхности и является очевидной, поэтому зачастую для того, чтобы ее использовать в указанных целях, ее нужно сначала выявить.

Комплексное выявление и изучение всей совокупности связей между уголовно-правовыми науками видится спорным. Такое исследование потребует формирования особой не существующей на данный момент методологической основы. К тому же возникает вопрос: в рамках какой специальности Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь следует выполнять подобное исследование, если придавать ему статус диссертационного?

В силу сказанного представляется наиболее правильным делать в исследованиях акцент на какой-то одной уголовно-правовой науке и предпочтение отдавать только ее междисциплинарным внутрисистемным связям, т. е. условно ставить эту науку «в центр» системы и изучать, как она связана с другими науками системы, и какое влияние на основе выявленных связей могут оказать на нее эти науки, как за счет этого она может обогатиться. В этом случае при реализации данного влияния и наступившем в результате этого ее реальном обогащении, которое осуществит исследователь в своей работе, налицо эффект того, что вся система наук как бы «работает» на развитие одной науки, на которой сконцентрировано основное внимание, а результат исследования есть не что иное, как реализация значения системы уголовно-правовых наук для ее развития.

Степень потребности той или иной уголовно-правовой науки в развитии, основанном на учете внутрисистемных межнаучных связей, а стало быть, в выявлении и изучении этих связей, определяется проблемами обеспечиваемой данной наукой практической деятельности и ее собственно теоретическими проблемами, для устранения которых нужна помощь других уголовно-правовых наук. Эти же критерии определяют и перечень уголовно-правовых наук, влияние которых на нашу науку на данный момент особенно необходимо.

Анализ правоохранительной практики свидетельствует о том, что одной из наиболее остро нуждающихся сегодня в вышеуказанных преобразованиях уголовно-правовых наук является теория оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Обусловлено это отчасти может быть тем, что она является сравнительно новым по историческим меркам научным направлением, а потому недостаточно развитым, но вме-

сте с тем весьма важным в условиях современных реалий, а значит, неуклонно требующим совершенствования.

Теория ОРД согласно проведенному нами анкетированию оперативных сотрудников и анализу дел оперативного учета объективно имеет много проблем, решение которых невозможно без знаний уголовного процесса, криминалистики, уголовного права, криминологии, целого ряда идей, представлений, разработок, концептуальных научных подходов, авторами которых являются представители данных отраслей знаний. Все эти проблемы выражаются, как правило, в низкоэффективной работе практических сотрудников оперативных подразделений.

В соответствии с проведенным нами эмпирическим анализом данные «слабые места», а также участки оперативно-розыскной практики (а, соответственно, и науки), не содержащие ярко выраженных проблемных зон, но имеющие потенциал развития под воздействием других уголовно-правовых наук, с определенной долей условности можно отнести к двум большим группам. Первая группа – это различные элементы научной разработки и практической реализации организационно-правовых и тактических способов и механизмов осуществления ОРД, вторая – различные элементы научного обеспечения и практической реализации того, что собственно посредством этих способов и механизмов осуществляется, а именно основных направлений деятельности оперативных сотрудников (оперативный поиск, оперативно-розыскная профилактика, изобличение лиц, совершающих преступления, раскрытие преступлений и розыск лиц). По большому счету данными направлениями деятельности охватывается вся ОРД. Их еще называют формами ОРД.

На первый взгляд идея выполнения исследования значения системы уголовно-правовых наук для развития оперативно-розыскной теории и практики может выглядеть как попытка объять необъятное, поскольку может показаться, что речь идет о планах по их одновременному совершенствованию целиком. Однако, это не совсем так. Дабы не отклоняться от избранной концепции, совершенствование теории и, как следствие, практики ОРД, основанное на учете междисциплинарных связей в системе уголовно-правовых наук, должно осуществляться по определенным принципам (правилам), которые могут быть раскрыты посредством приведенной ниже схемы, отображающей этапы намеченного исследования, в ходе которого необходимо:

1) выявить эмпирическим путем в оперативно-розыскной теории и практике имеющиеся *проблемы* различного характера и степени сложности, отрицательно влияющие на решение задач ОРД (трудности, проблемы, негативные факторы, недостатки, недоработки, упущения, про-

счета и др.), а также *участки*, не содержащие ярко выраженных проблемных зон, но имеющие потенциал развития (роста, преумножения, повышения качества, эффективности и др.);

2) распределить выявленные в оперативно-розыскной теории и практике проблемы и участки, имеющие потенциал развития, по группам по следующим признакам:

а) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых необходимы исключительно возможности оперативно-розыскной науки;

б) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых достаточно возможностей оперативно-розыскной науки;

в) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых наряду с оперативно-розыскной наукой в рекомендательном плане может быть задействован потенциал других уголовно-правовых наук;

г) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых наряду с оперативно-розыскной наукой необходим потенциал других уголовно-правовых наук;

д) проблемы (участки), для преодоления (оптимизации) которых необходим исключительно потенциал (активное вмешательство) других уголовно-правовых наук;

3) на основании подпунктов «в», «г», «д» предыдущего пункта определить элементный состав системы уголовно-правовых наук, с которыми мы будем работать, условно помещая в центр этой системы оперативно-розыскную теорию, что позволит более глубоко сосредоточиться на наиболее интересных и важных для нас междисциплинарных аспектах, не растекаясь мыслью по огромному древу всех наук, знания которых используются в борьбе с преступностью.

4) выяснить, как именно оперативно-розыскная теория (практика) может быть связана с другими (уже четко определенными в предыдущем пункте) уголовно-правовыми науками (видами практической правоохранительной деятельности) непосредственно в выявленных проблемных местах и участках, имеющих потенциал развития, относящихся к подпунктам «в», «г», «д» пункта 3.

5) изучить установленные связи, т. е. разобраться в том, как каждая связь может способствовать преодолению (оптимизации) выявленных в оперативно-розыскной теории и практике проблем (участков, имеющих потенциал развития);

б) непосредственно приступить к преодолению (оптимизации) выявленных в оперативно-розыскной теории и практике проблем (участков, имеющих потенциал развития), подключая возможности других уголовно-правовых наук.

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ А. А. Трефилов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, ул. Б. Черемушкинская, 34,
117218, Москва, Россия, trefilovaa1989@gmail.com

Рассматриваются виды и порядок проведения негласных следственных действий по законодательству Швейцарии.

Характеризуется особенность швейцарского законодательства – отсутствие обособленной оперативно-розыскной деятельности, выведенной за рамки уголовно-процессуального регулирования.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; уголовный процесс; негласные следственные действия; законодательство Швейцарии.

В УПК Швейцарии от 5 октября 2007 г. в отдельную группу следственных действий законодатель выделяет так называемые «негласные следственные действия», которые можно было бы рассматривать как аналог отечественных *оперативно-розыскных мероприятий*. В связи с этим характерной особенностью швейцарского законодательства является *отсутствие обособленной оперативно-розыскной деятельности*, выведенной за рамки уголовно-процессуального регулирования. По мнению законодателя этой страны, все действия, направленные на выявление, раскрытие и расследование преступления, имеют единые уголовно-процессуальные (криминалистические) корни, в связи с чем отсутствует необходимость в их дифференциации. Отечественный термин «оперативно-розыскная деятельность» даже не имеет аналога в немецком языке и его швейцарском варианте.

1. **Наблюдение за почтовыми и иными отправлениями.** Прокуратура вправе установить наблюдение за почтовыми и иными отправлениями, если: существует настоятельное подозрение, что совершено преступное деяние (Кодекс приводит их исчерпывающий перечень); его тяжесть оправдывает наблюдение; предшествующие следственные действия оказались безуспешными или новые расследования не дали бы результатов или были бы чрезвычайно затруднены. Могут наблюдаться адреса почтовых и иных отправлений следующих лиц: обвиняемого; третьих лиц, если на основе определенных фактов можно предполагать, что обвиняемый использует адреса почтовых и иных отправлений третьего лица или оно принимает определенные сообщения для обвиняемого, или полученные от него сообщения передает другому лицу. Наблюдение за почтовыми и иными отправлениями производится с со-

гласия суда по вопросам мер принуждения. Если при расследовании выясняется, что наблюдаемое лицо быстро сменяет адреса подключения, суд по вопросам мер принуждения в виде исключения вправе дать согласие на наблюдение за всеми идентифицированными подключениями, которые использует наблюдаемое лицо для своих отправок, без необходимости получать необходимое разрешение каждый раз в отдельном случае (*рамочное согласие*). Прокуратура предоставляет суду по вопросам мер принуждения ежемесячно и после окончания наблюдения отчет для получения согласия. Если наблюдение за подключениями в пределах рамочного согласия требует принятия мер по защите профессиональных тайн и данные меры не указаны в рамочном согласии, то суду по вопросам мер принуждения необходимо предоставлять для получения согласия каждое отдельное наблюдение. Прокуратура завершает наблюдение немедленно, как только отпали соответствующие предпосылки или ей отказано в согласии или в продлении срока наблюдения.

2. Наблюдение при помощи технических устройств. Прокуратура вправе применять технические устройства для того, чтобы прослушивать или документировать *непублично произносимые выражения*; наблюдать или фиксировать события, происходящие в непубличных или необщедоступных местах; устанавливать место нахождения лиц или предметов. Применение данной меры может быть предписано только в отношении обвиняемого. Помещения или транспортные средства третьих лиц могут находиться под наблюдением только тогда, когда на основе определенных фактов имеются основания полагать, что обвиняемый останавливается в данных помещениях или использует это транспортное средство.

3. Наблюдение в общедоступном месте. Прокуратура и на стадии предварительного расследования полиция вправе скрытно наблюдать и документировать посредством фото- и звукозаписи лица и предметы, находящиеся в общедоступных местах, если на основе конкретных исходных данных имеются основания полагать, что совершены преступления или уголовные проступки и проведение расследования иными способами было бы безрезультатным или несоразмерно затруднено. Если наблюдение в общедоступном месте, производимое полицией, длилось 1 месяц, то для продолжения применения данной меры требуется согласие прокуратуры. Сообщение отсрочивается или не направляется, если сведения неприменимы для целей доказывания и отсрочка или отказ от защиты неизбежно перевешивают публичные или частные интересы.

4. **Наблюдение за банковскими отношениями**¹. В целях расследования преступлений или уголовных проступков суд по вопросам мер принуждения вправе по ходатайству прокуратуры предписать наблюдение за отношениями между обвиняемым и банком или сходным финансовым институтом. Если суд по вопросам мер принуждения удовлетворяет ходатайство, то он выдает банку или сходному финансовому институту письменные указания о том, какую информацию и документы необходимо предоставлять; какие мероприятия, направленные на защиту сведений, составляющих тайну, надо производить. Банк или финансовый институт не обязаны предоставлять информацию или документы, если они через их выдачу могут уличить себя в том, что они сами могли бы подлежать уголовной или гражданско-правовой ответственности (*Nemo tenetur se ipsun prodere vel accusare* – привилегия против самоизобличения). Лица, взаимоотношения которых с банками подверглись наблюдению, вправе подать в суд жалобу. Срок обжалования начинает исчисляться с момента получения сообщения.

В российской научной литературе с опорой на позитивный швейцарский опыт уже высказываются конкретные предложения о дополнении УПК РФ таким следственным действием, как *наблюдение за банковскими отношениями* [2], прежде всего с целью облегчить возмещение ущерба, причиненного преступлением потерпевшему (например, если бы банки или иные кредитные организации были бы обязаны немедленно информировать следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, о поступлении денежных средств на расчетный счет лица, за которым ведется наблюдение, или об открытии им нового банковского вклада). В рамках тенденции, связанной с информатизацией уголовного процесса, скорее всего российский законодатель рано или поздно прислушается к таким предложениям.

5. **Применение законспирированного агента** имеет место, если сотрудники полиции или лица, которые временно назначены для выполнения полицейских задач, с применением обеспечиваемой документами ложной идентификации – легенды (*die Legende*) – обманным путем получают контакты лиц с целью построить доверительные отношения и проникнуть в криминальную среду, чтобы раскрыть особо тяжкие преступные деяния. Применение законспирированного агента допускается при расследовании около 50 составов преступлений, указанных в УПК.

¹ Швейцарский банк *de facto* обязан предоставить прокуратуре (с санкции суда) практически любую запрашиваемую информацию. В связи с этим в литературе обращается внимание на то, что «от банковской тайны в Швейцарии сегодня осталась лишь красивая сказка» [1].

Далеко не все из них являются тяжкими¹, однако данное процессуальное действие производится, только если это «*оправдывает тяжесть преступления*» (п. «б» ч. 1 ст. 286 Кодекса) и предшествующие следственные действия остались безуспешными или новые расследования не дали бы результатов или были бы чрезвычайно затруднены.

В качестве законспирированных агентов могут быть привлечены сотрудники швейцарского или иностранного полицейского учреждения; лица, которые временно используются для выполнения полицейских задач, даже если они не обладают полицейским образованием. В качестве руководителей группы законспирированных агентов могут использоваться только сотрудники полицейского учреждения. Прокуратура вправе гарантировать законспирированным агентам, что их настоящая личность не будет раскрыта тогда, когда они станут выступать в суде в качестве свидетелей.

Перед любым законодателем встает вопрос: допустить ли *совершение законспирированными агентами преступления* с целью войти в доверие к руководителям преступных группировок и в конечном итоге разоблачить их? УПК Швейцарии допускает действия, нарушающие законодательство об обороте наркотиков, а также использование поддельных денежных знаков, но не более того. Кодекс также устанавливает, что законспирированные агенты не вправе провоцировать кого-либо на преступление и руководить «готовностью к совершению тяжких преступных деяний» (ст. 293). При этом их деятельность в отношении решения другого лица о совершении конкретного преступного деяния может иметь *лишь вспомогательное значение*. Прокуратура в качестве общего правила сообщает обвиняемому не позднее окончания предварительного производства, что в отношении него действовали законспирированные агенты. Если законспирированный агент превышает меру допустимого содействия, то это нужно учитывать при определении размера наказания для оказавшего влияние лица надлежащим образом или отказаться от наказания. Таким образом, швейцарский законодатель различает информаторство и провокаторство, допуская первое и запрещая второе.

По ходатайству прокуратуры федерация вправе посредством деятельности Национального банка для совершения мнимых сделок и документального подтверждения экономических возможностей предоставить в распоряжение необходимые денежные суммы в нужном

¹ Как отмечалось выше, в Швейцарии отсутствует отечественная категоризация уголовно-наказуемых деяний и термин «тяжкое преступление» имеет прежде всего процессуальное значение. В данном случае среди них мы находим в том числе растрату (§ 138), кражу (§ 139 УК), повреждение вещей (§ 144), подделку документов (§ 251).

количестве и виде. Ходатайство должно быть направлено с кратким изложением обстоятельств дела в Федеральное ведомство полиции. Прокуратура принимает необходимые меры защиты переданных в распоряжение денежных средств. В случае их утраты ответственность несет федерация или кантон, к которому принадлежит прокуратура.

Применение законспирированного агента должно быть санкционировано судом по вопросам мер принуждения. Прокуратура направляет в данный орган принуждения в течение 24 часов с момента издания предписания об использовании законспирированного агента следующие документы: предписание, обоснование и процессуальные документы, существенные для санкционирования. Суд по вопросам мер принуждения принимает решение с кратким обоснованием в течение 5 суток с момента издания предписания об использовании законспирированного агента. Санкция может быть выдана *предварительно* или *с требованием предоставить дополнительные процессуальные документы* или произвести последующие разъяснения. В санкционирующем акте определенно указывается, допускается ли разрабатывать или изменять документы для построения или изменения легенды; гарантировать анонимность; использовать лиц, которые не обладают полицейским образованием. Санкция выдается не более чем *на 12 месяцев*. Она может продлеваться один или несколько раз соответственно *на 6 месяцев*. Если продление необходимо, то прокуратура заявляет обоснованное ходатайство перед истечением установленного срока. Если санкция не выдается или не получена, то прокуратура незамедлительно завершает использование законспирированного агента. В этом случае вся документация должна быть незамедлительно уничтожена, а информация, полученная в результате применения законспирированного агента, не может применяться.

Прокуратура инструктирует законспирированного агента перед началом его деятельности. Он подчиняется руководителю, имеющему право давать непосредственные указания. Последний выполняет следующие задачи: инструктирует законспирированного агента детально и непрерывно о заданиях и функциях, а равно как и о работе с легендой; руководит и поддерживает законспирированного агента и постоянно оценивает рискованность ситуации; хранит устные сообщения законспирированного агента в письменном виде и ведет полное досье об использовании; непрерывно информирует прокуратуру. В период использования контакты между прокуратурой и законспирированным агентом производятся только через руководителя.

Если в результате деятельности законспирированного агента обнаружено другое преступное деяние, нежели указанное в предписании, то полученные сведения могут применяться, если для расследования ново-

го преступного деяния может быть предписано задействие законспирированного агента. Прокуратура незамедлительно предписывает данное следственное действие и инициирует производство по санкционированию.

Прокуратура завершает задействие законспирированного агента незамедлительно, если предпосылок для этого более не существует, в санкционировании или продлении отказано или законспирированный агент или его руководитель не соблюдают инструкции или иным образом не выполняют свои обязанности, в частности, если они умышленно предоставляют прокуратуре ложную информацию. Ни законспирированный агент, ни третьи лица, привлеченные к расследованию, не должны подвергаться опасности, которую можно предотвратить. Прокуратура сообщает обвиняемому не позднее окончания предварительного производства, что в отношении него использовались законспирированные агенты.

По замыслу швейцарского законодателя, данное следственное действие должно способствовать расследованию таких преступлений, которые трудно доказать без внедрения агента в преступное сообщество [3, Art. 286].

6. **Тайный розыск** имеет место, если сотрудники полиции в рамках непродолжительных действий в таком виде и образе, чтобы их идентичность и функции не были известны, пытаются раскрыть преступление или уголовный проступок и при этом заключают мнимые сделки (*Scheingeschäft*). Тайные сыщики не оснащаются легендой (в этом проясляется отличие от *применения законспирированного агента*). Их истинное тождество и функция раскрывается в процессуальных актах и при допросах участников процесса. Если предписанный полицией тайный розыск длился один месяц, то для его продления требуется согласие прокуратуры. Полиция сообщает прокуратуре об окончании тайного розыска. При окончании обращается внимание на то, что тайный сыщик не должен подвергаться предотвратимой опасности.

Мы видим, что тайный розыск близок к предусмотренной в российском законодательстве контрольной закупке.

Библиографические ссылки

1. Подустова О. Л. Наблюдение за банковскими операциями как способ защиты имущественных прав потерпевших // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1. С. 52–55.

2. Якушев О. А. Правовые позиции ЕСПЧ и тенденции развития налогового права РФ // Налоговые споры: теория и практика. 2008. № 2. СПС «Консультант Плюс», 2016.

3. Donatsch A., Hansjakob T., Lieber V. Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO). Zürich, 2010. S. 1422.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Н. Тукало

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, *alex-80@tut.by*

Исследуется законодательство Республики Беларусь в области оперативно-розыскной деятельности. Выявляются правовые положения в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», требующие совершенствования, и формулируются авторские предложения по внесению изменений и дополнений в названный Закон.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; оперативный осмотр; законотворчество.

Несмотря на сравнительно непродолжительное время, прошедшее с момента принятия новой редакции Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), правовые механизмы, посредством которых достигается регулирующее воздействие на отдельные виды общественных отношений, затрагивающие данную сферу правоохранительной деятельности, не статичны и нуждаются в постоянном совершенствовании. Любое теоретическое положение в юриспруденции представляется необходимым лишь при том условии, что оно отвечает нуждам практики и связано с законотворческой и правоприменительной деятельностью государства, служит обеспечению правопорядка.

Изучение правоприменительной практики показало, что ряд положений Закона об ОРД нуждается в изменении и дополнении. Процесс совершенствования любого законодательства является естественным и закономерным, а с учетом того, что оперативно-розыскное законодательство Республики Беларусь является по многим своим положениям прогрессивным (по сравнению с аналогичными законами государств – участников Содружества Независимых Государств), то не все предложенные правовые механизмы получили эффективную реализацию в деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь.

С учетом изучения практики деятельности государственных органов, осуществляющих ОРД, а также теоретических разработок современных ученых считаем целесообразным внести в действующую редакцию Закона об ОРД следующие изменения и дополнения.

Так, ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД обязывает должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, проводившее оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ) «оперативный осмотр», «проверочную закупку»,

«контролируемую поставку» вещей, оборот которых запрещен уголовным законом под угрозой наказания, в течение 48 часов с момента окончания их проведения письменно уведомлять об этом прокурора или его заместителя. Фактически, независимо от объектов оперативного осмотра, как при проведении данного ОРМ по решению должностного лица, так и при проведении ОРМ с санкции прокурора или его заместителя, необходимо уведомлять прокурора. На наш взгляд, в указанной норме закреплено излишнее требование об уведомлении прокурора после проведения оперативного осмотра по решению должностного лица, например, общественного места, участка местности или общественного транспорта. Проведение оперативного осмотра указанных объектов не нарушает прав граждан и уведомление прокурора в данном случае не несет никаких правовых последствий. В связи с изложенным полагаем необходимым определить, что в соответствии с ч. 11 ст. 19 Закона об ОРД, уведомление направляется после проведения оперативного осмотра с санкции прокурора или его заместителя, для чего указанную часть после слов «оперативный осмотр» дополнить словами «с санкции прокурора или его заместителя».

Необходимо также изложить ч. 3 ст. 29 Закона об ОРД в следующей редакции: «О проведении контролируемой поставки через Государственную границу Республики Беларусь должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, письменно уведомляет об этом прокурора или его заместителя. Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, письменно уведомляет о проведении контролируемой поставки через участок Государственной границы Республики Беларусь, на котором осуществляются пограничный контроль, органы пограничной службы Республики Беларусь, таможенный контроль – таможенные органы Республики Беларусь».

Необходимость изложенных изменений вызвана тем, что пограничный и таможенный контроль не осуществляются на российско-белорусском участке государственной границы, поэтому направление уведомлений в таможенные органы и органы пограничной службы Республики Беларусь о проведении контролируемой поставки через данный участок государственной границы, предусмотренное действующей редакцией указанной статьи, может привести к необоснованной расшифровке проводимого ОРМ и лиц, привлеченных к его проведению.

Статья 46 Закона об ОРД предусматривает вынесение постановления о прекращении ОРМ при наличии одного из пяти оснований, в том числе при истечении срока проведения мероприятия, санкционированного прокурором, либо срока, указанного в постановлении (мероприя-

тия, проводимые без санкции). Указание конкретных сроков для проведения мероприятия и является тем самым «ограничителем» в длительности проведения ОРМ. Объективно, что решение, принимаемое в постановлении о прекращении ОРМ в связи с истечением срока его проведения, формальное, так как мероприятие уже прекращено в связи с истечением сроков, указанных в постановлении о его проведении, и проводиться сверх данного срока (без подготовки соответствующих документов) не может.

В ходе осуществления надзора за осуществлением ОРД сотрудники прокуратуры при изучении находящихся в производстве оперативных подразделений ОВД дел оперативного учета выявляют нарушения в виде несвоевременной подготовки постановлений о прекращении ОРМ в связи с истечением сроков их проведения. Указанное обстоятельство влечет вынесение актов прокурорского реагирования на нарушение законности при осуществлении ОРД.

В связи с изложенным, предлагаем ч. 3 ст. 46 Закона об ОРД дополнить и изложить в следующей редакции:

«О прекращении проведения наблюдения, проверочной закупки, контролируемой поставки, слухового контроля, контроля в сетях электросвязи, контроля почтовых отправлений, оперативного внедрения и оперативного эксперимента до истечения срока их проведения, на который получена санкция прокурора или его заместителя, либо срока, указанного в постановлении о проведении оперативно-розыскного мероприятия, выносятся постановления с указанием оснований для их прекращения».

Требует своей доработки ч. 10 ст. 50 Закона об ОРД в части четкого разъяснения порядка, объема и перечня сведений, представляемых органами, осуществляющими ОРД, для ознакомления гражданам, располагающим сведениями о проведении в отношении их ОРМ. Статьей 34 Закона Республики Беларусь от 09.07.2010 г. № 170-З «О государственных секретах» определяются категория граждан, которым предоставляется допуск к государственным секретам. При этом ОРМ проводятся органами, осуществляющими ОРД в рамках дел оперативного учета, имеющих ограничительный гриф «секретно». Проверка законности действий органов, осуществляющих ОРД, которые могли привести к нарушению или ограничению прав, свобод и законных интересов граждан, не дает основания гражданам ознакомливаться с государственными секретами, в том числе и материалами ОРД, находящимися в делах оперативного учета. Считаем, что принятие указанных изменений и дополнений будет способствовать совершенствованию действующего оперативно-розыскного законодательства.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МЕТОДИКИ

Д. Л. Харевич

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, dmitryharevich@mail.ru

Исследуется место оперативно-розыскной методики в структуре теорий и учений оперативно-розыскной науки. Обосновывается необходимость дальнейшей проработки на концептуальном уровне соотношения понятий «оперативно-розыскная методика», «оперативно-розыскное обеспечение раскрытия (расследования) преступлений», «организация оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскная методика; организация оперативно-розыскной деятельности.

Научная систематизация тактических приемов и способов оперативно-розыскного выявления и раскрытия различных преступлений указывает на существование определенных закономерностей, выражающих зависимости между сложившейся оперативно-розыскной ситуацией, характером совершенного преступления с одной стороны и применяемыми оперативно-розыскными приемами, способами его выявления (раскрытия) с другой.

Например, выявление и раскрытие преступлений, связанных с оборотом предметов, веществ и документов, запрещенных или ограниченных к обороту, часто сопровождается проведением оперативно-розыскных мероприятий, моделирующих преступную деятельность (оперативный эксперимент, проверочная закупка, контролируемая поставка). Изошренные способы сокрытия и уклонения от привлечения к уголовной ответственности со стороны членов организованных групп, занимающихся вымогательством, мошенничеством, совершающих преступления против жизни и здоровья, в сфере экономики предполагают проведение длительного негласного сбора информации в ходе оперативного внедрения в их среду с последующим возможным принятием мер по разобщению группы, дискредитации ее лидера. Наличие потерпевших от преступления, на которых преступники могут оказывать давление с целью не допустить их обращения с заявлением в правоохранительные органы, предполагает проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление таких лиц. Возможность принятия мер по уничтожению следов преступления влечет необходимость проведения оперативным сотрудником целенаправленных мероприятий по фиксации таких следов негласным путем. Принятие злоумышленниками и их сообщ-

никами попыток уклонения от привлечения к уголовной ответственности является основанием для перехода к реализации собранных материалов. Можно привести и иные примеры, которые позволяют говорить о необходимости целенаправленного выявления и научной систематизации таких закономерностей с целью выработки оптимальных алгоритмов действий, применимых в различных оперативно-розыскных ситуациях.

В российской научной литературе достаточно долгое время ведется речь о необходимости более глубокого исследования указанных аспектов в рамках учения об оперативно-розыскной методике действий субъектов ОРД [1, с. 115–117; 2, с. 226, 232; 3, с. 18; 4, с. 31]. Однако исследовательский прогресс в этом направлении в Республике Беларусь сдерживается закрытым характером многих трудов, ознакомление с которыми затруднено в связи с наличием государственных границ. В то же время за последние годы в нашей стране проведено немало исследований, посвященных этой теме. Подготовлено около двух десятков кандидатских диссертаций и значительное количество научно-практических статей, в рамках которых вырабатываются алгоритмы оперативно-розыскного выявления и раскрытия отдельных видов преступлений. Такой обширный эмпирический материал позволяет с оптимизмом смотреть на перспективы развития оперативно-розыскной методики.

Очертим некоторые устоявшиеся в научной литературе взгляды на характер данного учения. У ученых не вызывают разногласий тезисы о том, что указанное учение призвано обобщить и систематизировать на более высоком уровне абстракции положения оперативно-розыскной тактики путем разработки частных оперативно-розыскных методик выявления и раскрытия преступлений. Они носят ситуационный характер и являются конечным продуктом оперативно-розыскной науки [1, с. 116; 5; 3, с. 18; 6, с. 11–12, 263–266].

Во многих трудах признано, что учение об оперативно-розыскной методике основывается на достижениях частной теории документирования, выступает в качестве ее преемницы [3, с. 18–19; 6, с. 12; 7]. Ученые признают необходимость и полезность использования достижений криминалистической методики для развития рассматриваемого учения [8, с. 109; 5; 7, с. 41]. Одним из аспектов такого заимствования является используемое в криминалистике деление оперативно-розыскной методики на общую и частную [1, с. 116; 6, с. 264].

Ряд взглядов ученых не нашел пока своего широкого подтверждения в эмпирических исследованиях и существует на уровне научных гипотез, предлагаемых моделей. Одной из них является система структурно-содержательных элементов оперативно-розыскной методики, изложенная в работах А. М. Абрамова, А. И. Глушкова, Г. А. Корнилова, в кото-

рую включены: оперативно-розыскная характеристика (знание способов совершения конкретных видов преступлений, механизма образования и проявления следов преступлений действий, модели данного вида преступной деятельности, типологии поведения участников криминального сообщества); типичные оперативно-розыскные ситуации и версии; формы и способы противодействия со стороны криминальной среды; информационная основа для разработки методических рекомендаций по эффективному выявлению отдельных видов преступлений; системность и комплексность применяемых сил, средств и методов [1, с. 116; 2, с. 227; 6, с. 263–264]. К структурно-содержательным компонентам ситуационно ориентированных рекомендаций С. И. Давыдов относит следующие элементы: характеристика типовых оперативно-розыскных ситуаций, рекомендации о способах выявления фактических данных о преступлениях и причастных к ним лицах, рекомендации о комплексах наиболее эффективных приемов использования оперативно-розыскных средств и методов для проверки выдвигаемых версий и др. [2, с. 230].

В научной литературе высказано предположение о возможности создания общей, универсальной (или базовой) оперативно-розыскной методики, служащей основой, моделью для частных (конкретных) методик [2, с. 231].

В то же время в трудах ученых отмечаются и нерешенные проблемы рассматриваемого учения, требующие внимания исследователей. К ним относятся: отсутствие общепризнанной теоретической концепции оперативно-розыскной методики, недостаточная научная проработка ее методологических основ в части определения основных понятий, характеристики ее структурно-содержательных элементов, принципов построения и практического применения. Выражением указанных разногласий является множественность и несогласованность определений оперативно-розыскной методики [5].

Имеются разногласия относительно места оперативно-розыскной методики в структуре теорий и учений оперативно-розыскной науки. Одни ученые придают ей статус самостоятельного раздела или учения указанной науки [2, с. 226; 3, с. 18; 4, с. 27; 9, с. 174], другие – аргументированно критикуют данную позицию, предполагая будущее возникновение на основе оперативно-розыскной методики новой юридической дисциплины – оперативно-розыскной криминалистики [8, с. 109–110] или сысколистики, объединяющей аспекты организации, тактики, методики ОРД [10, с. 200; 11, с. 138, 155].

Серьезные разногласия в научной среде вызывает концепция оперативно-розыскной характеристики преступления, при этом спектр мнений варьируется от ее безусловного признания в качестве единст-

венной информационной модели преступления, основы для формирования любой частной оперативно-розыскной методики [1, с. 118; 2, с. 229; 6, с. 266–270; 7, с. 42] до полного отрицания ее научной значимости [12, с. 223; 8, с. 94–97].

Требует дальнейшего исследования на концептуальном уровне соотношение понятий «оперативно-розыскная методика», «оперативно-розыскное обеспечение раскрытия (расследования) преступлений», «организация оперативно-розыскной деятельности». В научной литературе справедливо отмечена необходимость углубленного исследования вопросов о соотношении науки оперативно-розыскной деятельности (и оперативно-розыскной методики как ее составной части) со смежными науками криминального цикла (криминалистикой, криминологией, уголовным процессом, уголовным правом) [13, с. 21].

Среди исследователей нет единства относительно этапов, составляющих основу для формирования оперативно-розыскной методики. Если для раскрытия фактовых неочевидных преступлений большинство ученых сходится во мнении о выделении первоначального и последующего этапов [2, с. 233], то в отношении латентных преступлений (взяточничество, незаконный оборот наркотиков, экономические преступления и др.) спектр мнений более широк. Наряду с выделением первоначального и последующего этапов [14, с. 49] исследователи делят процесс раскрытия на этапы получения первичной информации, ее оперативной проверки, документирования и реализации [1, с. 124].

В научной литературе указывается на недостаточность разработки проблем типизации оперативно-розыскных ситуаций, алгоритмизации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений [2, с. 232, 234].

Следует отметить, что в оперативно-розыскной методике не отрицается необходимость использования положений криминалистики в оперативно-розыскной деятельности [8, с. 110]. В то же время специфика предмета оперативно-розыскной деятельности, особенности ее методов (способов), применяемых при этом негласных сил и средств обуславливают необходимость изучения соответствующих закономерностей в рамках обособленного учения в структуре науки оперативно-розыскной деятельности. В литературе отмечается более широкий круг задач, на которые направлены рекомендации частных оперативно-розыскных методик в сравнении с криминалистическими методиками. Помимо изобличения подозреваемого лица и возмещения причиненного преступлением ущерба, оперативно-розыскные методики направлены на разработку алгоритмов оперативно-розыскного предупреждения преступлений [6, с. 265].

Приведенные аспекты не исчерпывают всего круга проблем оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия преступлений, позволяя лишь очертить контуры возможного проблемного поля исследований. Однако уже на основании изложенных соображений можно выдвинуть гипотезу о том, что дальнейшее развитие указанного учения позволит не только обогатить науку оперативно-розыскной деятельности, но и повысить эффективность решения ее задач благодаря возможности использования в практической деятельности оперативных подразделений научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью.

Библиографический список

1. Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. 296 с.
2. Давыдов С. И. Проблемы методического обеспечения оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений: модели и алгоритмы // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под общ. ред. К. К. Горяйнова, В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2017. С. 219–239.
3. Дубоносов Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / под ред. Г. К. Сенилова. М. : Юрид. ин-т МВД РФ, Книжный мир, 2004. 184 с.
4. Климов И. А., Сенилов Г. К. Методология развития теории и совершенствования практики ОРД в условиях современного российского общества // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы науч.-практ. конф. / под ред. К. К. Горяйнова, И. А. Климова. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 240 с.
5. Давыдов С. И. Некоторые проблемные вопросы развития теории оперативно-розыскной методики раскрытия преступлений [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2019.
6. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / И. А. Климов [и др.] ; под ред. И. А. Климова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 407 с.
7. Павличенко Н. В., Софронов В. Н. Проблемы разработки частных методик документирования действий лиц, подозреваемых в подготовке и совершении преступлений против собственности // Оперативник (сыщик). 2008. № 3. С. 40–43.
8. Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография. М. : Норма, 2015. 400 с.
9. Чечетин А. Е. Некоторые вопросы теории оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под общ. ред. К. К. Горяйнова, В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2017. С. 171–188.

10. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография : в 3 т. М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2013. Т. I: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней. 455 с.

11. Шумилов А. Ю. Современная оперативно-розыскная наука: формирование новой парадигмы в канве достижений прошлой научной мысли // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под общ. ред. К. К. Горяйнова, В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 129–157.

12. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма, 2001. 240 с.

13. Толочко А. Н. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе юридических наук криминального цикла: анализ современных представлений / УО «Академия МВД Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2019. 199 с.

14. Васильев Н. Н., Харченко С. В. Основы методик раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. Вып. 6. С. 45–49.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ»

В. С. Шемет

ЧУО «БИП-Институт правоведения»

ул. Короля, 3, 220004, г. Минск, Беларусь, *v.s.shemet@mail.ru*

Обосновывается необходимость разработки проекта Закона Республики Беларусь «О внешней разведке», определяется предмет его правового регулирования, главная цель его подготовки, а также формулируется авторское мнение об основных положениях названного проекта Закона.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; внешняя разведка; законопроектная деятельность; законотворчество.

Вопрос о необходимости разработки проекта Закона Республики Беларусь «О внешней разведке» уже неоднократно поднимался на практическом и научном уровнях [1, с. 190–191; 2, с. 66]. Вместе с тем разработанные в настоящее время теоретические положения не нашли отражения в законодательстве.

Вновь вернуться к указанной проблематике нас побудили два фактора.

Во-первых, обращая 19 апреля 2019 г. с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Парламенту, Глава государства А. Г. Лукашенко обозначил «три столпа уверенного курса нашей страны – благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность» [3, с. 2].

Обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь в современных условиях представляет собой комплексный и взаимосвязанный процесс и требует непрерывного совершенствования деятельности всех государственных органов, входящих в состав сил обеспечения национальной безопасности и принимающих участие в этом процессе. Их деятельность порождает специфические общественные отношения между участниками внешней разведки, что требует урегулирования таких отношений именно на законодательном уровне.

Суть внешней разведки заключается в упреждающем выявлении внешних рисков, вызовов и угроз национальной безопасности Республики Беларусь в политической, экономической, научно-технологической, социальной, демографической, информационной, военной и экологической сферах.

О значимости общественных отношений в сфере внешней разведки говорят следующие обстоятельства. В настоящее время Республика Беларусь в силу своего географического положения и проводимой открытой внешней политики подвержена воздействию большинства негативных тенденций современного мира. Стремление ряда стран использовать силовые методы, информационное давление, экономические и ресурсные преимущества для продвижения своих интересов может нанести существенный ущерб национальным интересам Республики Беларусь.

Во-вторых, постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, п. 34 которой предписывает, что «государственное реагирование на риски, вызовы и угрозы в информационной сфере предполагает сбор информации об используемых технологиях, способах деструктивных информационных воздействий и совершения киберпреступлений, анализ, оценку и прогнозирование состояния безопасности данной сферы, выявление реализующихся вызовов и угроз, локализацию негативных последствий и восстановление нанесенного вреда (ущерба)». Именно эти элементы и должны составлять сущность внешней разведки в век ИКТ и перехода к 6-му технологическому укладу, что требует соответствующего правового регулирования как на международном, так и на национальном уровнях.

Законодательное урегулирование отношений в сфере внешней разведки соотносится с процессом оптимизации и совершенствования деятельности государственного аппарата в целом и силового блока в частности, главным предназначением которого определена «надежная защита личности, общества и государства от различных внешних угроз, обеспечение условий для динамичного развития страны и реализации национальных интересов».

В соответствии с п. 63 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, «эффективность обеспечения национальной безопасности определяется способностью системы обеспечения национальной безопасности к своевременному выявлению изменений во внутренней и внешней обстановке, формирующих вызовы и угрозы национальной безопасности», что, по сути, составляет цель внешней разведки.

Таким образом, осуществление внешней разведки – активная мера защиты национальных интересов, которая позволяет заранее прогнозировать возникновение внешних рисков, вызовов и угроз национальной безопасности и превентивно вырабатывать меры адекватного реагирования.

По пути закрепления таких отношений на законодательном уровне пошли многие страны, в частности, Российская Федерация (Федеральный закон «О внешней разведке»), Украина (Законы Украины «О разведывательных органах Украины», «О Службе внешней разведки Украины»), Республика Польша (Законы Республики Польша «Об Агентстве внутренней безопасности и Агентстве внешней разведки», «О Службе военной контрразведки и Службе военной разведки»), Литовская Республика (Закон Литовской Республики «О внешней разведке») и т. д.

При разработке концепции проекта Закона Республики Беларусь «О внешней разведке» необходимо учитывались положения Модельного закона «О внешней разведке», принятого 19 апреля 2001 г. Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ, определяющего порядок организации и функционирования внешней разведки государства.

В целом общественные отношения в сфере внешней разведки обусловлены проведением единой государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, а также реализуемой государством системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам национальным интересам. В силу этого общественные отношения, складывающиеся в ходе осуществления внешней разведки, оказывают влияние на интересы личности, общества и государства практически во всех сферах жизнедеятельности.

С точки зрения объекта правового воздействия, нормы права, регулирующие внешнюю разведку, можно классифицировать следующим образом:

1. Общие нормативные правовые акты:

а) нормы, регулирующие общественные отношения в сфере обеспечения национальной безопасности (Концепция национальной безопасности, Военная доктрина и т. д.);

б) нормы, регламентирующие общие вопросы внешней разведки (Указ Президента Республики Беларусь от 25 марта 2003 г. № 116 «О вопросах внешней разведки»);

в) нормы, определяющие правовой статус субъектов внешней разведки (законы Республики Беларусь «О Вооруженных Силах Республики Беларусь», «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь», «Об органах пограничной службы Республики Беларусь»).

2. Специальные нормативные правовые акты ведомственного характера:

а) нормы, определяющие правовой статус разведывательных служб субъектов внешней разведки;

б) нормы, регламентирующие организацию и тактику проведения разведывательных и иных мероприятий.

3. Специальные нормативные правовые акты межведомственного характера, определяющие порядок координации и взаимодействия между субъектами внешней разведки.

Практика применения Указа Президента Республики Беларусь от 25 марта 2003 г. № 116 «О вопросах внешней разведки» (далее – Указ) показала необходимость кардинальной переработки его положений как структурно, так и по содержанию.

В Указе определены отдельные элементы внешней разведки, а именно – ее субъекты, сферы их деятельности, а также правовое положение и социальные гарантии сотрудников разведывательных служб, членов их семей и лиц, оказывающих (оказывавших) конфиденциальное содействие этим службам.

Проектом Закона предлагается кардинально уточнить ряд используемых терминов.

В Указе отсутствуют определения таких терминов как «сотрудник разведывательной службы», «лицо, оказывающее (оказывавшее) конфиденциальное содействие разведывательной службе».

Кроме того, в Указе не содержатся правовые нормы, касающиеся цели, принципов, правовой основы, методов и средств осуществления внешней разведки, а также контроля и надзора за деятельностью разведывательных служб. Закрепление указанных норм в проекте Закона будет способствовать комплексному совершенствованию функционирования различных государственно-правовых институтов республики в сфере обеспечения национальной безопасности, а также росту имиджа Республики Беларусь как правового государства.

Требуют законодательного закрепления положения Указа, касающиеся полномочий, предоставляемых разведывательным службам.

Проектом Закона предлагается заполнить пробел в правовом регулировании разведывательной деятельности с территории Республики Беларусь при проведении мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан, путем закрепления соответствующего механизма.

Таким образом, учитывая изменения на геополитической арене, важность общественных отношений в сфере внешней разведки, а также значительный объем изменений и дополнений в Указ, регулирующий отдельные вопросы внешней разведки, представляется целесообразным разработать проект Закона Республики Беларусь «О внешней разведке».

Некоторые выводы:

1. Предметом правового регулирования проекта Закона являются общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности субъектов внешней разведки по обеспечению Президента Республики Беларусь, Правительства Республики Беларусь, других государственных органов и организаций сведениями, необходимыми для принятия решений в различных сферах обеспечения национальной безопасности, для содействия политическому и социально-экономическому развитию страны, а также по осуществлению внешней разведки военнослужащими.

2. Главная цель подготовки проекта Закона – дальнейшее развитие законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, создающего благоприятные условия для реализации интересов личности, общества и государства, регламентация внешней разведки как государственно-правового института.

3. Проект Закона должен обеспечить формирование соответствующего современному уровню развития юридической науки государственно-правового механизма внешней разведки, а также установить систему гарантий законности при ее осуществлении.

Библиографические ссылки

1. Шемет В. С. Теоретико-правовые аспекты разведывательной деятельности // Право.by. 2010. № 1(7). С. 186–191.

2. Шемет В. С. Некоторые направления совершенствования правового регулирования разведывательной деятельности // Сацыяльна-эканамічны і прававыя даследаванні. 2011. № 1(23). С. 65–73.

3. Лукашенко А. Г. Три столпа уверенного курса нашей страны: благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность : Послание Президента белорус. народу и Нац. собр., 19 апр. 2019 г. // Совет. Белоруссия. 2019. 20 апр. С. 2.

Раздел VII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

А. Ю. Асабин

ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»,
ул. 3. Бядули, 2, 220340, г. Минск, Беларусь

Исследуются некоторые аспекты предупреждения коррупции в правоохранительной сфере. Выделяются общесоциальные, специальные и индивидуальные меры предупреждения коррупционных преступлений.

Ключевые слова: предупреждение коррупции; правоохранительная сфера; меры предупреждения коррупции; борьба с преступностью; общесоциальные меры; специальные меры; индивидуальные меры.

Коррупция как социально опасный феномен на современном этапе государственного развития продолжает оказывать деструктивное влияние на важнейшие сферы общественных отношений, выходя за границы национальных юрисдикций и становясь объектом все большего внимания отечественных и зарубежных специалистов, занимающихся проблемами отраслевых юридических наук.

Коррупция напрямую детерминирует деградацию государственно-правовых институтов, что наносит значительный ущерб не только общественной и экономической безопасности Республики Беларусь, но и ее статусу эффективного правового государства.

Коррупционные проявления причиняют большой урон авторитету и имиджу правоохранительных органов, являющихся ключевым звеном в обеспечении национальной безопасности, подрывая доверие к ним простых граждан и дискредитируя работников государственного аппарата в целом.

В Республике Беларусь, как подчеркивает Генеральный прокурор А. В. Конюк, борьба с коррупцией – не разовая акция, а системная ежедневная работа. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в настоящее время динамика коррупционных преступлений не приобрела нисходящего тренда. В 2018 г. в сравнении с 2017 г. количество учтенных коррупционных преступлений увеличилось на треть – до 2 тыс., к ответственности привлекается около 1000 должностных лиц [1].

Важнейшим инструментом в противодействии коррупции, недопущении наступления ее пагубных последствий, нанесения вреда лично-

сти, обществу, государству является предупреждение коррупционных проявлений, включающее правовые, институциональные и социально-экономические средства, практическая реализация которых способствует как снижению распространенности коррупционных практик, так и устранению ее основных детерминант.

Сфера предупреждения преступности, как интегративная система комплексного противодействия, включает в себя разноуровневые меры выявления и устранения причин и условий противоправных деяний. По направлению воздействия предупреждение классифицируется на общесоциальное, специальное (криминологическое) и индивидуальное.

Общесоциальные меры направлены на устранение противоправных деяний, других социальных патологий, нарушающих правовые, моральные, нравственные правила и нормы. Общей целью данных мер выступает организация функционирования социума на основе законов и иных актов права, регламентирующих общественные отношения в различных сферах деятельности.

Важной составляющей общесоциальных мер предупреждения коррупционных преступлений в правоохранительной сфере является постоянное совершенствование действующей нормативно-правовой базы, в том числе ведомственных приказов и инструкций, проведение мониторинга эффективности их применения, выявление пробелов и недостатков, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, своевременное внесение новаций и разработка новых перспективных норм.

Специальные и индивидуальные меры направлены на целенаправленное предупреждение противоправных деяний, совершаемых как неопределенным кругом лиц (меры общей профилактики), так и конкретным субъектом (меры индивидуальной профилактики), и осуществляются специально уполномоченными органами, учреждениями, организациями, имеющими нормативно закрепленные функции в данной сфере деятельности.

Базовым законодательным актом, регламентирующим правоотношения в рассматриваемой сфере, является Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Положениями нормативного правового акта регламентированы субъекты профилактики правонарушений, определены их полномочия и принципы деятельности в организации профилактической работы. Статья 13 Закона раскрывает содержание профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений, создающих условия для коррупции.

Реализация мер общей профилактики коррупционных проявлений в правоохранительных органах включает организационно-управленческие,

кадровые, воспитательные мероприятия, проводимые как руководством органов, так и иными уполномоченными субъектами, направленные на упреждение предпосылок противоправных деяний, их нейтрализацию и устранение.

Организационно-управленческие меры включают: повышение эффективности контроля над организацией служебной деятельности, ужесточение требовательности руководителей всех уровней к подчиненным по безусловному исполнению функционально-должностных обязанностей, широкое внедрение в рабочую практику информационных и телекоммуникационных технологий, электронного документооборота.

Эффективной реализацией мер профилактики способствует своевременное решение социальных вопросов, включающее создание благоприятных условий труда, улучшение жилищных и иных проблем, напрямую влияющих на качество исполнения возложенных задач.

Кадровые меры профилактики включают осуществление мероприятий по повышению престижа службы, совершенствование административных процедур, связанных с отбором, подготовкой, назначением на должности, продвижением по службе сотрудников правоохранительных органов, проверкой их квалификации, проведением аттестаций и т. д.

Ключевую роль в предупреждении коррупционной преступности играет проведение идеологической и воспитательной работы, формирование антикоррупционного сознания, высокой корпоративной культуры, обеспечивающих глубокое знание правовых предписаний и осознанного их исполнения в профессиональной деятельности и во внеслужебное время.

Особое внимание следует уделять индивидуально-воспитательной работе, направленной на формирование у служащих патриотизма, высоких морально-нравственных качеств, нетерпимости к коррупционным проявлениям при исполнении служебных обязанностей.

Индивидуальная профилактика заключается в оказании корректирующего воздействия, точечной коррекции девиантного поведения должностных лиц, осуществляемой в соответствии с актами законодательства, направленной на недопущение совершения правонарушения на стадии обнаружения умысла либо приготовления к противоправному деянию. Как указывает К. С. Матевосян, индивидуальная профилактика – это комплекс мер главным образом воспитательного, а также принудительного характера, направленный на устранение антиобщественной направленности поведения конкретного лица, которое может привести его к преступлению [2].

Особенностью индивидуальной профилактики является многоэтапность ее проведения, коррелируемая, как правило, со стадиями совер-

шения преступлений, в соответствии с чем в научных источниках выделяются ранняя, непосредственная профилактики, профилактика на этапе преступного поведения.

В качестве мер индивидуальной профилактики правонарушений нормативными правовыми актами определяются профилактическая беседа, официальное предупреждение, профилактический учет и ряд других.

Указанные меры предупреждения коррупционных преступлений не являются исчерпывающими и дополняются иными, апробирование и внедрение в повседневную практику которых обусловливается спецификой исполнения возложенных на конкретный правоохранительный орган функций и задач по предназначению.

Таким образом, разработка и применение разноуровневых мер предупреждения коррупции выступает наиболее эффективным средством борьбы с ее проявлениями, обеспечивая упреждающее воздействие на формирование коррупционных рисков и угроз, способствуя недопущению перевода общественных отношений в правоохранительной сфере в неправовое русло.

Библиографические ссылки

1. «Борьба с коррупцией в стране – не разовая акция, а системная ежедневная работа». Генпрокурор Александр Конюк представил антикоррупционный декрет на заседании Палаты представителей Национального собрания [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. URL: www.prokuratura.gov.by/ru/info/sobytiya-i-meropriyatiya/borba-s-korrupsiyey-v-strane-ne-razovaya-aktsiya-a-sistemnaya-ezhednevnyaya-rabota-genprokuror-aleksa/ (дата обращения: 12.06.2019).

2. Метовосян К. С. Индивидуальная профилактика преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акад. МВД. М., 1978. 24 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ

Б. В. Асаёнок

УО «Военная академия Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 220, 220030, г. Минск, Беларусь, varb@mod.mil.by

Предлагается разработка рекомендаций по криминалистическому обеспечению некоторых элементов административно-юрисдикционной деятельности, соответствующих определенным критериям.

Ключевые слова: криминалистическое моделирование; административно-юрисдикционная деятельность; административные правонарушения; криминалистическое обеспечение.

Практика выявления и пресечения административных правонарушений настоятельно требует совершенствования. Это касается как тактических рекомендаций по проведению мероприятий начального этапа административного процесса, так и теоретико-методологических подходов к порядку организации стадии начала административного процесса. Традиционно выявление и пресечение административных правонарушений рассматривается в рамках предмета и методов наук административного права и административного процесса. Но также традиционны и недостатки использования средств и методов административистики: выявление и пресечение административных правонарушений определяется с позиций лишь их правового регулирования (т. е. эти меры должны иметь такую правовую регламентацию) и оформления их результатов; ситуативность применения этих мер, организационно-тактические аспекты их осуществления не находят отражения в рекомендациях ученых-административистов, так как не относятся к предмету наук административного права и процесса. Кроме того, вопросы начала административного процесса еще очень мало разработаны в теоретическом плане.

Более эффективным в рассматриваемом контексте представляется использование криминалистической методологии и инструментария. В криминалистической науке уже имеется ряд, хоть и немногочисленных, исследований, посвященных использованию криминалистических средств и методов в административном процессе. Это касается как криминалистического обеспечения административной деятельности, административного расследования, так и использования специальных знаний в административном процессе.

Исследование криминалистического потенциала следственных действий, их развитие и трансформация предлагает несколько иной, отличающийся от вышеуказанных направлений подход. На стадии начала административного процесса нет возможности в полной мере говорить о производстве процессуальных действий, их организация и тактика имеет значение более на стадии подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению. Выявление и пресечение абсолютного большинства административных правонарушений осуществляется в ходе повседневной деятельности должностных лиц государственных органов, учреждений и организаций, которых ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях насчитывает более 70. Эта деятельность в административистике имеет название административной или административно-юрисдикционной деятельности. Однако представляется малоэффективным исследовать криминалистическое обеспечение всей этой деятельности. Далекое не все действия, проводимые в рамках административно-

юрисдикционной деятельности, нуждаются в особых криминалистических рекомендациях. Кроме того, некоторые из них проводятся в рамках специальных операций, режимных мероприятий, проведение которых не имеет криминалистического содержания, т. е. криминалистические средства и методы используются не во всех сферах этой деятельности, да и не всякая административно-юрисдикционная деятельность имеет криминалистически значимые цели – предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений. Не все элементы административно-юрисдикционной деятельности могут быть использованы для выявления и пресечения противоправных деяний и иметь перспективное значение в дальнейшем доказывании противоправного проступка.

Таким образом, наиболее оптимальной видится разработка рекомендаций по криминалистическому обеспечению тех элементов административно-юрисдикционной деятельности, которые соответствуют следующим критериям:

- направлены (полностью или частично) на выявление и пресечение правонарушений;

- имеют ситуативно-тактический порядок осуществления (т. е. их осуществление подчинено требованиям обстановки и варьируется по используемым средствам и способам);

- осуществляются до начала административного процесса в рамках служебных полномочий государственного органа, учреждения, организации;

- возможность применения криминалистических средств и методов при их осуществлении.

В административистике имеется ряд попыток провести структурный анализ содержания административной или административно-юрисдикционной деятельности, результатом чего стали попытки сформулировать понятия юрисдикционного действия, административного акта и т. п. В контексте проводимого исследования считаем более уместным несколько иное, более узкое понятие.

В результате криминалистического анализа административно-юрисдикционной деятельности представилось возможным определить перечень таких действий, которые представляют собой самостоятельную познавательную и деятельностьную единицу. Не желая без необходимости расширять научно-правовой лексикон, предлагаем назвать эту единицу административно-юрисдикционным действием (по аналогии, к примеру, со следственным или процессуальным действием). Название данного действия учитывает то, что оно осуществляется вне рамок процессуальной деятельности, а при осуществлении управленческой, кон-

трольно-надзорной или регулирующей деятельности соответствующего субъекта. Юрисдикционный характер такого действия подчеркивает то, что субъект имеет определенное законодательством полномочие на выявление и пресечение правонарушений именно посредством производства данного действия. Это особенно важно в связи с тем, что некоторые из административно-юрисдикционных действий могут ограничивать права и свободы граждан.

Последующим этапом определения роли административно-юрисдикционного действия в выявлении и пресечении административного правонарушения является создание его криминалистической модели в двух аспектах:

– административно-юрисдикционное действие как объект криминалистического познания (т. е. каков криминалистический потенциал данного действия или их системы, комплекса, что представляют они собой в доказательственном плане);

– административно-юрисдикционное действие как средство и способ криминалистического познания.

В первом аспекте речь идет о формировании применительно к данному действию следующих конструкций и категорий: структура действия, его тактические задачи (в целом), возможности использования для выявления, пресечения правонарушений и в доказывании, порядок закрепления результатов (криминалистический и юридический) и др.

Во втором – о самостоятельном значении административно-юрисдикционного действия в контексте ситуалогического подхода при выявлении и пресечении правонарушений, формировании оптимальной последовательности административно-юрисдикционных действий в той либо иной криминалистически значимой ситуации.

СОВРЕМЕННЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКАЗЧИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В. Ф. Ермолович

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005 Минск, Беларусь, *v.eletnov@mail.ru*

Характеризуется заказчик преступления с позиций уголовного права, практики документирования и доказывания. Обоснована потребность закрепления в Уголовном кодексе Республики Беларусь нового вида соучастников преступления – «заказчика».

Ключевые слова: уголовное право; доказывание; заказчик; соучастие; уголовное законодательство; противоправная деятельность.

В спектре решаемых в нашем государстве проблем уменьшения количества и снижения общественной опасности преступлений существует объективная необходимость в углубленном понимании и разграничении различных видов соучастников преступлений. Это обусловлено тем, что на практике остаются вне соизмеримого содеянному уголовному наказанию фактически заказчики многочисленных видов умышленных преступлений (убийств, массовых беспорядков, контрабанды, отдельных видов преступлений, связанных с наркотическими средствами и др.).

Исследование отечественного и зарубежного законодательства свидетельствует, что такой вид соучастников, как «заказчик», не используется в уголовном праве и не нашел закрепления в уголовном законодательстве. Изложенное обуславливает целесообразность постановки и определения направлений решения данной проблемы.

Характеризуя заказчика преступления с позиций уголовного права, практики документирования и доказывания организаторов и других видов соучастников, закрепленных в Уголовном кодексе Республики Беларусь, целесообразно отметить некоторые признаки выделяемого вида соучастия:

- данное лицо может рассматриваться инициатором совершения конкретного преступления;

- оно свою противоправную деятельность может в преступном формировании ограничить только заказом на совершение преступления;

- данное лицо за заказ преступления с определенными общественно опасными последствиями совершает (совершило либо совершит) в пользу определенного лица (лиц): передачу чего-то; оказание каких-то услуг, включая прощение долга; выполнение каких-то работ; обещания чего-то решить.

При таком понимании организатор преступления действует по заказу от другого лица на это общественно опасное деяния с определенными последствиями. В отдельных случаях рассматриваемый нами заказчик может выступать соисполнителем. Он может выступать в соучастии как организатор, исполнитель. При соисполнительстве, особенно многоэпизодного преступления, он может по отдельным эпизодам, совершая определенные действия, выступать и в качестве пособника.

Применительно к тяжким и особо тяжким умышленным преступлениям можно отметить следующие характерные признаки заказчика этих преступлений:

- заказ может быть сделан до покушения на конкретный вид преступления (например, массовые беспорядки, убийство);

- заказ преступления может быть инициирован на основании определенного денежного вознаграждения;

– заказ может быть инициирован посредством принуждения возврата долга;

– заказ может быть обоснован перспективой получения каких-либо выгод (должности, участка земли для строительства объекта, др.;

– заказ может быть незамедлительно востребован в силу проигрыша в карты, рулетку, казино и т. д.;

– заказ может быть реализован на основании совпадения низменных мотивов о совместной мести человеку.

На практике заказ может быть сформулирован как цель преступления:

– убить человека;

– уничтожить имущество конкретного лица (лиц);

– причинить физические, психические (душевные) страдания конкретному лицу (лицам);

– дискредитировать, опозорить (обесчестить) человека (его родных, близких ему людей);

– сорвать определенное мероприятие (выборы, народные гуляния, спортивное соревнование, религиозный праздник и др.);

– обанкротить конкретное юридическое лицо (промышленное предприятие, холдинг и т. д.);

– организовать и провести массовые беспорядки и др.

Таким образом, заказчиком преступления может признаваться:

– лицо, поручившее совершение преступления организатору или исполнителю;

– лицо, открыто или скрыто выразившее свою просьбу организатору или исполнителю;

– лицо, заранее обещавшее расплатиться за совершение преступления, либо уже расплатившееся, либо предоставляющее какие-либо материальные блага частями.

Представляется, что заказ возможен только в совершении умышленных преступлений. Лицо, заказывающее совершение преступления осознает общественно опасный характер своего действия, а также деяний других соучастников. Он предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в результате совместных действий и желает или сознательно допускает их наступление либо относится к ним безразлично.

Заказчик своими действиями вызывает у других соучастников мотивы и цели совершения преступления. Между этими лицами, их желаниями, побуждениями, устремлениями и наступившими либо предполагаемыми общественно опасными последствиями (в случае покушения на умышленное преступление) объективно имеет место причинная связь, необходимая для квалификации соучастия в преступлении.

На современном этапе выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых группой лиц, в соответствии с действующим уголовным законодательством целесообразно выделять специально локальную группу задач относительно доказывания в рамках «института организатора» противоправных действий фактического заказчика преступления. При определении индивидуальной меры наказания к таким лицам следует применять более строгие санкции.

В ближайшей перспективе, безусловно, следует глубоко проработать решение проблемы заказчика преступлений, не только в теории права, но и в уголовном законодательстве Республики Беларусь. На протяжении последних десятилетий объективно существует потребность закрепления в ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь нового вида соучастников преступления – «заказчика».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ТРАНСПЛАНТАЦИЕЙ ПРИ НАРУШЕНИЯХ КОНСТАТАЦИИ СМЕРТИ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Ю. В. Кухарьков

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Характеризуется объективная сторона преступления в связи с трансплантацией при нарушениях констатации смерти головного мозга, а также определяются обстоятельства, которые необходимо устанавливать при возбуждении уголовных дел и при расследовании преступлений в связи с трансплантацией.

Ключевые слова: преступление; трансплантация; расследование преступлений; смерть головного мозга.

Необходимость устанавливать смерть головного мозга (СГМ) и на основании этого признавать человека мертвым возникает: 1) при необходимости забора органов и тканей для трансплантации (пересадке тканей или органов от тела одного человека, живого или мертвого, другому человеку для сохранения его жизни); 2) для разрешения вопроса о прекращении реанимационного пособия (поддержания деятельности сердечной, дыхательной, других систем органов). Для решения задач трансплантации констатация СГМ необходима в силу того, что ряд значимых для жизни органов и тканей пригодны для пересадки лишь при достаточно сохраненной жизнеспособности; после прекращения кровообращения и дыхания они в короткие сроки (исчисляется минутами) погибают, и для трансплантации становятся непригодными. Такие органы и ткани определяются как «непереживающие» (в отличие от «пере-

живающих», которые могут изыматься спустя несколько часов и даже до суток после остановки кровообращения и дыхания) [1, с. 33, 34].

Из непереживающих органов и тканей изымают и трансплантируют почки, печень, сердце и некоторые другие: за историю Республики Беларусь к текущему 2019 г. таких операций было проведено более 4 тыс.; при этом трансплантация связана с платными услугами для иностранных пациентов [2].

Трансплантация непереживающих органов во всем мире проходит на фоне их недостаточного количества, учитывая, что не всякий пациент, у которого имеется смерть головного мозга, пригоден как донор: медицинские критерии пригодности определяются состоянием здоровья, возрастом и причиной смерти. Обычно это люди, получившие травму головы, погибающие от этой травмы при неповрежденных внутренних органах. Следует отметить, что непереживающие органы и ткани могут быть также получены от живого донора, однако, в силу различных причин, для этого имеется множество различных препятствий. Недостаток непереживающих органов и тканей, возможность платного получения медицинской помощи при этом сами по себе могут породить криминогенный риск, в том числе при констатации СГМ.

Возможность забора органов и тканей от умершего донора при смерти головного мозга подразумевает обязательную регламентацию условий и порядка констатации СГМ, что прямо определено соответствующими нормативными правовыми актами (Законом Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» от 04.03.1997 № 28-З; Инструкцией о порядке констатации смерти, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 20.12.2008 № 228). Смерть головного мозга (когда сохраняется сердечно-сосудистая и дыхательная деятельность) в современных нормативных положениях приравнивается к биологической смерти (когда необратимо прекращается деятельность жизненно важных систем органов – сердечно-сосудистой, дыхательной, нервной [1, с. 30]).

Как нормативно определенные в Республике Беларусь условия и порядок констатации СГМ приводятся положения:

– решение о наступлении смерти головного мозга принимает врачебный консилиум в условиях государственного учреждения (больницы) Минздрава;

– в состав консилиума для констатации смерти пациента включаются врачи-специалисты с опытом работы по специальности не менее 5 лет, обязательно врач-анестезиолог-реаниматолог, врач-невролог или врач-нейрохирург; также иные врачи для проведения дополнительных инструментальных исследований;

– в констатации СГМ не могут участвовать врачи-специалисты, которые будут осуществлять трансплантацию, а также члены бригад, обеспечивающих забор органов человека, тело которого предполагается использовать как донорское;

– нормативно определены исчерпывающие списки: причин и признаков смерти головного мозга; медицинских мероприятий, которые необходимо выполнить при констатации СГМ; причин и показателей состояний, сходных с СГМ;

– консилиум определяет признаки, указывающие на гибель мозга; смерть головного мозга должна быть подтверждена при нескольких исследованиях с определенными интервалами между ними, может быть подтверждена инструментальным исследованием (электроэнцефалограммой или другим);

– имеются особенности обследования пациента детского возраста при СГМ;

– констатация смерти головного мозга оформляется протоколом.

По сути, констатация смерти головного мозга является формальным актом, когда человек в какой-то момент (при оформлении протокола) признается мертвым, а его состояние фактически при этом не меняется; точно в таком же состоянии до этого момента он считался живым.

Полагаем, что условия и порядок признания человека мертвым при СГМ с последующим забором его органов и тканей для проведения трансплантации подлежит уголовно правовой охране по статьям, где трансплантация приводится в диспозиции, либо как квалифицирующий признак. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) преступления в связи с получением органов и тканей для трансплантации приводятся в шести статьях: 1) п. 9 ч. 2 ст. 139; 2) п. 4 ч. 2 ст. 147; 3) ст. 163; 4) ст. 164; 5) п. 5 ч. 2, ч. 3 ст. 182; 6) ст. 348. При нарушениях констатации СГМ в соответствии с содержанием диспозиций приведенных статей УК может определяться в какой-либо из двух норм: 1) п. 9 ч. 2 ст. 139 УК, когда при нарушениях констатации СГМ происходит убийство с целью получения трансплантата; 2) ч. 2 ст. 164 УК, когда при констатации СГМ происходит нарушение условий и порядка изъятия органов или тканей, влекущее по неосторожности смерть донора.

Убийство в целях получения трансплантата путем нарушения условий и порядка констатации СГМ будет тогда, когда умышленно, заведомо ложно констатируется смерть человека. При этом в обоснование признания человека мертвым могут искусственно воссоздаваться и документироваться признаки, указывающие на гибель головного мозга, в консилиуме не участвуют специалисты надлежащей квалификации, либо консилиум не собирается.

Нарушение условий и порядка изъятия органов или тканей, влекущее по неосторожности смерть донора, может быть при ошибочном признании смерти головного мозга. Это возможно:

– когда не выполнены или правильно не учтены результаты необходимых медицинских обследований;

– не выявлены состояния, которые проявляются у пациента аналогично, как и смерть головного мозга (гипотермия, низкое давление, наркотические и лекарственные отравления, гипогликемия и некоторые другие);

– не выполнены обследования необходимого количества раз с определенными интервалами и не использовались объективные инструментальные исследования;

– не учтены возрастные особенности пациента.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) при заборе органов и тканей человека для трансплантации возможно убийство или причинение смерти по неосторожности при нарушениях условий и порядка констатации СГМ; 2) определение неверного установления факта смерти головного мозга требует учета нормативно выделенных условий и порядка; 3) нарушения констатации СГМ при заборе органов и тканей у умершего донора могут являться теми обстоятельствами, которые необходимо устанавливать при возбуждении уголовных дел и при расследовании преступлений в связи с трансплантацией.

Библиографические ссылки

1. Судебная медицина для юриста : учеб. пособие / Ю. В. Кухарьков [и др.] ; под ред. Ю. В. Кухарькова. Минск: Тетралит. 2014. 168 с.

2. В Беларуси уже провели около 4 тысяч пересадок органов. Сколько денег стране приносит трансплантация? [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/society/624447.html> (дата обращения: 11.05.20190).

ОТ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В. Н. Руткевич

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by

Исследуются понятия «преступление» и «наказание» с точки зрения ретроспективного анализа. Рассматривается сущность преступления в уголовном законодательстве, начиная со времен Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: уголовное право; преступление; наказание; уголовное законодательство; история уголовного права.

Хотелось бы отметить, что в системе уголовного и уголовно-процессуального институтов одно из важнейших мест занимают категория преступления и наказание. Они прошли длительный исторический путь развития и становления. «На исторический характер преступления указывает то, что оно возникает на определенном этапе развития человеческого общества, что смена общественно-экономических формаций ведет к изменениям его содержания. А конкретные условия и задачи развития государства в разное время определяют опасность совершения различных преступных действий [1, с. 147].

Одними из основных источников изучения древней истории уголовного права являются летописные известия и памятники, которые основывались на обычном праве древних белорусских государств. В тот период основными регуляторами общественных отношений являлась мораль и зарождающееся право, которые пока еще были близки по своему существу и содержанию. Таким образом, можно было обходиться сложившимися обычаями, которые передавались и почитались из поколения в поколение. В то время многие важнейшие жизненные и государственные вопросы разрешались на вечевых сходах жителей, в том числе и возникающие между согражданами споры (в теперешнем понимании – уголовные дела). Собственно, таким образом и создавались новые правовые нормы, в том числе и в вопросах преступления и наказания.

Постепенно понятия «преступление» и «наказание» начинают находить правовую регламентацию и дальнейшее развитие уже в писаных законах древних белорусских земель. В эпоху обычного права содержание преступного деяния определялось чисто внешними признаками. И прежде всего причинением вреда частному лицу.

И только в период Великого княжества Литовского в XIV–XV вв. наряду с обычным правом начинает складываться и действовать единое образное законодательство – общеземское право. Термина, обозначающего «преступление» в современном смысле слова еще не было, и в нормативных актах этого периода использовался обычный разговорный белорусский язык. Для обозначения преступного деяния, к примеру, использовались такие термины, как «выступ», «выступок», «кривда», «злодейство», «гвалт», «збыток», «злочинства» и т. д. [2, с. 113].

На протяжении XV–XVI вв. начинает вырабатываться специальная юридическая терминология для обозначения преступления. Уже в Привилее великого князя Казимира 1447 г. впервые говорится о преступлении как о противоправном деянии-проступке.

Более близкое к современному понятию «преступление», встречается в первом кодифицированном криминальном законе – Судебнике 1468 г. Там дается более четкое определение противоправного характера

преступного деяния, так как законодатель использует такие словосочетания, как «проступка», «выступ из права», «над правом сягнуть» и т. д. А уже в Первом Статуте 1529 г. подчеркивается противоправность тех деяний, которые законодатель считает преступными. В статьях же Статута 1588 г. постоянно отмечается, что преступным является общевредное, общепаспное, виновное, противозаконное деяние [2, с. 113–114].

И хотя данный закон еще не содержал полного и четкого понятия преступления, но уже тогда законодатель под преступлением понимал противоправное, виновное деяние, несущее в себе элемент общественной опасности и посягающее на феодальный общественный строй, правопорядок, феодальную собственность, человека, его права и интересы [2, с. 113–114].

После присоединения в конце XVIII в. белорусских земель к Российской империи Статут 1588 г. продолжал действовать, но с исключением из него правовых норм, противоречащих имперской политике и законодательству. Он существенно повлиял и на последующее уголовное российское законодательство. Однако освободительные восстания 1830–1831 гг. в Польше, Беларуси и Литве привели к изменению уголовной политики в отношении присоединенных регионов и действие Статута 1588 г. на многих землях было отменено, и в 1840 г. на все белорусские земли было распространено действие Свода законов Российской империи. В 1846 г. в Российской империи вводится в действие Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Это собственно был прообраз теперешнего Уголовного кодекса, который с последующими изменениями действовал до Октябрьской революции 1917 г., хотя в Уложении и не было четкого различия между понятиями «преступление» и «проступок. Под преступлением понималось как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания «законом предписано». В ходе судебной реформы 1864 г. принимается «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», который регламентировал проступки, за которые назначалось наказание в виде лишения свободы сроком до одного года.

В ходе совершенствования уголовного законодательства в 1903 г. принимается Уголовное уложение. Первая глава «О преступных деяниях и наказаниях вообще» фактически явилась Общей частью уголовного закона. В Уложении под преступлением признается деяние, «воспрещенное во время его совершения законом под страхом наказания».

В период Первой мировой войны уголовное законодательство изменялось применительно к военным действиям.

После Октябрьской революции 1917 г., несмотря на смену общественно-политического строя, Уголовное уложение 1903 г. в значительной

степени повлияло на создание советского уголовного права. После установления советской власти, с учетом того, что прежнее законодательство отвергалось как буржуазное, а новое еще не было создано, определенное время продолжали руководствоваться прежними законами. Постепенно в РСФСР принимается ряд уголовных правовых актов, в которых дается определение преступлению и наказанию. Все нормативные акты РСФСР без всякого ограничения применялись на всей территории Беларуси, хотя 1 января 1919 г. было провозглашено образование Белорусской ССР. Принятый в 1922 г. Уголовный кодекс РСФСР в этом же году официально вводится и в БССР. С 1924 г. он стал называться Уголовным кодексом Белорусской ССР. В последующие годы в него вносились самые разнообразные изменения и дополнения и уже в 1928 г. был принят самостоятельный УК БССР. В нем «преступлением признавалось всякое действие и бездействие, направленные против основ советского строя или правопорядка, установленные рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период». В этот период допускались аналогии права, т. е. применение тех статей УК, которые наиболее сходны по роду и важности преступлений. Как видим, данное определение носило открыто классовый характер, выделяло только общественную опасность деяния, не показывая его уголовную противоправность, создавая предпосылки для проведения репрессивной политики и судебного произвола. И только в 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик, которые наконец отменили норму использования уголовного закона по аналогии, дополнив социальную характеристику преступления как общественно-опасного деяния уголовно-правовым признаком – «нет преступления без указания о том в уголовном законе».

На основе положений Основ уголовного законодательства СССР был разработан и в 1961 г. принят УК БССР, который под преступлением предусматривал предусмотренные уголовным законом общественно-опасные деяния (действие или бездействие), посягающие на советский государственный строй, социалистическую систему, социалистическую собственность и т. д. За длительный период своего действия УК БССР 1961 г. подвергался существенным изменениям, устраняя пробелы в уголовном законе. Особенно значительное изменение норм УК БССР произошло в 1990 г. после провозглашения суверенитета Беларуси. Он официально стал называться Уголовным кодексом Республики Беларусь. Внесенные впоследствии в него дополнения и изменения в итоге сформировали действующее на сегодняшний день уголовное законодательство. В ст. 11 УК было дано новое научное определение понятия «преступление». «Под преступлением понимается совершенное виновно

общественно-опасное деяние, характеризующееся признаками, предусмотренными уголовным законом, и запрещенное им под угрозой наказания».

Как видим, преступлением может быть только общественно-опасное деяние, которое неотъемлемо имеет признаки:

- общественная опасность;
- запрещенность уголовным законом;
- уголовная наказуемость;
- виновность.

Очевидно, что в нашем теоретическом исследовании уголовного законодательства различных исторических периодов речь идет об абстрактном общественно-опасном деянии, заведомо имеющем все отмеченные признаки преступления.

При практическом же рассмотрении конкретного общественно-опасного деяния неизбежно возникает проблема выявления, установления и доказывания этих признаков. Во многом в этом нам помог сам Законодатель, выделив в Особенной части Уголовного кодекса (в уголовном законе) исчерпывающий перечень общественно-опасных деяний, а также установив санкции (наказание) за их совершение. А что же с виновностью? Ответ на этот вопрос нам дает Конституция Республики Беларусь, которая устанавливает, что «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность» (ст. 26). А это возможно не иначе как при производстве по материалам и самому уголовному делу – выявить, установить и доказать все признаки общественно опасного деяния, чтобы квалифицировать его как преступление.

Таким образом, мы видим, что преступление в реальности не просто общественно опасное деяние, имеющее признаки преступления, а деяние, признаки которого установлены и обоснованы специально уполномоченными на то должностными лицами органов уголовного преследования. Если они в деянии разглядели все признаки преступления – быть преступлению, а если «сэкономили зрение», не увидели (или не захотели увидеть) признаки преступления – нет преступления.

Библиографические ссылки

1. Курс советского уголовного права: часть общая / А. А. Пионтковский [и др.]; под ред. А. А. Пионтковского. М. : Юрид. лит., 1970. 213 с.

2. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.]; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. 863 с.

ПРАВО И ТЕХНИКА

А. Л. Савенок

УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, *a.savenok@rambler.ru*

Обосновывается, что в качестве превентивных мер возрастающему доминированию техники, необходимо разработать правила безопасного взаимодействия техники и человека. Сформулировано авторское мнение о правилах безопасного взаимодействия техники и человека.

Ключевые слова: правила безопасности; технические средства; взаимодействие техники и человека; правовое регулирование.

В настоящее время сложно представить жизнь общества без автоматизации производства, применения новых конструкционных материалов, использования ракетно-космической техники, широкого применения компьютерной техники и информационных технологий. Кульминацией усилий в этом направлении должно стать создание искусственного интеллекта, способного по своим возможностям сравниться с человеком и заменить его во многих сферах деятельности. Очевидно, что новые технологии привели к событиям, существенно повлиявшим на социальную реальность. Предсказать все положительные стороны и отрицательные последствия такого развития событий вряд ли возможно. Однако уже сейчас возникают проблемы, пока не нашедшие соответствующего осмысления в современной юридической науке и правоприменительной практике, но требующие безотлагательного решения. Одной из них является необходимость правового обеспечения применения техники с элементами искусственного интеллекта. Наглядно это можно увидеть на примере использования беспилотной техники, и в частности, беспилотных автомобилей – одного из самых динамично развивающихся направлений использования искусственного интеллекта.

Произошедшие в последние годы дорожно-транспортные происшествия при испытании беспилотных автомобилей наглядно показали необходимость совершенствования законодательства, поскольку вопрос о правовой оценке деятельности лиц, причастных к смерти участников дорожно-транспортных происшествий, остается нерешенным. Очевидно, что без урегулирования вопросов ответственности субъектов, осуществляющих разработку, производство, продажу, эксплуатацию и сервисное обслуживание беспилотной техники, дальнейшее развитие этого перспективного направления будет крайне сложно. Отдельной проблемой является необходимость разработки методики расследования таких дорожно-транспортных происшествий.

Как известно, нормативные правовые акты, регулирующие дорожное движение, сконструированы с учетом того, что за рулем каждого транспортного средства (или состава транспортных средств), осуществляющего движение, должен находиться водитель, который им управляет. При этом водитель обязан обладать необходимыми физическими и психическими качествами, а его физическое и умственное состояние должно позволять ему управлять транспортным средством. Такие требования изложены в Венской конвенции о дорожном движении. Принятые с учетом этих требований действующие нормы законодательства конкретного государства, регулирующего правила дорожного движения, позволяют в подавляющем большинстве дорожно-транспортных происшествий абсолютно точно установить его виновника со всеми вытекающими правовыми последствиями. Однако в случае причинения вреда общественным отношениям с участием беспилотного автомобиля ситуация с правовой точки зрения меняется кардинально, особенно когда речь идет об уголовной ответственности. Как известно, функционирование беспилотного транспортного средства не предполагает нахождение в нем водителя, поскольку функция управления передается компьютерной программе, обладающей свойствами искусственного интеллекта. Однако участие в разработке такой программы большого количества субъектов порождает сложность в определении конкретного виновного лица при совершении аварии, повлекшей гибель людей или причинившей имущественный ущерб. Сформировавшиеся в прошлом веке и доминирующие в настоящее время подходы в теории уголовного права не позволяют решать однозначно вопросы вины в случае причинения вреда беспилотной техникой. Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) с подобными проблемами ранее не сталкивался.

В настоящее время ответственность за причинение вреда жизни или здоровью человека в результате дорожно-транспортного происшествия предусмотрена ст. 317 УК «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств». Для привлечения к ответственности по УК необходимо наличие вины – психического отношения лица к совершенному им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям (для преступлений с материальным составом), выраженное в форме умысла или неосторожности. Понятие вины основывается на закрепленном в ч. 5 ст. 3 УК принципе личной виновной ответственности, который исключает уголовную ответственность за невиновное причинение вреда. Содержание вины образуют такие элементы, как интеллект и воля. В интеллектуальный элемент вины входит осознание характера совершаемого действия или бездействия, а при совершении преступлений с материальным составом – также

и предвидение (возможность предвидения) общественно опасных последствий. Воля – это практическая реализация сознания. С помощью волевых усилий человек способен руководить собой, следовать своему собственному плану и менять его в соответствии со своими новыми намерениями.

Сознание позволяет с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния) осмысливать события, происходящие в объективном мире и по этой функции искусственный интеллект имеет с ним определенное сходство. Так, существующие компьютерные программы с помощью технических средств (радаров, лидаров, видеокамер и пр.) позволяют в обобщенном виде отражать действительность, анализировать видеопоток, практически безошибочно идентифицировать различные объекты. По аналогичному принципу устроен человек. Хотя, безусловно, прямое сравнение сознания человека и функций искусственного интеллекта некорректно.

Кроме сознания, интеллектуальную деятельность человека составляет предвидение (или непредвидение). Искусственный интеллект также обладает функцией предвидения некоторых событий. Так, если соответствующие устройства беспилотного автомобиля при его движении зафиксировали выкатывающийся на дорогу мяч, то искусственный интеллект с высокой долей вероятности может спрогнозировать появление на проезжей части ребенка или собаки. Предвидя определенные события, искусственный интеллект может корректировать работу технических средств, в том числе движение беспилотного автомобиля. Следовательно, искусственный интеллект может в общем виде имитировать некоторые функции сознания и предвидения, что в определенной степени воспроизводит интеллектуальный критерий вины.

Вторым элементом психологического содержания вины является волевой элемент, являющейся практической реализацией сознания. При помощи волевых усилий человек регулирует свое поведение. Иными словами, волевой элемент проявляется в сознательном направлении умственных и физических усилий на принятие решения, достижение установленных целей и реализации определенного варианта поведения. Наличие воли – важнейшее качество человека и обучить искусственный интеллект принимать решения, значит вывести его на уровень, по своим возможностям сравнимый с человеком.

Как видно, использование беспилотной техники с элементами искусственного интеллекта влечет за собой целый спектр новых проблем, связанных с уголовной ответственностью. Поскольку понятие вины основывается на принципе личной виновной ответственности, искусственный интеллект не может быть субъектом уголовного права. В то же

время процесс создания беспилотной техники с элементами искусственного интеллекта требует участия в его разработке большого количества специалистов, что создает серьезные трудности в определении вины конкретных лиц. Использовать положения института соучастия в преступлении также представляется проблематичным, поскольку соучастие возможно только в умышленных преступлениях. Учитывая эти обстоятельства, законодателю, скорее всего, придется отказаться от уголовного преследования за вред, причиненный беспилотной техникой. Такая ответственность за причиненный вред может быть возложена в гражданско-правовом порядке на производителя или собственника беспилотного транспортного средства. Как известно, в соответствии со ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. К сожалению, в этом случае обществу придется свыкнуться с мыслью, что при возмещении ущерба жизнь и здоровье человека подлежат оценке в конкретной денежной сумме. Подводя итог, отметим, что в качестве превентивных мер возрастающему доминированию техники, необходимо разработать правила безопасного взаимодействия техники и человека. Как представляется, в общем виде такие правила (законы) могут быть сформулированы следующим образом:

1. Человек не может передавать технике (роботу) право на осуществление юридически значимых действий.
2. Человек не может передавать технике (роботу) право на осуществление действий, требующих морального выбора.
3. Человек не может возлагать на технику (робота) ответственность за вред, причиненный в процессе ее функционирования.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. Б. Скаков

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
ул. Сатбаева 2, 010000, г. Нур-Султан, Казахстан, *aidarkan@mail*

Исследуются проблемы обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов граждан в уголовном законодательстве Республики Казахстан и вносятся предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: уголовное законодательство; конституционные права; конституционные свободы; законные интересы граждан.

В соответствии с нормами Основного Закона – Конституции права, свободы и законные интересы должны обеспечиваться уполномоченными на то государственными органами на всех стадиях уголовного судопроизводства. Текущие законы – Уголовный кодекс (УК), Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) и Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) Республики Казахстан в целом соответствуют в этом вопросе требованиям международных документов. Принятие в 2014 г. новых редакций (а фактически – новых законов) УК, УПК и УИК стало отправным моментом формирования законодательства строящегося правового государства. Многие из новелл Всеобщей декларации прав человека (10.12.1948 г.), Международного пакта о гражданских и политических правах (16.12.1966 г.), Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (10.12.1984 г.), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (04.11.1950 г.), Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденный Генеральной Ассамблеей ООН № 43/173 (09.12.1988 г.), Европейской Конвенции о выдаче (13.12.1957 г.), Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (26.05.1995 г.) и Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы от 21.05.2015 г.) имплементированы в национальное законодательство Казахстана.

Вместе с тем вышеназванные законы, к сожалению, не в полной мере обеспечили эффективную защиту прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Именно поэтому, на наш взгляд, в еще не вступивший в законную силу, например УК, были внесены изменения. В настоящее время УК претерпел более 1000 изменений и дополнений. И, как представляется, процесс внесения изменений будет только нарастать. Думается, причиной тому является быстрое формирование законов без учета современных положений науки и правоприменительной практики. Так, говоря об УК как наиболее эффективном законе, обеспечивающем защиту прав и свобод граждан, общества и государства, необходимо отметить ряд недостатков, понижающих его потенциал правового регулирования. В частности, нуждается в совершенствовании система наказаний. Некоторые наказания имеют одинаковую правовую природу исполнения, хотя называются по-разному – исправительные работы и ограничение свободы. Кроме того, реализация этих видов наказаний на практике столкнулась с определенными сложностями: пока идет

уголовный процесс, работающий подсудимый может быть уволен работодателем. И когда суд выносит свое решение о назначении наказания в виде, например, ограничения свободы, осужденный уже не может исполнить данное наказание, так как безработный. Что же касается лестницы системы наказаний, предусмотренных ст. 40 УК, то закон также нарушен: при назначении наказания за совершение проступков исправительные работы стоят выше, чем привлечение к общественным работам. Более того, за проступки предусматривается более строгое наказание, чем за отдельные составы преступлений, хотя по степени тяжести преступления имеют большую степень общественной опасности. Здесь мы говорим об аресте, представляющем собой содержание осужденного в условиях строгой изоляции от общества на весь срок назначенного наказания (ст. 45 УК по состоянию на 12.07.2018 г.). Он устанавливается на срок от десяти до пятидесяти суток (ч. 2 ст. 45 УК).

Требует своего справедливого решения вопрос учета судом прежних судимостей при назначении наказания (ст. 59. Назначение наказания при рецидиве преступлений, опасном рецидиве преступлений). По нашему глубокому убеждению, наказывать дважды осужденных за ранее совершенные преступления, наказания за которые он отбыл, несправедливо. Прежние судимости характеризуют личность осужденного как криминально устойчивую, поэтому должны учитываться при проведении карательно-воспитательного процесса с ним, а также во время реабилитации и адаптации.

Еще одной важной проблемой, не решенной новым Уголовным кодексом Республики Казахстан, является сохранение правовых норм, перешедших из прежнего законодательства. В частности, в Законе сохранились не только виды наказаний, но и содержится механизм исполнения отдельных из них, что является предметом регулирования уголовно-исполнительного законодательства. Здесь мы имеем в виду правила исполнения ограничения свободы, условного осуждения, арест и т. д. Неперенесение данных новелл в Уголовно-исполнительный кодекс приведет к тому, что законодатель вновь вернется к данной проблеме. Может быть, следовало бы в настоящем Законе уже решить данный юридический казус. Ведь правовое содержание многих новелл Уголовного кодекса Республики Казахстан раскрываются при их исполнении. Так, согласно п. 2 ст. 44 УК при пробационном контроле только по решению суда устанавливаются определенные обязанности осужденных. А если суд не определил круг обязанностей осужденных. Тогда он фактически выпадает из поля действия пробации, так как орган, исполняющий наказание в виде ограничения свободы, условное осуждение, условно-досрочное освобождение и т. д. не может сам установить пере-

чень обязанностей. Может быть, следовало закрепить право данному органу (службе пробации) самому определять круг обязанностей испытуемого осужденного с учетом личности, тяжести совершенного преступления и т. д.

Другой проблемой, которую законодателью следует решить, является материальное обеспечение исполнения отдельных видов наказания. Например, до настоящего времени не определен механизм исполнения ареста. Где будет исполняться данный вид наказания? Имеются ли финансовые средства для их исполнения? Предложение по исполнению ареста в следственных изоляторах, изоляторах, так называемых приемниках, физически невозможно. Возникает уместный вопрос: а зачем в перечень видов наказания включать арест, ограничение свободы, исправительные работы и т. д., исполнение которых невозможно в силу отсутствия финансирования. Более того, исполнение отдельных видов наказаний практически одинаково (ограничение свободы и исправительные работы – сноска автора), что наводит на мысли о нецелесообразности их внедрения в законодательство. Может быть, следует учесть опыт Германии в данном вопросе и оставить только три вида наказания: штраф, привлечение к общественным работам и лишение свободы.

В целях повышения эффективности по противодействию коррупции необходимо в уголовное законодательство внести изменения в ее понятие.

Изучение международных договоров позволяет нам представить авторское понимание коррупции как одной из форм организованной преступности, проявляющейся в злоупотреблении государственной властью лицами, выполняющими государственные функции, лицами, приравненными к ним, а также в нарушении своих обязанностей лицами, занятыми в негосударственном секторе предпринимательства, и иными лицами, состоящими в иного рода отношениях, для незаконного получения имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера, либо предоставление названными лицами, а также юридическими лицами таких имуществ, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера.

Под системной, корпоративной коррупцией в органах государственной власти следует понимать созданный преступным сообществом (группой, организацией), членами которого являются государственные служащие одного или нескольких ведомств, служащие негосударственных учреждений и иные лица, преступный механизм для купли-продажи властных полномочий, должностей, иных преференций, услуг и льгот, а также для незаконного получения имущества, прав на него,

услуг или льгот (в том числе неимущественного характера) от физических и юридических лиц.

В данное определение нами включены юридические лица, из чего следует, что нами предлагается внести их уголовную ответственность как субъектов коррупционных преступлений, создающих условия для ее развития (легализация финансовых средств, добытых преступным путем, предоставления «черного нала» для коррумпирования государственных служащих и т. д.).

Другой проблемой, вызывающей споры между правоведами, является институт предела необходимой обороны, установление которой считается крайне проблематичным. Из-за субъективизма при решении данного состава преступлений возможны ошибки и принятие судом несправедливых решений. Более того, этот институт ограничивает право граждан на самозащиту любыми доступными средствами и способами. Нами предлагается ликвидировать данный институт.

Таким образом, высказанные нами предложения позволяют сделать вывод о том, что обеспечение конституционных прав и законных интересов лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, невозможно без дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Казахстана, в первую очередь в области социальной адаптации и реабилитации осужденных.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

И. А. Цховребова, В. В. Цховребов

Научно-исследовательский институт криминалистики
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, 12, 125080 Москва, Россия, *iavolga@mail.ru*

Исследуется правовое регулирование физического принуждения при производстве процессуальных действий по законодательству Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный процесс; физическое принуждение; процессуальные действия; криминалистика.

Как показывает изучение следственной и судебной практики, достаточно часто подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие не исполняют свои процессуальные обязанности, отказываются выполнять законные требования следователя, дознавателя. Как правило, такие ситуации возникают в случаях противодействия расследованию, когда участники уголовного процесса активно или пассивно препятствуют

производству процессуальных действий, оказывают сопротивление, мотивируя свое поведение нежеланием подчиниться. В других случаях, демонстрируя подобное поведение, они апеллируют к конституционным нормам о неприкосновенности личности, недопустимости насилия, унижения чести и достоинства, правом не свидетельствовать против самого себя. Это серьезно затрудняет установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В большинстве случаев подобные конфликтные ситуации разрешить традиционными тактическими приемами, основанными на убеждении и уговорах, стало практически невыполнимо.

Так, в последние годы получили широкое распространение случаи отказа подозреваемых, обвиняемых предоставить образцы для сравнительного исследования следов преступления (ст. 202 УПК РФ), а также свое тело для осмотра (ст. 179 УПК РФ). Тогда лица, осуществляющие расследование, оказываются перед выбором: 1) не производить данные следственные действия (как правило, их результаты являются наиболее значимыми по уголовному делу и, соответственно, их непроизводство означает заведомое неполучение доказательств); 2) производить эти следственные действия, прибегнув к мерам физического принуждения для обеспечения их производства (что остается за рамками уголовно-процессуального закона). Заметим, что существует возможность получения образцов для сравнительного исследования посредством оперативно-розыскной деятельности. Однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения, поскольку споры о допустимости использования в доказывании образцов, полученных таким путем, далеки от разрешения.

Как представляется, сложившаяся практика обусловлена прежде всего недостатками в законодательном регулировании правоотношений, возникающих в уголовном судопроизводстве, а также в целом низким уровнем юридической культуры общества. Всевозможные дискуссии в СМИ и на страницах юридической печати о приоритете прав, свобод и интересов личности все чаще навеяны подменой понятий, прямолинейным толкованием норм права, общепринятых норм морали и нравственности.

Права и свободы, определяющие правовой статус личности в обществе – право на достоинство личности, недопустимость насилия, право на свободу и личную неприкосновенность, право защищать свои права и свободы не запрещенными законом способами, право обвиняемого не доказывать свою невиновность, право не свидетельствовать против себя и др. (гл. 2 Конституции РФ) не могут существовать в отрыве от других не менее значимых конституционных положений: осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3

ст. 17 Конституции РФ); права и свободы человека могут быть ограничены в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Обратимся к вопросу о возможности применения мер физического принуждения в процессуальной деятельности в свете конституционных гарантий неприкосновенности личности, недопустимости насилия, унижения чести и достоинства и свидетельского иммунитета. С одной стороны, физическое воздействие на личность недопустимо (ст. 9, 10, 164 УПК РФ), с другой – использование физической силы как средства, обеспечивающего фактическое производство процессуального действия, является правомерным. Например, когда речь идет о мерах процессуального принуждения: задержании, заключении под стражу в качестве меры пресечения, приводе.

Данная проблема в равной степени актуальна не только для тех случаев, когда при расследовании уголовного дела возникает необходимость принудительного проведения того или иного следственного действия, но и в ситуациях, внезапно возникающих при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Потребность в использовании физического воздействия возникает, например, когда подозреваемый, обвиняемый пытается уничтожить предметы или документы, имеющие значение для дела, в ходе осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Если во время принудительного доставления задержанный пытается совершить нападение на сотрудника правоохранительных органов, причинить себе вред или скрыться, также возникает необходимость применения физического воздействия. Кроме того, практически невозможно заранее предугадать поведение участников процесса, связанное с оказанием противодействия, сопротивления лицам, осуществляющим расследование. В связи с этим для нейтрализации, пресечения таких действий у следователя и дознавателя должно быть право применения физической силы.

Представляется важным акцентировать внимание на том, что следователи недооценивают значимость положений ч. 4 ст. 21 УПК РФ о том, что требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, в том числе вынесенные постановления о производстве процессуальных действий. При разъяснении участникам процессуальных действий их прав, обязанно-

стей и ответственности акцент на этом, как правило, не делается, не разъясняется правомерность применения мер физического принуждения в случае отказа выполнить законные требования следователя. Приведенный ниже сравнительный анализ уголовно-процессуальных законов Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет утверждать, что последнее право следователя буквально не установлено в специальных нормах за исключением отдельных статей.

<i>УПК Российской Федерации</i>	<i>УПК Республики Беларусь</i>
ч. 5 ст. 56 допускает возможность производства принудительного освидетельствования свидетеля, если оно необходимо для оценки достоверности его показаний	ч. 2 ст. 206 устанавливает, что в случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего они могут быть освидетельствованы принудительно
ч. 2 ст. 113 определяет, что привод состоит в принудительном доставлении лица к дознавателю, следователю или в суд	п. 29 ст. 6 определяет, что привод – это принудительное доставление лиц, не явившихся без уважительных причин по вызову в орган, ведущий уголовный процесс
ч. 13 ст. 182 содержит требование о фиксации в протоколе обыска сведений, были ли изъяты обнаруженные при обыске объекты принудительно	ч. 2 ст. 212 содержит требование о фиксации в протоколе обыска или выемки сведений, были ли обнаруженные предметы, документы и ценности, выданы добровольно или изъяты принудительно
ч. 5 ст. 183 устанавливает, что в случае отказа выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, следователь производит выемку принудительно	ч. 8 ст. 210 устанавливает, что в случае отказа выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, следователь, лицо, производящее дознание, производят выемку принудительно

Во всех остальных случаях право следователя, дознавателя на применение мер физического принуждения в качестве обеспечивающих производство процессуальных действий является логическим, закономерным, как собственно и разъяснение истинного содержания права не свидетельствовать против самого себя. Здесь, что называется, приходится следовать не букве, а духу закона. По большому счету, невыполнение законных требований следователя, дознавателя, неисполнение своих процессуальных обязанностей независимо от причин, побуждающих к таким действиям, является правонарушением. И здесь вопрос не столько в том, чтобы предусмотреть ответственность за данное правонарушение, сколько определить меры, позволяющие преодолеть такое

противодействие, иначе говоря, применить меры физического принуждения как средство, обеспечивающее производство процессуальных действий. Безусловно, в законе необходима специальная норма, в которой бы определялось понятие таких мер, основания, порядок и субъекты их применения, перечислены лица, в отношении которых допустимо применение таких мер.

Неподчинение законным требованиям и решениям следователя, дознавателя, наличие постановления следователя, например, о производстве отдельного следственного действия, участники процесса не связывают с возможностью применения к ним мер физического принуждения. Здесь важно и то, что законодатель на этот счет не устанавливает никаких требований, законом не предусмотрена юридическая сила постановления следователя. Отсюда участники процесса не имеют ясности, что означает фраза «постановление следователя обязательно для исполнения», какие последуют последствия в случае отказа исполнения законного требования следователя, законодатель не уточняет.

Как представляется, в уголовно-процессуальном законе должна быть норма, предусматривающая возможность применения мер физического принуждения в отношении участников процесса, которые отказываются исполнять процессуальные обязанности или законные распоряжения следователя, дознавателя при производстве обыска, выемки, осмотра, освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования, судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертизы и других процессуальных действий.

Физическая сила может реализовываться исключительно после разъяснения лицу его процессуальной обязанности, когда средства психического воздействия (убеждение, предупреждение об использовании силы, предупреждение о возможности наложения денежного взыскания за неисполнение процессуальных обязанностей) не оказали должного эффекта, а достичь цели следственного действия иным путем невозможно. Эти факты подлежат фиксации в протоколе следственного действия.

Следует также предусмотреть исключительные случаи, когда использование физического принуждения допустимо при производстве любого следственного действия, причем без принятия мер убеждения и предварительного предупреждения (например, попытка лица уничтожить предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела). Все остальные случаи применения физического воздействия в процессе расследования следует считать незаконными, а значит, недопустимыми.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдурахманов Александр Амангельдыевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Аймаганбетова Меруерт Беймбетовна – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Карагандинского государственного университета имени Е. А. Букетова, магистр юридических наук.

Акчурин Александр Владимирович – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Александрова Ольга Павловна – доцент кафедры правового и организационного обеспечения судопроизводства Псковского юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Асабин Александр Юрьевич – адъюнкт ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь».

Асаёнок Борис Валерьевич – начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Балко Владимир Иванович – преподаватель Высшего колледжа «Кайнар», г. Семей, Республика Казахстан.

Берестень Владимир Ильич – профессор кафедры трудового и хозяйственного права УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», доктор юридических наук, профессор.

Бондаренко Елена Николаевна – доцент кафедры русского языка и культуры речи Академии Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат филологических наук, доцент по специальности «Русский язык».

Бохонко Адриан Дмитриевич – магистрант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Боярина Анна Александровна – начальник управления координации служебной деятельности Управления Государственного комитета судебных экспертиз по г. Минску, магистр управления и права.

Буданова Людмила Юрьевна – доцент кафедры правового и организационного обеспечения судопроизводства Псковского государственного университета, кандидат юридических наук.

Будкевич Александр Андреевич – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Бушкевич Николай Сергеевич – следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Варавко Юрий Валерьевич – начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Васильченко Андрей Владимирович – доцент кафедры криминалистики ФГКОУВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат медицинских наук, доцент.

Веренчиков Игорь Романович – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Вершок Ирина Леонидовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Вишневецкая Валентина Петровна – главный научный сотрудник ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор.

Войтихович Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Восканян Патвакан Степанович – заместитель директора по научной работе ГНКО «Национальное бюро экспертиз» Республики Армения, кандидат химических наук.

Вощинчук Анна Николаевна – заведующий лабораторией методического обеспечения судебно-экспертной деятельности научного отдела методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности, ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Гайнелзянова Венера Равилевна – старший преподаватель кафедры криминалистики ФГКОУВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Гресь Юлия Олеговна – доцент кафедры криминалистики Национального университета «Одесская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Григорович Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Дайнеко Оксана Анатольевна – старший научный сотрудник лаборатории исследования материалов, веществ и изделий ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Дедковский Андрей Александрович – заведующий кафедрой адвокатуры юридического факультета УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат юридических наук, доцент.

Дьяконова Оксана Геннадьевна – доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса юридического факультета ГОУВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Елховский Игорь Викторович – ассистент кафедры криминалистики Национального университета «Одесская юридическая академия».

Ермолович Владимир Федорович – профессор кафедры криминалистики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор.

Желобкович Александр Геннадьевич – адъюнкт научно-педагогического факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Жолудева Диана Витальевна – научный сотрудник лаборатории криминалистических исследований научного отдела речеведческих, криминалистических и экономических исследований ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», магистр юридических наук.

Жук Мария Генриховна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

Загородний Виктор Евстафьевич – профессор кафедры криминалистики Национального университета «Одесская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

Замаро Сергей Владиславович – начальник отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Зорин Георгий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор.

Зорин Роман Георгиевич – начальник научного отдела информационного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Кадуков Павел Алексеевич – магистрант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Каменецкий Юрий Францевич – заместитель начальника управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Карачевцев Ярослав Николаевич – эксперт-психолог, юрист, ученый секретарь ГО «НИИ прав второго поколения», г. Харьков, Украина.

Кирвель Виталий Казимирович – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Колесень Николай Георгиевич – магистрант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Комаров Игорь Михайлович – и. о. заведующего кафедрой криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

Кот Ярослав Игоревич – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, магистр психологических наук.

Крамаренко Владимир Петрович – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Юридического института Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, кандидат юридических наук, доцент.

Красиков Владимир Сергеевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кухарьков Юрий Владимирович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Лагун Надежда Ивановна – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, магистр юридических наук.

Лапина Ирена Александровна – ректор ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Лапцевич Ирина Игоревна – начальник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Мороз Игорь Анатольевич – начальник ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Набатова Анна Эдуардовна – доцент кафедры теории и истории государства и права ГУО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

Нестеров Анатолий Васильевич – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

Низаева Светлана Рамилевна – старший преподаватель кафедры криминалистики ФГКОУВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Орехова Екатерина Петровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Пасовец Елена Юрьевна – доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения ГУО «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Пастушеня Александр Николаевич – профессор кафедры психологии и педагогики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник образования Республики Беларусь.

Пацкевич Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ревтова Светлана Юрьевна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук.

Родевич Валерий Чеславович – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Романюк Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры международного права юридического факультета УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”».

Ропот Руслан Михайлович – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Рубис Александр Сергеевич – профессор кафедры уголовного процесса УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор.

Руткевич Владимир Николаевич – старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Рыбак Сергей Вячеславович – декан юридического факультета, УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат юридических наук, доцент.

Савенок Анатолий Леонидович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор.

Сайед Кристина Алексеевна – старший инспектор ИДН Новополоцкого ГОВД.

Саковец Игорь Николаевич – старший преподаватель цикла (гражданско-правовых и уголовно-правовых) дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь».

Санюк Эллина Игоревна – аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, магистр юридических наук.

Сергеев Олег Дмитриевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Кемеровского государственного университета.

Сергеев Сергей Александрович – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, магистр юриспруденции.

Скаков Айдаркан Байдекович – профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор.

Скачек Роман Владимирович – заместитель начальника кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Стуканов Виталий Григорьевич – начальник кафедры психологии и педагогики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент.

Сулейманов Бигрузи Бухаринович – заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции Минюста России, Заслуженный юрист Республики Дагестан, кандидат исторических наук, доцент.

Суржик Вячеслав Геннадиевич – старший судебный эксперт отдела экономических исследований Черниговского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра МВД Украины, кандидат экономических наук, доцент.

Талалаев Владимир Алексеевич – начальник кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Талецкий Николай Станиславович – начальник управления Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по г. Минску, магистр юридических наук.

Титаян Эмилия Леоновна – руководитель юридического отдела ГНКО «Национальное бюро экспертиз» Республики Армения.

Тишкевич Мирослава Ивановна – младший научный сотрудник лаборатории методического обеспечения судебно-экспертной деятельности научного отдела методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Толочко Андрей Николаевич – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Трефилов Александр Анатольевич – старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Тукало Алексей Николаевич – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Харевич Дмитрий Людвигович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хох Анна Николаевна – заведующий лабораторией исследования материалов, веществ и изделий ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Цховребов Валентин Валентинович – соискатель Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Цховребова Илона Андреевна – инспектор Научно-исследовательского института криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Шабанов Вячеслав Борисович – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Шастюк Ольга Александровна – магистрант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Шатерник Инесса Леонидовна – старший научный сотрудник лаборатории методического обеспечения судебно-экспертной деятельности научного отдела методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Шемет Вадим Сергеевич – доцент кафедры международного права факультета международного права ЧУО «БИП-Институт правоведения», кандидат юридических наук.

Шидловский Андрей Викторович – заместитель декана по учебно-воспитательной работе, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Шиенок Владимир Петрович – профессор кафедры ЧУО «БИП-Институт правоведения», доктор юридических наук, профессор.

Шруб Максим Павлович – начальник кафедры криминалистики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Шумак Григорий Александрович – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДУЛОВ: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КРИМИНАЛИСТИКИ.....	5
Раздел I. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	12
<i>Комаров И. М.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА.....	12
<i>Набатова А. Э.</i> К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ В МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИКИ	14
<i>Нестеров А. В.</i> О КРИМИНАЛИСТИКЕ 4.0 (ЦИФРОВОЙ)	17
<i>Судейманов Б. Б.</i> СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ)	21
<i>Шиенок В. П.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА КРИМИНАЛИСТИКИ.....	24
Раздел II. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ И ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	28
<i>Абдурахманов А. А., Колесень Н. Г.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	28
<i>Аймаганбетова М. Б.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ	31
<i>Александрова О. П., Буданова Л. Ю.</i> К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВОТНЫХ	35
<i>Балко В. И., Сергеев С. А.</i> К РАСШИРЕННОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЕ ТРУПА»	38
<i>Гайнельзянова В. Р.</i> НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	42
<i>Низаева С. Р.</i> ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА.....	46
<i>Петрова О. В.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ НАИЛУЧШЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО / ОБВИНЯЕМОГО ..	49

<i>Скачек Р. В.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КРИМИНАЛИСТИКИ.....	53
<i>Талалаев В. А.</i> ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ.....	56
<i>Шруб М. П.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДГОТОВКИ К ДОПРОСУ	59
Раздел III. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	65
<i>Акчурин А. В.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	65
<i>Бохонко А. Д., Веренчиков И. Р.</i> ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА	68
<i>Бушкевич Н. С.</i> О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ УСТАНОВЛЕННОГО ПРЕСТУПНИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ГРУППОВОМ ХУЛИГАНСТВЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ	72
<i>Варавко Ю. В.</i> УЧЕНИЕ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ.....	75
<i>Васильченко А. В.</i> ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ИСПОЛНЕНИЕМ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ....	79
<i>Григорович В. Л.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В ЧАСТНОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	82
<i>Жук М. Г.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	87
<i>Зорин Г. А., Шабанов В. Б.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК.....	90
<i>Каменецкий Ю. Ф.</i> ИДЕИ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	94
<i>Лагун Н. И.</i> К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	99

<i>Пацкевич А. П.</i> ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА ИМУЩЕСТВА И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	104
<i>Ревтова С. Ю.</i> НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КАК НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА.....	107
<i>Рубис А. С., Ропот Р. М.</i> ИДЕИ А. В. ДУЛОВА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДОКТРИН В ДОКАЗЫВАНИИ.....	110
<i>Рыбак С. В., Романюк Д. А.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ	114
<i>Сайед К. А.</i> НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ.....	117
<i>Саковец И. Н.</i> К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ.....	120
<i>Санюк Э. И.</i> ПОСТРОЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ.....	124
<i>Сергеев О. Д.</i> ТИПОВАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ГОРНЫХ РАБОТ (СТ. 216 УК РФ) И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДАННОГО ВИДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	127
<i>Сергеев С. А., Балко В. И.</i> ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО – ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	129
<i>Хлус А. М., Кадуков П. А.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ.....	132
<i>Хлус А. М.</i> МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК.....	139
<i>Хлус А. М., Шастюк О. А.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТА КРАЖИ	146
<i>Шумак Г. А.</i> РАЗВИТИЕ УЧЕНИЙ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА О МЕТОДАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	152

Раздел IV. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	159
<i>Асаёнок Б. В., Веренчиков И. Р.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНА «ЭКСПЕРТИЗА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	159
<i>Бондаренко Е. Н.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	162
<i>Боярина А. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	165
<i>Восканян П. С., Титанян Э. Л.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА.....	168
<i>Воцинчук А. Н.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	172
<i>Дьяконова О. Г.</i> ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	175
<i>Жолудева Д. В.</i> МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ, КАК ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	178
<i>Загородний В. Е., Елховский И. В.</i> СФЕРЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ.....	180
<i>Зорин Р. Г., Талецкий Н. С.</i> ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	184
<i>Карачевцев Я. Н.</i> ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УЧЕТА ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗМЕРА МОРАЛЬНОГО ВРЕДА	186
<i>Кирвель В. К.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	189
<i>Лапина И. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ.....	193
<i>Мороз И. А., Орехова Е. П.</i> ВКЛАД ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	197

<i>Пасовец Е. Ю.</i> ИДЕИ ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА В РАЗВИТИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	200
<i>Суржик В. Г.</i> ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ	203
<i>Хох А. Н., Дайнеко О. А.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИК-СПЕКТРОСКОПИИ ПРИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ДРЕВЕСИНЫ.....	205
<i>Шатерник И. Л., Тишкевич М. И.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	209
Раздел V. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	213
<i>Берестень В. И.</i> ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ	213
<i>Вершок И. Л.</i> О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ	215
<i>Вишневецкая В. П.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ	218
<i>Гресь Ю. О.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ	222
<i>Кот Я. И.</i> ТЕОРИЯ УПРАВЛЯЕМОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУЛОВА	225
<i>Крамаренко В. П.</i> К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОШИБОК	228
<i>Красиков В. С.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ СОПЕРНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	232
<i>Лапцевич И. И.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПО СТОПАМ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА	237
<i>Пастушениа А. Н.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	242
<i>Стуканов В. Г.</i> ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	246

<i>Шидловский А. В.</i> ПРЕЛОМЛЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛ В УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ КАК РЕАКЦИИ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ	250
Раздел VI. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	253
<i>Будкевич А. А.</i> О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	253
<i>Войтихович С. А.</i> ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДИАГНОСТИКА – ОСНОВА РАБОТЫ СО СЛЕДАМИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	256
<i>Дедковский А. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	259
<i>Желобкович А. Г.</i> ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ.....	261
<i>Замаро С. В.</i> РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	264
<i>Родевич В. Ч.</i> РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА.....	267
<i>Толочко А. Н.</i> ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	270
<i>Трефилов А. А.</i> НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ	274
<i>Тукало А. Н.</i> ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	280
<i>Харевич Д. Л.</i> ОБ АКТУАЛЬНОСТИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МЕТОДИКИ.....	283
<i>Шемет В. С.</i> О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ».....	288
Раздел VII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	293
<i>Асабин А. Ю.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ.....	293

<i>Асаёнок Б. В.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ.....	296
<i>Ермолович В. Ф.</i> СОВРЕМЕННЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКАЗЧИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	299
<i>Кухарьков Ю. В.</i> ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ТРАНСПЛАНТАЦИЕЙ ПРИ НАРУШЕНИЯХ КОНСТАТАЦИИ СМЕРТИ ГОЛОВНОГО МОЗГА.....	302
<i>Руткевич В. Н.</i> ОТ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	305
<i>Савенок А. Л.</i> ПРАВО И ТЕХНИКА	310
<i>Скаков А. Б.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	313
<i>Цховребова И. А., Цховребов В. В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ	317
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	322

Научное издание

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля
науки Республики Беларусь доктора юридических наук,
профессора А. В. Дулова**

Минск, 25 октября 2019 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Е. П. Орехова*

Подписано в печать 12.07.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 20,92.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.